

В. И. ТУМАНСКІЙ.

СТИХОТВОРЕНІЯ И ПИСЬМА.

РЕДАКЦІЯ, БІОГРАФИЧЕСКІЙ ОЧЕРКЪ
И ПРИМЪЧАНІЯ

С. Н. БРАЙЛОВСКАГО.

Съ портретомъ и факсимиле поэта и видами его дома
и надмогильнаго памятника.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ
ИЗДАНИЕ А. С. СУВОРИНА
1912

Типографія А. С. Суворина. Зртелевъ, 13

lib.pushkinskijdom.ru

В. И. ТУМАНОВЪ

по фотографіи 1859 г.

ПРЕДИСЛОВІЕ.

23 марта 1910 года исполнилось пятьдесят лѣтъ со дня смерти (23 марта 1860 г.) Василя Ивановича Туманскаго, занимающаго въ «Пушкинской плеядѣ» не послѣднее мѣсто. Хотя В. И. Туманскій, подобно другимъ поэтамъ, современникамъ Пушкина, причисленъ къ «забытымъ поэтамъ», однако его имя появлялось въ числѣ другихъ лириковъ 20—30-хъ годовъ ХІХ столѣтія на страницахъ хрестоматій и сборниковъ съ образцами русской лирической поэзіи. Много напоминалъ русской публикѣ о В. И. Туманскомъ нынѣ покойный гр. Г. А. Милорадовичъ. Въ 1881 году онъ издалъ въ небольшомъ количествѣ ¹⁾ «Стихотворенія В. И. Туманскаго», въ 1891 г. «Письма» ²⁾ его же къ своей матери С. Г. Милорадовичъ, урожденной Туманской, въ 1903 г. «Опытъ исторіи Государственнаго Свѣта въ Россіи», составленный въ 1840 г. тѣмъ же В. И. Туманскимъ.

Въ 1889 г. умеръ въ Чарторигахъ, около г. Глухова, родной братъ поэта Владимиръ Ивановичъ, у котораго хранились бумаги Василя Ивановича. Вскорѣ послѣ смерти поэта въ с. Апанасовкѣ, Полтавской губерніи, Н. В. Гербель, родственникъ Владимира Ивановича по женѣ его, урожденной фонъ-деръ Бригенъ, думалъ было издать стихотворенія и собралъ матеріалы для предполагаемаго изданія, но проектъ не осуществился, а бумаги по проектировавшемуся изданію остались у Владимира Ивановича.

¹⁾ 150 экземпляровъ.

²⁾ 100 экземпляровъ.

Эти бумаги, благодаря простой случайности, попали ко мнѣ въ руки, и на основаніи ихъ мною была указана неполнота «Стихотвореній В. И. Туманскаго», изданныхъ въ 1881 г. гр. Г. А. Милорадовичемъ.

Моя статья (напечатана въ журналѣ «Пантеонъ Литературы» въ 1890 г.) заронила въ душу покойнаго гр. Милорадовича мысль переиздать сочиненія В. И. Туманскаго. Въ апрѣлѣ 1903 г. онъ обратился ко мнѣ съ предложеніемъ помочь ему въ этомъ дѣлѣ. Съ того времени мною предпринята работа по собиранію матеріаловъ для изданія.

Въ перепискѣ съ гр. Г. А. Милорадовичемъ устанавливался типъ изданія, опредѣлялся составъ его, разыскивались бумаги поэта у родныхъ. Оказалось, что В. И. Туманскій писалъ *не только стихи, но и прозу*. Во время подготовки матеріаловъ скончался гр. Г. А. Милорадовичъ, и предполагавшееся изданіе задержалось.

Лишенный со смертью гр. Милорадовича средствъ на изданіе, я дѣлалъ неоднократныя попытки найти издателей. Въ виду приближавшагося 50-лѣтняго юбилея со дня смерти поэта, я обратился съ просительнымъ письмомъ къ *Сергѣю Николаевичу Шубинскому*, редактору «Историческаго Вѣстника», всегда относившемуся ко мнѣ съ участіемъ. При его содѣйствіи *А. С. Суворинъ* изъявилъ согласіе напечатать «Стихотворенія и письма В. И. Туманскаго», какъ представляющія наиболѣе интереса для читающей публики. Такова краткая исторія настоящей книги, которая, по всей справедливости, должна быть посвящена памяти покойнаго гр. Г. А. Милорадовича, питавшаго чувства глубокой любви и уваженія къ родственнику и другу своей достоуважаемой матери Софьи Григорьевны.

ОТЪ РЕДАКТОРА.

Задачею настоящаго изданія было дать въ руки интеллигентнаго читателя по возможности общедоступное и научно обставленное для широкой публики собраніе стихотвореній и писемъ В. И. Туманскаго.

Внимательно слѣдя за работами «Компссін», организованной Разрядомъ изящной словесности Императорской Академіи Наукъ, я остановился на слѣдующей мысли, можетъ быть, и трудно выполнимой: настоящее изданіе, при исчерпывающей полнотѣ должно удовлетворить интересы науки и тѣхъ, кто интересуется отечественною литературою.

Для осуществленія этой мысли признано необходимымъ: во-1-хъ, установить текстъ писателя, съ удержаніемъ таинхъ особенностей правописанія, которыя сохранили бы колоритъ эпохи. Въ виду того, что въ прежнее время издатели сочиненій писателей и поэтовъ прошлаго времени не церемонились съ текстомъ и позволяли сильныя искаженія оригиналовъ, мы строго держимся текстовъ, появившихся въ періодическиххъ изданіяхъ, современныхъ В. И. Туманскому.

При появленіи какого-либо стихотворенія въ нѣсколькихъ періодическиххъ изданіяхъ, брался въ основаніе тотъ текстъ,

который своевременно объявлялся, конечно, съ согласія автора, наилучшимъ и исправнѣйшимъ. Для нашего поэта такой выборъ является единственно правильнымъ; ни при жизни, ни по смерти его не было изданія его стихотвореній, слѣдовательно не установлено никакого опредѣленного текста; кромѣ того, рукописей съ его стихотвореніями сохранилось немного, и потому невозможно устанавливать текстъ согласно имъ. Исключеніе сдѣлано для стихотвореній весьма немногочисленныхъ, которыя печатаются *только* по рукописямъ, такъ какъ не были напечатаны въ періодическихъ изданіяхъ, современныхъ поэту. Въ примѣчаніяхъ указываются наиболѣе существенные варианты по рукописямъ и различнымъ періодическимъ изданіямъ.

Руководиться изданіемъ 1881 г. мы нашли невозможнымъ вслѣдствіе его несовершенства и множества опечатокъ.

Въ настоящемъ изданіи «*Стихотворенія*» В. И. Туманскаго представлены въ наиболѣе *полномъ* и *неискаженномъ* видѣ. Исключены изъ него тѣ, которыя по ошибкѣ приписывались Туманскому, принадлежа перу другихъ поэтовъ. Немногія стихотворенія нашего поэта, напечатанныя гр. Г. А. Милорадовичемъ на основаніи альбомовъ, вошли въ настоящее изданіе въ такомъ видѣ, въ какомъ они впервые были обнародованы, ибо мы не могли получить оригинала ихъ.

Что же касается *Писемъ* В. И. Туманскаго, то текстъ ихъ провѣренъ нами по рукописямъ или напечатанъ согласно тексту тѣхъ періодическихъ изданій, гдѣ они впервые были опубликованы.

Хронологическія даты возстановлены по рукописямъ, а для немногихъ писемъ установлены предположительно нами, причѣмъ наши даты взяты въ большія скобки.

Въ примѣчаніяхъ указаны основанія и соображенія, по которымъ письма отнесены къ извѣстному году.

Настоящее изданіе не носитъ названія «*Полнаго собранія сочиненій В. И. Туманскаго*», потому что въ него не вошли *прозаическія статьи* поэта.

Въ особой главѣ послѣ примѣчаній къ *Письмамъ* мы даемъ перечень тѣхъ прозаическихъ сочиненій, оригинальныхъ и переводныхъ, которыя возможно приписать нашему поэту, если они обозначены инициалами или не носятъ подписи его фамиліи.

Въ виду того, что до сихъ поръ не было написано ни одной обстоятельной біографіи нашего поэта, въ которой сгруппированы были бы всѣ извѣстные доселѣ матеріалы, оказалось необходимымъ восполнить этотъ пробѣлъ, *не скупясь* на фактическія данныя изъ жизни и дѣятельности писателя и стараясь начертать живой образъ его, а не объективную схему, которая мало скажетъ читателю.

Къ изданію приложены: факсимиле поэта, портретъ его, единственно сохранившійся отъ 1859 г., фотографія дома, въ которомъ жилъ и скончался поэтъ, поселившись по выходѣ въ отставку въ с. Апанасовкѣ, и фотографія его надмогильнаго памятника.

Для облегченія справокъ даны хронологическій списокъ стихотвореній и писемъ (въ оглавленіи), алфавитные указатели стихотвореній по заглавію, наконецъ указатель личныхъ именъ, встрѣчающихся въ текстѣ и въ примѣчаніяхъ.

При редактированіи настоящаго изданія я пользовался просвѣщеннымъ содѣйствіемъ со стороны многихъ лицъ.

Приношу глубокую благодарность А. А. Шахматову и В. И. Срезневскому за разрѣшеніе воспользоваться архивомъ Вольнаго Общества Россійской Словесности, — И. А. Вычкову, дозволившему пользоваться рукописями В. И. Туманскаго, пожертвованными въ Императорскую Публичную Библіотеку покойнымъ гр. Г. А. Милорадовичемъ, — В. И. Саятову, предоставившему возможность заниматься не только въ русскомъ отдѣленіи Императорской Публичной Библіотеки, но и въ его собственной

богатой бібліотекѣ, сообщившему рядъ цѣнныхъ бібліографическихъ данныхъ; Б. Л. Модзалевскому и И. А. Кубасову, всегда поддерживавшимъ во мнѣ мысль о необходимости переиздать сочиненія В. И. Туманскаго и помогавшимъ изыскивать средства для изданія. Вмѣстѣ съ тѣмъ сердечно благодарю слѣдующихъ лицъ, помогавшихъ мнѣ совѣтами и указаніями: А. І. Лященка, В. В. Майкова, А. О. Круглаго и Н. К. Пиксанова.

С. Браиловскій.

В. И. ТУМАНСКІЙ.

(Біографическій очеркъ).

I.

Василій Ивановичъ Туманскій происходилъ изъ стариннаго малороссійскаго рода, который, какъ и многіе малороссійскіе дворянскіе роды, основаніе имѣлъ польское: родоначальникъ фамиліи Туманскихъ Тимошей Туманскій въ XVII столѣтіи выѣхалъ изъ Польши въ Малороссію, поселился въ Борисполѣ, гдѣ и умеръ въ 1701 году. Гербъ рода дворянъ Туманскихъ, состоящій изъ щита съ изображеніемъ креста, шлема, короны и полумѣсяца, рогами обращеннаго къ кресту, ясно указываетъ на воинскія доблести основателей этой фамиліи.

Дѣдъ поэта, Василій Григорьевичъ Туманскій, считался довольно значительнымъ лицомъ въ Малороссіи по своему званію: онъ былъ послѣднимъ генеральнымъ писаремъ и поручикомъ правленія Новгородъ-Сѣверскаго Намѣстничества.

Въ имѣніи Василія Григорьевича, въ селѣ Чарторигахъ, Глуховскаго уѣзда, Черниговской губерніи, 28 февраля 1800 года и родился Василій Ивановичъ Туманскій.

Вскорѣ послѣ его рожденія родители его переѣхали въ свое родовое имѣніе Апанасовку, Полтавской губерніи, Гадячскаго уѣзда. Въ этомъ селѣ и прожилъ нашъ поэтъ до двѣнадцати—тринадцати лѣтъ. Безконечно добрая мать и роскошная природа Малороссіи имѣли, безъ сомнѣнія, огромное вліяніе на развитіе эмоціональной стороны въ психикѣ поэта, что сказалось впоследствии въ лирикѣ его.

Недаромъ же онъ въ 16—17 лѣтъ, находясь въ Петербургѣ, изливаль на страницахъ «*Украинскаго Вѣстника*» (1818 г. апрѣль, стр. 106—108) «*Тоску по родинѣ*», вспоминая рощи, липы, ручьи, цвѣтушіе дуга родной Полтавщины и восклицая въ уныніи:

«Родина милая! Скоро ль съ надеждою
Щастья къ тебѣ возвращусь! Ахъ! скоро ли
Рощи увижу, гдѣ въ юности
Сладки вкушалъ я мечтанія!»

Недаромъ онъ такъ любилъ югъ, признаваясь о томъ въ стихотвореніи «Мысль о югѣ»:

«Я взлелѣянь югомъ, югомъ,
Яснымъ небомъ избалованъ;
Къ югу, югу вѣрной думой,
Словно цѣпью, я прикованъ...»

Послѣ первоначальнаго домашняго обученія будущій поэтъ помѣщенъ былъ въ Харьковскую гимназію, гдѣ оставался, впрочемъ, недолго. Послѣдовавшая 14-го августа 1814 г. смерть его матери побудила отца перемѣстить сына въ Петербургъ, въ Петропавловское училище (Peter Schule).

По документамъ училища Св. Петра (См. *Geschichte der deutschen Hauptschule St. Petri in St. Petersburg. 1862 г.*) значится, что Василій Туманскій поступилъ въ училище въ 1816 году.

Петропавловское училище, ко времени поступленія въ него нашего поэта, получило новый планъ, выработанный наиболѣе извѣстнымъ директоромъ Иваномъ Филипповичемъ Вейссе. Этотъ директоръ поставилъ воспитательную и учебную часть на должную высоту, и при немъ количество учащихся достигало наивысшей цифры—362. Въ училищѣ давалось *реальное образованіе*, особенное вниманіе обращалось на новые языки, при обученіи которымъ преслѣдовались потребности практической жизни, а не теорія.

Воспитанники раздѣлялись на пансіонеровъ и полупансіонеровъ. Полный курсъ ученія состоялъ изъ слѣдующихъ классовъ: prima, secunda, tertia, quarta, selecta и suprema—всего шесть классовъ, при чемъ допускалась еще комбинація изъ select'ы и suprem'ы.

Объемъ и количество учебныхъ предметовъ, преподаваемыхъ въ училищѣ, заставляють считать это учебное заведеніе выше средняго. Намъ не удалось найти въ архивѣ училища ни одного

черновика свидѣтельства объ окончаніи курса время пребыванія въ немъ В. И. Туманскаго; но въ 30-хъ годахъ XIX столѣтія въ свидѣтельствахъ обозначались слѣдующіе предметы: Законъ Божій съ исторіей Церкви; по русскому, нѣмецкому, французскому и англійскому языку требовалось—грамматика, риторика, литература, переводы, письменная импровизація на заданную экзаменаторами тему и дѣловыя купеческія письма; греческій и латинскій языки проходились также весьма основательно; затѣмъ слѣдовали науки—о римскихъ и греческихъ древностяхъ, всеобщая литература, логика, психологія, исторія русская и всемірная (всеобщая), математика, физика, географія, статистика и естественная исторія.

Учебный годъ дѣлился на два семестра (съ 1-го октября по 1-ое апрѣля и съ 1-го апрѣля по 1-ое октября).

Такъ какъ въ перечнѣ именъ окончившихъ курсъ воспитанниковъ значится Василій Туманскій подъ 1818 годомъ, то слѣдуетъ предположить, что онъ пріѣхалъ изъ Харькова достаточно подготовленнымъ и поступилъ въ классъ selecta или въ смѣшанный изъ selecta и suprema, а потомъ перешелъ въ suprema.

Неудивительно, что у Туманскаго явилась желаніе отправиться за границу для дальнѣйшаго образованія: энциклопедизмъ программы училища Св. Петра поневолѣ долженъ былъ разжигать любознательность у каждаго даровитаго юноши.

И вотъ нашъ поэтъ, по успѣшномъ окончаніи полнаго курса наукъ въ названномъ заведеніи, отправляется въ Парижъ и поступаетъ въ «Collège de France» вольнослушателемъ. Слушая курсы Кузена, Араго и др. извѣстныхъ профессоровъ того времени, онъ посѣщаетъ театры, музеи и знакомится съ новинками драматической литературы и искусства, о чемъ свидѣтельствуешь его корреспонденція къ издателю «*Благонамъреннаго*» отъ 14 ноября н. с. 1819 г. (№№ XXIII—XXIV, Смѣсь, стр. 339—344).

За границей Туманскій пробылъ два или болѣе года, при чемъ не прекращалъ начатой въ 1817 г. поэтической дѣятельности, помѣщая въ журналахъ стихотворенія, навѣянные событіями парижской жизни, на примѣръ, въ 1820 г. написано стихотвореніе «*Картина Жиродета*», подъ которымъ стоитъ дата: «*Парижъ, 1820*. Возвратился онъ въ Россію, въ Петербургъ, лѣтомъ 1821 года чрезъ Варшаву вмѣстѣ съ другомъ

своимъ В. К. Кюхельбекеромъ, при чемъ три или четыре дня прожилъ въ столицѣ Польши (См. Рус. Стар. 1873 г. 470 стр.).

По возвращеніи изъ-за границы В. И. Туманскій первоначально рѣшилъ посвятить себя литературной дѣятельности, при чемъ руководился, быть можетъ, примѣромъ своего стараго знакомаго по г. Харькову, О. М. Сомова ¹⁾, занимавшагося исключительно литературою.

Еще будучи ученикомъ училища Св. Петра, онъ выступилъ на литературное поприще, напечатавъ стихотвореніе «*Поле Бородинскаго сраженія*» на страницахъ журнала «*Сынъ Отечества*» (№ 50, 1817 г.), а затѣмъ рядъ его пьесъ появился на страницахъ журнала «*Благонамѣренный*» (1818 г. №№ 4, 5, 6 и др.). Последній издавался извѣстнымъ писателемъ и общественнымъ дѣятелемъ А. Е. Измайловымъ, состоявшимъ въ то время председателемъ литературнаго кружка, извѣстнаго подъ именемъ *Вольнаго Общества Любителей словесности, наукъ и художествъ*. Любя привлекать знакомыхъ и сотрудниковъ въ члены названнаго общества, Александръ Ефимовичъ обратилъ вниманіе на юношу-писателя и, вѣроятно, провелъ бы его въ члены или сотрудники, если бы тому не помѣшалъ отъѣздъ за границу. О тѣсной и близкой связи нашего поэта съ А. Е. Измайловымъ свидѣтельствуетъ его письмо къ нему изъ-за границы, напечатанное въ «*Благонамѣренномъ*» (1819 г. №№ XXIII—XXIV, 339—344 стр., Смѣсь).

Продолжая сотрудничать въ «*Сынъ Отечества*» и «*Благонамѣренномъ*», по возвращеніи изъ Парижа, Туманскій, вѣроятно, чрезъ посредство того же Сомова и Никитина, сталъ близко къ другому литературно-филантропическому обществу, которое возникло въ началѣ XIX столѣтія въ Петербургѣ и носило официальное названіе *Вольное Общество Любителей Россійской Словесности* ¹⁾. Съ 1818 г. это общество издавало журналъ, подъ названіемъ «*Соревнователь Просвѣщенія и Благотворенія*», прекратившій свое существованіе въ роковомъ для русской литературы 1825 году.

Нельзя удивляться тому обстоятельству, что Туманскій измѣнилъ Измайлову и перешелъ въ новое общество. Здѣсь около

¹⁾ См. о немъ мою брошюру «*Къ вопросу о Пушкинской плеядѣ*». Варшава. 1909 г.

²⁾ См. о немъ подробно въ названной моей монографіи о Пушкинской плеядѣ.

извѣстнаго своимъ добродушіемъ литератора Ѡ. Н. Глинки сгруппировалась вся передовая молодежь того времени.

Въ собраніяхъ «Вольнаго Общества Любителей Россійской Словесности» принимали участіе многіе изъ писателей, которые впослѣдствіи, въ 1825 году, очутились въ рядахъ *декабристовъ*. Достаточно назвать К. Ѡ. Рылѣва, А. А. Бестужева-Марлинскаго, В. К. Кюхельбекера, Ал. Ос. Корниловича и др., чтобы не сомнѣваться въ томъ, что могло привлечь нашего поэта въ это общество.

И мы видимъ, что вскорѣ, по возвращеніи изъ-за границы, 29 августа 1821 г. онъ избранъ въ члены-сотрудники. Согласно принятымъ правиламъ Вольнаго Общества, новому члену-сотруднику надлежало явиться въ засѣданіе; но необходимость покинуть на время Петербургъ побудила Туманскаго написать секретарю Общества Андрею Афанасьевичу Никитину слѣдующее письмо:

«Милостивый Государь Андрей Афанасьевичъ!

«Вмѣстѣ съ чистѣйшею благодарностью за избраніе меня въ члены-сотрудники Вольнаго Общества Любителей Россійской Словесности, позвольте выразить Вамъ, Милостивой Государь, горесть мою отъ невозможности, въ которой нахожусь, воспользоваться приглашеніемъ вашимъ въ домъ собраній самаго Общества. Отъѣздъ мой въ Малороссію, неотложный и необходимый, назначенный выдумкою злой Судьбы въ торжественный для меня понедѣльникъ, лишаетъ меня покамѣсть всѣхъ способовъ отблагодарить лично Господь Членовъ за ихъ ласковое вниманіе къ бездѣлкамъ юношескаго возраста.

«Дальнѣйшее соревнованіе къ успѣхамъ отечественной словесности докажетъ, надѣюсь, Обществу, что, выбирая меня въ помощники своихъ трудовъ, оно приобрѣло не лѣниваго члена, не недостойнаго Русскаго.

«Примите за снмъ, М—ой Г—рь, личную мою къ вамъ благодарность за доставленіе Устава Общества Любителей Россійской Словесности и списка членовъ онаго; желаю отъ души, чтобъ первой, какъ благодѣтельная конституція порядка и равенства, охранялся отъ всѣхъ измѣненій, и чтобъ послѣдній измѣнялся только къ своей славѣ и къ довѣренности читающей Публики».

Письмо это датировано 11-мъ сентября того же 1821 года ¹⁾.

Новый членъ-сотрудникъ сразу же оказалъ небольшую услугу Обществу. Ему поручено было передать дипломъ, Уставъ и списокъ членовъ И. П. Котляревскому, автору «Энеиды» на мало-россійскомъ языкѣ, избранному въ 1821 г. въ почетные члены.

28 октября того же года благодарственнымъ письмомъ изъ Полтавы на имя Ѳ. Н. Глинки, Котляревскій увѣдомлялъ, что пересланное онъ получилъ отъ Василя Ивановича Туманскаго ²⁾.

Изъ этой поѣздки Туманскій возвратился въ слѣдующемъ 1822 году, и мы встрѣчаемъ его имя въ числѣ присутствовавшихъ въ собраніи членовъ Вольнаго Общества Любителей Россійской Словесности 13 ноября 1822 г. Въ этомъ собраніи разсматривались два стихотворенія его «*Къ брату воину*» и «*Къ юной прелетницѣ*». Въ засѣданіи 20 ноября того же года слушали и единогласно одобрили къ напечатанію его стихотвореніе «*Стансы къ Аркадію. Подражаніе Вольтеру*». Оно появилось на стр. «Соревнователя» за 1823 г. (Ч. XXI, № 1-й, 61 стр.). Въ засѣданіи 11 декабря большинствомъ голосовъ одобрено его стихотвореніе «*Священный союзъ народовъ*» ³⁾. Какъ видно изъ сказаннаго, въ 1822 году Василя Ивановичъ принималъ дѣятельное участіе въ собраніяхъ Вольнаго Общества, и потому «Членъ-сотрудникъ Туманскій, особеннымъ усердіемъ и трудами обратившій на себя вниманіе Общества, на основаніи §§ 27 и 37 Устава, переименованъ въ *дѣйствительные* члены». Избраніе состоялось 18 декабря 1822, а объявлено о томъ въ засѣданіи 30 декабря, которое считалось полугодичнымъ и отличалось нѣкоторою торжественностью.

Послѣднимъ и наиболѣе торжественнымъ выступленіемъ нашего поэта въ обществѣ было торжественное публичное собраніе членовъ 22 мая 1823 г. Это собраніе происходило въ домѣ вдовы поэта Державина, Д. А. Державиной, и въ немъ присутствовало много почетныхъ членовъ, членовъ-сотрудниковъ, дѣйствительныхъ членовъ и посѣтителей обоого пола. Предсѣдательствоваль, вмѣсто Ѳ. Н. Глинки, Н. И. Гречъ, открывшій собраніе краткою рѣчью.

¹⁾ Вход. дѣла Общ. за 1821 г. № 220.

²⁾ Вход. дѣла Общ. за 1821 г. № 274.

³⁾ Жур. уч. упр. за 1822 г., №№ 148, 149, 156, 165.

Въ этомъ собраніи Туманскій выступалъ дважды: онъ читалъ свое произведеніе *«Внѣкъ Елизаветы и Екатерины II»* (отрывки изъ посланія къ Державину) и отрывокъ изъ поэмы Рылѣева *«Войнаровский»* (См. *«Соревнователь»*, 1823 г., № VI).

Здѣсь заканчивается первый періодъ въ жизни и дѣятельности нашего поэта, періодъ, который слѣдуетъ назвать *петербургскимъ*.

Можно безъ преувеличенія сказать, что въ теченіе этого періода Туманскій, вообще не слишкомъ продуктивный поэтъ, написалъ и напечаталъ наибольшее количество стихотвореній. Правда, эти слабыя произведенія не выдѣляли нашего поэта изъ многочисленной плеяды молодыхъ писателей, коихъ имена пестрѣли на страницахъ *«Сына Отечества»*, *«Благонамѣреннаго»* и *«Соревнователя»*; тѣмъ не менѣе нѣкоторые изъ нихъ не уступали лучшимъ произведеніямъ поэтовъ, пользовавшихся уже извѣстною репутаціею, другія заставляли говорить о себѣ, напр., *«Внѣкъ Елизаветы и Екатерины II»* (См. Письма Вяземскаго въ Остафьевскомъ Архивѣ подъ редакціей В. И. Саптова за 1823 г.), наконецъ, что самое главное, эти произведенія ввели его въ кругъ молодыхъ и старыхъ литераторовъ, обогативъ его знакомствами.

Кромѣ знакомства съ А. Е. Измайловымъ, о чемъ сказано выше, слѣдуетъ указать, что въ этотъ петербургскій періодъ онъ завязалъ дружественныя отношенія съ Булгаринымъ, Грибоѣдовымъ, А. А. Бестужевымъ, Сомовымъ, Корниловичемъ, Гречемъ, бар. Дельвигомъ; не называю другихъ болѣе мелкихъ именъ. Въ это же время онъ могъ познакомиться и съ А. С. Пушкинымъ, съ которымъ ему довелось впоследствии служить въ канцеляріи Воронцова въ Одессѣ. Родственникъ вліятельнаго въ свое время кн. Виктора Павловича Кочубея, возвращавшійся въ высшемъ петербургскомъ обществѣ, Туманскій могъ познакомиться съ Пушкинымъ и помимо участія въ Вольномъ Обществѣ Любителей Россійской Словесности. Говоримъ объ этомъ потому, что нѣкоторые біографы указываютъ, будто знакомство нашего поэта съ Пушкинымъ произошло въ 1824 въ одну изъ поѣздокъ его по службѣ въ Бессарабію ¹⁾. Невѣроятность этого извѣстія очевидна: во-1-хъ, въ началѣ іюля 1823 Пушкинъ переѣхалъ уже на жительство въ Одессу, гдѣ находился Туманскій (см. Пушкинское

¹⁾ См. Гербель. Русскіе поэты. Изд. 3. 1888 г., стр. 269.

письмо из Одессы от 25-го августа 1823 Л. С. Пушкину. Соч. Пушкина, ред. Ефремова, т. VII, 76 стр. «Здѣсь Туманскій»), слѣдовательно если суждено было, чтобы знакомство ихъ состоялось въ Бессарабіи, то оно должно было произойти не въ 1823, а 1824 году; во-2-хъ, Туманскій въ письмахъ своихъ къ Софіи Григорьевнѣ Туманской, писанныхъ изъ Одессы, не упоминаетъ о такомъ фактѣ, какъ знакомство съ Пушкинымъ, котораго имя уже пользовалось извѣстностью среди публики¹⁾; въ-3-хъ, въ письмѣ къ Кюхельбекеру (11 декабря 1823 г.) Туманскій, упомянувъ о двухъ поклонахъ, переданныхъ ему въ письмахъ къ Пушкину, пишетъ: «принимаю (то есть поклоны) съ благодарностью и съ мыслию, что *намъ* снова можно возобновить переписку»... Пушкинъ въ упомянутомъ выше письмѣ къ брату Льву Сергѣевичу такъ выражается о Туманскомъ, какъ можно говорить о давно и коротко знакомомъ человѣкѣ.

Такимъ образомъ, кругъ знакомства нашего поэта въ средѣ литераторовъ и писателей составляла, такъ сказать, прогрессивная молодежь, державшаяся новаго направленія въ литературѣ и мечтавшая о конституціи въ политикѣ. Въ этомъ кругу господствовали идеи декабристовъ, то «вольномысліе», которое преслѣдовалось еще за нѣсколько лѣтъ до событія 14 декабря 1825 г.

В. И. Туманскій, по натурѣ своей несклонный къ агитации, вполне раздѣлялъ идеи литературныя и политическія декабристовъ, и если бы онъ оставался въ Петербургѣ до 1825 г., то, навѣрное, привлекался бы къ слѣдствію по дѣлу декабристовъ. Его міросозерцаніе поневолѣ должно было складываться въ духѣ «вольномыслія». Прежде всего необходимо указать, что среди декабристовъ оказался одинъ, *получившій образованіе въ Петропавловскомъ училищѣ въ Петербургѣ*²⁾, то есть въ томъ училищѣ, гдѣ получилъ образованіе и Туманскій. Нѣтъ сомнѣнія, что случайныя обстоятельства обнаружили *одного декабриста* въ средѣ учениковъ Петропавловскаго училища. На самомъ дѣлѣ ихъ было больше. Такъ можно утверждать на томъ основаніи, что среди учениковъ господствовало стремленіе къ расширенію полученнаго образованія, а таковое стремленіе, по свидѣтельству В. И. Семева, господствовало въ средѣ декабри-

¹⁾ См. сочиненія Пушкина подъ ред. Венгерова, т. II, 273 стр.

²⁾ См. Семева. Политическія и общ. идеи декабристовъ. Спб. 1909 г., 200 стр.

ствоѣ. Двухлѣтнее пребываніе Туманскаго за границей и слушаніе тамъ курсовъ не могло пройти безслѣдно для выработки міровоззрѣнія нашего поэта именно въ духѣ «вольномыслія», такъ какъ свидѣтельства воѣхъ декабристовъ говорятъ о сильномъ вліяніи на выработку въ нихъ либерализма заграничнаго путешествія ¹⁾, вообще пребыванія въ Западной Европѣ.

Неудивительно поэтому, что по возвращеніи изъ-за границы Василій Ивановичъ избралъ свободную профессію—писателя, избѣгая правительственной службы. Вотъ почему, зачислившись въ маѣ ²⁾ на службу въ канцелярію Новороссійскаго губернатора и полномочнаго намѣстника Бессарабской области гр. М. С. Воронцова, онъ писалъ другу своей юности С. Г. Туманской: «Извѣщаю тебя о вещи самой необыкновенной, самой странной, самой дурной... Это вступленіе мое на поприще службы! Наконецъ я не устоялъ противъ натиску обѣщаній и честей, но, благодаря Бога, и здѣсь я *въренъ старымъ своимъ правиламъ. Я иду служить къ человеку, котораго имя любезно друзьямъ просвѣщенія и добрымъ русскимъ патриотамъ*» (Письмо отъ 29 мая 1823 г. изъ Петербурга). Но лучше всего «вольномысліе» Туманскаго засвидѣтельствовано двумя письмами декабристовъ. Письма писаны въ началѣ 1825 г. и посланы съ ѣхавшими въ Одессу польскимъ поэтомъ А. Мицкевичемъ и пріятелями его Малевскимъ и Ежовскимъ.

Рылѣевъ, авторъ одного письма, такъ рекомендуетъ Туманскому поляковъ: «Полюби Мицкевича и друзей его, Малевскаго и Ежовскаго: добрые и славные ребята. Впрочемъ, и писать лишнее: *по чувствамъ и образу мыслей они уже друзья...*»

А. Бестужевъ, авторъ другого письма, говоритъ, между прочимъ: «Пожалуйста не сердись, любезный Туманскій, что я не писалъ долго къ тебѣ. По почтѣ невозможно и скучно, а другимъ путемъ не было случая. *Да и ты сумасшедшій: выдумалъ писать такія глупости, что у насъ дыбомъ волосы встаютъ. Гдѣ ты живешь? вспомни, въ какомъ мѣстѣ и вѣкѣ? у насъ что день, то вывозятъ съ фельдъ-егерями кое-кого...*» ³⁾

Кажется, намъ приведено достаточно доказательствъ, что

¹⁾ См. Тамъ же, 205 и д.

²⁾ Вступилъ на службу 1 іюня 1823 г.

³⁾ См. Кіевская Старина. 1899 г. Мартъ. Ст. Н. Ш. «Туманскій и Мицкевичъ».

Туманскій по образцу мыслей долженъ быть причисленъ къ прогрессивной части современной ему интеллигенціи. Событія 1825 г. волновали его, о чемъ возможно догадываться только на основаніи неопредѣленныхъ словъ его двоюроднаго брата Аркадія Васильевича Кочубея въ «Семейной хроникѣ». По его словамъ, весной 1826 года къ нимъ въ Ярославецъ пріѣхалъ изъ Одессы В. И. Туманскій, и между ними часто происходили *споры политическаго характера* на французскомъ языкѣ (см. записки Кочубея. Спб. 1890 г., 212 стр.). Споры велись между братьями Кочубеями (Аркадій, Демьянъ, Александръ) и Туманскимъ, при чемъ едва ли возможно сомнѣваться, что предметомъ спора являлось дѣло декабристовъ, и что оппозицію Кочубеямъ составлялъ нашъ поэтъ.

Итакъ, прогрессивно настроенному юношѣ-поэту пришлось въ 1823 г. покинуть Петербургъ и вступить на служебнѣе поприще, которое захватило почти двадцать три года жизни его. Поэтому здѣсь кстати будетъ сдѣлать бѣглый очеркъ всего его служебнаго поприща до выхода въ отставку 30 апрѣля 1846 года.

II.

Начало служебной карьеры В. И. Туманскаго произошло совершенно случайно. Несомнѣнно, Викторъ Павловичъ Кочубей, родственникъ Туманскихъ, принималъ большое участіе въ томъ, чтобы поэтъ нашъ избралъ служебное поприще. Мы уже видѣли выше, чѣмъ руководился Туманскій, поступая на службу къ М. С. Воронцову. Но были и другія болѣе личнаго свойства причины избранія губернской службы: его привлекали родные, теплый климатъ и кроткое уединеніе (см. письмо отъ 29 мая 1823 года).

Дѣйствительно, на основаніи писемъ его къ С. Г. Туманской можно заключить, что онъ довольно часто видѣлся съ родными, то самъ пріѣзжая на родину, то принимая у себя въ Одессѣ своихъ родныхъ. Впрочемъ, отсюда не слѣдуетъ заключать, что онъ слегка относился къ службѣ у гр. Воронцова. Въ письмѣ къ С. Г. Туманской отъ 24 декабря 1824 г. онъ пишетъ: «Ты, вѣрно, не разъ подумала: зачѣмъ бы Васинькѣ туда (т. е. въ Кіевъ) не пріѣхать на время контрактовъ... Конечно, даль не велика, и удовольствіе пожить съ родными способно вознаграждать всякія непріятности зимнихъ путешествій, но сообрази и то, благоразум-

ная моя Сонюшка, что мнѣ надобно снова брать отпускъ, подвергать себя замѣчаніямъ начальника и товарищей и лишать себя безпрестаннымъ уклоненіемъ отъ службы права на милости добраго нашего графа и награды правительства»...

Отсюда видимъ, что нашъ поэтъ долгъ службы ставилъ на первый планъ. О Туманскомъ, какъ чиновникѣ, имѣется одинъ отзывъ, который нельзя признать справедливымъ. Этотъ отзывъ принадлежитъ желчному Вигелю, который въ своихъ «Запискахъ» (ч. 6, стр. 119—120) очень не хвалитъ весь родъ Туманскихъ и въ частности Василія Ивановича. О послѣднемъ, какъ чиновникѣ, Вигель бросаетъ слѣдующій пренебрежительный отзывъ: «Его кое-куда посылали, ему кое-что поручали, онъ что-то писалъ и казался не совсѣмъ празднымъ». Противъ такого отзыва говорятъ факты.

Оставимъ въ сторонѣ то, что по письмамъ къ С. Г. Туманской и друзьямъ петербургскимъ мы встрѣчаемъ нашего поэта постоянно въ разъѣздахъ (см. письмо Туманской отъ 10 марта 1825 г.; письмо къ А. Бестужеву отъ 5-го мая 1825 г.). Обратимъ вниманіе на отношеніе нашего поэта-чиновника къ своему начальнику гр. М. С. Воронцову. Послѣдній, по общему отзыву лицъ, знавшихъ его и бывшихъ свидѣтелями дѣятельности его въ Одессѣ, былъ человекъ умный, образованный, энергичный. Отправляясь въ Одессу, онъ привлекъ на службу къ себѣ множество знатныхъ особъ; чиновники, служившіе при новомъ генералъ-губернаторѣ, были люди отборные, хорошо воспитанные (см. Изъ прошлаго Одессы. М. де-Рибаса. 1894 г., 360 стр.). П. В. И. Туманскій не затерялся среди такихъ чиновниковъ, какъ Алексѣй Ивановичъ Казначеевъ, М. И. Лексъ, Ал. Ир. Левшинъ, бар. Ф. И. Броуновъ. Гр. М. С. Воронцовъ сумѣлъ сдѣлать нашего поэта расположеннымъ къ себѣ. Онъ взялъ его съ собою, когда посѣщалъ свои имѣнія и навѣщалъ тещу гр. Браницкую. «Пребываніе наше въ этомъ помѣстьѣ (въ Мошнахъ)—у хозяевъ, истинно гостепріимныхъ, образованныхъ, ласковыхъ будетъ долго пріятно моему сердцу,—пишетъ Туманскій двоюродной сестрѣ (Письмо отъ 3 мая 1824 г.). Вообще Василій Ивановичъ держалъ себя весьма корректно, вполне понимая, что гр. Воронцовъ смотритъ на него прежде всего, какъ на чиновника и подчиненнаго. Скромный вообще и слишкомъ скромно смотрѣвшій на свой поэтическій талапъ, онъ ясно понималъ, что предъ гр.

Воронцовымъ нечего выставлать свое сочинительство, которому и самъ поэтъ не придавалъ особеннаго значенія. При случаѣ онъ старался доставлать своимъ талантомъ удовольствіе окружающимъ, и потому нисколько не считалъ унизительнымъ писать, напримѣръ, комическіе куплеты для друга кн. Херхеулидзева, адъютанта гр. Воронцова, который нарядился жидомъ на маскарадѣ въ день ангела генераль-губернатора. Однимъ словомъ, В. И. Туманскій отдавалъ должную дань баламъ, веселью, театру, обществу и друзьямъ, свои же душевныя мысли и чувства изливалъ въ письмахъ къ своему другу и двоюродной сестрѣ Софьѣ Григорьевнѣ. О томъ, какія мысли и чувства вызвала въ нашемъ поэтѣ Одесса, ея общество, какое значеніе вообще имѣлъ этотъ городъ въ его поэтической и писательской дѣятельности, скажемъ въ другомъ мѣстѣ, а теперь продолжимъ разсмотрѣніе хода его служебной дѣятельности.

Расположеніе начальника къ исполнительному чиновнику сказалось на успѣшномъ ходѣ его дальнѣйшей службы. Хорошо образованный чиновникъ, оставаясь въ канцеляріи генераль-губернатора, скоро получилъ новое назначеніе: 17 декабря 1823 года, т. е. почти черезъ полгода по вступленіи въ службу, Туманскій опредѣленъ, по Высочайшему повелѣнію, въ вѣдомство государственной коллегіи иностранныхъ дѣлъ съ чиномъ актуаріуса. 19 мая 1825 г. произведенъ въ переводчики, а 24 января 1828 г. пожалованъ орденомъ св. Анны 2 степени.

Въ томъ же году, 24 марта, онъ былъ откомандированъ къ полномочному предсѣдателю дивановъ Молдавіи и Валахіи гр. Палену и оставался при немъ до начала переговоровъ о мирѣ въ Адрианополѣ. 25 сентября 1825 г., по Высочайшему повелѣнію, отправленъ въ главную квартиру 2 дѣйствующей арміи къ гр. Дибичу, гдѣ вмѣстѣ съ бар. Бруновымъ и др. полномочными участвовалъ при редактированіи Адрианопольскаго мирнаго трактата. По заключеніи мира, онъ, съ 4 мая 1831 года, назначенъ секретаремъ при дѣйств. ст. сов. Мличани (Минчакъ?) для занятій по комитету о составленіи новаго регламента по управленію княжествами Молдавіи и Валахіи. Начальникомъ, управлявшимъ тогда дѣлами княжествъ, былъ гр. Киселевъ. Числясь чиновникомъ азіатскаго департамента министерства иностранныхъ дѣлъ, Туманскій изъ Бухареста переѣхалъ въ Яссы, гдѣ ему жилось веселѣе. «Я объясняю это», пишетъ онъ Софьѣ Григорьевнѣ

30 мая 1831 г., «во-первыхъ, присутствіемъ генерала Киселева, который ко мнѣ внимателенъ до крайности, а во-вторыхъ, уменьшеніемъ занятій и умноженіемъ досуга». Досугъ былъ отчасти вынужденъ: въ Яссахъ тогда свирѣпствовала холера, и Собраніе просило гр. Киселева отсрочить засѣданія до прекращенія эпидеміи. Устроился онъ въ Яссахъ недурно: поселился на дачѣ среди виноградника, въ гористой мѣстности, ѣздилъ верхомъ, много гулялъ пѣшкомъ, чтобы возстановить силы послѣ изнурительной болѣзни, продержавшей его въ постели іюнь и іюль мѣсяцы 1831 года. Первое впечатлѣніе отъ Молдавіи было весьма тягостное. «Какой несносный край! Какія противорѣчія, какія уродства въ его нравахъ и обычаяхъ, какое безуміе въ его желаніяхъ и надеждахъ! Рѣшительно можно сказать, что здѣсь ничто святымъ не признается. Напримѣръ, теперь отъ того, что нѣкоторыя статьи Новаго Уложенія ограничиваютъ вредныя преимущества бояръ, они явнымъ образомъ желаютъ Россіи зла въ войнѣ и въ мирѣ, забывая все, что наше отечество сдѣлало для нихъ съ пролитіемъ собственной крови.» Такъ писалось въ письмѣ отъ 30 мая 1831 года. Тогда же давался очень нелестный отзывъ о женскомъ обществѣ г. Яссы.

«Прекрасны, нѣтъ сомнѣнія, говоря физически. Но если гдѣ-либо женскій полъ заслуживаетъ названія *адскаго племени*, то это въ Молдавіи. Здѣшнія коконицы мало того, что развратницы, страшныя интригантки. Онѣ охотно жертвуютъ своими прелестями для достиженія цѣли, внушенной имъ честолюбіемъ родственниковъ»¹⁾.

Но прошло нѣсколько мѣсяцевъ, и 14 октября того же года Туманскій пишетъ иное. Сообщая объ окончаніи общаго Молдавскаго уложенія и о закрытіи «бородатой» палаты, онъ говоритъ: «На будущей недѣлѣ Мличани возвращается въ Бухарестъ; но я останусь еще дней на двадцать здѣсь для приведенія въ порядокъ нашихъ Конституціонныхъ трудовъ и надзора за нѣкоторыми дополненіями. Это распоряженіе тѣмъ согласнѣе съ моими желаніями, что съ нѣкотораго времени Яссы представляютъ довольно способовъ къ пріятной жизни. Благодаря возстановленію нѣсколькихъ домовъ, есть возможность теперь и поболтать, и по-

¹⁾ Ср. этотъ отзывъ съ отзывомъ г. Яцимирскаго во II ч. соч. Пушкина, ред. Венгерова, стр. 167 и д.

танцовать, и позлословить въ многочисленномъ и опрятномъ обществѣ».

Изъ Яссъ такъ скоро не уѣхалъ нашъ поэтъ, какъ предполагалъ: въ концѣ декабря онъ былъ еще тамъ (письмо отъ 25 декабря 1831 г. изъ Яссъ). Эта служба въ Молдавіи не осталась безъ поощренія: въ апрѣлѣ 1832 года онъ получилъ чинъ надворнаго совѣтника. Между тѣмъ не забывали Туманскаго его родственники Кочубеи. Внимательно слѣдя за службою племянника, они министру иностранныхъ дѣлъ сообщали о служебныхъ качествахъ его; можетъ быть, замолвилъ слово и гр. Киселевъ, хорошо относившійся къ нему. Во всякомъ случаѣ Кочубеи указали управляющему азіатскимъ департаментомъ Родофиникину что ихъ племяннику можно предложить мѣсто второго секретаря при посланникѣ нашемъ въ Константинополь Бутеневѣ. Послѣ предварительной переписки Родофиникина съ нашимъ дипломатомъ, послѣдній 15 іюня 1835 г. опредѣленъ на предлагаемую вакансію: По пути въ Константинополь ему предлагали остановиться на нѣсколько времени въ Яссахъ для замѣщенія уѣзжавшаго въ отпускъ нашего консула, что, какъ видно изъ письма того же Родофиникина отъ 15 октября 1835 г.¹⁾, Туманскій и принялъ. Весьма вѣроятно, что въ концѣ октября ново-назначенный второй секретарь явился къ Аполлинарію Петровичу Бутеневу.

Служба въ Константинополь быстро подвигала Туманскаго по іерархической лѣстницѣ. Его свѣдѣнія, способности и блестящія качества на дипломатическомъ поприщѣ доставили ему чины коллежскаго и статскаго совѣтника и отъ турецкаго султана знакъ отличія Ниманъ-Ифтикаръ.

Вѣроятно, пребываніе среди исламитовъ, несмотря на всю очаровательность природы и юга, тяготило поэта, и онъ въ началѣ 1839 г. (10 января состоялось Высочайшее повелѣніе) совсѣмъ оставилъ дипломатическую службу и перешелъ въ Государственный Совѣтъ, получивъ въ немъ должность помощника статсъ-секретаря по департаменту экономіи.

Хотя Туманскій, по собственному признанію (см. письмо Кюхельбекеру отъ 11 декабря 1823 г.), сохранялъ въ тайнѣ свиданія съ музою, хорошо понимая, что отъ чиновника тре-

¹⁾ См. мою статью «Новые матеріалы для біографіи В. И. Туманскаго». Ж. М. Н. П., 1905 г. № 5.

буется прозаическая служба, а не поэтическое вдохновеніе, однако за нимъ упрочилась слава хорошаго стилиста. Эта слава, можетъ быть, и помогла ему возвратиться послѣ долгаго промежутка времени въ Петербургъ, гдѣ онъ предполагалъ жить-возвратясь изъ-за границы. Въ теченіе пяти съ лишнимъ лѣтъ службы въ Государственномъ Совѣтѣ самымъ выдающимся дѣломъ его было составленіе исторіи этого учрежденія. Назначенный помощникомъ статсъ-секретаря по департаменту экономіи, онъ 13 сентября 1839 г. (№ 605) получилъ отъ Государственнаго секретаря Модеста Андреевича Корфа отношеніе, въ которомъ сообщалось, что 1 января 1827 г. тогдашній государственный секретарь Оленинъ поднесъ Государю Императору краткій историческій очеркъ Государственнаго Совѣта. Составлявшій его Леонтьевъ, управлявшій архивомъ Государственной канцеляріи помощникъ статсъ-секретаря, заявлялъ Корфу неоднократно, что работа была исполнена спѣшно, въ нѣсколько дней, вслѣдствіе чего не представляла ни должной полноты, ни надлежащей строгости и отчетливости въ выборѣ и употребленіи матеріаловъ, ни окончательной отдѣлки въ отношеніи къ плану и редакціи». Между тѣмъ весьма желательно имѣть *Исторію Государственнаго Совѣта*, которая представляла бы постепенное развитіе состава, круга и образа дѣйствія Совѣта съ 1768 г. до настоящаго времени. Такая исторія, изложенная искуснымъ перомъ не въ сухихъ догматическихъ формахъ, но въ живомъ и сжатомъ разсказѣ, можетъ превратиться въ картину поучительную и занимательную.

«По неоднократнымъ засвидѣтельствованіямъ правящаго должность статсъ-секретаря въ департаментѣ экономіи объ отличномъ вашемъ рвеніи, дающемъ еще болѣе цѣны вашимъ способностямъ, и по соглашенію съ нимъ избравъ васъ, м. г., къ совершенію сего важнаго труда, я вмѣстѣ съ симъ предписалъ помощнику статсъ-секретаря Логгину открытъ вамъ Архивъ Государственной канцеляріи, въ полномъ его составѣ, съ оказаніемъ всего содѣйствія, какое отъ начальства онаго зависѣть будетъ». Побѣщавъ Туманскому свое сотрудничество, въ смыслѣ совѣта и разрѣшенія пользоваться документами, Корфъ такъ закончилъ свое предписаніе: «Надѣясь, что вы совершите сей, повторяю, важный трудъ со всѣмъ усердіемъ и успѣхомъ, соотвѣтствующими моею довѣренности и моимъ ожиданіямъ, я поручаю вамъ,

м. г., приступить къ оному неотложно, не оставляя между тѣмъ и текущихъ занятій вашихъ въ департаментѣ экономіи».

Работа предстояла кропотливая: необходимо было просмотрѣть Архивъ, прочитатъ тысячи книгъ, составить планъ сочиненія. И Туманскій энергично принялся за дѣло. Ознакомившись съ матеріаломъ, онъ составилъ планъ опыта «*Исторіи Государственнаго Совѣта въ Россіи*» съ 1769 по 1820 гг. По его мнѣнію, семидесятилѣтняя исторія Совѣта представляетъ пять главныхъ періодовъ: 1) Совѣтъ въ царствованіе Екатерины II; 2) Совѣтъ въ царствованіе Павла I; 3) Совѣтъ въ царствованіе Александра I съ 1801 по 1810 г.; 4) Совѣтъ въ то же царствованіе съ 1810 по 1826 г., и 5) Совѣтъ въ царствованіе Николая I съ 1826 по 1840 г. Къ концу 1840 г. онъ успѣлъ окончательно обработать только первую часть труда, включивъ въ нее два первые періода изъ намѣченныхъ пяти ¹⁾). Представленная Государю Николаю I, она удостоена прочтенія, вѣроятно, одобрена, потому что авторъ получилъ 16 апрѣля 1841 г. чинъ дѣйствительнаго статс. сов. въ день бракосочетанія наслѣдника цесаревича; 22 апрѣля того же года награжденъ знакомъ отличія за XV лѣтъ безпорочной службы. Пожалованіемъ 1 января 1844 г. ордена св. Анны 2 степени съ императорскою короною заканчивается служебная карьера нашего поэта, потому что остальные два съ лишнимъ года ему пришлось испытать рядъ непріятностей вслѣдствіе столкновенія съ новымъ государственнымъ секретаремъ Бахтинымъ. Не дослуживъ почти двухъ лѣтъ до двадцатипятилѣтія, Василій Ивановичъ 30 апрѣля 1846 г., согласно прошенію, вышелъ въ отставку и вскорѣ уѣхалъ изъ Петербурга въ родную Малороссію.

Въ заключеніе сдѣланнаго очерка чиновничьей карьеры его слѣдуетъ упомянуть, что передъ назначеніемъ въ Константинополь онъ путешествовалъ за границей, посѣтивъ Италію, что видно изъ помѣтъ подъ стихотвореніями 30-хъ годовъ. Послѣ сказаннаго ясно станеть, насколько Вигель былъ пристрастенъ въ отзывѣ своемъ о Туманскомъ, какъ чиновникѣ. Мы видимъ, что онъ наряду съ лучшими изъ своихъ сослуживцевъ по канцеляріи одесскаго генераль-губернатора достигъ степеней высо-

¹⁾ Налечатана гр. Г. А. Милорадовичемъ дважды: въ Черниговѣ 1903 г. и въ Русск. Арх. 1903 г. № 9, 153—176.

кихъ въ іерархической лѣстницѣ, всегда почти отличаемый своими начальниками. Хотя проза чиновничьей жизни побуждала его хранить въ тайнѣ свиданія съ музой, однако, къ чести его слѣдуетъ сказать, что онъ всегда любилъ бесѣдовать съ друзьями-писателями, всегда любилъ отзываться своею лирою на впечатлѣнія не только своей интимной, но и общественной жизни. Въ письмѣ къ двоюродной сестрѣ своей отъ 14 октября 1831 г., получивъ сборникъ стихотвореній Пушкина и Жуковского на политическія событія того времени, онъ пишетъ: «Эти произведенія замѣчательны были для меня особенно въ политическомъ отношеніи. Обнародованіе и успѣхъ ихъ показываетъ возстаніе народнаго чувства въ Россіи противъ французовъ. Я не желаю новыхъ войнъ; но признаюсь тебѣ, читая дерзости, которыми осыпаютъ насъ парижскіе мерзавцы, я не разъ молилъ небо, чтобъ ихъ снова проучили порядкомъ. Кажется, добрая наша земля мало-по-малу избавляется отъ своихъ недуговъ. Съ усмиреніемъ Польши и прекращеніемъ смертоносной болѣзни заживутъ раны Россіи; а мысль, что, не взирая на стеченіе несчастій, честь и достоинство отечества остались неприкосновенными, придаетъ каждому изъ насъ новыя силы». Эти строки дѣлаютъ весьма вѣроятнымъ предположеніе графини Ант. Дмитр. Блудовой, что въ 1831 г. читались стихи, исполненные болѣе сильнаго негодованія на поляковъ, чѣмъ Пушкинское «*Клеветникамъ Россіи*», что эти стихи приписывались Туманскому. Онъ кончался такимъ обращеніемъ къ Николаю I:

Скажи—и Польши ужъ не будетъ,
И имя Польши свѣтъ забудетъ;
И на развалинахъ ея,
Красою юною блистая,
Возстанетъ Русь передовая,
Дщерь неизмѣнная твоя» ¹⁾.

Эта отзывчивость не заглушалась въ душѣ Туманскаго прозою жизни потому, что Одесса и любимый имъ югъ постоянно поддерживали поэтическое вдохновеніе, а такіе друзья-писатели, какъ Рылѣевъ и А. Бестужевъ, всегда напоминали ему о его музѣ. Вотъ почему во время своего пребыванія на югѣ, въ част-

¹⁾ Такого стихотворенія Туманскаго мы нигдѣ не нашли. См. Рус. Арх. 1874 г. Т. I. 738 стр.

ности въ Одессѣ, Василій Ивановичъ создалъ рядъ такихъ стихотвореній, которыя обратили на него вниманіе публики и заслужили похвалу Пушкина. Это обстоятельство побуждаетъ насъ подробнѣе поговорить о жизни нашего поэта въ Одессѣ.

III.

Около пяти лѣтъ провелъ въ Одессѣ на службѣ Туманскій. Мы видѣли, что привлекало его въ этомъ городѣ или, вѣрнѣе сказать, въ службѣ губернской. Но, помимо указанныхъ имъ самимъ приманокъ, Одесса очаровала его своею природою. Недаромъ Пушкинъ смѣялся дружески надъ описаніемъ Одессы, какое сдѣлалъ Туманскій, очевидно, подъ вліяніемъ очарованія перваго впечатлѣнія (См. стихотв. «Одесса». Пол. Зв. 1824 г., 240 стр.). Смотря на городъ черезъ лорнетъ, равнодушный къ югу вообще, Туманскій дѣйствительно многое «присочинилъ», не замѣтивъ съ перваго взгляда многихъ темныхъ сторонъ этой столицы юга. Пушкинъ описалъ въ «Путешествіи Онѣгина» Одессу правдивѣе. Согласно указаніямъ старожиловъ (Маркевича, Скальковскаго, Де-Рибаса и др.), Одесса въ 20-хъ годахъ XIX ст. была дѣйствительно городомъ неблагоустроеннымъ. Зато она представляла такія преимущества, которыя невольно влекли къ ней. Это—шумная жизнь, блескъ и пестрота населенія. По свидѣтельству Пушкина,

Тамъ все Европой дышетъ, вѣетъ,
 Все блещетъ югомъ и пестрѣетъ
 Разнообразностью живой.
 Языкъ Италіи златой
 Звучитъ на улицѣ веселой,
 Гдѣ ходитъ гордый славянинъ,
 Французъ, испанецъ, армянинъ,
 И грекъ, и молдаванъ тяжелый
 И сынъ египетской земли
 Корсаръ въ отставкѣ Морали».

Затѣмъ море и опера итальянская съ упоительнымъ Россіи. Въ письмахъ къ кузинѣ Туманской нашъ поэтъ не разъ говоритъ объ итальянской оперѣ и ея посѣщеніи.

Поселившись со второй половины 1823 года въ Одессѣ, Туманскій сталъ членомъ одесскаго общества, которое значительно

отличалось отъ столичнаго. Къ 20-мъ годамъ, т. е. къ тому времени, когда въ пей поселился нашъ поэтъ, Одесса уже стала культурнымъ центромъ юга. Генераль-губернаторъ собиралъ вокругъ себя чиновничество; на зиму прѣзжали туда русскія и польскія аристократическія семейства; много было богатыхъ негоціантовъ. Культурный ростъ города вызвалъ потребность въ газетѣ, которая начала выходить съ 1 апрѣля 1820 г. на французскомъ языкѣ подъ заглавіемъ «*Messenger de la Russie Meridionale, ou Feuille commerciale*». Въ годъ прибытія Туманскаго въ Одессу журналъ преобразованъ въ «*Journal d'Odessa*», издававшійся до 1827 г. на одномъ французскомъ языкѣ, а съ этого послѣдняго года на французскомъ и русскомъ языкахъ.

Поживъ нѣсколько мѣсяцевъ въ Одессѣ, Туманскій далъ кузинѣ своей такой отзывъ объ одесскомъ обществѣ (письмо 16 января 1824 г.): «... Оно, будучи составлено изъ какихъ-то отдѣльныхъ доскутковъ, чрезвычайно пестро, и потому не представляется возможности скучать человѣку просвѣщенному и наблюдательному. Далѣе, что тонъ сего общества не хорошъ, въ томъ значеніи, въ какомъ понимаютъ это слово въ столицахъ. То есть, что здѣсь нѣтъ нѣкоторыхъ особенныхъ правилъ для обращенія въ свѣтѣ, нѣкоторыхъ условныхъ разговоровъ и даже условныхъ наслажденій, при имени которыхъ находятъ уже зѣвота. Большая часть членовъ нашего общества занята либо службою, либо торговлею и торговыми оборотами. Довольно этого одного обстоятельства, дабы почувствовать, что все они ищутъ въ обществѣ отдохновенія, а не новаго труда. Слѣдовательно, каждый поступаетъ по своему, говоритъ по своему, не принуждая себя къ строгому порядку столичныхъ гостиныхъ... Впрочемъ, наши дѣловые господа сообразуются съ принятыми обыкновеніями во всемъ, что требуется благопристойностью, только не въ стараніи скучать самому себѣ и наскучать другимъ.

«Недостатокъ свѣтскаго образованія гораздо чувствительнѣе въ одесскихъ дамахъ... Замужнія наши женщины (выключая прекрасную и любезную госпожу Ризничъ) дичатся людей, скрывая подъ личной скромности или свою простоту, или свое невѣжество; дѣвушки въ обхожденіи своемъ не умѣютъ стать на настоящую точку: однѣ дикі или грубы, другія слишкомъ вольны и слишкомъ рано постигаютъ вещи, которыхъ не заботятся скрывать. Впрочемъ, въ общей массѣ все это вмѣстѣ составляетъ

вещь оригинальную и приятную... Конечно, дѣвушка вольнаго обращенія гораздо занимательнѣй дикой, провинціальной барышни или безмолвной, жеманно-скромной дамы. Особенно гречанки меня утѣшаютъ. Недавно еще покинувъ землю, гдѣ женскій полъ не имѣетъ общественнаго существованія, онѣ вдругъ хотятъ насладиться всею свободою онаго... Нѣкоторыя изъ нихъ очень пригожи и имѣютъ прекрасныя способности, но воспитаніе, воспитаніе!.. Не считаю нужнымъ скрѣплять фамильными именами мое начертаніе одесскихъ обществъ. Какая охота тебѣ знать, кто дурнѣе: княгиня ли Мурузи или дѣвица Гикъ? кто страннѣе: хорошенькая ли Констанція Курикò или хорошенькая Софія Гипшъ? кто милѣе: Елена или Зенеида Бла-рамбергъ?» Представленная картина одесскаго общества страдаетъ неполнотою. По словамъ Вигеля (Записки, VI), у Воронцовыхъ собиралось большое общество, дѣлившееся на два кружка: «Большая зала, почти всегда пустая, раздѣляла двѣ большія комнаты и два общества. Одно, полуплебейское, хотя рѣдко покидалъ его самъ графъ, постоянно оставалось въ билліардной. Другое избранное, отборное, находилось въ гостиной у графини... Всегда можно было найти тутъ Марини, Броунова, Пушкина, Франка и близкаго родственника Синявина. Изъ дамъ ежедневной посѣтительницей была одна графиня Ольга Станиславовна Погоцкая, вышедшая за Льва Александровича Нарышкина, двоюроднаго брата графа Воронцова. Въ столовой къ обѣду сходились вмѣстѣ, и вечеромъ у Казначеева всѣ опять смѣшивались. У Воронцовыхъ часто бывали еще супруги Гурьевы (гр. Гурьевъ— одесскій градоначальникъ), гр. Лаяжеронъ (предшественникъ Воронцова по управленію Новороссіей) съ женою, Ал. Скар. Стурдза и сестра его Рок. Скар. Эдлингъ, супруги Зонтагъ; нечего упоминать чиновниковъ, которые предпочитали, впрочемъ, полуплебейскую часть воронцовскаго общества чопорной, свѣтской.

Самъ Туманскій признается кузинѣ, что онъ, по общимъ склонностямъ человѣка, принадлежалъ къ обществу дамъ съ «вольнымъ обращеніемъ». По свидѣтельству современниковъ, онъ особенно былъ друженъ съ семействами Казначеева и Бла-рамбергъ. Послѣдній принадлежалъ къ выдающимся личностямъ изъ одесситовъ греческой національности. Онъ былъ археологъ, помѣщавшій статьи въ Одесскомъ Вѣстникѣ и въ столичныхъ изданіяхъ; кромѣ того, онъ славился какъ остроумный калам-

буристь. Въ домъ его привлекали молодежь и двѣ хорошенькія дочки, о которыхъ упоминалось выше. Туманскій, Безакъ и Морозовъ, одно время жившіе на одной квартирѣ, по воскресеньямъ обыкновенно обѣдали у Бларамберга. Въ одно воскресенье, когда они собирались на обѣдъ, пошелъ дождь и заставилъ ихъ просидѣть дома, такъ какъ не было крытаго экипажа. И вотъ Бларамбергъ придумалъ послать своимъ друзьямъ обѣдъ на домъ. Въ 3 часа явился къ квартирѣ ихъ посланецъ съ огромнымъ узломъ и съ запискою, наполненною курьезными каламбурами на языкѣ г-жи Курдюковой ¹⁾. Онъ писалъ: «Ce pois vous montrera tout le poids, qui est sur mon coeur à cause de votre absence; желе скажетъ вамъ сколько я жалѣю о томъ, что вы не приѣхали; le jambon vous dira le regret des gens bons, qui sont réunis autour de ravigotes, si le rostbeef n'est pas coupabl c'est moi, qui suis coupabl». Его дочери считались первыми красавицами въ Одессѣ и блистали на балахъ у гр. Воронцова. Однажды Туманскій просилъ Пушкина: «Ну, придумай какой-нибудь экспромтъ».

— Уволь, отвѣчалъ Пушкинъ и импровизировалъ слѣдующіе стихи:

Такъ, вы надъ всѣми взяли верхъ;
 Предъ вами преклоню колѣна,
 О величавая Елена,
 О Зинаида Бларамбергъ ²⁾.

Александръ Ивановичъ Казначеевъ былъ назначенъ правителемъ канцеляріи гр. М. С. Воронцова почти одновременно съ назначеніемъ Туманскаго и немного раньше послѣдняго оставилъ Одессу.

Всѣ современники оставили о Казначеевѣ доброжелательные отзывы. Даже жолчный Вигель съ большой симпатіей упоминаетъ о немъ не одинъ разъ въ своихъ «Запискахъ». «Четверти часа разговора съ нимъ», пишетъ, на примѣръ, онъ, «было достаточно, чтобы увидѣть въ немъ добрѣйшаго человѣка въ мірѣ. И доброта эта была не апатическая, а живая, огненная, всегда готовая на общее и частное добро»... (ч. VI, 91 стр.). С. Т. Аксаковъ называлъ его «бѣлымъ голубемъ» (Рус. Арх. 1896 г. III, 146); Пушкинъ относился къ нему съ довѣріемъ; Липранди называетъ

¹⁾ Героиня «Сенсацій госпожи Курдюковой» И. П. Мятлева.

²⁾ См. Рус. Арх. 1877 г., т. 3, стр. 325.

его «достойнымъ и безъ исключенія всѣми любимымъ человекомъ» (Замѣчанія на воспоминанія Вигеля, М. 1873 г., 138 стр.). Одинъ изъ подчиненныхъ его, когда онъ былъ назначенъ одесскимъ градоначальникомъ, отзывается, что Александръ Ивановичъ «былъ въ высшей степени честный и добрый человекъ, съ либеральнымъ, рѣдкимъ въ то время, направленіемъ» (Изъ прошл. Одессы, Де-Рибаса, 31 стр.).

Совершенною противоположностью мужу являлась Варвара Дмитріевна, урожденная княгиня Волконская. По словамъ Чижевича, она была строгаго нрава и держала въ рукахъ не только мужа, но и всѣхъ его подчиненныхъ; отличалась скупостью и старалась, при полученіи мѣсячнаго жалованья, тотчасъ захватить его въ свои руки, чтобы щедрый до расточительности мужъ не роздалъ его бѣднымъ (Назв. соч., 31 стр.). Судя по воспоминаніямъ Липранди, Пушкину не нравилась В. Д. Казначеева, и онъ неохотно посѣщалъ вечернія собранія въ ихъ домѣ (Рус. Арх. 1866 г. 1475 стр.). Вигель пишетъ о ней въ 1824 г.: «Она была еще свѣжа, бѣла и румяна, но чрезвычайно толста и кривобока, и непріятное выраженіе лица ея было ничто передъ непріятнымъ ея нравомъ. Не то, чтобы она была съ кѣмъ-нибудь не учтива, но всегда какъ бы сердита и недовольна... Къ тому же она имѣла претензіи на умъ и на знанія, коихъ въ ней вовсе не было, выдавала себя за великую литераторшу, говорила, что пишетъ стихи, которыхъ никому не показываетъ, и хотѣла было завести маленькое литературное общество. Туманскій на то было подался, но Пушкинъ со смѣхомъ принялъ предложеніе». Вечера литературные состоялись, и за серьезность ихъ Казначеевы получили со стороны нѣкоторыхъ современниковъ прозваніе «синихъ чулковъ» (Рус. Стар. 1889 г. т. LXI, 246). Липранди называетъ Варвару Дмитріевну умной, любезной и начитанной женщиной, страстной любительницей литературы (Изъ дневниковъ и воспоминаній, Руск. Арх. 1866 г.). Насколько возможно судить по имѣющимся матеріаламъ, Туманскому очень нравилось семейство Казначеевыхъ, и онъ былъ друженъ съ Варварой Дмитріевной. Самъ расположенный къ серьезной бесѣдѣ, онъ охотно посѣщалъ вечера у Казначеевыхъ и, можетъ быть, считался своимъ человекомъ въ ихъ домѣ. По крайней мѣрѣ, во время болѣзни его въ 1824 г. его навѣститъ сынъ Казначеевыхъ Александръ. Такое вниманіе тронуло нашего поэта, и онъ написалъ стихотвореніе «Сашѣ Казначееву». Конечно, это посѣщеніе больного поэта

послѣдовало по внушенію матери, которая тоже была дружна съ Туманскимъ, посвятившимъ ей пьесу: «*Дѣвъ звѣздочки*». Можетъ быть, послѣднее стихотвореніе вызвано интимною бесѣдою поэта съ Варварой Дмитріевной.

Если, по словамъ Вигеля, Казначеевой не удалось составить маленькое литературное общество, то небольшой литературный кружокъ въ Одессѣ образовался и сосредоточился около газеты *Одесскій Вѣстникъ*. Съ новаго 1827-го года послѣдняя начала печататься на двухъ языкахъ, на русскомъ и французскомъ, при чемъ редакторами были А. И. Левшинъ и В. И. Туманскій. Послѣдній не ограничился однимъ редактированіемъ: въ журналѣ онъ напечаталъ рядъ мелкихъ замѣтокъ и даже отдѣльныя статьи. Такъ ему, несомнѣнно, надо приписать статью «*Фоминъ понедѣльникъ*» (*Одесскій Вѣст.* 1828 г. № 28), подписанную буквою В, какъ часто подписывалъ свои стихотворенія и статьи Туманскій въ петербургскихъ журналахъ. Въ № 30 за 1827 г. онъ напечаталъ замѣтки о «*Московскомъ Вѣстникѣ*», поддержать который просилъ его въ письмѣ Пушкинъ. Въ № 3 за 1828 г. онъ сопровождаетъ статью «*Парижскія зрѣлища*» предисловіемъ, потому что одинъ изъ авторовъ статьи, А. Левшинъ, очевидно, прислалъ ему изъ-за границы письмо.

Работы съ журналомъ было много. Посвятивъ свое изданіе «не суетному удовольствію ума, но пользѣ и выгодамъ Новороссійскаго края, редакторы увѣренно принялись за работу, хотя имѣли очень скудные способы для твердой постановки журнала». Только сочувствіе публики, сотрудниковъ и главнаго начальства поддержали предпріятіе («*Отъ издателей*». Од. В. 1827 г. № 101). Съ 1828-го года прекращается дѣятельное участіе Туманскаго въ *Одесскомъ Вѣстникѣ* вслѣдствіе отъѣзда его изъ Одессы въ Молдавію и Валахію. Помимо литературныхъ кружковъ и отдѣльныхъ личностей, поддерживавшихъ поэтическую дѣятельность, «проза жизни» не могла еще и потому овладѣть душою Туманскаго, что его окружала роскошная природа юга, природа Крыма и Бессарабіи, сюда же приносились вѣсти о борьбѣ грековъ съ турками, повлекшей вмѣшательство Россіи,—все это давало пищу его творчеству и все обозначено его поэзіей.

Если къ пребыванію на югѣ отнести его службу въ Молдавіи и Константинополѣ, то можно сказать, что въ этотъ періодъ

опредѣлилась вполне его фязіономія, какъ поэта, онъ пріобрѣлъ извѣстность и печатался почти во всѣхъ извѣстныхъ тогда журналахъ и альманахахъ. Его произведенія со страницъ *Сына Отечества*, *Благонамѣреннаго* и *Соревнователя просвѣщ. и благовѣр.* перешли на страницы *Новостей литературы*, *Литературныхъ Прибавленій къ Русскому Инвалиду*, *Сѣверныхъ Цветовъ*, *Полярной Звѣзды*, *Славянина*, *Московского Вѣстника*, *Невскаго Альманаха*, *Современника*, *Утренней Зари* и другихъ изданій, которыя охотно перепечатывали стихотворенія нашего поэта. Кромѣ того, они появлялись въ отдѣльныхъ сборникахъ лирическихъ произведеній, въ родѣ «Анеологій» Яковлева, и сборникахъ пѣсень, романсовъ, эпиграммъ. Весьма вѣроятно, что нѣкоторыя элегіи Туманскаго положены и на музыку, хотя намъ не удалось отыскать ни одного экземпляра нотъ съ его произведеніями; быть можетъ, специалисты поинтересуются этимъ вопросомъ и подтвердятъ наше предположеніе.

Такимъ образомъ, въ жизни и дѣятельности Туманскаго пребываніе на югѣ занимаетъ господствующее положеніе. Можно сказать, что на югѣ онъ созрѣлъ, какъ поэтъ, на югѣ же и закончилось его поэтическое творчество. Прощаясь съ Неаполемъ, Туманскій прощался и съ своимъ поэтическимъ творчествомъ; разставаясь съ югомъ, онъ чувствовалъ, что «проза жизни», переѣздъ въ Петербургъ убьютъ его скромный пылъ, и съ горестью спрашивалъ:

О, что же отнынѣ мой путь озаритъ
 Такимъ вдохновительнымъ свѣтомъ?
 Что душу, какъ ты (Неаполь), освѣжитъ, обновитъ
 И врѣжется въ память завѣтомъ?..

Прошло какихъ либо четыре-пять лѣтъ, и вотъ слышится изъ устъ поэта «жалоба»;

Гдѣ прежнихъ думъ огонь и сила?
 Гдѣ вдохновеніе молодой моей поры?
 Я старецъ: чувственность, какъ бездна, поглотила
 Обильной юности дары...
 Отдай мнѣ, ангелъ мой, хоть на одно мгновенье
 Мой чистый, мой сердечный трудъ:
 Игривой мысли вдохновенье,
 Завѣтныхъ образовъ сосудъ!..

IV.

Современная Туманскому критика да и послѣдующая не удѣляла много вниманія его стихотвореніямъ. Главными причинами такого явленія слѣдуетъ считать рѣдкое, сравнительно съ другими, выступленіе на страницахъ журналовъ и альманаховъ и скромность поэта, не дерзнувшего при жизни издать отдѣльною книгою свои произведенія, хотя матеріальная обезпеченность позволяла ему сдѣлать это. Однако пройти молчаніемъ также нельзя было стихотворенія его, особенно съ 1825 года, когда муза его окрѣпла и взяла вѣрный поэтический тонъ.

Чтобы видѣть, что цѣнили современники въ поэзіи его, приведемъ нѣсколько отзывовъ о Туманскомъ.

Начнемъ съ отзывовъ наиболѣе компетентнаго судьи того времени, А. С. Пушкина. Послѣдній не всегда отзывался о нашемъ поэтѣ одинаково, что слѣдуетъ объяснить чисто личными отношеніями. Проживъ съ нимъ болѣе года въ Одессѣ и хорошо узнавъ его, Пушкинъ писалъ Плетневу 31 января 1831: «Вижу по письму твоему, что Туманскій въ Петербургѣ,— обними его за меня. Полюби его, если ты еще его не любишь. Въ немъ много прекраснаго, несмотря на нѣкоторыя мелочи характера малороссійскаго». Эти «мелочи характера малороссійскаго», къ которымъ такъ снисходительно относился великій поэтъ, въ людяхъ заурядныхъ вызывали возмущеніе. Въ характерѣ Туманскаго, несомнѣнно, были черты польской гордости и чисто малороссійскаго упрямства. Въ людяхъ желчныхъ, подобныхъ Вигелю, эти черты характера вызывали раздраженіе, и они говорили о немъ: «Самодовольство его, хотя учтливое, дѣлало общество его не весьма пріятнымъ; ему нельзя было совсѣмъ отказать въ умѣ, но, подобно фампильному имени его, онъ свѣтился сквозь какой-то туманъ. Всегда бывалъ онъ пристоеенъ, хладнокровенъ; иногда же, когда вздумается ему показаться веселымъ, и онъ захочетъ сказать или рассказать что-нибудь смѣшное, никого какъ-то онъ не смѣшилъ» (Записки, VI, 119 стр. и сл.). Кромѣ того, по неоднократному свидѣтельствуванію, Туманскій иногда въ отношеніи Пушкина становился такимъ пріятелемъ, которые не заслуживали ни дружбы, ни довѣрія. Припомнимъ рассказъ самого Пушкина

о враньѣ Туманскаго (Письмо къ брату отъ 25 авг. 1823 г.), разсказъ Никитенка о сожженной Норовымъ нецензурной поэмѣ (Дневникъ, II, 240)—все эти и подобныя поступки должны были вызывать неудовольствіе и раздраженіе.

Первый отзывъ о Туманскомъ, какъ поэтѣ, данъ Пушкинымъ въ письмѣ его къ А. Бестужеву отъ 12 янв. 1824 г. изъ Одессы. «Туманскаго вчера и сегодня я не видалъ, пишеть поэтъ, и письма твоего не отдалъ. Онъ славный малый, *но какъ поэта я не люблю его*. Дай Богъ ему премудрости». Послѣдующіе отзывы благоприятныя. Въ письмѣ къ брату Льву Сергѣевичу (февр. 1825) онъ говоритъ: «Мой Коншинъ написалъ, ей-Богу, миленькую пьесу: *Дъвушка влюбленному поэту*—кромѣ авторами. А куда онъ, Коншинъ! Его *элегія* въ «Цвѣтахъ» какова?» Самому Туманскому онъ писалъ 13 авг. того же года: «Что ты? что твоя поэзія? Сдѣлай милость, не забывай своего таланта; боюсь, чтобъ проза жизни твоей не одолѣла поэзіи души. *Дъвушка влюбленному поэту*—прелестъ!»... То просить его: «Подкрѣпи насъ прозою своею и утѣшь стихами (Письмо Т-ому въ началѣ 1827 г.). Рылѣевъ совѣтовалъ ему: «Отжени лѣнь, пиши, но пиши дѣло—у тебя прекрасный талантъ: ты самъ не дорожишь имъ». (Кіев. Стр. 1899 г., № 3). Бестужевъ-Марлинскій упрекалъ: «Что твоя муза дѣлаеть?—что-то плошаеть, кажется, подъ свѣтлымъ южнымъ небомъ. Грѣхъ, Вася, грѣхъ»... (Тамъ же). Плетневъ въ «*Письмѣ къ графинѣ С. И. С. о русскихъ поэтахъ*» говоритъ о нашемъ поэтѣ: «Туманскій (Василій), изображая легкія, но утѣшительныя мечты свои, говоритъ сердцу. Онъ часто наводитъ васъ на такую мысль, которая новостію своею изумляетъ вашу душу» (Сѣверныя Цвѣты на 1825 г., стр. 3—80). *Московский Вѣстникъ*, сотрудничества Туманскаго въ которомъ такъ желали, назвалъ нашего поэта «мечтательнымъ» (М. В. 1828 г. ч. 8, 200 стр.). Воейковъ въ своихъ статьяхъ «*Пересмѣшникъ*» (Литер. Прибавл. къ Русскому Инв. 1833 г. № 64, 508—510), сообщивъ, что явился поэтъ, который идетъ въ лирикѣ новою, своею дорогою («Соединяя въ стихахъ своихъ истину чувствъ съ удивительною точностію мыслей, онъ показалъ опыты прямо классической поэзіи. Составъ его стихотвореній, правильность и прелестъ языка, ходъ мыслей и сила движеній сердца выше всякой критики»), спрашиваетъ, къ кому изъ живыхъ писателей можно отнести его сообщеніе. Присутствующіе

на литературномъ вечерѣ у князя Чичкинскаго гости сперва называютъ *Туманскаго* и читаютъ его стихотворенія *Къ ней* (Не цвѣта небеснаго...) и *Мысль о югѣ*. По прочтеніи ихъ дамы воскликнули: «Какая роскошь! какой блескъ выраженій! какая прелесть!» Одинъ изъ профессоровъ за себя и за товарищей говоритъ: «Надобно признаться, что короткіе стихи одесскаго поэта показываютъ въ немъ достойнаго сына Аполлона, по отчетливости слога и мыслей. Краткость рѣчи не только не вредитъ ясности стиховъ его, но придаетъ имъ особенную силу. Онъ въ составленіи періодовъ столько же разнообразенъ, какъ и въ изображеніи новыхъ мыслей». Впрочемъ, одинъ изъ коллегъ профессора не согласился, что Туманскій идетъ *новою дорогою*. Въ концѣ споровъ (№ 66, стр. 522), назвавъ кн. Вяземскаго, Баратынскаго, Языкова, Подолинскаго, Бар. Дельвига, *Вас. Туманскаго*, Веневитинова, Вердеревскаго, Плетнева, Хомякова и др., пришли къ такому выводу: «Всѣ сіи поэты исполнены поэтическаго огня и смѣлыхъ картинъ... слогъ ихъ отсвѣчивается красотою первоклассныхъ поэтовъ (т. е. Жуковскаго и Пушкина)... дарованіе ихъ быстро идетъ блистательнымъ путемъ своимъ... Ни одного изъ нихъ нельзя упрекнуть въ водяности, растянутости, шероховатости, разгильдяйствѣ... въ стихахъ ихъ видна чистота души и ясность мыслей»... И. Киріевскій въ своемъ *Обозрѣніи русской словесности 1829 года* (Альм. Денница, 1830 г., IX—LXXXIV стр.) говоритъ, что вліяніе Итальянское или Батюшкова замѣтно у немногихъ современныхъ поэтовъ. «*Туманскій* отличается между ними нѣжностью чувства и музыкальностью стиха». Въ редакціонной статьѣ *Одесскаго Альманаха* на 1840 г. (стр. 1—34), кромѣ Пушкина и Мицкевича, говорится о В. Туманскомъ, В. Тепляковѣ и Якубовичѣ, при чемъ они названы «именами, которыя на ея (Одессы) небосклонѣ свѣтились и свѣтятся поэтическою извѣстностью».

Вс. Крестовскій въ 1858 г. на страницахъ *Русскаго Слова* (Библиографія, 75—79 стр.) перепечаталъ нѣсколько стихотвореній В. И. Туманскаго (*Мысль о югѣ, Гондольеръ и поэтъ, Романсъ, Судьба, Идеаль*) и далъ такой отзывъ о его произведеніяхъ: «Вся лучшая, свѣжая, здоровая сторона пушкинской школы и пушкинскаго вліянія отразилась на Туманскомъ... Посмотрите: какой широкій размахъ, какое стройное движеніе, какой свободный лирическій порывъ разомъ и плавно вылились

такою полною, живучею струею въ только что приведенномъ нами стихотвореніи (*Мысль о югѣ*)! Какая смѣлость и даже оригинальность относительно того времени отразились на самой формѣ стихотворенія, на этой гармоніи звучнаго, пѣвучаго стиха, на этомъ размѣрѣ, которымъ въ то время у насъ никто не писалъ и который тогда звучалъ во всей своей красотѣ только у Гейне въ его пѣсняхъ, а на нашу почву былъ вполне перенесенъ только Фетомъ, однако уже гораздо позже—однимъ словомъ на всемъ этомъ стихотвореніи легла особенная, оригинальная для того времени поэтическая печать.

Н. В. Гербель (Русскіе поэты, 270 стр.) сообщаетъ, что «пѣса В. Туманскаго *Моя любовь* перепечатана въ *Весеннихъ Цветахъ* на 1835 г. и въ *Современникъ*» на 1856 г. *съ именемъ Пушкина*. Кроме того, онъ перечисляетъ рядъ стихотвореній Туманскаго, которыя считаются наилучшими (Поэзія, Звено, Элегія и мн. др.).

Наконецъ, г. Саводникъ, посвятившій нашему поэту довольно обширную статью (Русскій Вѣст. 1902 г. февраль, 544—563 стр.), отводитъ его поэзіи скромное мѣсто на русскомъ Парнасѣ: «стихотворенія его имѣютъ лишь относительно эстетическое достоинство, мотивы его не отличаются новизной или яркой окраской индивидуальности». Г. Саводникъ интересуется Туманскимъ, какъ *типическимъ* поэтомъ 20-хъ годовъ XIX столѣтія, но, къ сожалѣнію, сьузилъ задачу, обобщивъ его съ Ленскимъ, чему противорѣчатъ свидѣтельства многихъ воспоминаній. Подводя итогъ вышеуказаннымъ отзывамъ, мы должны притти къ слѣдующимъ выводамъ: 1) Туманскій обладалъ несомнѣннымъ поэтическимъ талантомъ, которому не придавалъ особеннаго значенія; 2) Талантъ этотъ по преимуществу лирическій, говорящій сердцу; 3) Характеръ его лирики отразилъ наилучшія черты лирики Пушкина; 4) по содержанію своей лирики онъ является типическимъ поэтомъ 20-хъ годовъ XIX столѣтія.

Признавая эти выводы вполне справедливыми, постараемся опредѣлить существо и строй лирики Туманскаго и въ заключеніе коснемся вопроса о его типичности, какъ поэта-лирика 20-хъ годовъ прошлаго вѣка.

Пересматривая печатаемыя въ настоящемъ изданіи пѣсы Туманскаго, мы находимъ въ его лирикѣ, какъ и въ лирикѣ Пуш-

кина, образчики всѣхъ исторически-сложившихся формъ и видовъ лирической поэзи: *оды, элегій, пѣсни, романсы, сонеты, эпиграммы*. Не менѣе разнообразія найдемъ мы въ лирикѣ Туманскаго, если дадимъ ей нѣсколько новую классификацію, ту, какую далъ проф. Овсяннико-Куликовскій для лирики Пушкина. По этой классификаціонной схемѣ, различаютъ три разновидности: 1) лирику *живописную*, 2) лирику *музыкальную* и 3) лирику *психологическую*. Сущность живописной лирики сводится къ тому, что поэтъ воспроизводитъ въ словѣ зрительные эффекты и тѣмъ производитъ лирическую эмоцію. У всѣхъ поэтовъ матеріаломъ для живописной лирики служатъ картины природы. У Туманскаго, впрочемъ, часто съ живописью слова соединяются другіе элементы, элементы музыкальнаго или психологическаго лиризма. Какъ на образчики живописной лирики, чистой или съ примѣсью другихъ элементовъ, укажемъ на слѣдующія произведенія: *Монастырь, Лауринъ источникъ, Картина Жиродета, Видѣнье, Черная рѣчка, Паденье листьевъ, Одесса, Гондольеръ и поэтъ, Strand-weg, Домъ на Босфорѣ* и др.

Прочтите, напримѣръ, стихотвореніе «*Домъ на Босфорѣ*» и вы увидите, что здѣсь на первый планъ выступаетъ рядъ картинъ, которыя живописецъ легко переведетъ на языкъ красокъ. Эти картины создаютъ и настроеніе, т. е. сообщаютъ пьесѣ лиризмъ. Въ лирикѣ музыкальной эмоція вызывается мелодіей стихотворной формы, которая дѣйствуетъ на душу, какъ музыка. Пьесы такого сорта легко переложимы на музыку. Такихъ произведеній сравнительно немного у нашего поэта. Сюда слѣдуетъ причислить такія стихотворенія, какъ: *Элегія, Сонетъ, Пѣсня, Пѣсня татарской дѣвы, Пѣснь любви, Романсъ, Двѣ пѣсни*. Если въ такихъ пьесахъ мелодія формы сливается съ возвышенностью настроенія, то получаютъ тѣ перлы поэзи, которые вызываютъ въ душѣ читателя лирическую эмоцію большой силы, о которыхъ можно сказать словами Салерн о Моцартѣ:

«Какая глубина!

Какая смѣлость и какая стройность!»

получается, словомъ, та «райская пѣсня», которая въ «чадахъ праха» пробуждаетъ «безкрылое желанье». Слѣдуетъ прочесть такую, напримѣръ, пьесу, какъ *Моя любовь*, чтобы сознать, что здѣсь зрительныя представленія ступеньваются, и

мелодія стиха сливается въ нѣчто единое съ возвышеннымъ чувствомъ. Недаромъ это стихотвореніе было приписано Пушкину, потому что оно напоминаетъ такіе перлы міровой поэзіи, какъ «*Для береговъ отчизны дальней*» и др. пьесы великаго поэта.

Болѣе часто лирическіе поэты раскрываютъ въ своихъ произведеніяхъ тайники души человѣческой: едва уловимыя чувства, мимолетныя душевныя движенія. Лирика психологическая и раскрываетъ передъ читателемъ все то сокровенное, темное, непонятное, что живетъ въ душѣ человѣческой и дѣлается доступнымъ въ эмоціональномъ выраженіи. Въ психологической лирикѣ эмоція возбуждается не зрительными представленіями, не мелодіей звуковой формы, а тѣмъ психологическимъ процессомъ, который воспроизводится поэтомъ. Послѣдній нашелъ въ своей или чужой душѣ любовь, тоску или радость, скорбь или отчаяніе, и эти чувства превращаетъ въ мощную лирическую эмоцію. Къ такимъ пьесамъ слѣдуетъ отнести: *Стихи на корь вяза, Слабость, Веселый часъ, Къ другу дѣтства, Моя мысль, Отзывъ сердца, Истина, Пѣвецъ, Е. М. К., Гимнъ Богу, Моей дѣвѣ, На разлуку, Софья, Къ Сидевилю, Къ Сестрѣ, Стансы къ Аркадію, Музы, Больное дитя, Жалоба, Милой дѣвѣ, Дѣвѣ звѣздочки, Мольба, Стызованіе, На кончину Ризничъ, Пѣсня татарской дѣвы* и мн. др. Этотъ отдѣлъ лирики преобладаетъ въ поэзіи Туманскаго. При этомъ въ пьесахъ подобнаго рода онъ воспроизводитъ преимущественно личныя переживанія, почему его лирика должна быть названа *субъективною* по преимуществу. Лишь въ немногихъ стихотвореніяхъ онъ воспроизводитъ чужія переживанія.

Что касается *общаго характера и настроенія* лирики Туманскаго, то лучшее опредѣленіе ихъ дано имъ самимъ въ слѣдующихъ стихахъ къ Софьѣ Григорьевнѣ Туманской:

Отъ первой юности къ печальнымъ думамъ склонный,
То днемъ разсѣянный, то по почамъ бессонный,
И къ счастью и къ любви невѣріе храня,
За тщетный жизни даръ ропталъ на Небо я...»

Въ другомъ стихотвореніи онъ признается, что въ самомъ началѣ своей поэтической дѣятельности онъ пѣлъ

«...въ тишинѣ
Одну любовь, одну печаль» (Къ А. О. В.).

Дѣйствительно, элегическій тонъ преобладаетъ въ поэзіи Туманскаго. Въ первой элегіи «*Поле Бородинскаго сраженія*» уже ясно опредѣлилось настроеніе юнаго поэта, который въ 17-ть лѣтъ восклицалъ: «О человѣчествѣ здѣсь буду горевать!» Большая часть его стихотвореній носитъ названіе «элегія» и отличается грустнымъ характеромъ. Даже пьесы, посвященные любви, полны элегическихъ нотъ. То онъ горюетъ, что красавицы коварны (*Слабость*), то признается, что для него любовь—мечта, одно обманчивое чувство (*Элегія*), что онъ недовѣрчиво глядитъ на слѣдъ минувшихъ чувствъ и муки (Postscriptum 1825 года), то твердитъ, что образъ любимой дѣвушки всюду съ нимъ, властвуетъ его душой (*Моя любовь*), что онъ наперекоръ судьбѣ любить ее одну (*Постоянство*), то подъ вліяніемъ охватившаго его чувства восклицаетъ:

Любовь, любовь! владѣй ты мною!

Во многихъ его пьесахъ встрѣчаются рядомъ: любовь и разочарованіе (*Элегія*), любовь и смерть (*Романсъ, Вертеръ къ Шарлоттѣ*), любовь и ревность (*Къ Деміи*), любовь и измѣна (*Паденье мистъевъ*). Кромѣ любви, разочарованіе причиняется людьми вообще (*Истина*), мыслью объ ушедшей молодости и силахъ (*Сонетъ, Элегія*). Грустно становится при мысли о судьбѣ людской (*Люди и Судьба, Судьба*). Несмотря на преобладаніе грустныхъ чувствъ, поэзія Туманскаго знаетъ и свѣтлое оптимистическое воззрѣніе на жизнь и человѣчество. Если не вполне радостное настроеніе, то спокойное примиреніе съ жизнью и смертью находимъ въ такихъ, напримѣръ, пьесахъ, какъ: *Пѣсня* (Изъ Гельти).

Нѣтъ сомнѣній, что В. И. Туманскій, сильно восхищавшійся поэзіей Пушкина, невольно подражалъ великому образцу, но среди другихъ поэтовъ-подражателей онъ выдѣляется однимъ очень рѣдкимъ свойствомъ. На это свойство давно уже указалъ покойный Л. Н. Майковъ, говоря: «въ томъ-то и была бѣда мелкихъ поэтовъ Пушкинскаго времени, что всѣ они какъ бы роковымъ образомъ увлекались на путь подражанія, всѣ болѣе или менѣе успѣшно усваивали себѣ внѣшніе приемы своего великаго образца, но—и только: внутренняя сущность Пушкинскаго творчества, его удивительное умѣнье соединять изящество формы съ глубиной содержанія, все это оставалось имъ чуждымъ».

(Л. Майковъ, Пушкинъ. Спб. 1899 г., 35 стр.). Какъ несомнѣнный поэтъ-художникъ, Василій Ивановичъ умѣлъ по-пушкински трактовать темы своихъ стихотвореній. Недаромъ же такія его пьесы, какъ *Моя любовь*, печатались неоднократно съ именемъ А. С. Пушкина. Прочтите эту пьесу—и невольно придутъ въ память многія стихотворенія Пушкина, посвященныя чувству, которое всегда вливалось въ душу великаго генія бодрость и заставляло его восклицать: «Но не хочу, о други, умирать!»

Остается сказать нѣсколько словъ о *типическомъ* значеніи нашего поэта. Исслѣдователь русской журналистики 20-хъ—30-хъ годовъ XIX столѣтія С. Весинъ, характеризуя отдѣлы стихотвореній, приходитъ къ такому выводу: темы стихотвореній того времени вертѣлись «около предметовъ любви, разочарованія въ жизни, опредѣленія сущности поэзіи и поэта». Въ пьесахъ о женщинѣ и любви встрѣчались мысли такого рода: законъ любви—могущественнѣйшій законъ въ мірѣ; любовь обладаетъ всѣмъ, что даетъ отраду и покой. Въ стихотвореніяхъ о поэтѣ и поэзіи развивались такія мысли: поэзія свята; она—любовь, надежды, вдохновенье; поэтъ—чудное явленіе; онъ—сынъ боговъ, принявшій отъ неба въ даръ возвышенныя думы и сладкія пѣсни; когда поэтъ преданъ думѣ, онъ погруженъ въ волшебный сонъ, въ немъ зрѣетъ мысль, и не должно прерывать его думы, но толпа часто не понимаетъ этого; святая гармонія поэзіи сложена изъ дивныхъ звуковъ; истинный поэтъ не умираетъ и т. д. (С. Весинъ. Очерки исторіи русской журналистики 20-хъ и 30-хъ годовъ. Спб. 1881 г., 182—192 стр.). Насколько В. И. Туманскій подходитъ подъ эту *общую* мѣрку поэзіи своего времени, лучше всего видно изъ того, что Весинъ приводитъ, какъ *типическіе* образцы, его стихотворенія «Поэзія», «Въ память Веневитинова» и одну эпиграмму. Такимъ образомъ, *типичность* Туманскаго, какъ поэта 20-хъ—30-хъ годовъ XIX ст., которую такъ подробно раскрылъ въ своей статьѣ г. Саводникъ, была предвосхищена г. Весинымъ. Не останавливаясь поэтому подробно на статьѣ г. Саводника, чтобы не повторяться, мы скажемъ, что В. И. Туманскому, можетъ быть, наиболѣе другихъ поэтовъ-современниковъ приличествуетъ титулъ «*послѣдователя и подражателя Пушкину*», ибо онъ наиболѣе другихъ отразилъ внутреннее существо великаго образца.

V.

30 апрѣля 1846 г. В. И. Туманскій уволенъ былъ по прошенію отъ службы. По выходѣ въ отставку, онъ поселился въ родовомъ своемъ имѣніи, въ селѣ Апанасовкѣ, Гадячскаго уѣзда, Полтавской губерніи, но неоднократно посѣщалъ Москву и Петербургъ. Впрочемъ, первые три года послѣ отставки онъ прослужилъ почетнымъ попечителемъ Полтавской гимназіи, при чемъ заботился объ улучшеніи ея библіотеки и физическаго кабинета; затѣмъ совершенно устранился отъ всякихъ официальныхъ должностей. Кстати съ 1850 г. ему пришлось принять на свое попеченіе трехъ сиротъ Сатиныхъ, дѣтей его родной сестры Ольги Ивановны. 25 мая 1850 г. въ Москвѣ онъ подписалъ домашнее условіе съ братьями мужа своей сестры Сергѣемъ и Николаемъ Васильевичами Сатиными, которые обязались выдѣлить изъ наслѣдственныхъ имѣній племянникамъ своимъ Аркадію, Николаю и Михаилу Сатынымъ часть, равняющуюся капиталу въ 130 тысячъ руб. ассигн. (37,143 руб. сереб.)¹⁾

Василій Ивановичъ подписалъ это условіе, какъ опекунъ сиротъ, которыя и поселились у него въ Апанасовкѣ. Кромѣ заботъ по воспитанію дѣтей сестры, онъ наполнялъ досуги своего уединенія чтеніемъ да леченіемъ своего уже больного организма. Въ 1858 г., зимою, его постигла тяжкая и продолжительная болѣзнь, и хотя онъ выздоровѣлъ, однако здоровье его сильно измѣнилось.

Какъ только Василій Ивановичъ поселился на родинѣ, на дворянскихъ выборахъ его не разъ желали избрать въ какую-либо должность, достойную его многообразныхъ знаній и прямодушнаго характера; но, чувствуя слабость здоровья, онъ всегда отклонялъ отъ себя такую честь. Послѣ же тяжелой болѣзни 1858 года онъ считалъ себя совершенно неспособнымъ нести какую-либо общественную обязанность. Однако обстоятельства жизни общественной не позволили такому образованному чело-вѣку жить спокойно. Приближалась эпоха крестьянскихъ реформъ. Наступало время, когда по большимъ городамъ возникали комитеты объ улучшеніи быта помѣщичьихъ крестьянъ. Дворяне

¹⁾ См. Жур. Мин. Нар. Пр. 1905 г., № 5. «Новые матеріалы для біографіи В. И. Туманскаго».

Гадячскаго уѣзда единодушно избрали В. И. Туманскаго въ члены комитета. Декабристь по связямъ и убѣжденіямъ, всегда лелѣявшій мечту объ улучшеніи быта помѣщичьихъ крестьянъ и еще недавно въ сельскомъ уединеніи обдумывавшій вопросъ о необходимости измѣненія отношеній между помѣщиками и ихъ крестьянами, какъ не соотвѣтствующихъ положенію другихъ просвѣщенныхъ государствъ и задерживающихъ матеріальное и нравственное развитіе огромной массы нашихъ соотечественниковъ, больной поэтъ съ удовольствіемъ принялъ избраніе. Въ комитетѣ онъ оказался лучшимъ дѣятелемъ и былъ избранъ первымъ членомъ редакціонной комиссіи. Какъ членъ комитета, онъ въ послѣдній разъ послужилъ обществу своимъ перомъ, изложивъ съ необыкновенною ясностью и сжатостью проектъ положенія объ улучшеніи быта помѣщичьихъ крестьянъ Полтавской губерніи. Въ комитетѣ же онъ непринужденно со всѣмъ своимъ краснорѣчіемъ высказывалъ свои мысли по великому вопросу о крестьянской реформѣ. Его сужденія, какъ сужденія человѣка съ высокимъ образованіемъ и истинно гуманнаго, выслушивались съ большимъ вниманіемъ. По окончаніи занятій комитета, Василя Ивановича избрали депутатомъ въ Петербургъ для представленія «Проекта положенія объ улучшеніи быта помѣщичьихъ крестьянъ Полтавской губерніи»; но онъ не могъ принять этого лестнаго для него выбора, такъ какъ чувствовалъ слабость здоровья. Оставшись въ своей деревнѣ, онъ съ нетерпѣніемъ ждалъ разрѣшенія крестьянскаго вопроса на началахъ полной справедливости для обѣихъ сторонъ; но почти за годъ до радостнаго дня освобожденія крестьянъ, 23 марта 1860 г., онъ скончался и оплаканъ своими крестьянами, потерявшими въ немъ не только добраго господина и благодѣтеля, но и своего друга, который всегда сочувствовалъ всѣмъ ихъ радостямъ и раздѣлялъ ихъ горе. На могилѣ его поставленъ скромный памятникъ, а одинъ изъ сосѣдей Петръ Ставицкій письмомъ въ редакцію «*Московскихъ Вѣдомостей*»¹⁾ отъ 28-го марта 1860 г. сообщилъ о его смерти и послѣднихъ годахъ жизни въ с. Апанасовкѣ.

Какъ близокъ былъ сердцу В. И. Туманскаго день 19 февраля 1861 года, какъ онъ ждалъ этого великаго событія, объ этомъ даетъ вѣрное понятіе сочиненная имъ рѣчь къ крестьянамъ

¹⁾ М. В. 1860, № 91.

отъ лица помѣщика. Быть можетъ, онъ мечталъ произнести такую же рѣчь къ своимъ крестьянамъ, если бы дожилъ до радостнаго событія. «Считаю себя истинно счастливымъ,—такъ начинается это обращеніе къ крестьянамъ,—что дожилъ до этого радостнаго для васъ дня. Отъ всего сердца поздравляю, добрые крестьяне, съ правами гражданства, дарованными вамъ милостію нашего благодушнаго государя императора. Дворянство несетъ жертвы для блага крестьянъ, и я радостно, съ восторгомъ приношу жертву для блага вашего, для вашего счастья.

«Скажу съ твердою увѣренностью: совѣсть моя предъ вами чиста; я жилъ съ вами всегда въ мирѣ, несмотря на крѣпостное право; я васъ не обижалъ, не разорялъ и дѣлалъ все, часто съ ущербомъ для себя, чтобы вы были безбѣдны. Поэтому я въ правѣ нынѣ дать вамъ отеческія назиданія: живите мирно, спокойно, будьте трудолюбивы, бережливы, трезвы и не уклоняйтесь отъ слѣдуемыхъ повинностей. Уважайте законъ, приучайтесь уважать чужую собственность, чтобы современемъ уважали и вашу; почитайте и повинуйтесь неуклонно властямъ, надъ вами поставленнымъ.

«У меня есть земля, у васъ есть трудъ—поэтому мы должны жить въ добромъ согласіи для блага нашего, для блага любезной нашей родины. Въ знакъ добраго согласія, новые граждане, дайте мнѣ вашу руку, моя рука всегда честная, и я надѣюсь, вы ее никогда не выпустите изъ вашихъ рукъ... До свиданія; еще поздравляю съ правами гражданства; будьте счастливы, богатѣйте, живите лучше и учите дѣтей вашихъ всему доброму и честному» ¹⁾.

Какъ видно изъ свидѣтельства сосѣда Туманскаго, послѣдній написалъ въ рѣчи то, что проводилъ въ жизни задолго до реформы 19 февраля 1861 годѣ.

¹⁾ См. Пантеонъ Литературы. 1890 г. Василій Ивановичъ Туманскій. Отд. оттискъ. 9—10 стр.

Домъ, въ которомъ жилъ (съ 1846 г.) и скончался В. И. Туманскій: находится въ с. Апанасовкѣ, Полтавской губ., Гадыцкаго уѣзда.

I.

Стихотворенія В. И. Туманскаго.

Меня ли вы не досчитали
Въ той многолюдной сторонѣ,
Гдѣ, юный, пѣлъ я въ тишинѣ
Одну любовь, однѣ печали?
Вы ль слабый вспомнили мой жаръ,
Напѣвы грусти одинокой?

Декабря 4-го 1824 г.

1817 г.

I.

Поле Бородинскаго сраженія ¹⁾).

Элегія.

Подражаніе Тидге.

1. Ужь солнце за горой—послѣдній лучь затмился,—
Во мрачность дикую закутались лѣса,
И вѣтерокъ ночной въ кустарникахъ рѣзвился
И тихою луной златились небеса.
5. Все успокоилось—лишь вѣтви колебались,
Въ зажженныхъ деревняхъ еще огонь пылалъ
Все тихо—лишь вдали оклики раздавались,
И рѣдкій пушекъ громъ въ долинахъ рокоталъ.
Въ уединеніи—съ разстроганной душою,
10. На мшистомъ холмѣ семь я буду размышлять.
Покой бѣжитъ меня, лишь ужасъ предо мною;
О человѣчествѣ здѣсь буду горевать!..
Сребримыя луной тамъ копія сіяютъ,
Гдѣ тысячи смертей носилися за часъ;
15. Черешья, кости тамъ долину наполняютъ,
Гдѣ храбрыхъ воиновъ безстрашный сонмъ угасъ.
Спокойно здѣсь лежитъ, какъ бы на лонѣ друга,
Глава, простертая на мертвый трупъ врага;
А тамъ вблизи щитовъ, обломковъ отъ кольчуга
20. Съ рукою вражеской сплетенная рука.
Лишь въ жизни ненависть, смерть всѣхъ насъ примиряетъ!

¹⁾ Первый опытъ семнадцатилѣтняго Поэта.

- Покоятся они, на полѣ чести павъ,
И геній жизни ихъ безсмертный возлетаетъ
Въ обитель вѣчную довольства и забавъ—
25. Покоятся они—но гласъ о ихъ дѣяннѣяхъ
Потомковъ возбудитъ кипящу къ славѣ кровь;
Съ восторгомъ возгласятъ они въ воспоминаннѣяхъ:
«Отцовъ сильна была къ отечеству любовь!»
Тамъ сынъ, отторгнувшись отъ матернихъ лобзаній,
30. Надѣвъ съ весельемъ шлемъ и панцырь, въ брань летитъ:
Летитъ на поле онъ ужасныхъ ожиданій,
Гдѣ лезвіе косы смерть лютая остритъ!..
Тутъ старецъ въ дряхлу длань заржавый мечъ приѣмлетъ
Свидѣтель давнишній походовъ и трудовъ,
35. И внучатъ плачущихъ моленіямъ не внемлетъ,
Слѣша умножить строй отечества сыновъ.
Тамъ дѣва юношу сама вооружаетъ
И, горестна въ душѣ, веселый кажетъ видъ,
Супругъ въ послѣдній разъ дрожайшую лобзаетъ
40. И сквозь прощанья слезъ съ улыбкой говоритъ:
«Спокойся, милый другъ, со славой возвращуся;
Всеышній дни мои во брани соблюдетъ;
Не плачь ты обо мнѣ, когда врагомъ сражуся:
Намъ за отечество пріятно умереть!»
45. И тысячи стоятъ и всѣ въ душѣ клянутся
Честь родины своей, честь предковъ поддержать;
Сразиться со врагомъ, сразить врага всѣ рвутся
Иль славной смертію жизнь славную вѣнчатъ!
Вотъ мѣсто, гдѣ сошлись съ противникомъ кичливымъ,
50. Другъ друга передя на славномъ семь пути;
Здѣсь всякой почиталъ себя стократно счастливымъ,
Коль въ жертву родинѣ себя могъ принести!..
Тутъ мѣдныхъ тысяча жерлъ пламень изрыгали,
Дымъ адской, грозной громъ страхъ вѣщій въ сердце слалъ;
55. Грудь съ грудью, щитъ съ щитомъ смерть лютую спирали.
Побѣдный гласъ осмь кратъ гремѣлъ и умолкалъ ¹⁾,
Въ рядахъ кровавая, ужасна Тизифона
Носила пламенникъ—и блѣдна, алчна Смерть,

¹⁾ Известно, что редуты были восемь разъ взяты и отнимаемы назадъ.

- Не внявъ плачевнаго, просительнаго стона,
 60. Спѣшила острую косу на всѣхъ простерть.
 Здѣсь, Александръ, Твоя безстрашная дружина
 Во прахъ разсѣяла враговъ сомкнутый строй;
 Здѣсь въ каждомъ вѣрнаго Россія зрѣла сына;
 Здѣсь каждый ратникъ былъ—безтрепетный Герой!...
65. Мужъ Славы! что Тебѣ всѣ лавры и хваленья?
 Въ бояхъ Ты воинству путь чести проложилъ,
 Но, соверша Твоихъ и чуждыхъ странъ спасенье,
 О падшихъ воинахъ ты горьки слезы лилъ!
 Въ кристалльномъ токѣ семъ, что мѣсяцъ освѣщаетъ,
70. Кровь рьяныхъ воиновъ еще, еще видна;
 Здѣсь можетъ, раненый, чуть дышущій, взираетъ
 На небо, гдѣ ему готова тишина.
 А тамъ во мрачности колеблемой дубравы,
 Избитый, опершись о изсѣченный щитъ—
75. Тамъ храбрый юноша, искатель пылкой славы,
 Подъ тѣнью дикихъ сосенъ безъ пробужденья спитъ!
 Напрасно пролетитъ молодой весны дыханье,
 Напрасно лѣто здѣсь поля озолотитъ;
 Напрасно осени угрюмой завыванье,
80. Напрасенъ хладъ зимы: покоенъ онъ—онъ спитъ!..
 Но что я слышу здѣсь—свирѣли ль нѣжной тоны,
 Иль тихое вдали журчаніе ручья?..
 Иль сердца томнаго прерывистые стоны,
 Которыхъ сладостью полна душа моя?..
85. Твой образъ носится ль, твой гласъ ли то унылый,
 Дѣвица красная лишенная всего?
 Погибъ твой юноша, погибъ надежда—милый,
 И тщетно при лунѣ здѣсь ищешь ты его!
 А тамъ, въ тѣни древесъ, сквозь листвія густые,
90. Чей свѣтлый, легкій ликъ въ унынье погружень?
 Чье копіе лежитъ и грозной мечь стальные?
 Разбитый щитъ и шлемъ? Здѣсь палъ Багратионъ!
 Бородино! тебѣ заплатимъ дань сердцами:
 Вблизи стѣнъ твоихъ сраженъ защитникъ славы твоей;
95. Могила храбраго украсится цвѣтами
 А я ее почтить могу—одной слезой!
 О юная весна! пролей источникъ чистый,

- Близъ камня скромнаго, гдѣ незабвенный спить;
И пусть незыблемой вѣками, дубъ вѣтвистый,
100. Своею тѣнью могилу осѣнить.
Пусть мечь его и щитъ, копье и шлемъ пернатый
Близъ спяща воина въ бездѣйствіи лежать;
Достѣхи бранные, сердцамаъ Россіянъ святы,
О длани, громъ изъ нихъ бросавшей, пусть гласятъ!
105. И надъ возвышенной, спокойною могилей,
На вѣтви молодой, смотрящейся въ потокъ,
Изъ нѣдръ земли явись очарованья силой
Лавровый (твоего геройства знакъ) вѣнокъ!..
- Напрасно стонемъ мы: духъ жизни отлетаетъ,
110. Но память нашихъ дѣлъ въ семь носится краю;
Мужъ почитаемый въ сердцахъ не умираетъ,
Изъ самой вѣчности бросаетъ тѣнь свою!
Безстрашные въ бояхъ на брани многи пали,
Но всѣхъ ты славою своею превосходилъ:
115. Передъ тобой и Галль и Турокъ трепетали;
Но что! Героевъ вождь, ты жизнь тамъ положилъ!
Багратіонъ, сіи ль питали мы надежды?
Отечества краса, враговъ строптивыхъ страхъ,
Арея грозный сынъ! твой сомкнулись вѣжди!
120. Но сладостенъ твой сонъ—отечество въ слезахъ!
Доколь пребудетъ свѣтъ, твой образъ не затмится:
Цѣпь славы и побѣдъ былъ твой, о Витязь! вѣкъ,
И память о тебѣ съ почтеньемъ сохранится:
Безсмертье—твоей удѣль, великій чело-
вѣкъ!..
125. Къ какой, скажите мнѣ, здѣсь жили бы мы цѣли,
Не чаявъ славою прожить до позднихъ лѣтъ?
Могилы хладныя—всего для насъ предѣлы,
И безспрестанно смерть нить жизни нашей рветъ.
Въ терзаньи, въ ужасѣ о будущемъ, въ мученьи,
130. Какъ тяжестъ мѣдная, такъ для людей всякъ часть;
Мы здѣсь стоимъ, а тамъ—въ незримомъ отдаленнѣ,
Тамъ геній мира ждетъ, угрюмый, мрачный, насъ!
Какое зрѣлище! О юный повелитель!

- Взгляни на груду тѣль и на граду костей:
135. Клянись быть своему народу покровитель,
И богомъ мира быть и щастьемъ жизни сей.
Взгляни—и сощитай, когда бѣжишь за славой,
Черепевь тысячи, которы здѣсь лежать...
Ужель пріятно столь—бичемъ, войной кровавой
140. Обломками свой вѣкъ въ Исторію вписать?..
Пріятно лаврами столь лестными увиться,
Но щастіе людей еще прекраснѣй ихъ:
И пышный, гордый лавръ въ прахъ ветхій превратится,
И въ лаврахъ челоуѣкъ въ могилѣ и—затихъ!
145. И Цесарь низлетѣлъ какъ бурей листь взмятенный,
Величье кончилось въ единый, черный день;
И грозный Карлъ лежитъ въ гробницѣ заточенный:
Безъ доблестей души военна слава—тѣнь!..
Вотъ тамъ, вотъ тамъ внизу, куда потокъ ліется,
150. Гдѣ разрывается существованья нить,
Тамъ гласъ торжественный, протяжный раздается,
Которой путнику унылу говорить:
«Что здѣсь помрачено—во тьму то погрузится,
Рукъ рушителя нигдѣ предѣловъ нѣтъ,
155. Отъ правды глазъ никто не можетъ въ мірѣ скрыться
Въ сіяніи ль, во тмѣ ль, вездѣ она его найдетъ!»
Во вотъ спокойная, на крыліяхъ зефира,
Заря багряная выходитъ изъ морей,
Сокройтеса, мечты! умолкни, томна лира!
160. Опять передо мной всё ужасы смертей!..
И освѣтятся зарей, мечи тамъ засверкали,
И въ голубой дали сіяеть шлемовъ лѣсъ,—
Чу! Бурные кони во станѣ тамъ заржали
И ратникъ копіе и звучный щитъ вознесъ!..
165. О Боже праведный! услышь мою молитву,
И громы надъ главою ревуци укроти,
Прерви ужасную, губительную битву
И благодатный миръ на землю возврати!
- 1817 г. 26 августа.

1818 г.

II.

На новый годъ.

(Одной лобезной дѣвицѣ).

1. На новый годъ любовь позволено открыть.
Симъ правомъ пользуюсь: оно мнѣ всѣхъ дороже;
Въ другіе дни о ней не буду говорить,
Но думать буду то же.

1 января 1818 г.

III.

Монастырь.

Элегія.

1. Въ туманной влагѣ водъ потухъ лучъ золотой,
Ужъ пурпурный востокъ сѣрѣть...
И ночи пелена чернѣть.
Клубится легкій паръ надъ дремлющей водой,
5. И тишина кругомъ! Лишь изрѣдка совы
Унылый крикъ страну безмолвну пробуждаетъ;
Лишь рѣзвый вѣтерокъ листочками играетъ
Иссохшія травы!

10. Въ мечтаньи я сижу на сей скалѣ сѣдой,
Угрюмымъ дубомъ осѣненный,
И вижу древности остатки предъ собой.
Тяжелымъ прахомъ покровенны:
Разсѣдшую стѣну, врата желѣзны, валь,

Развалины столбовъ, помость, подземны ходы
 15. Поросшіе травой—а древле, въ славны годы,
 Здѣсь монастырь стоялъ!

Гдѣ нѣкогда алтарь весь въ золотѣ блестяль
 Въ сіяніи священномъ храма;
 И громкій, стройный хоръ къ Всевышнему летѣль
 20. Въ душистомъ дымѣ ейміама;
 Гдѣ колокола звонъ веселье въ сердце лиль;
 Гдѣ раздавались музыки нѣжны звуки;
 Гдѣ съ теплой вѣрою, поднявши къ небу руки,
 Народъ Творца молилъ—
 25. Тамъ нынѣ пустота!.. Среди угрюмыхъ стѣнъ,
 Все мертво—всюду разрушенье;
 Лишь видишь изрѣдка готическихъ временъ
 Въ оконницахъ изображенья ¹⁾;
 Лишь кроликъ, притаясь въ развалинахъ, сидитъ,
 30. Лишь вьется ласточка здѣсь въ куполѣ высокомъ;
 И храмъ покоится въ молчаніи глубокомъ
 И вся окрестность спитъ!

Здѣсь юны узницы жизнь скромную вели,
 Грустя среди пустынныхъ келій;
 35. Онѣ всё радости въ даръ Вѣрѣ принесли,
 Не знали юности веселій!
 Тутъ дѣва, можетъ быть, потоки слезъ лила,
 И вздохи страстные, любовь въ груди таила;
 Лишь друга помнила—всѣ чувства погасила,
 40. Одной мечтой жила.

Вотъ тамъ, гдѣ по окну плетется злать густой,
 Тамъ въ поле, въ даль она глядѣла
 Глазами робкими сквозь мракъ, туманъ ночной
 И въ горести сердечной пѣла:
 45. «Разлуку тяжкую сносить нѣтъ болѣ силъ!

¹⁾ И понынѣ еще хранятся въ древнихъ Католическихъ церквахъ стекла съ прекрасными изображениями святыхъ; но это теперь рѣдкость.

Мой милый, возвратись къ подругѣ неизмѣнной;
 Ахъ! можетъ быть, къ другой любовью ослѣпленной,
 Уже меня забылъ!»

Ужели суждено мнѣ вѣчно тосковать?..

50. О милый другъ, лети стрѣлою!

Сколь сладко вмѣстѣ жить, другъ друга обожать:

«Но скоро ль буду я съ тобою?..

Мой ангелъ, поспѣшай—быстрѣе, вѣрный конь!»

Такъ пѣла узница, въ широко глядя поле,

55. Страдала менѣе, но разжигала болѣе

Своей любви огонь.

И таяла въ тоскѣ, въ противныхъ ей стѣнахъ

Угасла—здѣсь ея гробница,

Съ гробницами подругъ, и въ ветхой урнѣ прахъ.

60. Миръ праху твоему, дѣвица!

Тутъ Меланколія въ вечерній, тихій часъ,

При шепотѣ древесъ, при мѣсячномъ сіяньѣ,

Сидитъ погружена въ пріятное мечтанье,

На гробъ облокотясь.

65. Увы! сколь жизни сей ничтожны красоты!

Какъ быстро, быстро исчезаютъ

Величья, гордости обманчивы мечты!

Смотри: здѣсь зданья ислѣвуютъ,

Здѣсь тлѣнности урокъ для дерзостныхъ сердець!

70. И путникъ, въ сихъ мѣстахъ задумавшись, усталый,

Воскликнетъ, опершись на камень обветшалый:

«Всему, всему конецъ!»

1818 г.

IV.

Слабость.

1. Все кончено: я разорвалъ

Постыдныя любви цѣпи:

Красавицы коварны, слѣпы;

Ахъ! сколько я отъ нихъ страдалъ!

5. Друзья мои! въ объятія ваши

- Съ надеждой въ сердцѣ возвращусь:
 Я прежнихъ слабостей стыжусь!
 Увейте свѣжимъ плющемъ чаши;
 Пусть свѣтлое вино шумить,
 Пусть брызгами и пѣной свѣжной
 Питомцевъ ночи окропить.
 Веселый Вакхъ—нашъ богъ надежной—
 Въ меня веселіе вдохнетъ;
 Тогда измѣнницъ позабуду,
 10. Тогда на лонѣ дружбы буду
 Я Бахуса и счастье пѣть!..
 Но что я говорю?.. несчастный!..
 Ахъ! и улыбки нѣтъ—коль слезы на глазахъ;
 Нѣтъ радости—коль въ сердцѣ тайный страхъ.
 15. Прочь нектаръ для меня напрасный!
 О дружба! милая наставница людей,
 Ты сердца моего не улаждаешь болѣ:
 Увы! оно въ неволѣ;
 Не слышенъ голосъ твой при голосѣ страстей;
 20. Напрасно мнѣ свою подпору предлагаешь:
 Ужъ поздно, ужъ нельзя паденью пособить;
 Напрасно стонешь ты: желая исцѣлить,
 Ты рану сердца растравляешь!
 Оставь, не безпокой меня,
 25. Оставь мечтами наслаждаться,
 Грустить и—заблуждаться,
 Любовь къ себѣ маня;
 Свободу воспѣвать, оковы обнимая;
 Съ восторгомъ тѣнь обманчиву ловить,
 30. И о блаженствѣ говорить,
 Горючи слезы проливая!..
 Придутъ, придутъ тѣ тихи дни,
 Дни зрѣлости, дни пробужденья—
 И строгой разумъ нашъ любви разсѣетъ сны,
 40. Любви разгонитъ заблужденья,
 И время, унося все радости людей,
 Умчитъ и юность невозвратно!
 Тогда, друзья мои! освободясь цѣпей

- Постыдной праздности—для сердца столь пріятной,
 45. Столь сладкой для любви—я возвращуся вновь
 Навѣки къ вамъ, и съ ясною душою!
 Забуду слабости, а съ ними и любовь!
 И дружба опытной рукою
 Мою неопытность тамъ станетъ охранять!
50. Но съ робкою слезой я буду вспоминать
 Прощедшихъ лѣтъ мечты, восторги наслажденій,
 Невольно вздыхать, стыдиться заблужденій
 Дней юныхъ, и стыдяся—жалѣть о нихъ опять.

1818 г.

V.

Тоска по родинѣ.

(Посвящается Сомову).

1. Родина милая! скоро ль съ надеждою
 Щастья къ тебѣ возвращуся? Ахъ! скоро ли
 Рощи увижу, гдѣ въ юности
 Сладки вкушалъ я мечтанія?
5. Липы, рукою моею насажденныя,
 Зеленью кроютъ тамъ мирную хижину:
 Другъ мой! онѣ мнѣ любезнѣе
 Роскошей сада Армидина.
 Чистой ручей межъ цвѣтовъ извивается
10. Съ тихимъ журчаніемъ: тамо изъ ландышей
 Свѣжихъ, фіалочекъ бархатныхъ
 Плель я вѣнки ароматные.
 Холмъ, гдѣ невиннымъ младенцемъ съ веселостью
 Часто гонялся за пестрою бабочкой,
15. Сердцу пріятнѣй, чѣмъ гордые
 Альпы, луною сребримые.
 Свѣтлы,—какъ майское утро золотое, какъ
 Пѣнистый нектаръ, струимый богинею
 Гебою,—въ сладкой безпечности
20. Дни мои тихо катилися.
 Часто, подѣ тѣнью душистой черемухи,
 Юны луга я и рощи разсматривалъ:

- Ахъ, и цвѣточки на родинѣ
 Были гораздо прелестнѣе!
25. Здѣсь я тоскую о прежнихъ веселіяхъ;
 Быстро промчались часы наслажденія!
 Сердце мое лишь наполнено
 Томною грустью о родинѣ.
 Родина милая! скоро ль съ надеждою
30. Щастья къ тебѣ возвращуся! Ахъ! скоро ли
 Рощи увижу, гдѣ въ юности
 Сладки вкушалъ я мечтанія!

Спб. 1818 г.!

VI.

С т и х и

вырѣзанные на корѣ вяза.

1. Нѣмой свидѣтель нѣги нашей,
 Зеленый вязъ! въ тѣни твоей
 Я пилъ любовь изъ полной чаши:
 Прими жъ даръ нѣжности моей,
5. И сердца сохраняй признанье.
 Но молви тѣмъ, кого мечтанье
 Подъ сводъ сей рощи заведеть:
 «Что безъ любви блаженства нѣтъ!»

Спб. 1818 г.

VII.

П ѣ с н я.

1. Юная фіалка
 Въ мягкой муравѣ
 Разливаетъ запахъ—
 Запахъ ароматный
5. Въ мягкой муравѣ.

Какъ золотое утро,
 Такъ цвѣточикъ миль;
 Какъ весенне солнце,

- Такъ мила фіалка,
 10. Такъ цвѣточекъ миль.
 Розою алѣеть,
 Кроясь подъ кустомъ,
 Свѣжая фіалка
 Въ юности безпечной,
 15. Кроясь подъ кустомъ.

- Наступаетъ лѣто,
 И фіалки нѣтъ.
 Ахъ! она увяла,
 Бѣдная фіалка!
 20. Ужъ фіалки нѣтъ.

Спб. 1818 г.

VIII.

ПѢСНИ.

1. Земныя блага.

(Съ греческаго).

1. Первое изъ благъ—здоровье;
 А второе—красота;
 Третіе—младья лѣта;
 А четвертое—съ любовью
 5. Краткій вѣкъ свой проводить;
 Пятое—изъ чаши пить
 Свѣтлое вино съ друзьями;
 Наконецъ шестое—жить
 Съ легкокрылыми мечтами.
 1818 г.

2. Счастливый путь.

(Подражаніе Гете).

1. Разсѣялись тучи—
 И небо блистаетъ,
 И рѣзвится вѣтеръ,
 И парусъ шумить,

5. И снѣжныя волны
 Клубятся и плещуть.
 Быстрѣе, быстрѣе
 Несися, корабль:
 Синѣють дубравы,
 10. Знакомыя сердцу
 Младого пѣвца.
 О, родина!—скоро
 Мечтамъ исполненъе!
 1818 г.

3. Веселый часъ.

1. Други! веселіе!
 Кубки налиты:
 Зрѣють любовью
 Грацій ланиты;
 5. Кудри и чаши цвѣтами увьемъ.
 Прежде чѣмъ скроется
 Пылкая младость,
 Будемъ изъ розовыхъ
 Губокъ пить сладость:
 10. Радости, счастье въ сердцѣ младомъ.
 1818 г.

4. Воспоминаніе.

1. Когда потухнетъ ясный день
 И ты, покояся подъ ивой гибкой,
 Задумавшись, увидишь свѣтлу тѣнь,
 Манящую тебя съ улыбкой—
 5. Будь весела, то друга вѣрный Геній!
- Когда при золотой лунѣ,
 Знакомый гласъ любви въ твой слухъ прольется,
 И грудь твоя въ пріятномъ, сладкомъ снѣ
 Сильнѣй и радостнѣй забьется—
 10. Будь весела, то друга вѣрный Геній!

- Когда въ вечерній часъ, въ мечтахъ,
 Почувствуешь къ груди прикосновенье
 И поцѣлуй на пламенныхъ устахъ,
 Какъ утра легко дуновенье—
 15. Мечтай о мнѣ, то друга вѣрный Геній!

- Когда, любуясь надъ рѣкой,
 Услышишь ты при заревѣ денницы
 Сии слова: *на вѣки твой!*
 Какъ тихій звукъ Золовой цѣвницы—
 20. Мечтай о мнѣ, то друга вѣрный Геній!

1818 г.

IX.

Къ друзьямъ дѣтства.

1. Ужь Геній младости моей
 Свой ясный факель погашаетъ,
 И времени рука на юношу влгаетъ
 Тяжелое ярмо страстей.
 5. Я покидаю васъ, о Лары красныхъ дней!
 О кровь родительскій, прелестной,
 Гдѣ я въ тиши расцвѣлъ, гдѣ я вкушалъ покой!
 О други съ доброю душой!
 Я покидаю васъ для дали неизвѣстной:
 10. Такъ долгъ святой велить!

«Надѣйся и крѣпись!» мнѣ разумъ говоритъ;
 Но сердце симъ словамъ не вѣрить.
 Ахъ! скорби лютой не умѣрить
 Надежда тихая одна.

15. Какъ на небѣ осенняя луна,
 Плыва въ сѣдомъ туманѣ,
 Обвита облакомъ, видна
 Печальной, темною въ кипящемъ океанѣ:
 Такъ и въ душѣ моей
 20. Надежда кажется и темной и печальной.

Не видя родины и дорогихъ друзей
 Въ землѣ, мнѣ незнакомой, дальней,

- Я буду горевать, о дружбѣ слезы лить.
 Но если прежнюю любовью
 25. Вы будете пѣвца смиреннаго любить,
 И Геній мой, склоняся къ изголовью,
 Шепнетъ, что вѣрны мнѣ друзья:
 Тогда веселости струя
 Во грудь унылую прольется
 30. И голосъ радости въ отчизнѣ отзовется
 И буду счастливъ я!

1818 г.

X.

Лауринъ источникъ.

Chiare, fresche e dolci acque
 Ove le belle membra
 Pose colei, che sola a me par donna
 Date udienza—
 Alle dolenti mie parole estreme!
 Petrarca.

1. Привѣтствуя тебя, ручей!
 Въ уныніи, съ сердечною тоскою
 Лаура близъ тебя съ небесной красотою
 Молилась въ горести своей.
5. Лаура проливала слезы
 Въ сѣни древесъ, предъ олтаремъ,
 Гдѣ съ мягкой зеленью свиваются кругомъ
 Нарциссы и весенни розы.
- О чистой вѣры торжество!
 10. Здѣсь Провидѣніе Лаура умоляла,
 И въ голубыхъ глазахъ сквозъ капли слезъ сіяла
 Надежда твердая на Божество.
- Чуть вѣяль вѣтерокъ, пѣвцовъ умолкли хоры,
 Струи ручья едва лились..
 15. И въ русы локоны двѣ лиліи вплелись,
 Невинности уборы!

- И по лицу ея отрада разлилась;
 Съ улыбкой Ангельской она къ Творцу зывала
 И въ мысли къ небесамъ неслась,
 20. Гдѣ лучшей жизни ожидала.

Привѣтствую тебя, ручей—и слезы лью!
 Здѣсь тихая Лаурина могила!
 Цвѣтами урну обовью:
 Ихъ дружба чистою слезою оросила!

1818 г.

XI.

Надгробная пѣсня.

(Съ греческаго).

1. Нѣтъ Медора! нѣтъ любимца Нины!
 Онъ на утрѣ ясныхъ дней угасъ;
 Плачьте, Граціи, Амуры, плачьте:
 Юношу свирѣпый рокъ сразил!

5. Нина нѣжная, приди ко другу
 И слезами друга окропи.
 Все прошло! Надежда измѣнила!
 Ахъ! почто жъ любовь не измѣнить!

Нина страстная, спѣши ко другу.

10. По плечамъ небрежно распусти
 Золотые кудри, и лилейну
 Грудь свою, любовница, терзай!

Нина вѣрная, лети ко другу.
 Съ томною улыбкою взгляни;

15. И послѣдній поцѣлуй любви
 На устахъ его напечатлѣй!

Все исчезло! Счастье улетѣло.

Ахъ! Медора твоего ужъ нѣтъ;
 Плачьте, Граціи, Амуры, плачьте,

20. Юношу свирѣпый рокъ сразил!

1818 г.

XII.

Къ Алинѣ.

(Подражаніе Лэбрёню).

1. На розахъ, пригвожденъ
Къ постелѣ сладострастьемъ,
И лѣнностью и счастьемъ,
Въ ничтожествѣ блаженъ,
5. Любовникъ спитъ обыкновенный.
Т и б у л л ѣ , съ зарею пробужденный,
Ко славѣ отъ любви летѣлъ
И *Делію* въ восторгѣ пѣлъ.
Отважно вырвавшись изъ рукъ любви страстной,
10. Въ объятія страсти пасть прекрасно!

Нѣтъ! нѣтъ! мы не умремъ,
А л и н а , другъ сердечный!
Стихи, лобзанья, въ вѣчный,
Въ одинъ восторгъ сольемъ—

15. И смерть лишится грозной власти!
Пусть чистый пламень нашей страсти
Надъ бездною вѣковъ горить,
И мракъ могилы озарить,
Какъ мѣсяцъ молодой лѣсъ старый и дремучій;
20. Какъ молнія—мракъ тучи!

1818 г.

XIII.

Стансы къ другу.

(Изъ деревни).

1. Въ спокойномъ семъ уединеннѣ,
Подъ тѣнью яворовъ густыхъ
Я провождаю дни въ весельи,
Заботъ, печалей чуждъ мірскихъ.
5. Довольный жребіемъ, въ покоѣ,
Я жизнью наслаждаться сталъ;
Мечты исчезли: я узналъ,
Что счастье въ тишинѣ прямое.

Безвѣстенъ я, но счастливъ тутъ;
 10. Природа здѣсь меня лелѣить:
 Вокругъ плоды янтарны зрѣютъ
 И розы алыя цвѣтутъ.

Пускай шумить въ поляхъ ненастье,
 Я думаю: оно пройдетъ;
 15. И радуга мнѣ отдаетъ
 Мое спокойствіе и счастье.

Смотри: тамъ яростный ручей,
 Кипитъ, утесы оплѣняетъ;
 Но здѣсь, у хижины моей,
 20. Смирясь, онъ тихо протекаетъ.

Вотъ жизни нашей, мой Поэтъ,
 Удачное изображенье;
 Ахъ! въ свѣтѣ—только шумъ живетъ;
 Спокойствіе—въ уединеньи!

Веприкъ на Пелѣ.
 1818 г.

1819 г.

XIV.

Вертеръ къ Шарлотѣ.

(За часъ передъ смертію).

(Подраженію французскому).

1. Свѣтильникъ дней моихъ печальныхъ угасаетъ,
Шарлота! чувствую: мой тихій часъ насталь;
Въ послѣдній разъ твой вѣрный другъ взираетъ
На тѣ мѣста, гдѣ счастье онъ вкушалъ.

* * *

5. Но ты *моя!* Душа въ очарованьи
Сей мыслью сладостной, прелестною полна;
Я видѣлъ на устахъ твоихъ любви признанье,
И жизнь моя съ судьбой примирена.

* * *

- Когда луна дрожащими лучами
Мой памятникъ простой озолотить,
10. Приди мечтать о мнѣ и горести слезами
Ту урну окропи, гдѣ друга прахъ сокрытъ.
- 1819 г.

XV.

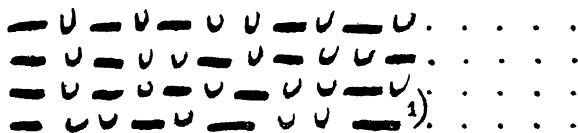
Мадригалъ.

(Аделаидѣ Л...).

1. Вы все имѣете, чѣмъ нѣжный полъ гордится:
Приятности, красу и свѣжесть юныхъ лѣтъ.
Кто знаетъ разумъ вашъ—дивится;
Кто знаетъ сердце—тотъ свое вамъ отдастъ.
- 1819 г.

XVIII.

Къ Агатону.

1. Другъ молодой! ты въ счастлии дни проводишь!
 Въ роцѣ миртовой, гдѣ подругу Эротъ,
 Въ нѣгѣ лежа на цвѣткахъ, обнимаешь,
 Ты воспѣваешь нѣжныхъ Харитъ.

* * *

5. Геба увѣнчала чело любимца
 Музъ душистымъ вѣнкомъ изъ розъ молодыхъ.
 Ты, счастливецъ! пой, воспитанникъ Грацій,
 Въ цвѣтѣ весеннемъ, мой Агатонъ!

* * *

- Но богиня милая отлетаетъ
 10. Къ небу легкимъ полетомъ; вянуть цвѣты.
 Ахъ! счастливъ любимецъ Музъ: улыбаясь
 Генія смерти кроткаго ждеть!

* * *

- Не завянетъ Феба вѣнокъ: онъ славень!
 Ты безсмертенъ, любезный Грацій пѣвецъ!
 15. Нѣкогда соперникъ юный укажетъ
 Урну твою и свѣжій вѣнокъ.

1819 г.

1) На нѣмецкомъ языкѣ написаны многія стихотворенія снмъ размѣромъ;
 я хотѣлъ только испытать его на русскомъ.

Прим. соч.

XIX.

С о н е т ъ.

(Къ Лилѣ)

1. Осмѣлился тебѣ сонетъ я написать,
Хранитель—ангелъ мой, боготворима Лила!
Любовь, сама Любовь рукой моей водила—
Безъ гнѣва можешь ли его ты прочитатъ?

* * *

5. Что чувствую, того нѣтъ силъ пересказать:
Въ себѣ ты все мое блаженство заключила,
Все сердцу милое въ одной себѣ вмѣстила;
Боготворю тебя—вѣкъ буду обожать.

* * *

- Сижу ли я съ тобой—ловлю твое дыханье;
10. Зрѣть милый образъ твой—души моей желанье;
И духъ у ногъ твоихъ готовъ я испустить!

* * *

Въ борьбѣ съ самимъ собой, въ восторгѣ, въ трепетаньи
Хочу сказать—молчу, и въ сладостномъ страданьи
Желалъ бы болѣе еще тебя любить.

1819 г.

XX.

Р о м а н с ъ.

(Изъ поэмы: Иснелъ и Аслега).

1. Прости, Иснелъ! Отецъ неумолимой
Велить отдать другому руку мнѣ:
О милой мой! лишь горести однѣ
Остались душѣ, тоской томимой,
5. Утѣшься, другъ: мнѣ суждено терпѣть,
Любить тебя, любить и умереть.

* * *

- Прости, Иснель! Когда цвѣтокъ прекрасный
 Природныя оковы разорветъ,
 Онъ кроткаго дышашья вѣтра ждетъ;
 10. Но если вдругъ засвищетъ вихрь ужасный,
 Едва разцвѣлъ,— и вянетъ нѣжный цвѣтъ—
 И къ муравѣ склонился умереть.

* * *

- Прости, Иснель! На деревѣ пустынномъ
 Голубка милого дружка ждала—
 15. Въ любви, въ тоскѣ, она его звала...
 Орель надъ ней—какъ вихрь въ порывѣ сильномъ—
 Онъ налетѣлъ—спасенья бѣдной нѣтъ—
 Ей суждено: любить и умереть.

1819 г.

XXI.

Элегія.

Tous les chagrins sont pour les coeurs fidèles;
 Tous les plaisirs sont pour les inconstans.

Raguy.

1. Любовь есть жизни сладострастье,
 Младого сердца красота,
 И наслажденіе, и счастье,
 Но для меня любовь—мечта,
 5. Одно обманчивое чувство.
 Ему я вѣрить пересталъ:
 Я опытностію узналъ,
 Что непорочность здѣсь искусство;
 Что клятвы—звукъ пріятныхъ словъ;
 10. Что раволь, поздноль—но любовь
 Непостоянна измѣняетъ;
 Что радость—какъ весенній цвѣтъ—
 Лишь разцвѣтеть и увядаетъ;
 Что счастья въ семь мірѣ нѣтъ.

1819 г.

XXII.

Нъ портрету Е. В. К—ой.

1. Амуръ стоить предъ нимъ, пдти не хочетъ прочь,
И на лицѣ его сіяеть восхищенье.
Онъ видитъ здѣсь себя написаннымъ точь-въ-точь,
И правится божку сіе перерожденье.

1819 г.

XXIII.

Ш а р а д ы.

I.

1. Начальное мое—изъ цѣлаго творится;
А цѣлое—послѣдняго боится.

II.

Часть первая моя союзъ

И въ прозѣ и въ стихахъ полезный;

5. Вторая часть—напитокъ всѣмъ любезный;
Подъячимъ и купцамъ, судьямъ, питомцамъ Музъ
И даже цѣлому—когда оно въ паденьѣ,
Лишась всего—приходить въ изступленье.

1819 г.

XXIV.

Нъ портрету

Пригожей дѣвушки, держащей собачку.

1. Образъ этотъ всѣхъ милѣе,
Я плѣниться имъ готовъ;
Можно ль выразить вѣрнѣе
Постоянство и любовь?

1819 г.

XXV.

Что есть Амуръ?

Къ Юліи.

1. Амуръ, богъ радостный, владыка мой—дитя;
 Но онъ же, Юлія, судьбою всѣхъ владѣть;
 Прекрасенъ, милъ какъ ты—онъ думаетъ какъ я.
 Лишь дѣлать болѣе онъ смѣетъ.

Веприкъ на Пслѣ.

1819 г.

XXVI.

Романсъ.

(Изъ поэмы: Иснелъ и Аслега).

1. Аслега, другъ преступной, но прекрасной!
 Увидѣтся съ тобою я спѣшилъ;
 Я бросилъ мечъ—и латы положилъ—
 Но ахъ! забыть тобой, Иснелъ, несчастной.
 5. Прощай—иду... въ чужихъ странахъ терпѣть,
 Любить тебя, любить и умереть.

- Вкушай иной любви наслажденья,
 Въ веселіи живи, забудь о мнѣ;
 Пусть буду я томиться въ тишинѣ,
 10. Ты совѣсти не чувствуй угрызеня!
 Невѣрна ты—во мнѣ измѣны нѣтъ,
 И жребій мой любить и умереть!

- Но счастье дано ли преступленью?...
 Безпечная! страшись любви молодой:
 15. Она какъ ледъ невѣрной—подъ собою
 Пучину бѣды скрываетъ и мученья.
 Прощай... спѣшу... надежды болѣе нѣтъ—
 Мнѣ суждено: любить и умереть!

1819 г.

XXVII.

Судьба цвѣтовъ.

1. Юный цвѣтъ весенній,
Прежде всѣхъ родясь,
Въ благовонной сѣни
Тихо распустясь,
 5. Всѣхъ манить собою,
Восхищаетъ всѣхъ.
И Зефиръ съ толпою
Вѣтренныхъ Утѣхъ,
Съ милыми друзьями,
 10. Къ первенцу спѣшить,
Рѣзвится... летить,
И шума крылами,
Шепчетъ: «я люблю».
И съ цвѣткомъ играетъ
 15. И цвѣтку вздыхаетъ
Про любовь свою—
И цвѣтокъ лелѣетъ...
Но лишь новый цвѣтъ
Въ полѣ разцвѣтаетъ,
 20. Только заалѣетъ
Молодой божокъ
Милый свой цвѣтокъ
Скоро забываетъ,
Скоро отлетаетъ
 25. Къ новому цвѣтку
И несетъ ему
Вѣтренникъ пригожій
Тѣ же ласки вновь,
Ту же и любовь...
 30. Постоянство—то же.
- 1819 г.

XXVIII.

Императрицѣ Маріи Теодоровнѣ.

1. Царица—счастье нашихъ дней!
 На всё дѣла твои взираю съ умиленьемъ:
 Творить добро есть долгъ царей;
 Ты сдѣлала его сердечнымъ наслажденьемъ.
- 1819 г.

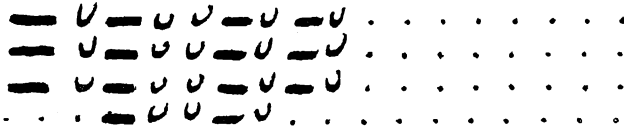
XXIX.

Разговоръ.

1. «Кто ты, дитя смѣшное?»—Я Эроть!
 «Какъ! ты Эроть?»—Чему жъ ты удивился?—
 «Но отчего ты такъ перемѣнился?»—
 — Отъ времени, отъ моды, отъ хлопотъ.—
5. — «Какъ похудѣлъ! и видъ какой развратной!»
 — Онъ нравится—и мнѣ весьма пріятно...
 — «Пріятно?»—Да, я восхищенъ собой!—
 «Гдѣ-жь стрѣлы, лукъ, опасной факель твой?»
 — Потеряны, да что въ нихъ!—«А повязка,
10. Которую въ слезахъ ты проклиналъ?»
 — Изорвана.—«Прекрасно! я не ждалъ!...
 Бѣднякъ, бѣднякъ!.. но это что за маска
 Тамъ у тебя со стороны виситъ?»
 — Онъ теперь любимыя въ народѣ.—
15. «Но козыхъ двѣ ноги?..»—Ахъ! это въ модѣ;
 А модѣ я обязанъ всѣмъ.—«О стыдъ!..
 Гдѣ-жь ты живешь?»—Я всюду обитаю,
 Вездѣ мой тронъ—и только пожелаю,
 Все сдѣлаю, я всѣми управляю,
20. Я богъ!—«Не для меня!»—Для всѣхъ! Прощай!—
- 1819 г.

XXX.

Къ Аделаидѣ.

1. Другъ твой бродить одинъ въ садахъ цвѣтущихъ,
Въ сердцѣ съ грустію. Ахъ! съ тобой въ разлукѣ
Можно ль чувствовать сладость дней весеннихъ,
Аделаида?

5. Въ свѣтломъ зеркалѣ водъ, въ лазури неба;
Въ облакахъ золотыхъ младого утра;
Въ кроткомъ свѣтѣ луны блеститъ твой образъ,
Аделаида!

Вѣтры рѣзвые въ нѣжныхъ листьяхъ дышутъ;
10. Молодые цвѣты, качаясь, шепчутъ;
Пташки въ рощѣ поютъ, и струи плещутъ,
Аделаида!

Съ грустью бродитъ твой другъ въ садахъ цвѣтущихъ!
Ахъ! любовь безутѣшна въ отдаленьи!
15. Скоро ль, скоро ль прижмешь ты къ сердцу друга,
Аделаида?

Вѣна. 9 сентября 1819 г.

XXXI.

Отзывъ сердца.

(Къ Аделаидѣ).

1. Навѣки твой! Пусть море воздымаетъ
Валы горой;
Пусть свищетъ вѣтръ, пусть степь кругомъ пылаетъ:
Навѣки твой!

5. При блескѣ золота, въ чертогѣ дивномъ,
Дивясь съ толпой;
И въ шалапѣ соломенномъ, пустынномъ:
Навѣки твой!

* * *

10. Не измѣню! Пусть въ душу хладъ прольется
Любви святой;
Въ угасшемъ сердцѣ голосъ отзовется:
Навѣки твой!

Вѣна, 9 сентября 1819 г.

XXXII.

Странное дѣло.

Къ N.

1. Зачѣмъ люблю тебя, дивлюсь!
Съ тобою только время трачу:
Когда смѣешься ты, я плачу,
Когда ты плачешь, я смѣюсь.
1819 г.

XXXIII.

Къ Ю л и и.

1. Напрасно въ тишинѣ стараюсь
Младое сердце побѣдить:
Твой голосъ слышу... забываюсь,
И начинаю вновь любить.
5. О другъ прелестный! Въ упоеньѣ
Взираю на тебя, горю, едва дышу,
И небесамъ благодаренье
За милый видъ твой приношу.
Невинность тихая, стыдливость,
10. И сердце кроткое съ волшебною красой,
И остраго ума игривость,
Все, все дано тебѣ, чтобы плѣнять собой...

- Но ты не чувствуешь любви очарованья!
И, красотой къ себѣ маня,
15. Ты пламенной любви признанья
Не хочешь слышать отъ меня.
О Юлія! страшись свободы,
Она обманчива, а для сердець любовь
То, что Аврора для цвѣтовъ,
20. И Май для дремлющей природы.
- Парижъ, 12 ноября 1819 г.

1820 г.

XXXIV.

Эпиграмма.

1. «Бѣда намъ!» говорить Аристъ:
Бывало оду какъ напишешь въ цѣлый листъ,
И всѣ ее читають;
А нынѣ одъ такихъ совсѣмъ не понимаютъ,
5. Хоть въ нихъ и до небесъ пари». Такъ что-жь? У насъ теперь другая есть ухватка:
Въ парадѣ тоже все, что въ одѣ говори—
Пусть не поймутъ—да это вѣдь загадка!

1820 г.

XXXV.

Признаніе стыдливаго любовника.

1. Пора мнѣ сдѣлать вамъ признанье,
Что я—какое наказанье!
Что я—повѣрьте же, молю!
Что я—горю весь отъ смущенья!
5. Что я—сто разъ прошу прощенья!
Что я—всѣмъ сердцемъ васъ люблю.

1820 г.

XXXVI.

Картина Жиродета.

1. На склонѣ вечера, ловитвой утомленный,
Сложивъ съ себя колчанъ и лукъ окровавленный,
Въ дубравѣ сумрачной, младый Эндиміонъ,
Разлегшись на листахъ, вкушалъ отраднѣй сонъ.
5. Но вѣрная любовь заботливой Діаны
И тамъ, сквозь сѣнь деревъ, сквозь тонкіе туманы,
Золотокудраго ловителя нашла:
И тамъ, любуясь красой его чела,
Богиня къ пастырю въ лучахъ своихъ слетала
10. И соннаго въ уста и въ очи цѣловала.

Парижъ, 1820 г.

1821 г.

XXXVII.

Истина.

1. Мы помнимъ зло всегда, вездѣ,
Благодѣянiя не узнаемъ и вида.
На мѣди рѣжется обида;
Добро чертится на пескѣ.
1821 г.

XXXVIII.

Эпиграмма.

1. Его творенье скукой дышетъ,
На бѣдныхъ насъ наводитъ сонъ;
Не говорю, зачѣмъ онъ пишетъ—
Но для чего читаетъ онъ?
1821 г.

XXXIX.

Къ Деліи.

(Подражаніе Мильвуа).

1. Ты знаешь ли вину ужаснаго мученья,
Которымъ счастливый восторгъ мой отравленъ?—
Ты знаешь ли, зачѣмъ въ минуту наслажденья,
Мой взоръ подчасъ печалью омраченъ?

5. Зачѣмъ руки твоей на нѣжно пожимаешь
 Я иногда не отвѣчалъ?
 И нашихъ устъ при пламенномъ сліяньѣ,
 Зачѣмъ свои уста я часто отвращалъ?
 Не знаешь?—Такъ познай мои ты заблужденья
10. И смѣйся, смѣйся имъ:
 Не зря соперника, я то же, что предъ нимъ.
 Коль настоящее... восторга упоенье,
 Ищу въ прошедшемъ заблужденья;
 И сердце Деліи—скажи открыто мнѣ—
15. Ужели для меня лишь только трепетало?
 И воспоминаніе, представивши тебѣ
 Любезныя черты, твой сонъ не возмущало?
 Какъ съ матерью сидѣла ты
 Въ безмолвный ночи часъ, со взоромъ потупленнымъ
20. И съ сердцемъ отягченнымъ,
 О миломъ призракѣ мечты,
 Являясь въ туманной дали,
 Веретено твое ужель не затмевали?—
 Богами счастье мнѣ дано:
25. *Люблю*—сказала ты съ улыбкой наслажденья;
 Кто знаетъ?—Это же прелестно изреченье,
 Быть можетъ, было ужъ къ другимъ обращено...
 Кто знаетъ?.. Если такъ... его я отвергаю...
 Прости, о Делія, меня!..
30. Въ мученьи пагубномъ, что я претерпѣваю,
 Кажусь неблагодарнымъ я.—
 Но я люблю—и вотъ мое все оправданье...
 Соперникъ мой—есть даже Воспоминанье.

1821 г.

1822 г.

XL.

Элегія.

1. Почто несется скорби стонъ
Отъ струнъ молодой цѣвницы?
Гдѣ лучший другъ?.. Могильный сонъ
Сковаль его зѣницы...

5. Навѣки смолкнулъ дружній гласъ;
Съ устенъ душа слетѣла;
Какъ бы къ небесному стремясь,
Къ земному охладѣла.

10. Безсмертная! гдѣ днесь царншь,
Покинувъ область тлѣнья?
Стрѣлой въ отчизну ты летишь
На крыльяхъ обновленья!

15. Егови храмъ твой встрѣтить взглядъ:
Горять небесъ свѣтила,
И предъ Таинственнымъ висятъ
Браздой паникадила.

20. Предъ алтаремъ ты ницъ падешь
И, встрѣтивъ ликъ нетлѣнной,
Молитву съ трепетомъ прольешь
За время жизни бренной.

Но жизни сей затмился свѣтъ
 Для горестнаго брата!
 Кѣмъ для него, въ пучинѣ бѣдъ,
 Замѣнится утрата?

25. «Утраченныхъ не возвратить!
 (Мнѣ слышится въ мечтаньѣ).
 «Для смертнаго не измѣнить
 Небесъ предначертанье!»

- «Душа вкусившаго покой,
 30. Ээира новый житель,
 Горить звѣздою надъ тобой,
 Какъ лучъ-путеводитель!»

1822 г.

XLI.

Пчелка.

(Изъ Гердера).

1. Скажи мнѣ, пчелка, что такъ рано
 Спѣшишь изъ улья на поля?
 Еще и горь не золотила
 Лучами утрення заря;

5. Еще луга росой покрыты
 И капли на листкахъ дрожать—
 Чтобъ крылышки тебѣ златыя
 Не повредить, поберегись!

- Смотри—еще цвѣточки дремлютъ,
 10. Свернувшись въ листкахъ своихъ,
 Головки въ нѣгѣ наклонили:
 Ихъ и Зефиръ не колыхнетъ.

Но крылашками ты взмахнула,
 Порхаешь вдаль своимъ путемъ:

15. Скажи-жь мнѣ, пчелка дорогая!
Куда такъ рано и зачѣмъ?

Ты ищешь меду?—Хорошо же!
Помедли, крылышки сверни:
Я покажу тебѣ мѣстечко,

20. Гдѣ медь—всего не унести!

Не знаешь ли моей ты Маши?..
Огонь блеститъ въ ея глазахъ,
Улыбка всѣхъ даритъ блаженствомъ,
Всегда и сладость на устахъ.

25. Тамъ, на устахъ ея прелестныхъ
Сомкнувшихся въ невинномъ снѣ,
Тамъ медь найдешь, золотая пчелка!
Тамъ медь, какого нѣтъ нигдѣ.

1822 г.

XLII.

Къ портрету Е. М. К.

1. Дыша для радости, свободу лишь любя,
Она сердца невинной лаской губить;
Кто знаетъ милую, не чувствуетъ себя—
Что-жь будетъ съ тѣмъ, кого она полюбитъ?

Іюль. 1822 г.

XLIII.

Надпись на пристани, сдѣланной въ видѣ бесѣдки.

1. Сей тихой пристани не тронетъ
Судьба свинцовою рукой;
Здѣсь Горе съ шумной Суетой,
Какъ въ Летѣ древнихъ лѣтъ, потонетъ.

В. И. ТУМАНСКІЙ.

6

5. И здѣсь въ прекрасный, вѣжась, день,
 Любовь—найдетъ покой и радость;
 Роскошную дремоту—Лѣнь,
 И думу—вѣтреная Младость.

1822 г.

XLIV.

Къ портрету Е. М. К.

1. При видѣ сладостномъ ея улыбки милой
 Какой-то страхъ друзей ея томить;
 Все мнится имъ: то Ангель легкокрылой;
 Онъ съ нами только погостить.

1822 г.

XLV.

П ѣ в е ц њ.

(Быль).

1. Когда на Русь готовилъ цѣпи Галль,
 Младой пѣвецъ, къ отмщенью пробужденный,
 Съ невѣстою прощаясь, восклицалъ
 Своихъ отцовъ свободой вдохновенный:
 5. «Отчизнѣ все—и мечъ и кровь,
 А милой—вѣрность и любовь!»

И впереди некупленныхъ дружинъ,
 За нашу честь, и честь роднаго края
 Стоялъ пѣвецъ, какъ добрый гражданинъ,

10. И не робѣлъ, злодѣевъ поражая.
 «Отчизнѣ все—и мечъ и кровь,
 А милой—вѣрность и любовь!»

Въ безмолвной часъ, когда среди ночей,
 Какъ тѣни вдругъ шатры въ поляхъ вставали,

15. Онъ лиру бралъ, онъ падшихъ пѣлъ друзей

И новые друзья съ нимъ восклицали:
 «Отчизнѣ все—и мечь и кровь,
 А милой—вѣрность и любовь!»

Но иногда, назадъ летя мечтой,
 20. Какъ близкій лучъ онъ видѣлъ очи милой,
 Онъ звалъ ее, ловилъ ее рукой
 И плакалъ онъ и трепеталъ унылой.
 «Отчизнѣ все—и мечь и кровь,
 А милой—вѣрность и любовь!»

25. И было такъ! Онъ неизмѣнный палъ!
 Избитый весь, измученный, но смѣлый
 Еще слова любимыя шепталъ,
 Сжимая мечь въ рукѣ оледенѣлой:
 «Отчизнѣ все—и мечь и кровь,
 30. А милой—вѣрность и любовь!»—

1822 г.

XLVI.

Э л е г і я .

(Къ Софіи Т.).

1. Напрасно тоскуешь о дняхъ золотыхъ,
 О дняхъ невозвратныхъ, любезная! Время
 Нѣмое уносить на крыльяхъ однихъ
 И радость и горести бремя.
5. Постой! повторяютъ счастливыцы ему;
 Постой! ему стонетъ Любовь: непреклонный
 Старикъ и не глянетъ на нихъ—къ одному
 Страданью, на зло, благосклонный.

Зачѣмъ же и намъ недоступной мольбой
 10. Измучивать душу?.. Веселье не придетъ,
 Не придетъ назадъ что ушло и съ собой
 Намъ долго любовь не увидить.

Надолго покинуть насъ годы утѣхъ,
 Другъ милый! Другихъ совершатся обѣты,
 15. А мы?—погорюемъ, быть можетъ, за всѣхъ,
 Губя свои юныя лѣты.

Что-жь дѣлать? Утихнемъ съ ропаньемъ своимъ
 Союзъ нашъ разорванъ не будетъ Разлукой,
 Мы силу возбудимъ и духъ укрѣпимъ
 20. Нежданно постигшей насъ мукой.

Такъ скроемъ отъ міра печали свои!..
 Мнѣ мнится, отступнику милого круга,
 Что я, какъ изгнанникъ, пойду по земли
 Безъ счастья, безъ крова, безъ друга.
 Ярославецъ, 1822 г.

XLVII.

Къ Арк. Вас. Ночубею.

(При отъѣздѣ моемъ въ Б...къ).

1. Прости еще, мой добрый братъ!
 Меня опять уводить Младость:
 Но пусть Спокойствіе и Радость
 Навѣки у тебя гостять.

5. Пускай домашніе Хариты
 Съ тобой играютъ въ тишинѣ,
 И съ нѣжной мыслью обо мнѣ
 Не будутъ шалости забыты.

А я... не вѣдаю, что ждетъ
 10. Меня въ той разнovidной сѣни,
 Гдѣ сердцу много наслажденій
 И много грусти и заботъ.

Иду... безвѣстностью томимый;
 Напрасенъ разума укорь:
 15. Увижу столь прелестный взоръ!
 Услышу голосъ столь любимый!

Молись, Аркадій, за меня
 Молись душой, мой другъ природный,
 Быть можетъ, твой мудрецъ свободный,

20. Ужь ворочусь въ оковахъ я!

Ярославецъ, 1822 г.

XLVIII.

Е. М. Н.

(При посылкѣ ей переписанныхъ для нея стиховъ).

1. Снимая вѣрными чертами
 Листокъ вашъ, я твердилъ не разъ:
 О сколько тотъ любимъ богами,
 Кто можетъ въ откровенный часъ
5. Не переписывать для васъ,
 А переписываться съ вами.

1822 г.

XLIX.

Нъ брату изъ деревни.

1. Не спрашивай меня, мой милой,
 Что дѣлаю въ углу моемъ?
 Не спрашивай меня: зачѣмъ
 Отступникъ Музы легкокрылой;
5. Твой братъ непостоянный нѣмъ?
 Поджавъ смиренныя колѣни,
 Счастливый баловень родства,
 Я нѣжусь подъ завѣсой лѣни,
 Чуть слыша рѣзвыя слова
10. И рѣзвый хохотъ Наслаждений:
 На маки въ сей отрадной лѣни
 Моя склонилась голова.
 Здѣсь я забылъ о пышномъ свѣтѣ,
 Здѣсь я забылъ и Славы шумъ;
15. И дни мои, въ своемъ полетѣ,

Уже не встрѣтятъ гордыхъ думъ,
 Незримо приближаясь къ Летѣ.
 Нѣтъ вдохновенья, нѣтъ заботъ!
 Протекъ мой юныхъ хороводъ

20. Надеждъ, восторговъ, упований;
 Одинъ я—всѣми брошенъ вдругъ;
 Осталась только грусть желаній—
 И та пройдетъ, мой добрый другъ!

Ярославецъ, 1822 г.

Б.

Гимнъ Богу.

1. Есть Богъ всевидящій! есть Богъ каратель злобы!
 Предвѣчная любовь и красота!
 Пославшій праху жизнь и утвердившій гробы,
 И на гробахъ безсмертія врата.

5. Какъ буря—длань Его, и гласъ Его—какъ громы:
 Подыметъ персть и возмутитъ міры;
 Но правосудіемъ и благостью ведомый,
 На добрыхъ льетъ Онъ нѣжные дары.

- Онъ пастуховъ хранитъ соломенные кровли,
 10. Невинность ихъ простосердечныхъ дней;
 Смираннымъ рыбалямъ уготовляетъ ловли
 И любить дымъ ихъ сельскихъ алтарей.

- Тоскѣ гонимаго даруетъ упованье,
 Даруетъ миръ сердцамъ безпечныхъ дѣвъ;
 15. Отческой рукой таятъ отъ нихъ страданье
 И слушаетъ веселый ихъ припѣвъ.

- Но вы, могущіе, на ложѣ наслажденья
 Презрѣвшіе безумно Божій гласъ!
 Вы, пренебрегшіе Его узаконенье,
 20. О горе, горе вамъ! Онъ видитъ васъ—

Онъ видитъ всюду васъ! Въ безвинныхъ приговорахъ,
 Въ слезахъ вдовиць, въ люющейся крови,
 Въ терзаньяхъ матерей, въ потухшихъ старца взорахъ
 И въ бѣдствіяхъ пріязни и любви.

25. Не дремлетъ въ небѣ Онъ! Очами гнѣвный двигнетъ,
 Нашлетъ на васъ неожиданную боязнь,
 И вспыхнуть молніи и громы—и постигнетъ
 Направедныхъ всеправедная казнь.

1822 г.

LI.

Къ брату—воину.

1. Твой модный шлемъ и твой палашъ огромной,
 И латы бранныя твои,
 Давнымъ давно надеждою нескромной
 Тревожатъ тайно дни мои.
5. И я бѣ хотѣлъ съ ребятами лихими
 Отважно грянуть на враговъ,
 И напугать, потѣшиться надъ ними
 Въ огнѣ безсильномъ ихъ громовъ.
 Люблю я честь, мнѣ свято дѣло правыхъ,
10. Я грудью постою за Русь;
 Но грозныхъ дѣлъ, и прихотей кровавыхъ
 И *славной* смерти я боюсь.
 Исполненный сокрытымъ лѣни духомъ,
 Воспитанникъ спокойныхъ думъ,
15. Я слушаю миролюбивымъ ухомъ
 Однихъ стиховъ протяжный шумъ.
 И мнѣ судьба, суровая къ бездѣлю,
 Дала насмѣшливо въ удѣлъ:
 Простой вѣнокъ съ безвѣстною свирѣлью,
20. Какъ настырю пустынныхъ сель.
 Мечта войны, мой милой, не поможетъ
 Природнымъ чувствамъ: уступлю!
 Тебѣ вдали хранится лавръ, быть можетъ,
 А я давно на розахъ сплю.

10 ноября 1822 г.

LII.

Милой дѣвѣ.

1. Твоею памятью, улыбкою твоей
Повеселѣлъ мой уголокъ пустынной:
Повсюду ты со мной, со сладостью очей,
Съ волшебствомъ устъ и съ ласкою невинной.
5. Блаженъ, кто сохранить, какъ я, въ душѣ своей
Среди снѣговъ живое вдохновенье,
Надежду тихую среди печальныхъ дней
И образъ твой—въ любовь и утѣшенье!

Ярославецъ. Августъ 1822 г.

LIII.

Юной прелестницѣ.

1. Люблю я звукъ твоихъ рѣчей,
Наряда твоего небрежность;
Но тягостна душѣ моей
Твоя услужливая нѣжность.
5. Твоихъ восторговъ я стыжусь,
Меня пугаетъ наслажденье;
Въ моемъ прискорбномъ умиленьѣ
Я на тебя не нагляжусь.
Безпечная въ чаду разврата
10. Еще не огрубѣла ты:
Не памятна ль тебѣ утрата
Твоей дѣвичьей простоты?
Не сладостно ль тебя увидѣтъ
Довѣрчивую, какъ дитя:
15. Я устыдился бѣ и шутя
Твое младенчество обидѣтъ.
Нерѣдко безъ огня въ крови,
Съ какимъ-то грустнымъ состраданьемъ
Дарю тебя нѣмымъ лобзаньемъ,
20. О жрица ранняя любви.

Нерѣдко ласкою нескромной
Тревожишь ты мою печаль;
Мнѣ жаль красы твоей наемной
И слабости своей мнѣ жаль.

Ноябрь, 1822 г.

LIV.

На разлуку.

(Изъ альбома С. Гр. Туманской).

1. Когда-то дѣтскою рукою,
На дружественныхъ сихъ листкахъ
Свои мечты передъ тобою
Я въ робкихъ выражалъ стихахъ.
5. Томимый сердцемъ, безъ искусства,
Тебѣ я первый повѣрялъ
Едва проснувшіяся чувства,
Которыхъ самъ не понималъ.
И преселяемый въ чужбину
10. Такъ думалъ въ горести моей:
«Иль навсегда тебя покину,
О другъ моихъ прекрасныхъ дней?
Иль боги бѣднаго забыли?
Но боги милостивы были,
15. Они печали увели
И съ новой жизнью воротили
Меня въ поля родной земли.
Настали дни отдохновенья,
Насталъ свиданья милый часъ:
20. О, снова миръ и наслажденья
Какъ будто ожили для насъ;
Какъ будто ожили мы сами
Для счастья!.. Я любилъ съ тобой
Дѣлиться пылкими мечтами;
25. Любилъ вечернею порой
Бродить по рощамъ, надъ водой,
И вдохновенными стихами
Природы нарушать покой.

- Любилъ твои живые споры,
 30. Твой рѣзвый умъ: я все любилъ;
 Я лишь забвенія просилъ,
 Къ безсмертнымъ обращаю взоры.
 Но гордый рокъ неумолимъ!
 Не помогли твои укору,
 35. Ни я съ моленіемъ моимъ.
 Онъ снова намъ послалъ разлуку,—
 А скоро ль, долго ль? какъ узнать;
 Кому, мой другъ, истолковать
 Души томительную муку!..
 40. Безмолвный, не хочу себя
 Тревожить грустною догадкой,
 Еще ты, милая моя,
 Не отцвѣла для жизни сладкой,
 Еще съ тобой златые дни
 45. И упованіе и радость...
 А я?—Кто возвратитъ мнѣ младость?
 Забудь о прошломъ и вздохни!

Октябрь 1822 г.

LV.

Въ альбомъ Соф. Гр. Туманской.

1. Другу написать въ альбомъ,
 Право, трудно, хоть пріятно:
 Должно написать съ умомъ,
 Чтобы сердцу было внятно.
 5. Но когда къ тебѣ пишу,
 Чувство каждо слово пишетъ;
 И стихи той дружбой дышуть,
 Коей я и самъ дышу.
 Сонюшка! ты всѣхъ плѣняешь.
 10. Милымъ правомъ и душой,
 Ты въ себѣ соединяешь
 Непорочность съ красотой,
 Съ добрымъ сердцемъ—прелесть взоровъ,
 Нѣжный голосъ, острый умъ—

15. Украшенье разговоровъ
И виновникъ сладкихъ думъ.
Другъ прелестный! вотъ желанье:
Въ милой родинѣ цвѣти,
За посланье жь—не посланьемъ,
20. А любовью отплати.
Будь всегда, всегда счастлива,
Какъ опасна для сердцець,
Помни друга—и на диво
Вѣрь стихамъ: Поэтъ не лжець.
1822 г.

LVI.

Софья.

1. Въ кругу приверженныхъ подругъ
Въ своей утѣхѣ своенравной
Умѣешь рѣзво и забавно
Свободный проводить досугъ.
5. То стройною, гордясь, ногою
Какъ нимфа любишь поскакать,
Вертишь подружекъ—и опять
Одна плывешь предъ ихъ толпою
Обворожая ихъ собою;—
10. То съ прилетѣвшюю зимою
Летаешь въ радостныхъ саняхъ,
Въ забытыхъ рощахъ и поляхъ,
А чаще надъ большой дорогой,
Пренебрегая снѣжный прахъ
15. И холодъ забывая строгой.
То вдругъ съ повѣреннымъ души
Съ мечтой своей уединенной
Одна бесѣдуешь въ тиши
Съ какой-то нѣгой потаенной.
20. Невѣдомо что видитъ глазъ,
Невѣдомо что ухо слышитъ:
Но грудь твоя тяжелѣй дышетъ,
И вспыхнувъ, огонь ланить погасъ...

- Конечно въ сей безмолвный часъ
 25. Ты въ мысляхъ посѣщаешь друга,
 И слышишь стонъ его недуга
 И видишь бѣдствіе его,
 И муку чувствуешь его,
 Какъ неизмѣнная подруга
 30. Въ жару участья своего...

Спб. 1822 г. 20 декабря.

LVII.

О с е б ѣ.

1. Усердно познакомясь съ Кантомъ
 И просвѣтитъ желая Русь
 Я позабылъ вертѣться франтомъ,
 Украся шею пышнымъ бантомъ;
 5. И горожанамъ я кажусь
 Въ пыли зарывшимся педантомъ.

Спб. 1822 г. 20 декабря.

LVIII.

С о ф ѣ ѣ.

1. Прощай, живи безъ горя, безъ заботъ,
 Твоихъ счастливыхъ дней я буду тайный зритель.
 Да будетъ надъ тобой Эротъ,
 Прекрасныхъ давній покровитель.
 5. Люби, какъ Русская, отечественный край,
 Къ мечтамъ возвышеннымъ стреми свои усилія.
 И въ радостяхъ не забывай
 Не многимъ милого Василю.

Спб. 1822 г. 20 декабря.

LIX.

С о ф ѣ ѣ.

(Приложеніе къ письму больного поэта).

1. Въ минуту празднаго досуга
Желаній, нѣги и любви:
Хоть вздохомъ ты благослови,
Мой другъ сердечный! память друга.
5. Веселымъ міромъ осуждень,
Онъ о весельѣ не хлопочеть,
Дитя, онъ малостью прельщенъ
И. малости одной лишь хочетъ.
Чтобъ ты подчасъ въ мечтахъ своихъ,
10. Его увидѣла, узнала,
Смиренный образъ приласкала
И призадумалась на мигъ.

Спб. 1822 г. 26 декабря.

LX.

Къ сестрѣ.

(При посылкѣ ей Сочиненій Жуковскаго).

1. Тому, кто съ раннихъ лѣтъ душою
Святую правду возлюбилъ,
И первыхъ мыслей чистотою
Себя отъ грязи оградилъ;
Кто смѣлымъ, огненнымъ желаньемъ
5. Законы Неба одолѣлъ,
И въ горній міръ перелетѣлъ
Восторгомъ, чувствомъ и мечтаньемъ
Тому—шумъ зависти презрѣвъ—
10. Цѣнить, въ порывахъ благородныхъ,
Балладника прекрасныхъ дѣвъ
И лѣтописца битвъ народныхъ.
Тому любить и понимать
Высокихъ чувствованій сладость,
15. И тихихъ думъ живую радость

- И безпокойныхъ думъ печать,
 И голосъ сердца потаенный
 О благахъ дальнихъ, но святыхъ...
 Блаженъ, кто, свыше вдохновенный,
 20. Поэта чистый огонь постигъ!
 Но славень и блаженъ стократно
 Питомецъ избранный Судьбы—
 Отъ колыбели непонятный,
 И вождь и властелинъ толпы,
 25. Пріавшій жизнь съ безсмертнымъ правомъ
 На лирѣ воспѣвать боговъ;
 И лиры сладостнымъ уставомъ
 Богамъ, въ гармоніи стиховъ,
 Передавать мольбы сыновъ.
 30. Ему не страшно міра мнѣнье!
 Хвалу людей отвергнувъ самъ,
 Онъ бросилъ міръ, въ уединеньѣ,
 Хранить въ душѣ одно презрѣнье
 Къ его тиранамъ и рабамъ—
 35. Одну веселость и безпечность
 И равнодушье простоты,
 Съ надеждой тайною, что вѣчность
 Его наслѣдуетъ мечты.

1822 г.

LXI.

Къ Н. Н.

(Въ день ея рожденія).

1. Пусть откровенный Вашъ Поэтъ,
 Поэтъ внимательный, предъ Вами,
 Расскажетъ скромными стихами:
 Зачѣмъ Вы родились на свѣтъ?
5. Тогда Вы очень малы были,
 И потому не мудрено,
 Что Вы уже давнымъ давно
 Вашъ первый выходъ позабыли.

- Но я развѣдывалъ о томъ
 10. И Вамъ я донесу правдиво,
 Что разъ Амуру, какъ на диво,
 Къ намъ завернуть пришлось тайкомъ.

- Тотъ разъ, сударыня, безспорно
 Жестокимъ не былъ Купидонъ,
 15. Затѣмъ, что прослезился онъ,
 Узрѣвъ нашъ мiръ печально вздорной!

- Онъ проклиналъ свой грустный путь,
 Хотѣлъ оставить мiръ досадной;
 Но вдругъ—взглянувъ на насъ отрадно—
 20. Сказалъ: «Помочь имъ какъ нибудь!»

«Я дѣву—милое творенье,
 Красу и тѣломъ и душой,
 Произведу моею рукою,
 Несчастливымъ людямъ въ утѣшенье!»

25. «Пошлю огонь ея очамъ,
 Устамъ улыбку и лобзанье,
 Небрежнымъ кудрямъ волнованье
 И сладость тайную рѣчамъ».

- «Пошлю и кротость ей и жалость,
 30. И беззаботность дѣтскихъ лѣтъ,
 Чтобъ ей по сердцу былъ весь свѣтъ,
 Чтобы ее плѣняла малость».

- «Чтобъ волю давъ своимъ мечтамъ,
 И старъ и младъ свои печали
 35. При ней невольно забывали...»
 Сказалъ—и Вы явился къ намъ!

- Приспѣло Ваше назначенье!
 И дочь *умной головы*,
 Какъ Вашъ родитель, всюду Вы,
 40. Дарите радость или мученье.

Всѣ души покоривъ давно,
 Ввели Вы цѣпи Ваши въ Моду,
 И Вамъ же ихъ бранить свободу
 Оставить было не грѣшно.

45. Но такъ и быть! Плѣняйте смѣло
 Играйте нами въ добрый часъ;
 А чтобъ любить и славить Васъ—
 Давно мы знаемъ—наше дѣло!

1822 г.

LXII.

Къ Сидевиллю.

(Переводъ).

1. Ты мнѣ велишь пылать душою;
 Отдай же мнѣ любви дни
 И мой закатъ соедини
 Съ моею утренней зарею!

5. Я бросилъ Вакховы края,
 Эроса вѣтреное племя;
 Отъ нихъ безжалостное время
 Уводитъ за руку меня.

- Кто удержать его посмѣеть?
10. Нѣтъ! Покоряюся ему—
 И жить нерадостно тому,
 Кто жить по лѣтамъ не умѣеть.

- Оставимъ юношамъ вино,
 Затѣи, игры, заблужденья!
15. Мы только два живемъ мгновенья:
 Пусть будетъ мудрости одно!

- Иль навсегда вы убѣжали,
 Безпечность, радость, отъ меня?

Въ васъ находилъ отраду я
20. Въ моей довѣрчивой печали.

Ахъ! дважды ждешь кончина насъ:
Забудь любовь, не будь любимымъ,—
Вотъ смерть съ мученьемъ нестерпимымъ!
Окончить дни—отрадный часъ!

25. Такъ я оплакивалъ измѣну
Мятежныхъ, юношескихъ дней
И жизни невозвратной цѣну
Какъ будто чувствовалъ живѣй.

Тогда съ небесъ своихъ неожиданно
30. На гласъ мой дружба низошла:
Она душѣ непостоянной
Отрадна, какъ любовь была.

Прельщенный гостьею моею,
И свѣтомъ озарень ея,
35. Пошелъ за ней; но плакалъ я,
Что могъ итти я лишь за нею.

1822 г.

LXIII.

Стансы къ Аркадію.

(Подражаніе Вольтеру).

1. Приятно намъ мечтать! По мнѣ мечта
Краса души и чувствъ прямая младость.
Приятно намъ любить! То сердца сладость:
Ахъ, безъ любви, по мнѣ, и жизнь не та!
5. Приятенъ кругъ умовъ разнообразныхъ,
Друзей добра, карателей невѣждъ,
Когда подъ шумъ ихъ споровъ и надеждъ
Любезный трудъ летитъ на крыльяхъ праздныхъ!

в. и. туманскій.

7

- Пріятень другъ, котораго совѣтъ,
 10. Хвала и судъ и ласки не наемны;
 Душевныхъ бурь успокоитель скромный;
 Съ нимъ жизнь милѣй, съ нимъ радостнѣе свѣтъ!

- Подъ вечерокъ пріятень сладкой ужинъ,
 Гдѣ волень умъ, гдѣ пѣнится вино,
 15. Гдѣ съ гостемъ гость пируетъ заодно,
 И каждый гость забавень и досужень!

- Пріятно въ ночь любезной повѣрять
 Своей души и вѣру и сомнѣнья,
 О ней мечтать въ минуту пробужденья—
 20. И, лишь о ней мечтая, засыпать!

Теперь, мой другъ, веселымъ симъ порядкомъ
 Прожить свой вѣкъ велѣла мудрость намъ!
 Что-жь? Въ добрый часъ ударимъ по рукамъ:
 Мы все найдемъ въ ея ученьи сладкомъ.

1822 г.

LXIV.

Торжество поэта.

1. Когда Владыку Музъ съ холмовъ его счастливыхъ
 Безвѣстный юноша, игрою струнъ своихъ,
 Въ пустынный свой шалашъ приманить, хотъ на мигъ,
 Онъ празднуетъ сей мигъ въ мечтахъ честолюбивыхъ!
5. Но что же чувствуетъ возвышенный пѣвецъ,
 Кто чародѣйствомъ устъ и вѣрой въ нихъ сердецъ,
 Земный еще, достигъ священныхъ сѣней неба?
 Кому сладчайшій медъ подносить съ лаской Геба?
 Кто лицезрѣніемъ безсмертныхъ упоень,
10. На лирѣ вздрогнувшей подъемля стройный звонъ,
 Томить гармоніей Олимпъ гостепріимный?
 Чьи пѣсни смѣлыя и пламенные гимны
 Поодаль ото всѣхъ возсѣвшій Аполлонъ
 Безмолвно слушаетъ и, быстро вдохновенной,
15. Снимаетъ чистый лавръ съ главы своей священной.
- 1822 г.

LXV.

Милой дѣвѣ.

1. Другимъ судьба послала милый даръ
Плѣнять твой умъ, плѣнять твое безстрастье,
Угадывать твой потаенный жаръ
И похищать души твоей участие;
5. Пускай другихъ съ тобою нѣжить счастье,
Пускай, тебѣ покорствуя, они
Забудутъ мѣръ, желанія, измѣну
И въ долгіе прекрасной жизни дни
Младой любви твоей познають цѣну.
10. Безъ зависти, смиренный до конца,
Ихъ тайный другъ, твой обожатель тайный,
Я буду ждать, что лаской, хоть случайной,
Когда-нибудь ты наградишь пѣвца.

1822 г. Декабрь. Спб.

LXVI.

Видѣніе.

1. На берегахъ задумчивой Эманн,
Чуть слышимой въ шумящихъ камышахъ,
Уныніемъ встревоженный, въ мечтахъ,
Платилъ я прошлой жизни данн.
5. Видѣнія носились надо мной,
Видѣнья дней, погибшихъ безъ возврата:
Въ толпѣ ихъ я узрѣлъ, опять въ красѣ земной,
Отца и мать и брата.

Узрѣлъ утраченныхъ друзей,
10. Среди надеждъ, блаженства и свободы,
И въ утренней небрежности своей
Мои младенческіе годы.

«Привѣтъ вамъ!» я вскричалъ безъ ропота, безъ слезъ,
Съ душою полной встрѣчи тайной:
15. «Привѣтъ вамъ, легкіе посланники небесъ,
Иль гости милости случайной!

- «Приходомъ вашимъ ожилъ я,
 Какъ узникъ, милою утѣшенный въ неволѣ.
 Побудьте же со мной, небесные друзья,
 20. Порадуйте меня подолѣ!
- «О, дайте мнѣ вкусить всю сладость сихъ минутъ,
 Всѣ тайны вашего явленья,
 Постигнуть вашъ удѣлъ, воздушный вашъ пріютъ,
 И горныхъ тѣлъ прикосновенья.
25. «Скажите, добрые, вы счастливы ль вполне?
 Не нужны ль и для васъ желанья?
 Не ожидали ль васъ, въ небесный тишинѣ,
 Еще дальнѣйшія за небомъ упованья?
- Скажите, помните ль вы прежней жизни кругъ:
 30. Волненье юности, мечту любви прелестной,
 Или прошедшее, какъ недостойный духъ,
 Не прикасается къ обители небесной?
- «Скажите...» Но ужь ихъ какъ бурей унесло;
 Сверкнула лишь толпа святая,
 35. И только матери знакомое крыло
 Повѣяло мнѣ лаской, улетаая...
- 1822 г.

LXVII.

М у з ы.

1. И думы важныя и огонь моей души
 Вашъ даръ, волшебницы Камены!
 Вы были вѣрны мнѣ въ Украинской тиши
 И на берегахъ роскошной Сены.
5. На пиршествахъ друзей, въ бесѣдѣ молодой
 Со мной вы пѣли и смѣялись,
 Любили братскій шумъ, и чашей круговой
 Въ жару веселья прохлаждались.
- Но чаще, полныя волненіемъ однимъ,
 10. Въ прозрачной мглѣ беззвѣздной нощи

Со мной гуляли вы, и пѣніемъ своимъ
Безмолвны потрясали рощи.

Какъ солнце, золотя небесъ своихъ лазурь,
Имъ тихо свѣтитъ и въ ненастье:

15. Такъ, неизмѣнныя, въ минуты грозныхъ бурь
Вы тайно мнѣ дарили счастье.

Когда больной, безъ сна и охладѣвъ, какъ ледъ,
Въ борьбѣ съ недугомъ изнывая,

Я ждалъ, что съ важностью наемной отопретъ
20. Мой ранній гробъ рука чужая;

Когда веселыхъ дней коварные друзья
Страданья моего бѣжали,

И ни единый взглядъ не падалъ на меня
Съ учащемъ искренней печалю;

25. Когда въ очахъ моихъ послѣдній пламень гасъ...
Въ тотъ мигъ я, съ вѣрою спокойной,
Ко мнѣ слетающихъ опять увидѣлъ васъ
Толпой привѣтливой и стройной.

Вы, съ лаской нѣжною и за сестрой сестра,
30. Къ одру любимца приближались,
И, ставъ, какъ геніи, по сторонамъ одра
Пріятно межъ собой шептался.

Съ усилениемъ голову больную приподнявъ,
Я слушалъ шепотъ сей волшебный;

35. И, въ радостныхъ слезахъ, подругъ своихъ узнавъ,
Источникъ обрѣталъ цѣлебный...

Мнѣ улыбнулась жизнь—и долго, бодрый вновь,
Въ благословенной ими сѣни

Я славилъ пѣснями высокихъ дѣвъ любовь,
40. И сладко трепеталъ мой геній.

1822 г.

1823 г.

—
LXVIII.

Черная рѣчка.

1. Пора покинуть теремъ древній,
Пора мнѣ воспѣвать луга,
Свободу, мирныя деревни
И Черной рѣчки берега.

5. Прости, обманчивая радость
Высокихъ, мраморныхъ палатъ:
Сихъ мѣсть уединенныхъ сладость
Душѣ плѣнительнѣй стократъ.

Здѣсь неизмѣнныя забавы!

10. Здѣсь мило слушать, какъ порой,
Словоохотныя дубравы
Съ болтливой шепчутся волной.

Здѣсь мило, предаваясь лѣни,
Слѣдить по влагѣ у бреговъ,

15. Березъ трепещущія сѣни
И цѣпи легкихъ облаковъ.

Но вотъ со свода голубова
Скатилось солнце; день погасъ;
Утихло все, и безъ покрова

20. Нисходитъ вечеръ въ поздній часъ.

Умолкли сельскія пѣвицы;
 Ко мнѣ летятъ изъ далека
 Лишь стоны перелетной птицы
 Иль гульъ призывный рыбака.

25. О рѣчка! много оживила
 Ты милыхъ сновъ въ водахъ твоихъ,
 Когда безъ веселья и вѣтрила
 Я тихо плыль по волѣ ихъ.

- Въ душѣ возобновлялись думы,
 30. Въ устахъ тѣснились молебны;
 Разоблачался видъ угрюмый
 Давно разгнѣванной Судьбы.

- Я вспоминалъ мои обѣты,
 Надежды, слезы и любовь,
 35. И милой давнiе привѣты,
 Какъ прежде, волновали кровь.

- Она повсюду мнѣ являлась...
 Быть можетъ, здѣсь, въ полдневный зной,
 Она небрежно наклонялась
 40. И воду черпала рукой.

Быть можетъ, образъ незабвенной
 Напечатлѣлся на водахъ—
 И мнѣ сіялъ онъ неизмѣнно
 Въ моихъ измѣнчивыхъ мечтахъ.

45. Катись, катись волною сонной,
 О, рѣчка тихая моя,
 И добродушно, благосклонно
 Ласкай любви моею края.

- Съ дубравнымъ шумомъ непрерывно
 50. Сливай свой говорливый токъ,
 Какъ съ пѣснью дѣвы заунывной
 Вдали сливается рожокъ.

Когда жъ ты грусть ея пробудишь,
 Не скрой мнѣ ласковыхъ рѣчей—
 55. И, рѣчка Черная, ты будешь
 Свѣтлѣе зеркальныхъ морей.

1823 г.

LXIX.

Больное дитя.

1. «Какіе сладкіе тамъ звуки
 «Еще до утренней зари
 «Тревожатъ сонъ мой поминутно?
 «Родная! кто тамъ, посмотри!»
5. — Все тихо, никого не видно;
 И что за пѣсни въ часъ ночной?
 Прилягъ опять, усни спокойно,
 Усни, малютка мой больной!—
- «Нѣтъ, нѣтъ! то не земные звуки
 10. «Мнѣ стало такъ легко отъ нихъ,
 «То Ангель, сладко мнѣ поющій,
 «Прости, родная!»—и затихъ.

1823 г.

LXX.

Ж а л о б а.

1. Тихо, къ уголку прижавшись,
 Плакало дитя:
 Матерь милую надолго
 Въ землю опустя.
5. «Полно плакать, мой малютка,
 Плакать, тосковать:
 Матери тебѣ изъ гроба
 Плачемъ не призвать!»

- «Не о томъ, родной, я плачу,
 10. Что скончалась мать;
 Знаю—матери изъ гроба
 Плачемъ не призвать.

- Вотъ о чемъ, родной, я плачу,
 Плакать буду я:
 15. Для чего она съ собою
 Не взяла меня!»—

1823 г.

LXXI.

Къ портрету N. N.

1. Благихъ законовъ врагъ, добра противникъ бурной,
 Умѣлъ онъ ясно доказать,
 Что можно думать очень дурно
 И очень хорошо писать.

1823 г.

LXXII.

Эпиграмма.

1. Дитя пастушеской природы,
 Писатель *Нуликовъ* такъ сладостно поетъ,
 Что ужъ пора бь ему назваться безъ хлопотъ
Кондитеромъ литературы.

1823 г.

LXXIII.

Паденіе листьевъ.

(Изъ Мильвуа).

1. Съ деревъ на поздній злакъ полей
 Листы поблеклые опали,
 Дубравы безъ тѣней стояли,
 Молчалъ пустынный соловей.

5. Недугомъ и тоской томимый,
Тѣхъ мѣсть страдалецъ молодой,
Въ послѣдній разъ странѣ родимой
Ввѣрялъ печальный голосъ свой.

- «Простите, холмы и долины,
10. «Прости, шумливая рѣка,
«Я слышу вѣсть моей кончины
«Въ паденьѣ каждаго листка.
«О, роковое прорицанье!
«Я не забылъ твой страшный гласъ:
15. «Узришь ты рощей увяданье,
«Но ихъ узришь въ послѣдній разъ.
«Трепещеть кипарисъ священной!
«Уже надъ головой твоей,
«Суровой смерти обреченной,
20. «Склонилъ онъ сѣнь своихъ вѣтвей.
«Твой краткій вѣкъ—былъ сонъ лукавый:
«Увянешь ты во цвѣтѣ дней,
«Скорѣй, чѣмъ листъ твоей дубравы,
«Скорѣй, чѣмъ злакъ твоихъ полей».
25. Сбылось! своимъ дыханьемъ хладнымъ
Болѣзнь подула на меня;
И сномъ неяснымъ, безотраднымъ
Промчалась молодость моя.
Шуми, валися, листъ минутный,
30. Шуми, валися съ родныхъ вѣтвей,
Засыпь, сокрой мой холмъ пріютный
Отъ взоровъ матери моей.
Но если дѣва, мнѣ драгая,
Подъ покрываломъ, въ тишинѣ,
35. Какъ призракъ изъ-за дровъ мелькая,
На грустный холмъ придетъ ко мнѣ,
И плакать простодушно будетъ
И робко вымолвить: люблю!
Пусть легкій шорохъ твой пробудить
40. Тѣнь благодарную мою...

Сказалъ—и тихо удалился,
На утро—юноша погасъ;

- Но холмъ завѣтный, въ тихій часъ
 Отъ вѣжной матери не скрылся:
 45. Напрасень былъ страдальца гласъ!
 И часто зрѣлась тамъ у древа
 Мать безутѣшная въ слезахъ;
 А съ милой лаской на устахъ
 Туда не приходила дѣва.

Мартъ 1823 г.

LXXIV.

Юліи.

1. Счастливой Юліи невѣстѣ,
 Блюдя приличія законъ,
 Шлю поздравительный поклонъ
 Безъ замѣчаній и безъ лести.
5. Да будетъ такъ! пускай она
 Въ Аркадію переселится
 И щастьемъ жизни насладится,
 Любви и радости полна.

1823 г. 12 марта.

LXXV.

Э л е г і я.

1. Недолго радость окрыляетъ
 Досуги юности живой:
 Вспорхнеть и сердцу оставляетъ
 Печаль и думы за собой.
5. Не вѣчны рѣзвой жизни годы,
 Напѣвовъ лиры тихій звонъ,
 Въ лучахъ зеленыхъ хороводы,
 Въ зеленыхъ рощахъ сладкій сонъ.
 Увы! пора любви измѣнить;
10. Вздохнемъ, заплачемъ мы о ней;

- Но поздно хладный умъ оцѣнить
 Красу минувшихъ, свѣтлыхъ дней.
 Все поздно: слезы и моленья!
 Не возвратятся къ намъ они,
 15. Какъ вешней ночи сновидѣнья,
 Какъ золотого вѣка дни!

Спб. Апрель 1823 г.

LXXVI.

С о ф ѣ ѣ.

1. Ты рождена быть образомъ,
 Очами, сердцемъ и *рукою* ¹⁾,
 Однихъ дивить своимъ умомъ,
 Другихъ плѣнять своей красою.
 5. Ты вся души моей семья,
 Къ тебѣ несусь я съ симъ привѣтомъ.
 Ты рождена быть для меня
 Усладой, жизнію и свѣтомъ.

Спб. 1823 г. 17 апрѣля.

LXXVII.

Милой дѣвѣ.

1. Ты нѣжнымъ вздохомъ отвѣчала
 На страстный бредъ любви моей;
 Вокругъ себя задумчиво взирала,
 И каждый взоръ твоихъ очей
 5. Моя душа ловила, присвоила.
 Въ вечернемъ золотѣ горѣли облака,
 Струею радужной катилася рѣка,
 Въ паряхъ цвѣтовъ земля благоухала—
 А я, исполненный тобой,
 10. Стоялъ недвижимый, упоенный,
 Какъ узникъ радостный, въ темницѣ посѣщенный
 Своей любимомою мечтой.

¹⁾ Т. е. слогомъ.

- Съ какой отрадой сердце билось!
 Казалось, въ небѣ плавалъ я!
15. Твоимъ присутствіемъ творилось
 Кругомъ блаженство для меня.
 Надежды душу потрясали,
 Въ воображеньѣ оживали
 Преданья золотыхъ временъ...
20. И вотъ—отъ свѣта, отъ измѣнъ,
 Отъ клеветы, страстей и шума—
 Моя создательная дума
 Перенесла меня съ тобой
 Въ страну любви, на край земной.
25. Идемъ... ужъ вечеръ... роца дремлетъ,
 По долу стелется туманъ,
 Въ пути заботливо объемлетъ
 Моя рука твой стройный станъ.
 Твоимъ объѣтамъ слухъ мой внемлетъ,
30. Душѣ отвѣтствуетъ душа,
 И вотъ—двухъ странниковъ приѣмлетъ
 Простая кровля шалаша.
 Приютенъ кровъ гостепріимный!
 И полны нѣжностью взаимной,
35. Мы возлегаемъ на тростникъ.
 Главой усталой я приникъ
 Къ тебѣ, прекрасная подруга,
 Ищу во тьмѣ руки твоей—
 И долго, шопотомъ рѣчей
40. Дремоту прерываю друга.
 Когда жъ въ хранительную сѣнь
 Проникнетъ въ щели легкой день
 И роца оглашаться будетъ,
 Чету влюбленную пробудить
45. Привѣтный голосъ соловья!
 Видь непорочный! Безъ защиты
 Ты почиваешь близъ меня;
 Полуоткрыта грудь твоя,
 Твои уста полуоткрыты...
50. Но вскорѣ чистая струя
 Омыла очи и ланиты;

Рѣзвясъ, приходишь ты ко мнѣ,
 Съ улыбкой рѣчи зачинаешь,
 И другу въ дальней сторонѣ,
 55. Одна, всё блага замѣняешь...

Но быстро пролетѣлъ неумолимый мигъ
 Очарованія, забвенья;
 Печальной властью размысленья
 Опять оторванъ я отъ милыхъ думъ моихъ;

60. Нѣтъ! Я бесплодно пламенѣю!
 Нѣтъ! Всюду рокомъ я гонимъ!
 Не назову тебя моею,
 Не назовешь меня своимъ;
 Въ пустынѣ брошенный, завянетъ

65. Безъ блеска цвѣтъ весны моей...

Но вѣрь, доколь живу, душа моя вспомнеть
 Небесный взоръ твоихъ очей.

На дни, отравленные скукой,
 Порой они прольютъ свой милый, чистый свѣтъ;

70. Ты юности моей была невольной мукой,
 Невольной сладостью ты будешь позднихъ лѣтъ.

С.-Петербургъ. 1823, май.

LXXVIII.

Май.

1. Повѣялъ Май! шумять и блещутъ воды,
 На солнцѣ листь трепещеть и блестить,
 Цвѣтутъ луга, пестрѣютъ огороды,
 Но свѣтлый Май меня не веселить.

5. Пусть тотъ весны очарованье славить,
 Чью душу кроткую — какъ тихій миръ полей—
 До позднихъ лѣтъ младенчески забавить
 И первый листь и первый соловей.

Но я, томясь въ душѣ мятежной,
 10. Однообразіемъ и жизни и забавъ;

Безумный, я бъ желалъ, чтобъ снова вихорь снѣжной
Затмилъ красу потоковъ и дубравъ.

Не говорите мнѣ: всему чреда на свѣтѣ,
Иныя думы на умѣ:

15. Я въ дни снѣговъ грущу о тепломъ лѣтѣ,
Въ весенній день тоскую по зимѣ.

Такъ пылкій юноша, извѣдавъ страсти муку,
И сердцемъ полюбить испытывая вновь,
Въ своей любви находить грусть и скуку,

20. А разлюбивъ, опять зоветь любовь.
1823 г. 15 Мая.

LXXIX.

Вѣкъ Елисаветы и Екатерины.

(Отрывокъ изъ посланія къ Державину).

1. Ты помнишь ясное Елисаветы время,
Когда, на слабый міръ бросая вѣрный взглядъ,
Мы стали съ важностью народовъ первыхъ въ рядъ.
Въ тѣ дни все было шумъ и ширшество и радость;
5. Надеждой почестей одушевляясь, младость
Стремилась къ знаніямъ въ волненьи гордыхъ думъ,
Въ пріятныхъ обществахъ съ умомъ сближался умъ.
Свободу отыскавъ, предательницы—жены
Слагали варварства послѣдніе законы
- 10 И, строгость лишнюю вмѣнивъ себѣ въ позоръ,
Любезностью своей увеселяли дворъ.
Въ сердцахъ проснулись возвышенныя чувства:
Желанье правиться—произвело искусства.
Тогда, нежданностью дивя полночный свѣтъ,
15. Рыбакъ по промыслу, но по душѣ поэтъ,
Рожденный средь пустынь и ледяныхъ утесовъ,
На лирѣ загремѣлъ впервые Ломоносовъ.
Чья хладная душа при имени его
Порывы укорить восторга моего?
20. Кто вспоминалъ безъ слезъ, кто слышалъ равнодушно,

- Какъ отрокъ избранный, судьбѣ своей послушной
Презрѣвъ опасности, покинувъ край родной,
Богатый вѣрою, но съ легкою сумой,
Въ плащѣ работника, одѣянный туманомъ,
25. Къ безсмертію ступаль за бѣднымъ караваномъ.
Сбылись мечты его! Онъ видитъ древній градъ,
Куда съ ладьи своей перелеталъ стократъ,
Гдѣ ждуть его труды и честь образованья,
И новый дальній путь, и новы испытанья.
30. Но въ чуждой сторонѣ изнемогая вновь,
На мигъ почувствовавъ, преодолевъ любовь,
Бѣглець, не вѣдалъ онъ, мечтая о возвратѣ,
Что друга обрѣтетъ въ російскомъ Мекенатѣ!

- Ты возсіялъ, о Бардъ! Благославляю часъ,
35. Въ который Промысломъ ты обреченъ для насъ!
Люблю изслѣдовать твой откровенный геній,
Въ волненьи первыхъ думъ и первыхъ вдохновеній.
Я вижу: на стѣнѣ, въ туманахъ, надъ рѣкой
Задумчиво стоитъ и ходитъ часовой.
40. Все спитъ; окованы ночной дремотой волны;
Въ прозрачныхъ облакахъ блуждаетъ мѣсяцъ полный
И свѣтомъ трепетнымъ пылающихъ ланитъ
Младаго ратника оружье серебрить.
Все тихо, но толпой надъ юношею думы
45. Кружатся, носятся, то рѣзвы, то утрюмы;
Пылаетъ взоръ его: онъ жаждетъ громкихъ дѣлъ,
Блаженства мирнаго не льститъ ему удѣлъ
Безъ славы; почести не радостны безъ славы.
Онъ жаждетъ къ вамъ принести, родимыя дубравы,
50. Труды высокіе, заслуженный вѣнецъ
И память сладкую признательныхъ сердець...
И вдругъ—о дивный гласъ!—среди надеждъ и муки
Съ мечтой его слились невѣдомые звуки,
И стихла шумная въ груди его борьба.
55. Въ тѣхъ звукахъ юноши исполнилась судьба.
И быстро освѣтилъ лучъ утренней денницы
Грядущаго пѣвца божественной Фелицы!

- Ты зрѣль: уже собой дивила свѣтъ Она!
 Рукой Всевышняго отъ бѣдствій спасена,
 60. Народовъ сильныхъ Мать сіяла въ сладкой долѣ,
 Какъ солнце на своемъ лазоревомъ престолѣ.
 Заранѣ предсказавъ успѣхи нашихъ лѣтъ,
 Ты зрѣль въ очахъ Ея сей благодатный свѣтъ,
 Какъ токъ, пролившійся и въ грады, и въ пустыни.
65. Ты живо начертала сію полубогиню,
 Хозяйку милую средь избранныхъ гостей,
 Героя и вождя въ кругу богатырей,
 Но всюду русскую, всегда Екатерину!
 Жену, которая, очаровавъ судьбину,
70. Умѣла нисходить къ мечтамъ отъ важныхъ думъ,
 Въ безвѣстномъ юношѣ предвидѣть зрѣлый умъ,
 Надъ сердцемъ властвовать, давать законы міру,
 Улыбкою будить твою, Державинъ, лиру,
 Въ dospѣхахъ воина скакать передъ полкомъ,
75. Вольтера побѣждать аттическимъ перомъ
 И даже въ Санъ-Суси, пугая Фредерика,
 Не вѣдать, сколь сама прекрасна и велика.
 О, сколько славныхъ дѣлъ и памятныхъ картинъ
 Въ твоихъ писаніяхъ! Правдивый гражданинъ,
80. Свободный въ похвалѣ, безстрашный въ порицаньяхъ,
 Ты пѣлъ, восторженный, отчизны ликованье
 И, гордо отклонивъ въ пристрастіи упрекъ
 Ты внукамъ завѣщала Екатерининъ вѣкъ!
 Величественный вѣкъ! Вотще въ мечтахъ безумныхъ,
85. Какъ дѣти, радуясь толпѣ событій шумныхъ,
 Образователи людей на новый ладъ
 Бросаютъ на него неблагоклонный взглядъ—
 Поднесъ жива зиждительная сила,
 И слава нашихъ дней его не помрачила».

Спб. 1823 г. Май.

LXXX.

Къ кн. Н. А. Цертелеву.

1. Мой другъ! Не тотъ еще Поэтъ,
Кто Музамъ преданный отъ юношескихъ лѣтъ
И устарѣвъ надъ ихъ закономъ,
Съ обычной нѣжностью ласкаетъ юный свѣтъ
5. Однообразнымъ лиры звономъ.
Не тотъ еще Поэтъ, кто, слабою душой
Искусства позабывъ высокія начала,
Въ толпѣ своихъ друзей съ цѣвницей иль трубой
Идетъ просторною тропой
10. По шумнымъ гульбищамъ Журнала.
Нѣтъ, не заблещетъ лавръ безсмертный на челѣ
Рабовъ общественнаго мнѣнья,
Привыкшихъ истину вѣщать—безъ убѣжденья,
Неправду и порокъ падающихъ на землѣ.
15. Законы Генія—свобода!
Не знаетъ онъ оковъ иныхъ,
Въ глубокихъ вымыслахъ своихъ
Неисчерпаемъ, какъ Природа;
Какъ Ангелъ бытія съ надзвѣздной вышины
20. Проникнувъ въ тайнства созданья,
Онъ видитъ слитый тамъ мятежный ликъ страданья
Съ прекраснымъ ликомъ тишины.
Онъ слышитъ гласъ судебъ, вѣковъ предназначенья
И, властный въ души намъ свой пламень передать,
25. Кладетъ онъ на свои живыя гѣсноплѣнья
Ума высокаго печать.
То дней минувшихъ собесѣдникъ,
Въ счастливой дерзости своей;
Вскрываетъ древній прахъ народовъ и царей,
30. Народовъ и царей отважный проповѣдникъ;
То воспѣваетъ онъ грядущій, свѣтлый міръ,
И духи горніе съ безоблачнаго края,
Еще невольюно воздыхая
Отъ звуковъ сладостныхъ поющихъ въ небѣ лиръ,
35. Слетаютъ хорами на гласъ гѣвца земнаго.

- Смотри: какъ Байронъ въ наши дни,
 Въ отчизнѣ испытавъ гоненія одни
 Въ слезахъ страданія живаго
 Великъ душою на земли!
40. Смотри, съ какимъ презрѣньемъ онъ оставилъ
 Забавы свѣтскія и свѣтскую толпу,
 И сѣти узкія разорванныхъ имъ правилъ!
 Безъ страха разглядѣвъ грядущихъ дней судьбу,
 Онъ бросился въ ея холодныя объятія,
45. Не трать гордыхъ силъ на позднюю борьбу,
 Сокрывъ въ душѣ своей моленье и проклятья.
 И предназначенный къ великому, не палъ
 Страдалецъ-юноша: его хранили чувства!
 И въ немъ, какъ вѣчный огонь, горѣлъ, не потухалъ
50. Свѣтильникъ мыслей и искусства.
 Пролить отъ братій токи слезъ,
 Онъ зналъ людей, порокомъ обольщенныхъ,
 Сихъ падшихъ ангеловъ—и тратою небесъ
 Къ раскаянью не пробужденныхъ.
55. Рукой безжалостной покровъ онъ съ нихъ сорвалъ
 И страшный челоуѣкъ предсталъ
 Испуганному челоуѣку,
 Онъ видѣлъ ужасъ ихъ—и въ изступленіи силъ
 За язвой новую онъ язву наносилъ,
60. Какъ трупъ безчувственному вѣку.
 Онъ пѣлъ любовь—чтобъ сердцу показать
 Любви жестокою измѣну,
 Онъ вѣрной дружбы славилъ цѣну,
 Чтобъ бытіе ея предъ міромъ отвергать.
65. Но онъ Поэтъ и гласъ его нельстивый.
 Свирѣпый, безнадежный гласъ,
 Какъ вѣтра бурнаго порывы
 И мучитъ и терзаетъ пась.—

1823 г.

LXXXI.

К ъ н е й.

(Изъ Уланда).

1. Не цвѣта небеснаго очи твои,
Не розы—уста твои, дѣва!
Не лиліи—перси и плечи.
Но чтобъ за весна въ сторонѣ той была,
5. Гдѣ бь розы такія, такія лилеи
Цвѣли на зеленыхъ лугахъ;
И небо и все, что подъ небомъ
Блестало, какъ очи твои голубья!

1823 г.

LXXXII.

13 Августа.

1. Не винъ заморскихъ свѣтлымъ токомъ
Не пѣсней громкою хвалою
На брегѣ праздную далекою
Твое рожденіе, Ангелъ мой!
5. Отступникъ жизни своевольной,
Въ разлукѣ съ милою моею,
Не знаю радости застольной
Не знаю стройныхъ я рѣчей.
Сей день, восторгу посвященный,
10. Въ чужбинѣ праздную, мой свѣтъ,
Одинъ мечтою умиленный—
Послѣднимъ благомъ прошлыхъ лѣтъ.
Я чуждъ веселости напрасной,
Но мысли внятны мнѣ твои;
15. И грусть моя въ сей день прекрасной
Есть вдохновеніе любви.

Одесса. 1823 г.

LXXXIII.

На память Маріи.

1. Какъ тихой вечера порою,
Не встрѣтивъ на небѣ ни молній, ни дождей,
Играетъ облако подъ влагой голубою
Въ сіяньи розовыхъ лучей;
5. Такъ сердце чистое. Марія молодая,
Тяжелыхъ думъ не испытавъ,
Не вѣдая заботъ, любви не понимая,
Блится ясностью младенческихъ забавъ.

1823 г. сентября 24.

LXXXIV.

Одесса.

1. Въ странѣ, прославленной молвою бранныхъ дней,
Гдѣ долго небеса—отрада для очей,
Гдѣ тополи шумять, синѣютъ грозны воды—
Сынъ хлада изумленъ сіяніемъ природы.
5. Подъ легкой сѣнію вечернихъ облаковъ
Здѣсь упоительно дыханіе садовъ.
Здѣсь ночи теплыя, луной и нѣгой полны,
На злачные брега, на серебряныя волны
Сзываютъ юношей веселые рон...
10. И съ пѣной по морю расходятся ладьи.
Здѣсь тихой осени надежда и услада—
Холмы увѣнчаны кистями винограда.
И дѣвы, томныя наперсницы забавъ,
Потупя быстрый взоръ иль очи приподнявъ,
15. Равно прекрасныя, стараютъ наслажденьемъ
И душу странника томятъ недоумѣньемъ.

1823 г.

LXXXV.

Воспоминаніе.

1. Меня Парнасскій богъ въ чужбинѣ навѣщаль,
Когда, не вѣдая притворства,
Я рѣчи милыхъ устъ съ любовью подчинялъ
Законамъ стройнымъ стихотворства.

 5. Блаженствомъ юности, надеждой лучшихъ дней,
Онѣ мой слухъ обворожали,
И обновленныя гармоніей моею,
Какъ прежде, душу потрясали...
- 20 сентября. 1823 г.

LXXXVI.

Эпиграмма.

1. Въ досадѣ на забвеніе свѣта
Клеонъ, забравшись въ уголокъ,
Оставилъ барабанъ поэта
За грязный критика свистокъ.

 5. И вотъ какъ мыслить нашъ политикъ:
«Ну, право, малой я съ умомъ;
Теперь поспорять хоть о томъ,
«Что хуже я: поэтъ иль критикъ».
- 1823 г.

LXXXVII.

Зенанедѣ.

I.

1. Въ любезной рѣзвости своей
Вы сохранили дѣтскихъ дней
Простосердечныя привычки.
Васъ тѣшатъ бабушкины сны,

5. Наряды, пляски старины,
Цвѣты и комнатныя птички.
Живя по волѣ каждый мигъ,
Вы избалованы бездѣльемъ,
И не привыкли для другихъ
10. Счастливымъ жертвовать весельемъ.
Не разъ предъ моднымъ женихомъ
Вы шуткѣ вольной предавались,
Ловили поступь, рѣчи въ немъ,
Или съ нахмуреннымъ лицомъ
15. Въ бесѣдѣ важной забавлялись.
Вы не умѣете скучать:
Безпечной радостью, забавой
Съ рожденья прыгать, хохотать
Дано законное вамъ право.
20. Онѣ заранѣ отъ любви
Васъ увели прекраснымъ слѣдомъ,
И вашей младости невѣдомъ
Огень, играющій въ крови.
Непостижны вамъ желанья
25. Неволи милаго страданья,
И къ нѣжнымъ бреднямъ нашихъ лѣтъ
У васъ ни крошки вѣры нѣтъ.
Хотя подслушавъ, что толкуеть
Языкъ молвы въ досужный часъ,—
30. Не первый юноша отъ васъ
Украдкой плачетъ и тоскуеть...

II.

- Но все измѣнится вокругъ!
Придутъ и къ вамъ иные годы
Похитить рѣзвый вашъ досугъ,
35. Затѣи дѣтства и свободы.
Быть можетъ скоро, переставъ
Утѣху звать невиннымъ взоромъ,
Вы грустнымъ встрѣтите укоромъ
Безпечныхъ нынѣшнихъ забавъ.
40. Вамъ будетъ жаль сихъ дней безцѣнныхъ

- Въ очарованіи своемъ,
 Ни съ кѣмъ, ни съ кѣмъ нераздѣленныхъ
 И незамѣченныхъ никѣмъ.
 Во слѣдъ за томнымъ размышленьемъ
45. Тоской, желаньемъ, огорченьемъ
 Со всѣхъ сторонъ тѣснимый умъ
 Предастся жару новыхъ думъ,
 Тогда простится съ вами радость,
 Тогда понятны будутъ вамъ
50. Тревоги сродныя сердцамъ,
 Мечты, терзающія младость!..

Эпилогъ.

- Такъ непритворными стихами,
 Безъ утомительныхъ похвалъ,
 Внушенный Музою, предъ вами,
 55. Я васъ самихъ изображалъ.
 Подъ небомъ юности прекрасной,
 За рубежомъ грядущихъ дней
 Мой взоръ слѣдилъ вашъ образъ ясной,
 Я пѣлъ васъ лирою моею.
60. За то не осудите строго
 Когда, отъ правды отступя,
 Иль предсказалъ я слишкомъ много,
 Иль слишкомъ мало видѣлъ я.

18 сентября 1823 г.

LXXXVIII.

А к р о с т и х ъ.

Дѣвицѣ *** въ день именинъ ея 17 сентября 1823 г.

1. Самъ Зевсъ опредѣлилъ—къ вамъ вѣстники нагря-
 нуть.

Олимпскіе дары готовьтеся принять;
 Фортуна съ Радостью въ служанки вамъ предста-
 нуть,

И явится Любовь—жизнь вашу услаждать.

5. Я симъ предчувствіемъ быть не могу обмануть.
 1823 г.

LXXXIX.

Э п и г р а м м а.

1. «Зачѣмъ надъ Гильевымъ смѣешься ты, зачѣмъ?...
 То мало, что грозить онъ пасквилями всѣмъ,
 Отмстить—пздать свои Элегін клянется:
 Спаси ты насъ! Оставь его, не тронь!..»
5. И полноте, не бойтесь, обойдется:
Обстреленный смиренѣй бываетъ конь.
- 1823 г.

XС.

Э л е г і я.

1. Какъ звонкое журчаніе Салгира,
 Какъ шопоть миртовъ на горахъ,
 Какъ шумъ ладьи, бѣгущей на водахъ,
 Пріятень мнѣ твой голосъ, лира!—
5. Я грустенъ былъ, охладѣвалъ мой умъ,
 Разлука грудь мою томила;
 Любви моей ты пѣсни повторила,
 И сталъ я полонъ прежнихъ думъ.
- Я слышу вновь обѣты разлученья,
 10. Прощальной рѣчи томный звукъ,
 И тихій плачь, и сочетанье рукъ,
 И дѣвы жалкія моленья.
- Утѣшенъ я сей грустною мечтой:
 Съ ней неразлучно упованье.
15. И вновь живу, питаю вновь желанье,
 И счастливъ, милая, тобой.

Исхи-Сарай. Сентябрь 1823 г.

XCI.

А. А. К.

I.

1. Я получилъ сей кошелекъ,
Пріязни Вашей даръ безцѣнный,
Обѣтованный, несравненный
И Вашей памяти залогъ.
5. Съ какимъ волненіемъ впервые
Разсматривалъ мой жадный взоръ
Его плѣнительный узоръ,
Его колечки золотыя!
Съ какою радостью потомъ
10. Перстовъ Художницы на немъ
Лобзалъ я нѣжныя примѣты;
Какіе дни воспоминалъ
И благодарности обѣты
Съ какимъ восторгомъ повторялъ!

II.

15. Но признаюсь! мнѣ стало больно,
Когда, спокойный наконецъ,
Я спросилъ себя невольно:
Чѣмъ вамъ отплатить Вашъ Пѣвецъ?
Скажите: умниками свѣта
20. Не рѣшено ли съ давнихъ поръ,
Что голосъ сердца—вредный вздоръ,
Стихи—фальшивая монета?
А всѣ сокровища мои—
Напѣвы дружбы и любви!

III.

25. Но Вы, среди уставовъ модныхъ,
Любя прекрасное душой,
Не увлекаетесь толпой
Въ своихъ сужденьяхъ благородныхъ.
Поэтовъ вольные края,

30. Предметы ихъ Вамъ нечужіе,
И помню я, во дни былые,
Вамъ лира правилась моя.
У тихой рѣчки за Невою,
Когда скрывался солнца ликъ,
35. Любили слушать Вы порою
Мой гармоническій языкъ.
Прохлада дровъ, цвѣтовъ дыханье,
Краса двухъ милыхъ дочерей,
Невинный пламень ихъ очей,
40. Вечернихъ облаковъ сіянье
И водъ прозрачное стекло—
Все душу къ пѣнію влекло.
Вниманье Ваше занимали
Воспоминанія печали,
45. Моей причудливой весны,
Моя довѣрчивость надеждъ...
И если Вамъ досель, какъ прежде,
Хоть по преданью старины,
Пріятнѣй льстиваго искусства
50. Языкъ невыисканный чувства;—
То дружбы вопросивъ уставъ,
Я передъ Вами буду правъ...

IV.

- А ты, весельемъ озарившій
Въ странѣ чужой мой уголокъ!
55. Ты будь залогомъ, кошелекъ,
Души, меня не разлюбившей.
Мечты моей питаю лѣнь,
Храни мнѣ, милое созданье,
Счастливыхъ дней воспоминанье
60. И денежку на черный день!

Одесса, 1823 г. 15-го октября.

XСII.

Желаніе.

1. Какіе страстные вчера бросала взгляды
Младая дѣва на меня!
Среди суровыхъ дѣлъ, среди томленій дня
Я сердцу въ нихъ искалъ отрады.
 5. Съ обѣтами любви они являлись мнѣ,
Тревожа умъ мой безъ пощады.
Ахъ! Пусть увижу и во снѣ
Я васъ, мучительные взгляды!
- 1823 г.

XСIII.

Женщины.

1. Предавшись милому обману,
Притомъ страшась и толковъ злыхъ,
Всѣ наши женщины похожи на Діану
Въ любовныхъ подвигахъ своихъ.
 5. За взглядъ нескромный Актеона
Ему до смерти мстятъ онѣ
И обольщаютъ въ тишинѣ
Безпечнаго Эндиміона.
- 1823 г.

XСIV.

Манцениль¹⁾.

(Изъ Мильвуа).

1. «Давно манить меня твой поцѣлуй отрадный,
Зарина! я люблю, и я Владыка твой!»
Такъ въ страсти говорилъ Властитель безпощадный
Заринѣ трепетной, Заринѣ молодой.

¹⁾ Манцениль, дерево Антильскихъ острововъ, усыпляетъ, говорятъ, навѣки—неосторожнаго, который станетъ отдыхать подъ его тѣнью. Еще увѣряютъ также, не знаю по чьимъ наблюденіямъ, что сей родъ смерти бываетъ предшествуемъ сладчайшими ощущеніями.

Прим. Мильвуа.

5. — «Нелуско! выслушай: тебѣ подвластна дѣва,
Но милый Зоранмъ—одинъ любимецъ мой!»—
Отвѣтомъ раздражень, затрепетавъ отъ гнѣва
Онъ молвилъ: «Я люблю, и я Владыка твой!»
10. Потомъ, съ улыбкою склонясь къ плечу Зарины:
«Во тьмѣ ночной тебя, красавица, я жду...
Тамъ у источника полуденной долины...»
И дѣва горестно воскликнула: «приду!»
- И, удаливъ Царя, въ молчаніи уныломъ
Ко древу смертному Зарина побрела
15. И гласомъ медленнымъ, возсѣвъ подъ Манцениломъ,
Своей кончины пѣснь, младая, начала:
- «Приди теперь, приди, Нелуско! въ рощѣ дальней
Подъ бурей слышится деревъ протяжный стонъ,
Безсонна будетъ ночь любви твоей печальной.
20. И будетъ сладостень мой непорочный сонъ.
- «О чувство новое, невѣдомая радость!
Ты ль это, легкій духъ надзвѣздной стороны?
Ты ль это прилетѣлъ гонимой дѣвы младость
Унести съ собой въ края счастливѣйшей весны?..
25. «Я сберегла тебѣ невинныхъ устъ лобзанье,
О юный, милый другъ! мы свидимся съ тобой
Въ странѣ, гдѣ гордый Царь въ надменномъ упованьѣ
Не скажетъ: «я люблю, и я Владыка твой».
- 1823 г.

XCV.

Больной пѣвецъ.

Элегія.

(Посвящается ***).

1. Тронитесь, Камены, любимымъ пѣвцомъ:
Онъ вянетъ, недугомъ сраженный—
Какъ колосъ, подрѣзанный жаднымъ серпомъ,
Онъ вянетъ къ одру пригвожденный.

5. Давно ли, страдалецъ, твой взоръ пламенѣлъ
Небеснымъ огнемъ вдохновенья?
Давно ль ты любовь безнадежную пѣлъ?
Не стихли еще пѣснопѣнья;
Ихъ звукъ отзывается въ нѣжныхъ сердцахъ,
10. Какъ гласъ измѣнившей надежды.
Еще содроганье на лирныхъ струнахъ;
А ты увядаешь!—Гдѣ пламень въ очахъ?
Смыкаются слабыя вѣжды—
Страданіе гнетомъ на грудь налегло —
15. Ни стога—молчанье могилы!
И горестно Жизнь распустила крыло...
Изякли послѣднія силы...
Останься, не мчися въ безоблачный рай,
Крылатая гостья юдоли!
20. Останься, въ полетѣ своемъ не свергай
Оковы земныя неволи!
Гласъ нѣжныхъ дружбы, отрады сердець,
Ты внялъ, улетающій геній!...
И тихо вздохнулъ оживленный пѣвецъ,
25. И гнетъ сокрушился мученій—
И жизнь отразилась въ открытыхъ очахъ,
Какъ вѣстникъ цвѣтущей денницы
Играетъ въ вечернихъ, густыхъ облакахъ
Лучъ яркій веселой зарницы.—
30. Пѣвецъ! ты отъ гибели дружбой спасенъ;
Забудь о любви безнадежной;
Пой дружбу, любимый питомецъ Камень,
Отраду въ сей жизни мятежной.

1823 г.

XCVI.

Постоянство.

1. Какъ въ морѣ плаватель, живущій безъ забавъ,
Средь звѣздъ безчисленныхъ одну звѣзду избравъ
Младый, зоветъ ее любовію своею,
Въ пустынномъ странствіи обрадованный ею,

5. Слѣдить ея восходъ и въ тишинѣ ночей
 Сладчайши имена придумываетъ ей—
 Такъ я, задумчивый, средь женъ и дѣвъ прекрасныхъ,
 То рѣзко ласковыхъ, то горделиво страстныхъ,
 О дѣва милая! звѣзда любви моей!
10. Вездѣ ищу тебя со сладостью очей,
 Съ волшебной гибкостью и поступи и стана.
 И полный страстнаго, отраднаго обмана,
 Незримый для тебя, съ мечтою о тебѣ
 Одну тебя люблю наперекоръ судьбѣ.
- 1823 г.

XCVII.

Греческая ода.

(Пѣснь Греческаго воина).

1. Блестящъ и быстръ, разить нашъ мечъ
 Поработителей Эллады;
 Мы бьемся на смерть, безъ пощады,
 Какъ рая жаждемъ грозныхъ сѣчь,
 5. И станутъ кровью наши воды,
 Доколь не выкупимъ свободы.

- Мы зрѣли казнь своихъ друзей,
 Невѣрной черни изступленье,
 Пожары градовъ, оскверненье
 10. Святыхъ Господнихъ алтарей:
 Не скорбь намъ помощь, не угрозы;
 Намъ кровь нужна за наши слезы!

- Такъ! дивнымъ знакомъ сихъ знаменъ¹⁾,
 Красой наслѣдственнаго брега,
 15. Стыдомъ измѣны и побѣга,
 Безчестьемъ нашихъ чадъ и женъ—
 Пріявъ булатъ на бранну жатву—
 Отмстить врагамъ даемъ мы клятву!

¹⁾ На знаменахъ Греческихъ Инсургентовъ изображенъ крестъ съ надписью: Свобода.

Не будет радости у насъ;
20. Безъ жениха увянетъ дѣва;
Поля заглохнутъ безъ посѣва,
Свирѣлей мирныхъ смолкнетъ гласъ,
Доколь надъ Туркомъ въ память вѣка
Не совершится мщенье грека.

25. О сердцу льстящія мечты!
Надежды близкой, грозной тризны!
Нагряньте съ горь сыны отчизны,
Сомкнитесь, латы и щиты!
Гряди, святое ополченье:

30. Во имя Бога мщенье, мщенье!..

Декабрь 1823 г. (Одесса, 1824 г.)

1824 г.

—
XCVIII.

Д в ѣ з в ѣ з д о ч к и .

(В. Д. Казначеевой).

1. «Зачѣмъ все на небо ты смотришь,
Задумчивая мать?»

— Давно я на небѣ привыкла
Моихъ отрадъ искать.—

* * *

5. «Но что-жь ты на небѣ увидишь?
Туманы вокругъ лежать».

— Взгляни, тамъ въ уголку лазурномъ
Двѣ звѣздочки горять.

* * *

«Какъ мило въ темнотѣ сіянье
Ихъ мирной красоты;
10. Но матеръ добрая, ты плачешь?
О чемъ же плачешь ты?»

* * *

— Увы! подруга, двухъ младенцевъ
Прекрасныхъ, помню я,

15. Какъ эти звѣздочки прекрасныхъ,
Господь лишилъ меня,

* * *

И каждый разъ, когда въ мечтаньи,
 На небо я смотрю;
 Мнѣ мнится, вижу я малютокъ
 20. И съ ними говорю.

* * *

Они такъ непорочны были!
 Отъ нашихъ бѣдъ и слезъ,
 Конечно, Богъ на эти звѣзды
 Ихъ тихо перенесъ.

* * *

25. И вѣрю я, что матеръ помнятъ
 Они на тѣхъ звѣздахъ;
 Что на меня ихъ поцѣлуетъ
 Спускаются въ лучахъ;

* * *

Что на землѣ, забытой ими,
 30. Лишь матери имъ жаль;
 Что и въ блаженствѣ имъ пріятна
 Любви моей печаль!

Одесса, 1824 г.

XCIX.

Болѣзнь.

1. Подъ тяжкимъ бременемъ недуга,
 Меня не радуешь ни ясный воздухъ Юга,
 Ни волнь полуденныхъ краса.
 Въ окно печальное гляжу на Небеса.
5. Какъ будто къ узнику въ темницу,
 Сквозь занавѣсу темныхъ дровъ,
 Едва доходитъ день, порой, въ мою свѣтлицу.
 Все позабыто вѣдругъ: привѣты милыхъ дѣвъ,
 Утѣхи юности, желанья

10. И лиры радостный напѣвъ.
 Сижу одинъ, безъ упованья,
 О здравьи сѣтую моею.
 Увы! и нѣтъ въ краю чужомъ
 Ни друга близъ меня, который бы душою,
 15. Жалѣя о моей судьбѣ,
 Спросилъ заботливо: «что, легче ли тебѣ?»
 И руку мнѣ пожалъ горячею рукою.

Одесса. Сентябрь 1824 г.

С.

Дѣвушка—влюбленному Поэту.

1. Повѣрьте мнѣ—души своей
 Не разгадали вы доселѣ:
 Вамъ хочется любить сильнѣй,
 Чѣмъ любите вы въ самомъ дѣлѣ.
 5. Вы очень милы—вы Поэтъ.
 Творенья ваши всеѣмъ отрада;
 Но я должна, хоть и не рада,
 Сказать, что въ васъ *чего-то* нѣтъ.
 Когда съ боязнью потаенной
 10. Встрѣчаю васъ наединѣ,
 Безъ робости, непринужденно
 Вы приближаетесь ко мнѣ.
 Начну ль бесѣдовать я съ вами?
 Какъ будто сидя съ Авторами,
 15. Вамъ замѣчательнѣй всего
 Ошибки слога моего.
 Со мной ведете ль разговоры?
 Безъ выраженья ваши взоры!
 Въ словахъ нѣтъ чувства—только умъ!
 20. И если бѣ, въ беззаботной долѣ,
 Была я памятлива болѣ,—
 То, затвердивъ изъ модныхъ думъ
 Сто разъ печатанныя слезы,
 Желанья, сѣтованья, грусть—

С*

25. Въ стихахъ я бѣ знала наизусть
 Всѣ изъясненья вашей прозы!
 Простите мнѣ языкъ простой:
 Нѣтъ, не хочу судьбы такой!
 Съ душой, надеждою согрѣтой,
30. Хочу, въ дни лучшіе мои,
 Любимой быть я—для любви,
 А не за тѣмъ, чтобъ быть воспѣтой.

Одесса 28 сентября, 1824 г.

СІ.

Сашѣ Казначееву.

(Во время болѣзни).

1. Ты ль навѣстить пришелъ меня?
 Въ углу моемъ тебя ль я встрѣтилъ?
 Ты ль юный другъ, любовь моя!
 Мой образъ въ памяти храня,
5. Мое отсутствіе замѣтилъ?

* *
 * *

- Сколь сладокъ дѣтскій лепетъ твой!
 Какъ будто ангела явленьемъ
 Утѣшенъ юноша больной,
 Младенца съ чистою душой
10. Добросердечнымъ посѣщеньемъ!

* *
 * *

- Привѣтомъ нѣжнымъ словъ простыхъ
 Въ меня ты пролилъ миръ и счастье,
 Ты мнѣ принесъ въ чертахъ твоихъ
 Не хладный ликъ друзей иныхъ,
15. Не свѣта лживое участие,

* *
 * *

- Нѣтъ! посреди утѣхъ и сна
 Земное все тебѣ безвѣстно:
 Душа твоя, какъ день, ясна
 И на землѣ еще полна
20. Своей невинности небесной.

* *

Ты не умѣешь для очей
 Поддѣлать радость, огорченье,
 И свѣдавъ о судьбѣ моей,
 Ты съ милой жалобой своей
 25. Свое принеси мнѣ утѣшенье.

* *

Но чѣмъ же я, какой мольбой,
 Тебѣ воздамъ, мой гость прекрасный...
 Ко всѣмъ благоволя душой,
 Рости, цвѣти, играй и пой
 30. Въ свой возрастъ непорочно-ясный.

* *

Будь радостью семьи своей!
 И что бы насъ ни разлучало
 Черезъ много бурныхъ, свѣтлыхъ дней,
 Въ сей дѣтской вѣжности твоей
 35. Намъ вѣчной дружбы будь начало!
 23 октября 1824 г.

СII.

Куплеты еврея.

I.

1. Не гнѣвайтесь за мой приходъ,
 Я Жидъ, но чудо межъ Жидами:
 Бываю часто у Господь
 И даже друженъ съ Господами.
5. Къ тому жь—я честный негоціантъ,
 Не знаю низкихъ упражненій;
 Страшусь, какъ Бога, контрабандъ
 И вамъ не подавалъ прошеній.

- Одеждой свѣту мы смѣшны
 10. Но вамъ смѣшны людскіе толки:
 Предъ вашей Правдою равны
 Фуражки, шляпы и ермолки.
 За дерзость буду я прощень—
 Извѣстны всѣмъ ея причины:
 15. Вамъ, Графъ, жидовскій свой поклонъ
 Принесъ я въ ваши имянины.

II.

На голосъ мазурки Верстовскаго.

- Намъ съ Еврейскою фигурой
 Славы трудно ожидать;
 Нашей слабою натурой
 20. Ницъ не можемъ побѣждать.
 Не военнаго мы нрава
 И безъ насъ солдаты есть:
 Для людей пусть будетъ Слава,
 Для людей пусть будетъ Честь,
 25. Мы же славой не богаты,
 Намъ дукаты, намъ дукаты!
- Отъ любви намъ та жъ обида:
 Будь Еврей пригожь и миль—
 Купидонъ—ермолки Жида
 30. Отъ рожденья не носиль.
 Но и въ этой бѣдной долѣ
 Мы себя утѣшимъ вновь:
 Люди! счастье въ вашей волѣ,
 Вамъ красотки и любовь—
 35. Мы жъ любовью не богаты,
 Намъ дукаты, намъ дукаты!

Одесса. 1824 г. Ноябрь.

СІІІ.

Къ Н...

1. Твой милый взоръ, невинной страсти полной—
 Златой разцвѣтъ небесныхъ чувствъ твоихъ,
 Не могъ, увы! умилостивить ихъ—
 Онъ служить имъ укорюю безмолвной.
5. Сіи сердца, въ которыхъ правды нѣтъ,
 Они, о другъ, бѣгутъ, какъ приговора,
 Твоей любви младенческаго взора,—
 Онъ страшень имъ, какъ память дѣскихъ лѣтъ.

- Но для меня сей взоръ благодѣянье,
 10. Какъ жизни ключъ—въ душевной глубинѣ
 Твой взоръ живетъ и будетъ жить во мнѣ,—
 Онъ нуженъ ей какъ небо и дыханье.

- Таковъ горѣ—духовъ блаженныхъ свѣтъ,—
 Лишь въ небесахъ сіяетъ онъ, небесный;
 15. Въ ночи грѣха, на днѣ ужасной бездны,
 Сей чистый огонь, какъ пламень адскій сжеть.

23 ноября. 1824.

СІV.

Элегія.

1. На скалы, на холмы глядѣтъ безъ нагляденья;
 Подъ каждымъ деревомъ искать успокоенья;
 Питать бездѣйствіемъ задумчивость свою;
 Подслушивать въ горахъ журчащую струю,
5. Иль звонкое о брегъ плесканье океана;
 Подъ зыбкой пеленой вечерняго тумана
 Взирать на облака, разбросанны кругомъ
 Въ узорахъ и цвѣтахъ и въ блескѣ золотомъ:—

- Вотъ жизнь моя въ странѣ, гдѣ кипарисны сѣни
 10. Средь лавровъ возраста, приманивають къ лѣни,
 Гдѣ хижины татаръ вѣнчаютъ виноградъ,
 Гдѣ роща каждая есть благовонный садъ.

Алушка, 1824 г.

CV.

Моя любовь.

1. За днями дни бѣгутъ толпой,
 Слѣдовъ ихъ сердце не находитъ;
 Но, другъ безцѣнный, образъ твой
 Понинѣ властвуетъ душой
 5. И съ памяти моей не сходитъ.

* * *

- Я посѣщаль прекрасный край¹⁾:
 Тамъ ухо ропотъ моря слышитъ,
 Безнойно, долго свѣтитъ Май
 И человѣку тихій рай
 10. Въ тѣни оливъ и лавровъ дышитъ.

* * *

- Тамъ, нѣжась въ лѣни и мечтахъ,
 Въ часъ лунныхъ, сладостныхъ тумановъ,
 Какъ будто видишь на горахъ,
 Вокругъ мечетей, на гробахъ,
 15. Блуждающія тѣни Хановъ.

* * *

- Тамъ жены, тайно, сквозь покровъ,
 Назвавъ себя, лукавымъ взглядомъ
 Манять счастливыхъ пришлецовъ
 На мягкій одръ, на пухъ ковровъ,
 20. Въ Гаремъ, увитый виноградомъ.

¹⁾ Тавриду.

*
* * *

- Но въ той странѣ, на брегѣ томъ,
 Къ инымъ занятіямъ остылый,
 Безъ цѣли странствуя кругомъ,
 Мечталъ, грустилъ я объ одномъ—
 25. Все о тебѣ, мой Ангелъ милый!

*
* * *

- Какъ ночью пѣсня соловья,
 Какъ плѣннику родные звуки
 На брегѣ чуждаго ручья—
 Отраднѣ мнѣ любовь моя,
 30. Сліянье нѣги, счастья, муки.

*
* * *

- Люблю, любовь потребна мнѣ!
 Я услажденъ, утѣшенъ ею!
 Наскучу ль жизнью въ тишинѣ,
 Мнѣ милый ликъ блеснетъ во снѣ—
 35. И вновь я къ жизни пламенѣю.
 1824 г.

CVI.

Элегія.

1. На грозномъ океанѣ свѣта,
 Какъ волны легкія, мелькаютъ наши лѣта,
 Замѣтна единый мигъ.
 Успілія племень земныхъ,
 5. Побѣдный мечъ, скрижалъ поэта
 Все гибнетъ накопецъ.
 А если медленнымъ преданьемъ
 И сохранится намъ минувшихъ дней вѣнецъ:
 Иль мужа добраго прекрасный образецъ,
 10. Иль мысль, внушенная небеснымъ созерцаньемъ—
 Какъ перлы, случаемъ изверженны на брегъ,
 Мы сами, жадные къ заботамъ современнымъ,
 Средь слабыхъ думъ, средь праздныхъ нѣгъ,
 Вниманья не даемъ вѣкамъ, давно-смѣненнымъ,
 15. Ни вѣры памяткамъ ихъ.

* * *

- Такъ, въ безднѣ хладнаго забвенья,
 Все потопляетъ смертный мигъ!
 Но сколько въ жизни утѣшенья
 Въ замѣну будущихъ утратъ?
20. Кому невѣдомо очарованье счастья?
 Кто, полный нѣжнаго участья,
 Безпечный, не вкушалъ семейственныхъ отрадъ?
 Не услаждался гласомъ друга,
 Привѣтнымъ лепетомъ дѣтей,
25. Или, на склонѣ бурныхъ дней,
 Твоими ласками, о вѣрная подруга?
 Любовь! А твой небесный жаръ
 Чье сердце чистое безъ тайныхъ нѣгъ оставилъ?
 Чей вдохновенный, гордый даръ
30. Твоихъ восторговъ не прославилъ,
 Твоихъ надеждъ, тоски твоей
 Очаровательныхъ рѣчей?
 Я помню самъ лѣта младя,
 Ихъ обольстительный обманъ,
35. И кудри пепельно-золотыя,
 И будто пальма, стройный станъ,
 И взоръ задумчиво-привѣтный,
 Живое зеркало души.
 Я помню: робкій, незамѣтный,
40. Я милую любилъ въ тиши.
 О, первой грусти упоенье,
 Любви, надеждъ благая лесть,
 Когда для чувства—вдохновенье,
 И для блаженства—чувство есть!
45. Какимъ волшебствомъ непонятнымъ,
 Какимъ слияньемъ лучшихъ думъ
 Въ тѣ дни все услаждаетъ умъ,
 Все душу радуеть весельемъ необъятнымъ:
 Блистанье неба, шопоть струй,
50. Любимыхъ усть простыя рѣчи,
 Свиданье, скромный поцѣлуй

И жажда новой, милой встрѣчи!
 Не зная васъ, не пилъ бы я
 Сладчайшей чаши бытія!

* * *

55. Зачѣмъ же призраки сердецъ славолюбивыхъ
 На блага вѣрныя мѣнять?
 И мнимой вѣчностью дѣяній горделивыхъ
 Миръ человѣка возмущать?
 Къ забавамъ жизненнымъ безпечное пристрастье
60. Не тщетно съ жизнью намъ дано:
 «Какъ ваши дни—гласить оно—
 «Невозвратимо ваше счастье;
 «Цвѣтите, радуйтесь, покуда длится срокъ!»
 Но гордому уму невнятенъ сей урокъ!
65. Скучаетъ нѣгой онъ, онъ славныхъ бѣдствій просить,
 И, полный силы неземной,
 Свои желанія въ потомство переносить,
 Блуждаетъ въ будущемъ мечтой.

1824 г.

СVII.

Похвала во время.

1. «Что ты, Архипъ, Луку уже хвалить пустился?»
 — Да, да! Онъ добръ, уменъ; повѣрь!—
 «Помилуй! да намнясь не ты ль при всѣхъ божился,
 Что онъ и глупъ, какъ скоть, что онъ и золь, какъ звѣрь?»
5. — Эхъ, братецъ! Да Лука вѣдь староста теперь!—

1824 г.

СVIII.

Ш а р а д ы.

1.

1. Начальное мое въ Италіи одной
 Бѣжить огромное, прозрачное собой;
 П о с л ѣ д н е е ж ь во всѣхъ странахъ, градахъ, селеньяхъ

- Является, хотя не существо оно;
 5. А цѣло е—всегда прекрасно и умно
 Въ Литературныхъ Прибавленьяхъ.

2.

- Два слога первые необходимость значать;
 П о с л ѣ д н і й—что богачь съ веселіемъ творить
 Тогда, какъ бѣдняки, того не дѣлавъ, плачуть!
 10. А цѣло е есть то, что нашъ Дамонъ Пить,
 Читая вслухъ свой бредъ, и бѣсу причинить.
 1824 г.

СІХ.

Надписи къ портретамъ.

1.

1. Се ненавистный врагъ смиренья
 И глупости ужасный бичъ;
 Другимъ даетъ онъ наставленья,
 А самъ нерѣдко поретъ дичь.

2.

5. Вотъ бренности людской прежалкая скудель!
 Терпѣнья образецъ... а глупости модель!

3.

- Въ цвѣтушей младости избралъ, для милыхъ чадъ,
 Земную Фурію своей подружкой,
 Но былъ, къ несчастію, весь вѣкъ ея игрушкой
 10. И заживо узналъ, какъ страшень адъ.
 1824 г.

СХ.

Эпитафіи.

1.

1. Служилъ полвѣка въ подземельѣ...
 Могила хладная ему не новоселье!

2.

- Онъ былъ уменъ, а жилъ ужасно скудно,
И Вакху жертвовалъ собою съ юныхъ лѣтъ.
5. Прохожій! отгадать теперь уже не трудно,
Что здѣсь покоится... поэтъ.

3.

- Весь вѣкъ, какъ червь, онъ изгнбался...
И на съѣденіе червямъ теперь достался.
1824 г.

СХІ.

Къ А. Ѳ. В.

1. Я хоть въ огонь для васъ готовъ
За вашу память и поклоны;
Отъ вашихъ дружелюбныхъ словъ
Я нахожусь безъ обороны.
5. Пѣвца Столицы похвала
Почти восторгъ во мнѣ зажгла,
И мнѣ тайкомъ краснѣть досталось;
Недаромъ былъ Поэтомъ я:
Сокрылись Музы отъ меня,
10. Но самолюбіе осталось.

- Меня ли кличетъ на Парнасъ
Вашъ, не къ добру, учтивый гласъ?
Меня ли вы не досчитали
Въ той многолюдной сторонѣ,
15. Гдѣ, юный, пѣлъ я въ тишинѣ
Одну любовь, однѣ печали?
Вы ль слабый вспомнили мой жаръ,
Напѣвы грусти одинокой?
Нѣтъ! къ пѣснямъ не данъ мнѣ сей даръ,
20. Равно блестящій и высокій!

Соединяющій въ себѣ
Воображенье, мысль и чувство;

- Устанавливающей искусство
 Съ народной грубостью въ борьбѣ!
27. Сей даръ, мужающей съ годами,
 Въ красу умѣющей облечь
 И мысль, владѣющей умами,
 И пламенную страсти рѣчь;
 Сей даръ,—котораго презрѣнье
30. Презрителямъ на посрамленье.

- Скажу ль вамъ, сколь была скромнѣй
 Моихъ безвѣстныхъ звуковъ доля?
 Я пѣлъ на утрѣ вешнихъ дней,
 Какъ въ рощѣ свищеть соловей,
35. Или какъ цвѣтъ блеститъ среди поля!
 Покуда были теплы дни,
 Покуда солнце намъ свѣтило,
 Какъ цвѣтъ—дышалъ я для любви,
 Какъ соловей—я пѣлъ для милой.
40. Но восшумѣлъ потокъ дождей,
 Настала осень; хлада сила
 Древа и доли обнажила.

- Гдѣ-жъ милый цвѣтъ? гдѣ соловей?
 И я, подобно имъ, съ утратой
45. Моей любви и юныхъ лѣтъ,
 Исчезъ—безмолвіемъ объятай—
 Для Альманаховъ и Газетъ.
 Покинулъ лиры строй любезной,
 Порывъ минутный мой утихъ:
50. Не ищите жъ силъ моихъ
 Хвалой отратно-безполезной.
 Не то, просите красныхъ дѣвъ,
 Чтобъ хоть одна, мной овладѣвъ,
 Волшебствомъ взгляда или слова,
55. Меня, Б р ы л а н у не во гнѣвъ,
 За риѣмы посадила снова.

Одесса. Декабря 4, 1824 г.

1825 г.

СХІІ.

М о л ь б а.

1. Нужна любовь, какъ воздухъ ясной,
Стѣсненной чувствами груди:
О случай! встрѣчею прекрасной
Ее во мнѣ ты пробуди!
 5. Не вѣрить счастью—мученье,
Но, мнится, счастье я бѣ узналъ,
Когда бѣ я могъ въ земномъ твореньѣ
Найти свой милый идеаль.
- Когда жъ нельзя свершиться чуду,
10. То пусть безпамятнымъ умомъ,
Какъ сонъ, свой идеаль забуду
Передъ любимымъ существомъ.
- Январь—Мартъ. 1825 г. Одесса.

СХІІІ.

К ъ С * * *

(При полученіи отъ нее въ подарокъ вышитыхъ цвѣтовъ).

1. Отъ первой юности къ печальнымъ думамъ склонный,
То днемъ разсѣянный, то по ночамъ бессонный
И къ счастью и къ любви невѣріе храня,—
За тщетный жизни даръ ропталъ на Небо я.

5. Я видѣлъ вѣтренность, иль хладное безстрастье
 На лицахъ милыхъ жонь и говорилъ себѣ:
 «Когда-жь и въ комъ найду сердечное участие
 Къ моей безрадостной судьбѣ?
 Чей вздохъ слетитъ ко мнѣ нѣжнѣй, чѣмъ вѣтеръ Юга?»
10. Чьи очи мнѣ блеснутъ, взаимностью полны,
 Игривѣй горныхъ струй, мечтательнѣй Луны?—
 Тоскую, вяну я и жизнь,—не жизнь безъ друга.

- Но, сладость строкъ твоихъ, по памятный твой даръ,
 Какъ бы вліяньемъ тайныхъ чаръ,
 15. Мгновенно надо мной свершили изцѣленье.
 Клянусь, клянусь мое сомнѣнье:
 И у меня есть другъ, прекрасный другъ, а съ нимъ
 Все въ жизни цѣль и услажденье.
 Такъ! всюду рай тому, кто любить и любимъ.

20. Съ какимъ душевнымъ умиленьемъ
 Любуюсь въ тишинѣ твоимъ произведеньемъ!
 Съ какой отрадой бродить глазъ
 По шелку, по серебру, по тѣнямъ разноцвѣтнымъ,
 Гдѣ взоры милые покоились не разъ,
 25. Гдѣ все оживлено ихъ пламенемъ привѣтнымъ!
 И знаешь ли, мой другъ, что мнѣ пришло на умъ:
 Что въ краскахъ сихъ цвѣтовъ, въ ихъ чудномъ соплетеньѣ,
 Сокрыто тайное любви изображенье,
 Нѣмой языкъ сердечныхъ думъ;
 30. Что мнѣ понятенъ онъ; что я по знакамъ нѣжнымъ
 Всѣ мысли разгадалъ твои:
 Грусть одиночества съ томленьемъ безнадежнымъ,
 Святыя жалобы любви;
 И что въ лицѣ твоёмъ, какой-то Геній милый,
 35. Ко мнѣ въ тотъ сладкій часъ представъ наединѣ,
 Надъ головой моей взвѣвалъ златыя крылы
 И ясно улыбался мнѣ.

- О! пусть то было обольщенье,
 Пусть я ласкалъ себя и тщетною мечтой,
 40. Оставь, оставь мнѣ заблужденье;

Обманъ столь милый, столь живой,
 Всѣхъ чувствъ, всѣхъ мыслей—упоенье!
 Мой другъ, молю, сама восторгъ мой раздѣли:
 Съ нимъ сердцу такъ легко, какъ будто нѣтъ разлуки,
 45. Съ нимъ сердце вѣруеть: не все на свѣтѣ муки,
 Есть и блаженство на земли!

Одесса. Мартъ 1825 г.

СХІV.

Сонетъ.

1. Не льстивыхъ словъ обдуманной отравой,
 Не вѣтренной манить она красой:
 Все дышетъ въ ней небесной простотой,
 И прелестью небесно-величавой.

5. Улыбка, взглядъ, то нѣжной, то лукавой,
 Не нужны ей, чтобы плѣнять собой;
 Ея лицо блистаетъ добротой,
 Глаза горять Поэзіей и славой.

10. Нельзя во вѣкъ всѣхъ думъ прекрасныхъ счесть,
 Которыхъ въ ней такъ благостно вліянье,—
 Нѣжнѣйшихъ чувствъ находишь въ ней сліянье,—
 И безъ любви нельзя услышать вѣсть,
 Что на землѣ, въ убогомъ мірѣ есть
 Столь милое, прелестное созданье.

Мартъ 1825 г. Одесса.

СХV.

Элегія.

1. Не озабоченъ жизнью я!
 Равно мой умъ и сердце праздны:
 Какъ бой часовъ однообразный,
 Однообразна жизнь моя.

5. Напрасно возвратить я мнилъ
 Подъ благосклоннымъ небомъ Юга,
 Напѣвы счастья и досуга
 И бодрость юношескихъ силъ.

- Напрасно сердце обновить
 10. Алкаль любви очарованьемъ
 Иль славы гордымъ обладаньемъ
 Любви потерю замѣнить.

- Не измѣнился жребій мой!
 Я вяну, скукой изнуренный,
 15. Какъ вянетъ цвѣтъ, перенесенный
 Подъ небо родины чужой.

Одесса. 1825 .

СХVI.

С л е з а .

1. Языкъ души нѣмой, чудесный,
 Любви горящая роса,
 Блестить въ очахъ какъ лучъ небесный
 Всегда прекрасная слеза.
5. Улыбка милыхъ устъ плѣняетъ,
 Звукъ милой рѣчи веселить,—
 Слеза всю душу проникаетъ,
 До гроба въ памяти горитъ.
- Есть что-то дивное, святое
 10. Въ слезѣ; какой-то пламень есть;
 Въ ней дышетъ чувство, всѣмъ родное,
 Душа душѣ даетъ въ ней вѣсть.
 Нѣжныѣй, чѣмъ грусть, яснѣй, чѣмъ радость,
 Ко всѣмъ очамъ она идетъ:
15. Здѣсь упоительную сладость,
 Тамъ свѣтъ божественный ліетъ.
- Любовь—удѣлъ намъ неизбѣжной,
 То жажда молодой крови;

- Люби слезу, кто любить нѣжно;
 20. Слеза—жемчужина любви.
 Наединѣ съ надеждой сладкой
 Во взорахъ милой жди ее:
 Блеснетъ незваная украдкой
 И счастье выскажетъ твое.
25. Душевной гордости терзанью,
 Томленью первому страстей,
 Печали, радости, желанью,
 Всѣмъ чувствамъ есть услада въ ней.
 И то, чему нѣтъ словъ на свѣтѣ,
 30. Чтò полно тайнъ какъ небеса,
 Въ своемъ живительномъ привѣтѣ
 Умѣеть выразить слеза.

- Ахъ! кратко юныхъ дней сiянье!
 Но мило, юность погубя,
 35. Найти въ душѣ воспоминаье
 Слезы, блиставшей для тебя.
 Мнѣ ль позабыть слезу такую?
 Нѣтъ! и угаснувъ, ту слезу,
 Какъ жертву чистую, святую,
 40. Съ собой на небо унесу.

Бериславъ. Мартъ—апрѣль 1825 г. (Юль 1826).

СХVII.

Post-scriptum 1825 года.

(При посылкѣ стиховъ, за нѣсколько лѣтъ прежде написанныхъ).

1. Къ преданьямъ юности остылый,
 Разлукой побѣдивъ души моей любовь,
 Стихи, внушенные красою дѣвы милой,
5. Перечиталь я нынѣ вновь.
 О! сколько, сколько тамъ унынья, муки страстной,
 Благоговѣнья, нѣжныхъ думъ:
 Блаженство, славу, жизнь—все видѣлъ въ ней мой умъ,
 И все прошло и все напрасно!

10. Какъ будто вѣкъ я не любилъ!
 При имени ея душа моя въ покоѣ;
 Ея примѣръ меня измѣнѣ научилъ;
 А свѣтъ и молодость свершили остальное.
 Я недовѣрчиво гляжу
15. На слѣдъ минувшихъ чувствъ и муки;
 Любви моей живые звуки,
 Какъ звуки чуждые твержу.
 Мнѣ для меня преобразованъ,
 Нѣтъ прежней жизни для меня:
20. Увы! навѣкъ спокоенъ я;
 За то навѣкъ разочарованъ!
- Одесса. 2 мая 1825 г.

СХVIII.

П о з і я.

(Сонетъ).

1. Въ пріютѣ мудреца, въ тревогѣ шумной свѣта,
 Въ счастливой простотѣ полей—
 Повсюду, гдѣ горитъ прекрасный огонь страстей,
 Повсюду внятень гласъ поэта.
5. Возвышенная мысль поэзіей согрѣта,
 Отраднѣе сердцамъ людей—
 Такъ дѣва милая прелестнѣй для очей
 Въ нарядѣ блистательный одѣта.
 Небеснымъ молніямъ равны
10. Съ душевной, пламенной струны
 Поэтомъ сорванные звуки!
 Имъ все отверзто: рай и адъ,
 Душа, сосудъ живыхъ отрадъ,
 И сердце—кладезь хладной муки!

Мая 10. 1825 г.

СХІХ.

Н. Н. Б.

(Сонетъ).

1. Въ кругу родныхъ, въ блаженномъ заточеньѣ,
Тебя найдеть мой искренній привѣтъ!
О милый другъ! съ безпечныхъ, юныхъ лѣтъ
Влюбившійся душою въ пѣснопѣнье.
5. Ласкай, ласкай младое вдохновенье,
Благихъ надеждъ храни прекрасный свѣтъ:
Поэзія, какъ благовонный цвѣтъ,
Да усладить твое уединенье.
Равно для всѣхъ она отрадь полна,
10. Склоняя умъ къ мечтательности тайной,
На дивный звукъ наводитъ насъ случайно,
И сладкій жаръ вливаетъ въ насъ она.
Природа съ ней подьмелется отъ сна
И вся блеститъ красой необычайной.

10 мая 1825 г.

СХХ.

П ѣ с е н к а.

1. Легкій, вешній вѣтерокъ,
Встань съ цвѣтовъ, оставь потокъ,
Разыграйся въ вышинѣ,
Живо прилетай ко мнѣ!
5. Тамъ въ долинѣ за рѣкой
Ходить другъ сердечной мой;
Ходить милая моя—
Къ ней съ собой снеси меня.
- Иль послушный мой посолье,
10. Самъ лети въ тотъ ясный доль,
Розой, ландышемъ повѣй
Надъ красоткою моею.

Сладкимъ воздухомъ любви
 Ей въ глаза, въ уста дохни;
 15. А съ тѣхъ устъ въ награду сдуй
 Лишь одинъ мнѣ поцѣлуй.

27 мая 1825 г.

СХХІ.

На кончину Р....

Сонетъ.

(Посвящ. А. С. Пушкину).

1. Ты на землѣ была любви подруга:
 Твои уста дышали слаще розъ,
 Въ живыхъ очахъ, не созданныхъ для слезъ,
 Горѣла страсть, блистало небо Юга.
5. Къ твоимъ стопамъ съ горячностію друга
 Склонялся міръ—твои оковы несъ;
 Но Гименей, какъ сѣверный морозъ,
 Убилъ цвѣтокъ полуденнаго луга.

И гдѣ-жъ теперь поклонниковъ твоихъ

10. Блестящій рой? гдѣ страстныя рыданья?
 Взгляни: къ другимъ ужъ ихъ влекутъ желанья,

Ужъ новый огонь волнуется душу ихъ;

И для тебя сей голосъ струнь чужихъ—
 Единственный завѣтъ воспоминанья!

Одесса. Іюль 1825 г.

СХХІІ.

С ѣ т о в а н і е.

1. «Какъ доблестный корабль, другъ моря и свѣтилъ,
 Въ недвижной пристани, безъ волнь и безъ вѣтриль,
 Стоитъ окованъ, обезкрыленъ;—
 Мой духъ, изнѣженный бездѣйственной мечтой,
5. Дряхлѣеть въ праздности нѣмой
 И разорвать свой плѣнь безсилень.

«Чего ты ждешь, корабль?.. Оставь сей пыльный брегъ!»

Я молвилъ и—смотри! величественный бѣгъ

Ужь онъ простеръ по океану...

10. Когда-жь, когда-жь и я, страхнувъ душевный сонъ,
Отъ лѣни вырвавшись какъ онъ,
И окрылюся и возстану!

«Нѣтъ! въ самой праздности мой благородный умъ
Гордыней прошлыхъ дней, избыткомъ новыхъ думъ

15. Не разъ, какъ море, волновался,
Какъ море между скаль, и бился и гремѣль,
И жадный славы, жадный дѣль,
Разлиться въ пѣсняхъ порывался.

«Я слышу и теперь мятежь его святой!

20. Онъ кличетъ, онъ влечетъ! о! замолчи, стой.
Постой, властитель безпощадный!
Но онъ какъ вихоръ всталъ, всѣ узы онъ расторгъ,
И, охватилъ меня восторгъ,
Какъ жертву бога пламень жадный!

25. «Раскрылся предо мной высокій, прежній путь,
Приливомъ бодрыхъ чувствъ восколебалась грудь,
Затрепетали сердца струны!
А! дайте-жь лиру мнѣ, судьбы безсмертный даръ:
Да перелью мой вѣщій жаръ
30. Въ ея гремящіе перуны!

«Я, какъ орель, съ вершинъ направлю свой полетъ!
При имени моемъ гонимый отдохнетъ

- И дрогнетъ дерзостный гонитель!
Чтобъ злобу поразить, проникну въ самый адъ,
35. И насыщу душевный гладъ,
И буду славы покоритель!»

«Какъ жалкій рабъ земли отъ колыбельныхъ дней
Я не былъ обреченъ судьбиною моею.

- Безчувственнымъ заботамъ свѣта;
40. Высокихъ мыслей кладъ мнѣ былъ отъ неба данъ,

И вѣчнымъ жаромъ, какъ волканъ,
Моя душа была согрѣта.

- «Уже я чувствовалъ отвагу юныхъ силъ;
Меня сокрытый богъ насильственно стремилъ
45. На поприще Труда и Славы...
Но, легкомысленный, я даръ свой пренебрегъ
Для узъ любви, для томныхъ нѣгъ,
Для ихъ подслащенной отравы.

- «Я мирно отдался въ свой произвольный плѣнъ;
50. Проникнуть гласомъ дѣвъ, какъ пѣніемъ Сирень,
Я былъ объять очарованьемъ...
Казалось, тихій валъ меня къ Эдему несъ,
Я плавалъ въ океанѣ розъ,
Былъ напоенъ благоуханьемъ.

55. «Но сердцемъ я клянусь! и въ рабской нѣгѣ той,
Я не былъ обаянъ земною суетой,
Земнаго счастья кумиромъ!
Мой духъ былъ усыпленъ, но все я былъ пѣвецъ,
И обреченный мнѣ вѣнецъ
60. Въ цвѣту затоптанъ не былъ міромъ!

- Такъ сидя на скалѣ и шумомъ моря полнъ,
Я вслухъ согласовалъ съ порывнымъ плескомъ волнъ
Мои завѣтныя мечтанья;
Я трепеталъ, кипѣлъ, ловилъ побѣдный мигъ,—
65. Но грозный океанъ утихъ,
И сонъ исчезъ очарованья.

- Съ вечерней сладостью, съ вечернею луной
Все погрузилося въ божественный покой,
Душа склонилась къ прежней нѣгѣ.
70. Лишь изрѣдка шепталъ неясный голосъ въ ней,
Какъ легкихъ, медленныхъ зыбей
Звукъ, умирающій на брегѣ.

Августа 1825 г. Одесса.

СХХІІІ.

Э л е г і я .

1. Не вѣдаетъ мудрецъ надменный,
 Не постигаетъ хладной свѣтъ,
 Какъ тяжко тратить постепенно
 Всѣ обольщенья юныхъ лѣтъ.
5. «Онъ съ призракомъ своимъ простился,
 «Онъ сталъ умнѣе»—говорять,
 Не скажутъ: бѣдный! онъ лишился
 Своихъ любимѣйшихъ отрадъ.

Престань оплакивать измѣну

10. Мечты! О боги! я готовъ;
 Но что жь даете вы въ замѣну
 Живыхъ, блестящихъ, милыхъ сновъ?

На жизнь я поднялъ взоръ безстрастный,
 Что было—есть; но гдѣ же ты,

15. Міръ ненаглядный, міръ прекрасный,
 Зерцало горней красоты?..

Разнесся дымъ очарованья,
 Слетѣлъ покровъ волшебной твой,
 И ты безъ тайнъ, безъ упованья,

20. Однообразный предо мной

Предсталъ какъ памятникъ бездушный
 Временъ минувшихъ торжества,
 Какъ истуканъ жрецу послушный,
 Златой кумиръ безъ божества!

1825 г.

СХХІV.

P e n s é e ¹⁾.

(Посвящ. Гр. Е. П. П.).

1. Я родилась въ смиренной долѣ,
Въ степной глуши я разцвѣла,
И межъ цвѣтовъ, блестящихъ въ полѣ,
Я незамѣтная росла.
5. Я ароматомъ не дышала,
Не привлекала красотой,
Свой тѣсный уголь населяла
И грустно думала порой:
- «Зачѣмъ живешь ты, цвѣтъ напрасный?»
10. Кого ты радуешь собой?..»
Но мнѣ, пустынницѣ, судьбой
Назначень былъ удѣлъ прекрасный.
- Жена прелестная меня
Друзьямъ сорвала въ часъ прощанья,
15. Чтобъ у друзей хранилась я,
Какъ чистый даръ воспоминанья.
- И втайнѣ завѣщала мнѣ
Она для нихъ благодаренье,
Разлуки грусть и сожалѣнье
20. О нашей доброй сторонѣ.
- Гдѣ всей душой ее любили,
Гдѣ звали радостью ее;
Гдѣ счастье юности свое
Въ ея улыбкѣ находили.
25. А чтобъ я вѣкъ была ясна,
Чтобъ никогда не увядала,

¹⁾ Цвѣтокъ, извѣстный у насъ подъ названіемъ: Анютины глазки.

Пр. соч.

Слезу безцѣнную она
Въ меня отъ сердца проліяла.

О сила чувства и красы!
30. Съ тѣхъ поръ, томясь воображеньемъ,
Святаго слѣда той слезы
На мнѣ всѣ ищутъ съ умиленьемъ.

Съ тѣхъ поръ хранюсь я у друзей,
Красою м и л о й имъ блистаю,
35. И слаще розъ благоухаю
Одною памятью о ней.

Одесса. 1825 г.

СХХV.

Въ Альбомъ N. N.

1. Издавна женскіе альбомы
Поэтамъ влюбчивымъ знакомы,
И часто вписывалъ я въ нихъ
То вѣжливый, то страстный стихъ.
5. На благосклонныя странички
Впопадъ безъ долгой переключки,
Являлись рѣмы и слова.
И легкомысленной работой
Не затруднялась голова.
10. Но устарѣлъ теперь я что-то!
Все утро на столѣ моемъ
Лежить пунцовый вашъ альбомъ,
Раскрывъ привѣтливо листочки;
А въ нихъ досель моя рука
15. Не написала ни стишки,
Не только что стиха, ни точки.
Стою задмучиво предъ нимъ
Мой умъ, какъ хладный нелюдимъ,
Пріятныхъ мыслей не находить:

20. Межь тѣмъ вашъ образъ предо мной,
 Прекрасный, свѣтлый, молодой,
 Коварно улыбаясь бродить
 И нѣжнымъ пальчикомъ грозить.
 Что дѣлать мнѣ? скажите сами.
25. Кого вашъ взоръ не восхитить?
 Но чѣмъ я больше занятъ вами,
 Тѣмъ приема далѣе бѣжить.
 Позвольте жъ мнѣ проститься съ нею:
 Любуясь вашею красой,
 Я забываюсь, я нѣмѣю—
 И въ скромной прозѣ честь имѣю
 Покорнымъ вашимъ быть слугой.

1825 г.

СХХVI.

Г р е ц і я .

(Два сонета).

I.

1. Давно ль твой плачь, какъ жалкій плачь вдовицы,
 Твоимъ сынамъ былъ праведный упрекъ?
 О Греція, казалось. Богъ обрекъ
 Тебя мечу карательной десницы!
5. Бесплоднѣй скаль, мрачнѣ стѣнъ темницы,
 Казалось, ты погибнула навѣкъ,
 И прозябалъ на славномъ прахѣ Грекъ,
 Какъ вялый мохъ на мраморѣ гробницы.
 Узрѣвъ тебя, мы восклицали: Нѣтъ!
10. Угасло тамъ мужей великихъ племя!
 Тамъ край рабовъ: имъ грузъ цѣпей не бремя;
 Наслѣдныхъ правъ для нихъ не святъ завѣтъ.
 Но дивный намъ ты берегла отвѣтъ,
 И грозное приготовляла время.

II.

15. Внемли! Чей зовъ потрясъ пещерь сихъ своды,
Глубокій миръ сихъ вѣковыхъ дубравъ?¹⁾
Дрожать сердца, знакомый гласъ узнавъ,
Какъ чуткія передъ грозою воды.
Возсталъ, возсталъ великій духъ свободы!
20. Воздвигнувъ крестъ, булатъ препоясавъ,
Какъ ангель битвъ на выкупъ славныхъ правъ
Онъ васъ зоветъ, гонимые народы!
И се кругомъ звукъ брани пробѣжалъ;
Какъ ратный станъ Эллада возшумѣла;
25. Сомкнулись въ рядъ бойцы святаго дѣла
Грознѣй твердынь, непоколебимѣй скалъ—
Какъ Божій громъ ихъ мечъ врага попралъ,
И слава ихъ по міру загремѣла!
- Одесса. 1825 г.

СХХVII.

П ѣ с н я.

1. «Другъ веселій—неизмѣнной,
Для чего, пѣвецъ молодой,
Нынче бродитъ потаенно
Все одинъ, одной стезей?»
5. Молви намъ: или то скука,
Иль то память о быломъ,
Или мысли, или звука
Ищешь пламеннымъ умомъ?»

- Нѣтъ, друзья! отъ васъ украдкой
10. Не скучаю, не грущу,
Не готовлю пѣсни сладкой,
Свѣтлыхъ мыслей не ищу.

¹⁾ Западная сторона Альбаніи и Мореи.

Я брожу у милой оконъ
 И однимъ лишь занять я:
 15. Не мелькнетъ ли темный локонъ,
 Не блеснетъ ли взоръ ея!—

1825 г.

СХХVIII.

Пѣсня татарской дѣвы.

1. Сижу въ гаремѣ, мой гаремъ—
 Темница: мраченъ, душень, нѣмъ!

Подъ небомъ все живетъ на волѣ:
 На солнцѣ рдѣть цвѣтъ весны;

5. Коней игривыхъ табуны
 Свободно топчутъ лѣсъ и поле;
 Съ вершинъ потоки льются въ долъ;
 Кружится въ воздухѣ орелъ,—
 А дочь младая Магомета,

10. Отъ Божія сокрыта свѣта,
 Въ домашней скукѣ, пустотѣ,
 Груститъ да вянетъ въ темнотѣ.

Сижу въ гаремѣ, мой гаремъ—
 Темница: мраченъ, душень, нѣмъ!

15. Отецъ мой беспощаднѣй Хана;
 Ревнуетъ женъ и дочерей;
 Отъ пронизательныхъ очей
 Не ускользнетъ и тѣнь обмана.
 Всегда готовъ его чубукъ

20. Казнить нескромный взглядъ иль звукъ.—
 И тщетно я въ слезахъ съ востока
 Звала могущаго пророка:
 Презрѣлъ пророкъ своей рабы
 Неволю, слезы и мольбы.

25. Сижу въ гаремѣ, мой гаремъ—
 Темница: мраченъ, душень, нѣмъ!

- Не я ль для жатвы наслажденья,
 Для нѣтъ любовныхъ рождена?
 Я вся горю, я вся полна
30. Желаній, страсти, упоенья.
 Зачѣмъ зажгли мнѣ небеса,
 Какъ звѣзды, яркіе глаза?
 Зачѣмъ блестятъ мои ланиты,
 Какъ снѣгъ, румянцемъ розъ облитый?
35. И, будто тополь, стройный станъ
 Рабѣ ли въ посмѣянье данъ?..

Сижу въ гаремѣ, мой гаремъ—
 Темница: мраченъ, душень, нѣмъ!

- Нѣтъ, нѣтъ! клянуса, недалеко
40. Прекрасный избавитель мой;
 Благоуханный, молодой,
 Свѣтловолосый, свѣтлоокой.
 Въ полночной нѣгѣ, въ дивномъ снѣ
 Три раза онъ сходилъ ко мнѣ:
45. Въ уста алкающей Татарки
 Онъ проливалъ лобзанья жарки,
 Онъ влекъ меня крыломъ своимъ:—
 Какъ птица, полечу я съ нимъ...

- Но я въ гаремѣ, мой гаремъ—
 50. Темница: мраченъ, душень, нѣмъ!

Гурауфъ. 1825 г.

•

1826 г.

СХХІХ.

Пѣснь любви.

1. Проникни въ духъ мой охладѣлый,
Любви спасительная власть!
И жизни рано помертвѣлой
Отдай веселье, силу, страсть.

5. Лишь тотъ позналъ красы земныя,
Лишь тотъ воистину блаженъ,
Кого любовь въ лѣта младыя
Пріяла въ неискупный плѣнь.

На что ему вѣнцовъ сіянье?
10. На что сокровищъ мрачный кладъ?
Его мечта, его желанье
Ликуютъ въ области отрадъ.

Къ чистѣйшей, сладостнѣйшей цѣли
Стремится безъ боязни онъ,
15. Чтобъ очи милыя узрѣли
Ея черты сквозь вѣщій сонъ,

Чтобъ тайнымъ пламенемъ сгорая,
Игра волненья своего,
На утро красота младая,
20. Стыдясь, взглянула на него,

Чтобъ силой страстнаго признанья
Изъ блѣдныхъ устъ, изъ томныхъ глазъ
Исторгнуть слезы и лобзанья,
Вкусить блаженства дивный часъ.

25. Любовь! любовь! владѣй ты мною!
Твоимъ волшебствомъ обаянь,
Не погибаль бы я душою
Въ глуши безлюдной чуждыхъ странъ.

- Пустынной жизнью изнуренный,
30. Не увядаль бы въ цвѣтѣ я:
Кружился бь образъ незабвенный
И днемъ и ночью вкругъ меня.

- Всегда прекрасный, вѣчно юный,
Какъ солнце ясное весны,
35. Онъ оживляль бы сонны струны
Привѣтнымъ гласомъ старины.

- Играя чувствами моими,
Какъ своенравный чародѣй,
Онъ тайно грезами живыми
40. Циталь бы страсть души моей,

Порой бы мнилось: кто-то дышетъ,
Склонясь невидимо ко мнѣ;
Какъ сквозь дремоту ухо слышитъ
Знакомый шепотъ въ тишинѣ.

45. Какъ будто кудри шелковыя
Прильнули вдругъ къ моимъ устамъ....
Какъ будто перси молодыя
Открылись радостнымъ очамъ...

- Ты ль это, милое видѣнье,
50. Мой рай, мой геній на земли?
Ахъ, вѣтъ! то сердца обольщенье,
Обманъ плѣвнительной любви.

СХХХ.

С о ф і и.

1. Когда въ задумчивости тайной,
Раскрывъ порой сіи листы,
На имени своемъ случайно
Взоръ нѣжный остановишь ты,
5. Союзъ нашъ чистый вспоминая,
Вдали отъ друга твоего,
Молю, о милая, родная,
Въ мечтахъ благослови его!

1826 г.

СХХХІ.

Одесскимъ друзьямъ.

(Изъ деревни).

1. Въ тиши семейственной, подь милою мнѣ сѣнью,
Предавшись сладкому Поэзіи влеченью,
Я сердцемъ памятнымъ средь нѣги не забылъ
Полуденныхъ друзей, полуденныхъ свѣтилъ.
5. Съ отрадой мысль моя въ тотъ край перелетаетъ,
Гдѣ небо, какъ любовь, привѣтливо сіяетъ;
Гдѣ вьется виноградъ, питомецъ южныхъ странъ;
Гдѣ умъ и взоръ и слухъ плѣняетъ океанъ,
Неумолкающій, необозримый, чудный,
10. То ясно голубой, то ярко-изумрудный;
Гдѣ служба Царская и служба *добрыхъ* Музъ
Единомысліемъ скрѣпили нашъ союзъ.
Но я ль, мои друзья, къ противорѣчьямъ склонной,
Вѣнчаннй розами въ отчизнѣ благосклонной,
15. Васъ нынѣ обману притворною тоской?..
Нѣтъ! весель сердцемъ я, и весель голосъ мой.
Завидуйте пѣвца благословенной долѣ:
Я мыслю и лѣнюсь и странствую по волѣ.
Яромъ мірскихъ суетъ стѣсненная душа

20. Очнулась, ожила, свободою дыша,
И вдохновеніе въ ней гордо пробудилось;
Предъ ней грядущее вновь блескомъ озарилось;
И, обозрѣвъ, кляня мой прежній, темный путь,
Я силу чувствую на славу посягнуть.
25. Склониться сладостно къ утѣхамъ деревенскимъ
Тому, кто, не приставъ къ *несноснымъ* сплетнямъ жен-
скимъ,
Къ условіямъ невѣждъ, къ служенію льстецовъ,
Цѣнить посвоему блаженство городовъ,
И другъ Природы, другъ святыхъ ея уставовъ,
30. Въ душѣ не ослѣпленъ блестящимъ прахомъ нравовъ.
Здѣсь тишины моей ничто не возмутить.
Не завернетъ ко мнѣ бродяга—Езуитъ,
Народа Русскаго служитель чужемной,
Россію осквернять хвалою своей наемной;
35. Напѣва новаго моихъ горящихъ струнъ
Приходомъ не прерветъ городской болтунъ,
Какъ съ башни колоколь гласящій всенародно,
Гдѣ свадьба, гдѣ пожаръ, гдѣ праздникъ благородной.
Я здѣсь не осужденъ въ кругу жеманныхъ дамъ
40. Учтиво потакать безмысленнымъ рѣчамъ,
Иль слушать набожно премудрые ихъ толки,
Гдѣ вмѣстѣ: вѣра, Богъ, булавки и иголки...
Я вижу вокругъ себя лишь милыхъ мнѣ людей.
Ты здѣсь, мой лучший другъ отъ юношескихъ дней,
45. Усердный гражданинъ, философъ доброхотной,
Поклонникъ радости и нѣги беззаботной,
Сестра любимая! очамъ моимъ всегда
Ты здѣсь являешься какъ тихая звѣзда,
И чистотой души мнѣ небо открываешь.
50. И ты, моя любовь, и ты здѣсь обитаешь!
Отрада первая моихъ сердечныхъ думъ,
Ты свѣжестью ума живишь мой праздный умъ,
И, какъ весна, мила, блистательна, какъ радость,
Усталыхъ чувствъ моихъ восстанавлиаешь младость.
55. О сколько въ сей тиши утѣхъ прекрасныхъ мнѣ!
Свѣтило ль дня горитъ на яркой вышинѣ
И воздухъ раскаливъ, во мракъ дубравъ сплетенныхъ

- Прогонить пастуховъ отъ зноя утомленныхъ;
 Иль лѣтнихъ вечеровъ полупрозрачный свѣтъ
60. Изъ хижинъ вызоветъ для пѣсенъ и бесѣдъ
 Толпы веселыхъ дѣвъ—мы вмѣстѣ: сномъ отраднымъ
 Летитъ нашъ ясный день. То внемлемъ ухомъ жаднымъ
 Свободной старины завѣтную скрижалъ,
 То, сердцемъ погружаясь въ мечтательную даль,
65. Въ роскошномъ трепетѣ и радости и муки
 Мы ловимъ Пушкина плѣнительные звуки.
 Порой лукавый смѣхъ, добросердечный споръ
 Лѣниво прерванный пробудятъ разговоръ,
 И быстро бросится душа къ предметамъ новымъ.
70. Когда жь подъ сумракомъ всплывая пурпуровымъ
 Прохлодой, тайнами ночей напоена,
 На темный небосклонъ подыметъ луна,
 И землю усыпить волшебнымъ усыпленьемъ:
 Къ ней очи устремивъ съ невольнымъ умилениемъ,
75. Въ мечтахъ блуждаемъ мы надъ озеромъ своимъ;
 Глядимъ на бездну водъ, на облака глядимъ,
 И, мнится, въ облакахъ мелькаютъ передъ нами
 Живые образа безплотными тѣнями;
 И мнится: небеса, дубравы и струи—
80. Все полно голоса и ласки и любви,
 Какъ будто бы душа духовной лирѣ внемлетъ
 И въ откровеніяхъ чудесный міръ объемлетъ.
 О други! чья пріянь, чьи теплыя мольбы
 Мнѣ столько милыхъ благъ исторгли у судьбы?
85. Сбылись мои мечты, сбылись мои желанья,
 Мой рай вокругъ меня; сосудъ очарованья
 Я пью—и, прослезясь, взываю къ небесамъ:
 «Какъ жертва чистая да вознесется къ Вамъ.
 Въ сихъ радостныхъ слезахъ пѣвца благодаренье;
90. Вы ниспослали мнѣ и миръ и наслажденье;
 Хвала Вамъ! но еще дерзаю Васъ молить—
 Пошлите силу мнѣ вашъ дивный даръ хранить».

Ярославецъ. Іюнь, 1826 г.

СХХХІІ.

Г л у п ц ы .

1. Когда глупецъ въ серьезномъ спорѣ
Ушами только шевелить:
Богъ съ нимъ! онъ этимъ не вредить;
Но лишь разинеть ротъ—вотъ горе!

* * *

5. Фортуна за глупцовъ порука,
Она хранить ихъ жизни путь:
Попробой глупаго тронуть,
Узнаешь, что такое скука.

* * *

- Глупецъ въ чести у Аполлона;
10. Но развѣ мыслить автоматъ?
Конечно нѣтъ! да онъ богатъ,
А это критикамъ препона.

* * *

- Быть умнымъ нынче право скверно;
Разсудокъ въ наши дни хоть брось;
15. Гдѣ умный думаетъ: а в о с ь!—
Глупецъ тамъ дѣйствуетъ навѣрно.

* * *

- Внимая мудрыхъ поученью:
Терпи, имѣй въ виду конецъ—
Хотѣлъ стяжать я сей вѣнецъ...
20. Дуракъ въ глаза—конецъ терпѣнью!

1826 г.]

СХХХІІІ.

Н ѣ портрету .

1. Весьма забавный онъ раскащикъ,
Но нѣтъ! не мой онъ богатырь:
Въ немъ умъ—набитый соромъ ящикъ,
А сердце—съ воздухомъ пузырь.

1826 г.

СХХХІV.

Гондольеръ и Поэтъ.

(Переводъ неизданныхъ стиховъ А. Шенье).

1. У стѣнъ Венеціи, владычицы зыбей,
Безпечный гондольеръ въ мерцаніи ночей
Скользить вдоль береговъ безъ шума и безъ слѣда,
Поетъ Эрминію, Ринальда и Танкреда.
 5. Онъ любитъ свой напѣвъ, безъ платы онъ поетъ,
Безъ гордыхъ умысловъ, безъ страха, безъ заботъ;
Поетъ—и сладостно объятый вдохновеньемъ,
Свой путь на безднѣ водъ увеселяетъ пѣньемъ.
Какъ онъ—безъ отрыва пою въ странѣ чужой!
 10. И звуки тайные, придуманные мной
На морѣ жизненномъ мой жребій улаживаютъ,
Гдѣ столько бурныхъ волнъ ладью мою вращаютъ!
- 1826 г. Одесса.

СХХХV.

Отрывокъ.

1. ...Таковъ я былъ, таковъ и буду я!
Когда на прихоти, на сладкіе обѣды
Казна растрочена моя;
Когда наскучать мнѣ жеманныя бесѣды
5. Жеманныхъ барынь городскихъ;
Когда измѣнница-Лилета
Въ гостяхъ у богачей, на пышномъ ложѣ ихъ
Забудетъ бѣдный одръ Поэта;—
Сажуся дома я! Здѣсь, укрѣпясь душой,
10. Я мыслю и учусь и славлю жребій мой!
Кричу: «О свѣтскія заботы!
«О суета людей! безумные расчеты!
«Зачѣмъ преслѣдовать, невѣрные, какъ сны,
«И злато и любовь, и славу и чины!»
15. Но только серебряной струею
Разгульные рубли польются въ мой карманъ;

- Или придворною, Сіятельной четою
 Я буду важно въ гости званъ;
 Но если вечеркомъ дорожкой потайною
 20. Ко мнѣ Л и л е т а завернетъ,
 И сладостно меня любовью обнадежить,
 И взоромъ усмирить, и взоромъ привлечетъ,
 И разцѣлуетъ и разнѣжить,
 Не дастъ и слова молвить мнѣ;—
 25. Прощайте, мудрецы, прощай, моя пустыня,
 И думъ возвышенныхъ Богиня,
 И вольный трудъ наединѣ!
 Тутъ снова потекутъ и вздохи и лобзанья,
 Затѣи рѣзвыя, наряды и катанья,
 30. И бредни нѣжныя и тайные дары;
 И Вакху вѣрные, всеощные пиры.
- 1826 г. Москва.

СХХХVI.

С т а н с ы.

Къ N. N.

1. Когда подъ дѣвственнымъ покровомъ
 Скрывались прелести твои,
 Ты съ каждымъ утромъ въ блескѣ новомъ
 Цвѣла какъ дивный цвѣтъ любви.
5. Ты вдаль стремилась съ упованьемъ...
 Увы! Гимень тебя увлекъ;
 И, роза, подъ его дыханьемъ
 Ты вмигъ рассыпалась навѣкъ.
- Мой свѣтлый Ангель на чужбинѣ!
10. Поззія моей весны!
 Тебя ль, тебя ль узрѣлъ я нынѣ,
 Какъ привидѣнье старины?
- Гдѣ вдохновенья полны очи?
 Гдѣ пламень розовый ланить?

15. И блѣдной пеленою ночи
Зачѣмъ твой юный день покрыть?

О даръ минутный и напрасный!
Въ тѣ горделивыя лѣта,
Когда такъ сладко быть прекрасной,—
20. Твоя увяла красота.

Нѣтъ! не сбылися предвѣщанья
Зари плѣнительной твоей;
Твои разсѣялись мечтанья,
Умчался рой твоихъ друзей.

25. Лишь другъ единый тайно внемлетъ
Воспоминаньямъ прошлыхъ дней,
И вѣрный плющъ одинъ объемлетъ
Развалины красоты твоей.

Москва. Августъ 1826 г.

1827 г.

СХХХVII.

Г р е ч а н к ъ .

1. Царицей дѣвѣ наречена.
Ты вдохновеніемъ Поэта:
Гордись! Ты будешь имъ воспѣта,
Ты будешь по свѣту слышна.
5. На рѣзвыхъ играхъ Терпсихоры,
Гдѣ звонъ музыки, гулъ рѣчей,
Мельканье ножекъ, блескъ огней
Обворожаютъ слухъ и взоры;
Гдѣ удалъ праздниковъ любя,
10. Весельемъ жаркимъ младость дышетъ,
Одну тебя онъ въ шумѣ слышитъ,
Въ толпѣ онъ зреть одну тебя.
Прелестнымъ станомъ упоенный,
Влекомый страстною мечтой,
15. Не разъ онъ въ пляскѣ окрыленной
Кружился радостно съ тобой.
Когда же локонъ твой касался
Его влюбленнаго чела,
Какой въ немъ трепеть разливался!
20. Какъ рѣзво кровь его текла!
Гордись, гордись! онъ въ лиру грянетъ!
Онъ твой!.. какъ блѣдный цвѣтъ пустынь,
Ужъ нынѣ въ мракѣ не увянетъ
Краса достойная богинь.

25. Обречена любви и славѣ,
 Двойнымъ увѣнчана вѣнцомъ,
 Ты въ политической Державѣ
 Предстанешь съ царственнымъ челомъ.
 И вѣря гордому напѣву
30. Пѣвца, наперсника харить,
 Про побѣдительную дѣву
 Съ восторгомъ мѣръ заговорить...

* * *

- Я въ дивный поясъ Афродиты
 Твой станъ воздушный облеку;
35. Сотку изъ розъ твои ланиты,
 Изъ розъ твои уста сотку.
 Въ глаза, подѣ гордыя рѣсницы,
 Я брошу быстрый огонь зарницы,
 И въ нихъ зажгу я тихій свѣтъ—
40. Любви таинственный привѣтъ.
 Какъ съ дѣвственнымъ челомъ Дианы
 Порой играютъ облака—
 То въ сребротканые туманы
 Ее опутаютъ слегка,
45. То, разбѣгаясь мгновенно,
 Какъ тѣни творческой Мечты,
 Вновь кажутъ ночи усыпленной
 Ея алмазные черты—
 Такъ будутъ кольца шелковыя
50. Летучихъ облачныхъ кудрей
 Играть небрежно рассыпныя
 Съ красой блистательной твоей,
 Я полнѣ твоимъ очарованьемъ,
 Тебѣ Олимпъ я покорю:
55. Всю блескомъ дивнымъ озарю,
 Всю обовью благоуханьемъ!
 Пѣвца всемогущая любовь
 Тебя безсмертьемъ увѣнчаетъ;
 Пою—во мнѣ самъ Фѣбъ пылаеть!
60. А ты награду мнѣ готовь!

13 февраля 1827 г.

СХХХVIII.

Эпиграмма.

1. Давно ли въ шелковыхъ чулкахъ
И въ пудрѣ щеголя-Француза,
Съ лоржетомъ, въ лентахъ, кружевахъ,
Разгуливала наша Муза?
5. Но Русской барышнѣ пріѣлась старина:
Все то же платье, та же лента—
И нынѣ ходить ужь она
Въ плащѣ Нѣмецкаго студента.

1827 г.

СХХХIX.

Сонетъ.

1. Она прошла, моя весна золотая:
И радость съ ней ужь болѣе не придетъ,
И никогда, всю душу восхищая,
Она въ эфиръ меня не унесетъ.
 5. Давно забытъ волшебницей—мечтою,
Не знаю я восторга юныхъ дней,
Не веселюсь серебряной луною
И не ищу плѣнительныхъ очей.
- Отторгнутый отъ дружескаго круга,
10. Я все грущу въ безмолвной тишинѣ;
Задумчивость, завѣтная подруга,
Всегда со мной и на яву и въ снѣ,
И томное воспоминанье друга
Объ радости одно лишь шепчетъ мнѣ.

Одесса. 1827 г.

СХL.

Поэзія.

(Советъ).

1. Ея Гармонія святая
Изъ дивныхъ звуковъ сложена;
Въ нихъ блещетъ вѣчная весна,
Благоухаетъ воздухъ рая.

5. Ликуетъ сердце ей внимая,
Все внемлетъ: доль и вышина;
Но міръ не знаетъ, кто она,
Сія пѣвица неземная.

Перунамъ Зевсовымъ равны
10. Съ душевной пламенной струны
Поэтовъ сорванные звуки!

Имъ все отверзто: рай и адъ,
Душа—сосудъ живыхъ отрадь,
И сердце—кладязъ хладной муки.

1827 г.

СХLl.

На память Веневитинова.

1.

1. Блеснулъ онъ мнѣ какъ лучъ прелестный Мая,
Пропѣлъ онъ мигъ какъ майскій соловей;
И ни любви, ни славѣ не внимая,
Онъ воспарилъ въ страну мечты своей.
5. Не плачь о немъ, завѣтный другъ Поэта!
Внѣ жизни, онъ изъ міра не исчезъ:
Онъ будетъ лучъ божественнаго свѣта,
Онъ будетъ звукъ гармоніи небесъ.

2.

- Благословимъ безъ малодушныхъ слезъ
 10. Его полеть въ страну Эфира,
 Гдѣ вѣчна мысль, гдѣ воздухъ слить изъ розъ,
 И вѣчной жизнью дышетъ лира!
 Друзья! Онъ тамъ какъ бы въ семьѣ родной.
 Тамъ Ангелы его цѣлуютъ,
 15. Его поять и бесною струей
 И милымъ братомъ именуютъ.
- 1827 г.

СХLII.

Прекраснымъ глазамъ.

1. Большіе глаза, голубые глаза!
 Вамъ юношу долго ль томить?...
 Вамъ долго ль сверкать, привлекать, а потомъ
 Любви безотвѣтными быть?..
5. По цѣлымъ часамъ примѣчаю я васъ:
 Вашъ свѣтъ благосклоннѣй луны;
 Гляжу и готовъ дать я клятву сто разъ:
 Вы нѣжнаго чувства полны.
 Но только что вспыхну, но только уста
10. Дрожа залепечуть: люблю—
 Безпечный вашъ блескъ, тишина, чистота
 Отъемлютъ надежду мою.
 Большіе глаза, голубые глаза,
 О! бросьте завѣсы свои,
15. Отъ страстно, глубоко горящей души
 Примите хоть искру любви.
 Блесните слезой, отуманьтесь слезой
 А послѣ прогляньте, глаза:
 Да въ свѣтломъ восторгѣ паря надъ землей,
20. Увижу я въ васъ небеса.
- 1827 г.

СХLIII.

Эпитафія.

1. Одну зарю пережила—
 Недолго красотой блистала:
 Она какъ роза распвѣла,
 Зато какъ роза и увяла!

1827 г.

СХLIV.

Пьянство.

1. Всѣ пьютъ—и всѣ упоены:
 Мужъ—лаской молодой жены,
 Поэтъ—кастальскою волною,
 Герой побѣдой и войною,
 5. Астрономъ—музыкою сферъ,
 Вельможа—отъ хвалы пьянѣть;
 Я—также пью—на свой манеръ
 И всякій пьянь—какъ кто умѣть.

1827 г.

СХLV.

Н. Н.

1. Ты измѣнилъ, мой милый, намъ,
 Бесѣды нашей сталъ бояться,
 Ты промѣнялъ друзей на дамъ.
 Скучнѣй дружитья, чѣмъ влюбляться—
 5. И это ясно—гдѣ цвѣтки
 Тамъ и порхаютъ мотыльки.

1827 г.

СХLVI.

Эпитафія И. П. А.

1. Покойникъ всѣми былъ любимъ;
 И, свято чтя Германски нравы,
 Не упивался дымомъ славы—
 За то глоталъ табачный дымъ.

827 г.

СXLVII.

М л а д о с т ь .

1. Недолго насъ лелѣть младость;
Увы, измѣнить намъ она,
Сія обманчивая сладость,
Дней нашихъ пылкая весна.
5. Мелькнетъ легучею стрѣлою,
Мечты блеснуть—исчезнуть вдругъ;
Такъ птички съ осенью,—толпою
Поблекшій оставляютъ лугъ:
Судьба глядитъ на все спокойно,
10. И время грозной чередой
Все разрушаетъ своевольно—
Неотразимую косою.

1827 г.

СXLVIII.

К о л ь ц о .

1. «Зачѣмъ горитъ твое лицо?
О чемъ ты, юноша, тоскуешь,
Когда украдкою цѣлуешь
Твое чугунное кольцо?
- «Чей это даръ? какимъ завѣтомъ
Онъ тайно мучитъ грудь твою?..
Иль намъ неслышимымъ привѣтомъ
Онъ говорить тебѣ: люблю?
- «Иль памятникъ любви минутной,
Ея обѣты переживъ,
Еще тебя томить онъ смутно,
Какъ счастья прошлаго отзывъ?
- «Иль другъ чувствительный, незлобной,
Во цвѣтъъ взятый въ лучшій свѣтъъ,

15. На немъ какъ на доскѣ надгробной
Свой краткій начерталь завѣтъ?..»

— Нѣтъ, нѣтъ, пѣвецъ! не дружбой скромной
Освящено мое кольцо,
Не память дѣвы вѣроломной

20. Мнѣ сердце жметъ, мрачить лицо!

— Чугунъ сей милый и печальный
Превыше суеты земной:
То даръ предсмертный, даръ прощальный,
Благословеніе родной.

1827 г.

1828 г.

СХLIX.

И дѣла ѡ.

1. Въ тѣ дни, когда душа младая,
Въ мечтахъ какъ въ раѣ утопая
Свой рай стремится воплотить
И жаждетъ вѣрить и любить;
5. Когда блуждая безъ участья
Среди мірскаго торжества,
Мы ждемъ отъ неба тайны счастья,
Ждемъ откровенья Божества;—
Порою, въ свѣтлое мгновенье
10. Какъ тѣнь проходитъ мимо насъ
Неизъяснимое видѣнье
Краса живая лишь на часъ,
Мелькнетъ и скроется изъ глазъ...
Невинный образъ, прелесть, нѣжность,
15. Движеній стройную небрежность,
И гордость чувствъ и святость думъ
Всѣ блага придаетъ нашъ умъ
Сему творенью безъ названья,
Безъ признаковъ для упованья,
20. Чьей родины намъ не узнать,
Съ кѣмъ намъ не жить, не ликовать!..

Вотще потомъ къ отрадамъ свѣта
Мы будемъ дни свои стремить,

- Любви воздушнаго предмета,
 25. Намъ не разсѣять, не забыть!
 Дыша надеждой благъ чудесныхъ,
 Вотще мы будемъ каждый мигъ
 Искать тѣхъ очерковъ прелестныхъ:
 Въ красѣ условной женъ земныхъ
 30. Имъ не дано обвороженье,
 Имъ тайна неба не дана,
 И намъ о миломъ привидѣньѣ
 Не напомянетъ ни одна!

Генварь 1838 г.

СЛ.

Три цвѣта.

* * *

1. Въ садахъ у Флоры и Зефира
 Прекрасныхъ много есть цвѣтовъ;
 Богини тамъ земнаго міра
 Хранять ихъ; пылкая любовь
 5. И рѣзвая, живая младость,
 Надежда съ вѣрою сестрой
 И пламенѣющая радость,
 И дружба, ангель неземной,
 Невинныхъ думъ очарованье,
 10. И ясное воспоминанье.
 Цвѣтутъ блестящіе цвѣты,
 Красу и запахъ разливая,
 И мнится, радуга живая
 Съ небесъ упала на сады!
 15. Какой вѣнокъ изъ всѣхъ прекрасныхъ,
 Съ желаньями души согласныхъ
 Мы вамъ сегодня соплетемъ?—
 Три цвѣта вамъ и три желанья:
 Зеленый миртъ—цвѣтъ упованья;
 20. Надежда свѣтлая крыломъ
 Его отъ бурь пріосѣнила

- И взоровъ пламенныхъ лучомъ
 Ему цвѣтъ милый сохранила.
 Она съ грядущимъ насъ дружить,
 25. Замѣна вѣтренаго счастья,
 И свѣтлой радугой блестить
 Надъ тучей грознаго ненастья.
 Вамъ незабудка ясный цвѣтъ
 Роднаго сердцу вспоминая,—
 30. Чтобъ каждый близкій вамъ предметъ
 И жизни всѣ очарованья,
 И радостей летучій мигъ
 Въ душѣ спокойно сохранился,
 И грусти въ часъ чтобъ образъ ихъ
 35. Предъ вами снова оживился.
 Вамъ роза—цвѣтъ любви молодой:
 Цвѣтъ утренней зари огнистой.—
 Всю жизнь вокругъ васъ въ семьѣ родной,
 Да дышетъ все любовью чистой.
- 1828 г.

СЛІ.

Къ Лунѣ.

1. Полусокрытая подъ тканію прозрачной
 Воздушныхъ, свѣжныхъ облаковъ,
 Стыдлива и томна Ты дѣвою безбрачной
 Идешь по небесамъ богиня мирныхъ сновъ.
 5. Но сердце вѣруеть въ завѣтное преданье:
 Какъ нѣкогда и Ты, любовью восплававъ,
 Въ лучахъ таинственныхъ слетала на свиданье
 Къ ловцу прекрасному дубравъ...
 И часто юноша влюбленной
 10. Въ бесѣдѣ съ милою Тобою озарень,
 Своей Діанѣ непреклонной
 Твердить, къ окну ея склонень:
 «Взгляни, вотъ и Она взошла на небосклонѣ
 Для нѣги, для любви, подъ сѣнью почи сонной!»

Одесса. 1828 г.

СЛІІ.

Пѣсня.

(Изъ Гельти).

1. Не стѣсняйте стономъ грудь,
Душу грустью смутной!
Розами вѣнчайте путь!
Жизнь—лишь сонъ минутный.—
5. Днесъ порхаетъ мотылькомъ
Въ полѣ отрокъ милый—
Завтра спитъ ужъ вѣчнымъ сномъ,
Взять уже могилой!—

Днесъ краса къ вѣнцу идетъ,

10. Полная надежды—
Можетъ быть, ей смерть сомкнетъ
Завтра тусклы вѣжды.—
Влѣднѣй рой печалей злыхъ,
Вѣтрамъ отдавайте!
15. Други, здѣсь средь липъ густыхъ
Радость воспѣвайте!

Скоро, скоро измѣнить
Быстротечна младость
И съ собой стрѣлой умчить

20. Легкокрылу радость:
Станемъ чаши наливать,—
Пить—доколѣ можно!
Смерти хищной все отдать
Наконецъ намъ должно—

25. Намъ почившимъ липъ растутъ
Кипарисны лозы,—
Ужъ въ долину не цвѣтутъ
Благовонны розы:
Соловья ужъ не гремятъ
30. Въ рощѣ звуки страстны,
Ужъ за чашей не звучать
Пѣсни сладкогласны.

1828 г.

СЛІІІ.

О б о д р е н і е.

(Изъ Гельти).

1. Почто терзать себя тоскою,
 Доколѣ младостью цвѣтемъ?
 Почто намъ дней своихъ весною
 Смотрѣть угрюмымъ Сентяремъ?

* * *

5. Насъ всюду радость провожаетъ,
 Минутныхъ странниковъ земли,
 Цвѣтами путь намъ устилаетъ,
 Отраднѣй кажетъ свѣтъ въ дали.

* * *

- Еще ручей журчитъ волною,
 10. Еще прохладой дышетъ лѣсъ,
 Еще безоблачной луною
 Сребрится сѣнь пустыхъ деревъ.

* * *

- Еще вина кипящи струи
 Веселье проливаютъ въ насъ,—
 15. Еще намъ сладки поцѣлуи
 Прелестныхъ дѣвъ въ вечерній часъ.

* * *

- Еще, дубравныя пѣвицы,
 Внимаемъ пѣснямъ звучнымъ мы,
 Еще лучемъ молодой денницы
 20. Пюлаютъ рощи и холмы.

* * *

- Итакъ, друзья, повеселимся,
 Доколѣ младостью цвѣтемъ,
 Сей краткой жизнью насладимся—
 И съ уповаемъ въ гробъ сойдемъ.

1828 г.

CLIV.

Стансы юной дѣвѣ.

1. Я ль, мрачный духъ, зловѣщимъ словомъ
Разочарую жизнь твою
И въ сердцѣ, вѣровавъ готовомъ,
Тоску сомнѣнья поселю?

5. Зачѣмъ ничтожить упованья
Прекрасной младости твоей;
Зачѣмъ снимать съ твоихъ очей
Повязку милаго незнанья?

На свѣтломъ лонѣ простоты
10. Такъ добродушно ты смѣешься,
Съ такой довѣрчивостью ты
Отрадамъ свѣта предаешься!

Все такъ прельстительно манить
Твое невинное участие:
15. Такъ весель міръ, такъ вѣрно счастье,
Любовь такъ сладко говорить!

Но, милый ангелъ! съ сожалѣньемъ
Гляжу на твой прелестный сонъ,
И мыслю: страшнымъ пробужденьемъ
20. Какъ быстро будетъ прерванъ онъ!

Равно, какъ мы, страстей, желаній
Ты ядъ мучительный вкусишь,
Въ замѣну радужныхъ мечтаній
Нагую истину узришь!

25. Познаешь хладъ и злобу свѣта,
Земного счастья суету...
Но нѣтъ! не вѣрь устамъ поэта:
Пугать онъ любитъ красоту!

Быть может, кроткою душою,
 30. Небесной силой красоты,
 Надеждъ и мыслей чистотою
 Судьбу обезоружить ты.

Быть может, съ вѣрой въ Провидѣнье
 Изъ мрачной урны бытія
 35. Одно веселье, наслажденье
 Возьметъ на долю жизньъ твоя,

И безъ понятія о мукахъ,
 Какъ рая дивная весна,
 Въ цвѣтахъ, въ сіяньѣ, въ стройныхъ звукахъ
 40. Надъ міромъ пролетитъ она!..

О пусть любовь, пусть радость вѣчно
 Съ дарами вьются надъ тобой;
 Пускай твой вѣкъ, живой, безпечный
 Изобразить намъ вѣкъъ златой;

45. И пусть, прекрасно угасая,
 Съ вѣнкомъ на старческомъ челѣ.
 Ты скажешь у порога рая
 Одно «благодарю!»—землѣ.

1828 г.

1829 г.

CLV.

Спаси меня.

1. Зачѣмъ въ душѣ моей волненье,
И страхъ, и радость, и мечты?
Я видѣлъ милое творенье,
Я видѣлъ дивныя черты.
5. Ихъ упоительной красотою
Горжусь, люблюсь, мучусь я...
Хранитель-Ангель! будь со мною!
Спаси меня! спаси меня!

Мнѣ ль душу воздержать младую

10. Отъ нѣжныхъ умысловъ любви?
Я ль, хладомъ думъ, восторжествую
Надъ жаркой бурей крови!
Спаси меня! надеждой страстной
Я какъ недугомъ воспаленъ
15. И предъ могуществомъ прекрасной
Моя душа безъ оборонъ!

Она—звѣзда: ей нѣтъ подобья!
Неуловима въ ней краса!
Какъ мило смотреть изъ-подлобья

20. Ея прелестныя глаза!
Какъ живо грудь ея трепещеть!
Какія розы на устахъ!

И, розъ алѣй, какъ нѣжно блещеть
Стыдливость на ея щекахъ!

25. Ужь весь я полонъ дѣвой милой—
Ей мысли дня и память сна,
И лиры звукъ и вздохъ унылой,
Досугъ и трудъ—вездѣ она!
Я увлеченъ ея звѣздою...
30. Стою надъ бездной... гибну я...
Хранитель-Ангель! будь со мною!
Спаси меня! спаси меня!

Февраль. 1829 г.

CLVI.

Ченерентола ¹⁾).

1. Какъ Ченерентола мила,
Какъ Ченерентола гонима,
Ты добрымъ колдуномъ хранима,
Въ отцовскомъ замкѣ не была,
5. И Принцомъ не была любима.
Заснувъ въ домашнемъ уголкѣ,
Не просыпалась ты на балѣ,
И не печатали въ журналѣ
О изумрудномъ башмакѣ,
10. Тобой потерянномъ на балѣ.—
Въ нашъ вѣкъ холодный нѣтъ чудесь!
Межъ современниковъ постылыхъ
Нѣтъ колдуновъ, нѣтъ принцевъ милыхъ:
Земля чуждается небесъ!
15. Жила ты просто, въ скукѣ, въ горѣ;
Сиротка сердцемъ и судьбой,
Съ завѣтной думою во взорѣ,
Въ душѣ съ привычною мольбой.
Ты, кромѣ вѣры, да печали,
20. Не знала въ жизни ничего,

¹⁾ Ченерентола—италианское названіе Сандрильоны.

Надежды рѣзво не играли
 Вкругъ изголовья твоего!
 Лишь иногда гласъ дружбы тайной—
 Привѣтъ сердечной полноты—
 25. Смущаль отрадою случайной
 Твои унылыя мечты!..

Я говорилъ судьбѣ жестокой:
 «Зачѣмъ ты губишь милый цвѣтъ,
 «Зачѣмъ лилеѣ одинокой
 30. «Опоры, тѣни въ мірѣ нѣтъ?»
 Судьба молчить, вѣщать не смѣя,
 Судьба отвѣта не даетъ;
 А цвѣтъ прекрасный, а лилея
 Блѣднѣеть, вянетъ и падеть.
 1829 г.

CLVII.

Портретъ.

1. Она какъ пальма величава,
 Какъ серна горная легка;
 Смѣла какъ юная Забава,
 Какъ первая любовь робка.
 5. И ледъ и пламень въ чудномъ взорѣ!
 Въ чертахъ лица разладъ и строй!
 Въ ней все въ непрерывномъ спорѣ,
 И все согласно съ красотой!
 1829 г.

CLVIII.

Романсъ.

(На голосъ вальса Бетгоvena).

1. «Когда все пируетъ и блещетъ вокругъ,
 Зачѣмъ ты такъ мраченъ, пустынный нашъ другъ?
 Что вспомнилъ, надумалъ? что душу грызеть?
 Пей съ нами: печали вино унесетъ!»

5. — Вино не уносить властительныхъ думъ:
Ихъ крылья тяжелы, соборъ ихъ угрюмъ!
Весельемъ дышать, о друзья! вамъ легко—
Веселье жъ мое далеко, далеко.—

— За призракомъ милымъ я сердцемъ ношусь

10. Я страстью сгораю, разлукой томлюсь:
И въ грусти безумной мнѣ счастье одно:
Все вѣрить тому, чего нѣтъ ужъ давно!

— Играйте и пойте, пируйте, друзья:
По-своему счастливы, хоть сумраченъ я!

15. Когда-жъ съ упованьемъ разстанусь моимъ,
Скажите: духъ смерти витаетъ надъ нимъ!

1829 г. Адрианополь.

CLIX.

Тѣнь чернаго витязя.

МИРРА.

1. Тихо, тихо свѣтлый токъ
По песку златому льется,
Дремлетъ легкій вѣтерокъ—
И тростникъ не шорохнется.
5. Отдохнемъ здѣсь, Трубадуръ!..
Замокъ Рино не далеко,
Солнце на небѣ высоко,—
Отдохнемъ здѣсь, Трубадуръ!

ТРУБАДУРЪ.

- Мирра!.. нѣтъ; темнѣетъ лѣсъ!
10. День за холмомъ догораетъ,
Средь безоблачныхъ небесъ
Скоро Вesperъ запылаетъ!
Видишь, стелется туманъ
Въ полѣ дымною волною?
15. Скоро встанетъ надъ скалою—

- Черный витязь Аль Моранъ.
 И по роцѣ грянетъ гласъ,
 Какъ шумящихъ бурь дыханье.
 «Слышишь?.. сладкій вздохъ любви...
 20. «Тайной страсти упоенье...
 «Что-жь ты медлишь?.. мщенье! мщенье!
 Острый ножъ омой въ крови!»
 Стонъ раздастся; вздрогнетъ боръ;
 Витязь въ дебри сокровенны
 25. Повлечетъ по ребрамъ горъ
 Тѣни ихъ окровавленны!

МИРРА.

- Удалимся-жь, Трубадуръ!
 Скоро Вespеръ запылаетъ,
 Тѣнь... ахъ! сердце замираетъ.
 30. Удалимся, Трубадуръ!
- 1829 г.
-

1830 г.

—
СЛХ.

Имя милое Россіи.

1. У подножія Балкана,
На побѣдныхъ берегахъ,
Имя милое Россіи
Часто на моихъ устахъ.

5. Часто, вырвавшись изъ града,
Всадникъ странный и нѣмой,
Я въ раздумѣ ѣду, ѣду
Долго все на сѣверъ мой.

Часто, родина святая,
10. За тебя молюсь во снѣ;
Даже въ образахъ чужбины
Вѣрный ликъ твой свѣтитъ мнѣ.

15. Слышу ль моря плескъ и грохоть,
Я сочувственно горжусь,
Мысля: такъ гремитъ и плещетъ
Вновь прославленная Русь!

Вижу ль минаретъ всходящій
Бѣлый, стройный въ облака,
Я взываю: наша слава
20. Такъ бѣла и высока!

И объятый гордой думой
 Я не помню сердца ранъ:
 Имя милое Россіи
 Мнѣ отъ скорби талисманъ.

Бургасъ. Февраль 1830 г.

CLXI.

П ѣ в и ц а.

1. Прекрасныя очи она къ небесамъ
 Какъ будто съ молитвой возводитъ;
 Откроетъ уста—и къ прескраснымъ устамъ
 Рой звуковъ небесныхъ низходитъ.
5. Любовь и Поэзія! въ пѣньи ея
 Весь міръ гармоническій дышетъ:
 Вотъ ропотъ потока, вотъ трель соловья,
 Вотъ вѣтеръ, когда онъ колышетъ
 Средь нѣги ночной листы лавровъ и розъ;
10. Вотъ арфы Эоловой стоны;
 Вотъ музыка страсти и жалобъ и слезъ—
 Всѣхъ благъ всѣхъ надеждъ похороны!..

Прекрасныя очи на землю она

При плескахъ народа низводитъ;

15. И будто съ Олимпа, легка и стройна,
 Какъ юная Муза уходитъ.
 Но вѣрь мнѣ! вовѣкъ не замолкнетъ сей гласъ
 Въ душѣ наслажденью отвѣтной,
 Какъ первой любви искусительный часъ,
20. Какъ память разлуки завѣтной!

Спб. 15 сентября 1830 г.

CLXII.

С у д ь б а.

1. Со дня созданія подыять надъ смертнымъ родомъ
 Незримый, вѣчный мечъ Судьбы:
 Его не избѣжишь обдуманнѣмъ уходомъ,
 Его не искусятъ чистѣйшихъ устъ мольбы!

5. Онъ слѣпо падаетъ, вращаемъ въ длани твердой,
 На слабый цвѣтъ, на идоль гордой,
 Разить безъ выбора земныхъ племень толпы!

- А человѣкъ—игра живая
 Коварныхъ сновъ, надеждъ, суеть—
10. Въ мечтахъ торжественныхъ до неба досягая
 Не помнитъ грозныхъ, близкихъ бѣдъ.
 Какъ бурный вихрь онъ нагрянуть,
 Его блаженство разметуть,
 И никогда потомъ отрады не заглянуть
15. Въ его развѣнчанный пріютъ!

1830 г.

CLXIII.

Мысль о югѣ.

1. Я взлелѣянь югомъ, югомъ,
 Яснымъ небомъ избалованъ;
 Къ югу, югу вѣрной думой,
 Словно цѣпью я прикованъ.
5. Посмотри: тамъ волны моря
 Бьются, плещутъ голубья,
 Всѣ осыпанныя блескомъ,
 Какъ надежды молодья!
- Посмотри: тамъ пирамида—
10. Тополь въ виноградныхъ лозахъ;
 Вкругъ Фонтана вьются розы
 И балконъ алѣетъ въ розахъ!
- Посмотри: тамъ черны очи,
 Черны очи съ долгимъ взоромъ,
15. Съ огнедышущей любовью,
 Съ огнедышущимъ укоромъ!

- Тамъ гармонія, сіянье,
 Благовонье, наслажденье:
 Сѣверъ гордый! сѣверъ гордый!
 20. Что-жь ты дашь мнѣ въ утѣшенье!
 1830 г.

СѢХІV.

С т а н с ы .

1. Ни думъ благихъ, ни звуковъ нѣжныхъ
 Не хочетъ раздраженный міръ;
 Она алчетъ битвъ и бурь мятежныхъ;
 Онъ рвется на кровавый пиръ.
5. За тучей тучу Западъ гонить;
 Духъ тьмы свой злобный судъ изрекъ;
 Земля растерзанная стонетъ,
 Какъ предъ кончиной человѣкъ.
- Теперь не суетную лиру
 10. Повѣсь на рамена, пѣвецъ!
 Бери булатъ, бери сѣкиру,
 Будь гражданинъ и будь боецъ.
- Но прежде съ пламенемъ во взорѣ,
 Какъ Богомъ избранный Пророкъ,
 15. Воскликни: горе, горе, горе
 Тому, кто вызвалъ гнѣвный рокъ!
 1830 г.

СLХV.

Мысль о Сѣверѣ.

1. — Морозная ночь! полнолунная ночь!
 Блескъ неба и снѣга вокругъ!—
 «Пѣвецъ! простодушныхъ друзей не морочь,
 А югъ твой, а пѣсни про югъ?»

5. — Мой демонъ, молчи! вѣщицъ струнъ не порочь:
Мысль сердца, какъ птица, вольна.
Морозная ночь! полнолунная ночь!
Какъ весело: снѣгъ и луна!
- Любуйся: ужь дымъ не ложится на доль,
10. Надъ кровлей не вѣтся вѣнцомъ:
Онъ бѣлъ и легокъ; какъ Пророка глаголь,
Онъ къ небу восходитъ столбомъ.
Любуйся: вдоль улицъ, въ рѣшетчатый сводъ
Не льется ручей дождевой;
15. Тамъ словно серебро до боярскихъ воротъ
Разостланъ коверъ снѣговой.
- На воздухъ, на воздухъ! Изъ хать, изъ палатъ
Дѣтей своихъ кличетъ морозъ.
Вотъ онъ, нашъ кормилецъ! какъ щеки горять:
20. Весеннихъ румянѣ розъ!
Какая отвага и удалъ въ очахъ!
Льдяная нагайка въ рукѣ,
И прынулъ онъ въ сани, и мчится въ саняхъ
На бурномъ гнѣдомъ рысакѣ.
25. О родина! въ снѣжныхъ сугробахъ играй
На зло полуночной судьбѣ.
Безъ роскоши солнца, безъ нѣги твой край;
Народъ твой съ природой въ борьбѣ;
Но крѣпость и волю даруетъ борьба,
30. Но духъ возвышаетъ она.
Морозная ночь! полнолунная ночь!
Ты силъ богатырскихъ полна!
- [Ноябрь, 1830]—1831 г.

CLXVI.

Звено.

1. Былыхъ страстей, былыхъ желаній
Пересмотрѣлъ я старину;
Всю цѣпь моихъ воспоминаній
Я подобралъ звено къ звену.

5. Какою яркою печатью
Сверкает каждое звено!
Но чувство тихой благодатью
Меня проникло лишь одно.

- Ахъ! то звено поры прекрасной,
10. Поры надеждъ и чистоты,
Поры задумчивости ясной
И цѣломудренной мечты.

- И я изъ цѣпи разноцвѣтной
Исторгнулъ милое звено,
15. Чтobъ въ грустный часъ, какъ лучъ завѣтной,
Оно свѣтилось мнѣ одно.

[Декабрь, 1830]—1834 г.

1832 г.

СЛХVII.

Приглашеніе.

1. Приди, я жду тебя въ томленіи безсонномъ!
Я жду тебя одна на ложѣ благовонномъ,
Съ восточной роскошью любви и наготы,
Одна съ лампадою, какъ любишь, милый, ты!
 5. О, вѣрь мнѣ, никогда въ восторгахъ сладострастныхъ,
Ты не испытывалъ такихъ ночей прекрасныхъ,
Какъ будетъ эта ночь! Мой духъ тобой объятъ.
Лобзаній полныя уста мои дрожать,
Грудь ноетъ и горитъ, и брачныя видѣнья
 10. Рисуютъ предо мной всѣ виды наслажденья.
Я увлеку тебя въ небесную страну,
Я въ морѣ огненномъ съ тобою потону,
И завтра скажешь ты, меня цѣлуя въ очи:
О, нѣтъ! не пережить другой подобной ночи!
- Яссы. Генварь 1832 г.

СЛХVIII.

Дубъ и Роза.‡

1. Подъ дубомъ сѣвернымъ растеть
Одна въ глуши малютка-роза.
Какъ онъ могучъ! какъ бодро ждетъ
И бурь ненастныхъ и мороза!

5. Но юга трепетный цвѣтокъ
Пугаетъ каждый вѣтерокъ.

Родное солнце! приласкай
Сиротку бѣдную лобзаньемъ.
Дай полюбить ей русскій край

10. Дай подышать благоуханьемъ—
И розу юга, цвѣтъ любви,
Въ странѣ дубовъ усынови!

[1831]—1832.

CLXIX.

Отроковицѣ.

1. Не упреждай годовъ; зрѣй тихо; не вреди
Развитію красоть сокрытыхъ впереди.
Утѣхи раннія отрава, а не сладость:
Лишь цѣломудріемъ цвѣтеть и блещеть младость.
5. О милая! дозвожь златой твоей веснѣ
Безъ искушенія, въ безпечной тишинѣ
Допраздновать свой вѣкъ. Дни счастья не измѣнять
Придетъ твоя пора, и юноши оцѣнять
Влюбленной думою всѣ прелести твои:
10. Блескъ утренній ланить, густыхъ кудрей струи,
Уста цвѣтушія съ двойнымъ жемчужнымъ рядомъ
И свѣтлые глаза съ побѣдоноснымъ взглядомъ.
- 1832 г.

1833 г.

CLXX.

Strand-weg ¹⁾).

Береговая дорога отъ Мемеля до Кенигсберга).

I.

1. Песокъ и море; грустный видъ!
Со смертью жизни сочетанье:
Шумъ вѣчный, вѣчное молчанье!
Здѣсь распростертый онъ лежитъ

¹⁾ *Прим.* Дорога отъ Мемеля до Кенигсберга доселѣ слѣдуетъ по берегу моря. Берегъ образованъ изъ сыпучаго песка, такъ что экипажи для облегченія лошадей часто упираются однимъ колесомъ въ море. Въ продолженіе трехъ перепряжекъ, путешественникъ рѣшительно не видитъ ни произрастеній, ни чело-вѣческаго жилища. Съ сѣвера необъятная пустыня водъ; съ юга вѣтромъ на-бросанные песчаные курганы, кой-гдѣ прибрежные камни, да небольшіе сараи, поставленные для укрытія отъ непогодъ путниковъ и скота—вотъ общій очеркъ этой нагой дороги. Даже почтовые лошади приводятся изъ-за песчаныхъ воз-вышенностей, гдѣ есть нѣсколько деревень, но вовсе окруженныхъ бесплодіемъ. Однообразіе почвы и медленность переѣзда утомили бы меня до крайности, если бъ въ это время необычайность и быстрота воздушныхъ явленій не раз-влекли моего воображенія. То было въ среднихъ числахъ равноденственнаго марта, и я въ жизни моей не помню дня, который бы заключалъ въ себѣ такія видоизмѣненія, такіе внезапные и рѣшительные переходы отъ дождя къ солнцу, отъ яснаго неба къ непроницаемому туману, отъ тепла къ холоду и метели. Мо-жетъ быть, вліянію этой чудной погоды обязанъ я нѣкоторымъ поэтическимъ раздраженіемъ, которое выразилось въ помѣщаемыхъ здѣсь стихахъ.

(Извлечено изъ путевыхъ воспоминаній 1833 года).

5. Какъ трупъ недвижный, безпробудный.
 Вотще надъ нимъ гремитъ волна,
 Сверкая ризой изумрудной,
 Непостижимыхъ ласкъ полна!
 Ея объятя и лобзанья
10. Глагола не дають устамя,
 На коихъ съ дна міросозданья
 Наложена печать молчанья,
 Да будутъ вѣчной тайны храмъ.

- И море цѣлое возьми,
 15. И бури хищными крылами
 Восколебай и подыми,
 И затоши его волнами,
 Весь одръ безжизненный песковъ—
 Нѣтъ! и тогда твой грозный зовъ
20. Сна первобытнаго не взбудить,
 И предъ могуществомъ твоимъ
 Все мертвымъ мертвое пребудеть
 И безглагольное нѣмымъ.

- Не такъ ли племена земныя,
 25. Съ начала данныхъ твари дней,
 Пытають камни гробовые
 Упорной думою своей,
 И алчуть въ тайны роковыя
 Проникнуть? Тщетная борьба—
30. Нѣма грядущаго судьба.
 И, можетъ быть, когда бъ разъяли
 Мы смерти грозную печать,
 Мы бъ сами небо заклинали
 Незнанья миръ намъ даровать!

II.

35. Песокъ и море! Этотъ берегъ
 Какъ будто сотворенъ для лѣтнихъ, мирныхъ нѣгъ,
 Для звучныхъ игръ и прихотей купанья.
 Вокругъ какая тишина!

- Какая чистая и сильная волна!
40. Какое ложе для мечтанья!
 О! вѣрно, въ алой мглѣ тѣхъ дивныхъ вечеровъ,
 Когда закатъ горитъ въ отливахъ свѣтозарныхъ,
 Здѣсь, покидая мракъ палатъ своихъ янтарныхъ,
 Своихъ коралловыхъ садовъ,
45. Ундина сѣвернаго моря
 Всплываетъ русой головой,
 И жадно плаваетъ, съ жемчужной пѣной споря
 Высокой груди бѣлизной;
 И жадно воздухъ пьетъ, и брызгами играетъ;
50. И косу длинную по влагѣ разстилаетъ
 Какъ сѣтъ изъ ткани золотой;
 Иль вдругъ, причудница, пѣснь дивную заводитъ,
 Изъ бездны кличетъ свой народъ,
 И слушая ее, за нею рыба ходитъ,
55. Сверкая чешуей на темномъ лонѣ водъ.

III.

- Песокъ и море: Ни жилища,
 Ни поля, ни деревъ, ни горъ;
 Какъ мрачнымъ зрѣлищемъ кладбища
 Здѣсь утомленъ упорный взоръ.
60. Пустыненъ берегъ, и пустыня
 На зыбкой безднѣ моря синя!
 Лишь кой-гдѣ на мели разбитая ладья
 Обезображенной кормою
 Торчитъ надъ бурною волною,
65. Обломокъ жалкій бытія!
 Да неводъ, къ сваѣ прикрѣпленный,
 Кой-гдѣ чернѣющій въ пескѣ,
 Напоминаетъ мысли сонной,
 Что человѣкъ невдалекѣ!..
70. Бѣги отсель ты, чья душа,
 Земною жизнію дыша,
 Не знаетъ, нищая, отрады самобытной,
 Ключей живительныхъ сердечной глубины!

- Но ты, питомецъ тишины,
 75. Ты, собесѣдникъ ненасытный
 Неумолкающей мечты,
 О приходи сюда! На обнаженномъ брегѣ,
 Подобно мнѣ, возляжь средь міра пустоты,
 И одиночества предайся дикой нѣгѣ,
 80. Затѣмъ что много, много думъ
 Наводить моря вѣщій шумъ!

- И если звуками той музыки волшебной
 Въ страну видѣній унесешь,
 Ты въ сердцѣ оживишь иль образъ, или сонъ,
 85. Давно разрушенны судьбиною враждебной...
 О вѣдай, странникъ! что и я
 Здѣсь также вспоминалъ весны моей края,
 Моей любви истлѣвшія одежды
 И юности разбитыя надежды,
 90. Какъ эта бѣдная ладья!

1833 г.

CLXXI.

Э л е г і я.

1. «Туда, туда гдѣ нѣтъ снѣговъ,
 Гдѣ рощи вѣчно зеленѣютъ,
 Гдѣ вѣтры теплые благоуханно вѣютъ,
 Гдѣ хороводы облаковъ
 5. Какъ въ праздникъ радостныя дѣвы—
 Всѣ въ златѣ, лентахъ и цвѣтахъ—
 Играютъ и блестятъ на синихъ небесахъ;
 Гдѣ безконечныя напѣвы—
 Народа цѣлаго согласный разговоръ—
 10. Звучать на лонѣ водъ, звучать по скату горъ,
 Туда пожить хотъ мигъ единый
 Умчите на крылахъ меня,
 О Духи! стражи бытія,
 Земного счастья властелины!..»

15. Такъ сжатый холодомъ всегда
 Подъ небомъ сѣверной столицы,
 Я бредилъ и молилъ, и все глядѣлъ туда,
 Куда въ годину бурь летять пролетны птицы.
 Ужь дни мои, тускнѣя въ смутной мглѣ,
20. Казалось, близились къ закату;
 И вживѣ думалъ я оплакать на землѣ
 Моихъ надеждъ, послѣднихъ благъ утрату.
 Но вдругъ мой темный небосклонъ
 Чудеснымъ свѣтомъ озарился,
25. Какъ будто горній Духъ крыломъ ко мнѣ склонился
 И свѣялъ съ чувствъ предсмертный сонъ.
 Какъ будто силою волшебной
 Онъ въ край моей мечты увлекъ, унесъ меня,
 И напоилъ струей цѣлебной
30. И искрой оживилъ небеснаго огня.
 Все измѣнилось: открылась предо мною
 Страна роскошная, сокровище земли
 И я затрепеталъ душою
 Какъ лира юноши отъ нѣги и любви.
35. И сталъ я бодръ и свѣжъ, и ужь не мигъ единый
 Молю у стражей бытія;
 Нѣтъ! я бѣ отвѣтствовалъ теперь на зовъ Судьбины:
 Прочь! я въ Италіи, и смерть не для меня!

Флоренція. Октябрь 1833 г.

СЛХХІІ.

Двѣ пѣсни.

1.

Размолвка.

1. Сорентинка, голубица
 Померанцевыхъ садовъ,
 Что такъ пристально ты смотришь
 Вдаль отъ нашихъ береговъ?

5. «Все на море голубое
 Да на рѣзвья ладьи,
 Ужь не рвутся ли на волю
 Думы праздныя твои?..»

«Ноцѣлуй меня: ты знаешь,
 10. Я ревную иногда...»
 — Милый, я хочу въ Неаполь;
 Повези меня туда.—

«Что въ Неаполѣ, мой идолъ!
 Тамъ обычный скучный свѣтъ;
 15. Много стуку, много блеску,
 Для любви-жь и мѣста нѣтъ.

«А подѣ тихой нашей сѣнью
 Все къ согласію манить.
 Даже въ листьяхъ голось нѣги
 20. Сердцу внятно говорить».

— Милый, милый! здѣсь пустыня,
 Тамъ же свѣтлый пиръ людей;
 Тамъ забавы, тамъ уборы,
 Вѣчный праздникъ для очей.

25. Тамъ по улицѣ Толедской
 Мы вдвоемъ пойдемъ гулять,
 Предѣ народомъ ленты, цѣпи
 Отмѣчать и выбирать...—

«Сорентинка, голубица
 30. Померанцевыхъ садовъ,
 Больно мнѣ твое признанье.
 Ёдемъ въ городъ—я готовъ.

«Но, въ узорны ленты, цѣпи
 Какъ Мадона убрана,
 35. Знай—подѣ свой навѣсь зеленый
 Ты воротисься одна.

- «Тамъ, гдѣ сердцу счастье сплось,
 Не хочу припоминать,
 Что любовь и сельской дѣвы
 40. Откупная благодать».

2.

Примиреніе.

- За прихоть женскаго тщеславья,
 За рѣзвый бредъ души молодой,
 Въ безумномъ гнѣвѣ, тѣнь безславья
 Набросилъ я на идолъ мой.
45. И думалъ: нѣтъ! мечты послушной
 За нею влѣдъ не повлачу:
 Я не хочу любви бездушной,
 Корыстныхъ благъ я не хочу.
- Но какъ же грудь моя забилась,
 50. Когда внезапно грозой
 Она, прелестница, явилась
 Въ слезахъ и въ блескѣ предо мной!
- Когда небесныя всѣ силы
 Призвала, дни свои кляня,
 55. И застонала: милый, милый,
 Ужель разлюбишь ты меня!
- Въ одно мгновенье гнѣвъ и пени,
 Все разлетѣлося какъ дымъ—
 И вотъ ужъ вновь въ зеленой сѣни,
 60. Сплетаясь руками, мы сидимъ,
- Глядимъ на море, гдѣ трепещуть
 Заката яркія струи,
 И наши взоры также блещутъ
 Златыми искрами любви.

Неаполь. Ноябрь, 1833 г.

1834 г.

—
CLXXIII.

П о э т у.

1. Навѣрно муза приходила
Къ тебѣ вечеръ. О, не краснѣй!
Я вижу все: души твоей
Всѣ тайны радость обнажила.
5. Привѣтомъ ласковымъ ея
Досель полна мечта твоя,
И отъ прихода милой дѣвы
Остались на твоихъ щекахъ
Живыя розы, блескъ въ очахъ,
10. И своенравные нагѣвы
На тихо-шепчущихъ устахъ.

1834 г.

CLXXIV.

(Дубъ говорить).

1. Смотрите, виноградъ вокругъ меня какъ вѣтса,
Какъ любить мой полуйстлѣвшій пенъ!
Я нѣкогда ему давалъ отрадну тѣнь;
Завяль, но виноградъ со мной не разстается.
5. Зевеса умоли,
Прохожій, если ты для дружества способенъ,
Чтобъ другъ твой моему былъ нѣкогда подобенъ,
И пепель твой любилъ оставшись на земли.

1834 г.

CLXXV.

Неаполь, прощай.

(Посвящается М. В. А—гъ).

1. Неаполь, прощай! О, ненадолго мой взоръ
Красою твоей любовался,
Отливами дивными моря и горъ
Лазурью небесъ упивался!
5. Какъ изгнанный духъ, покидая свой рай,
Съ тобой расстаюсь я, Неаполь. Прощай!
- Прощай голубой, полнозвучный заливъ,
Живая Неаполя лира!
Въ часъ ночи, когда твой немолчный призывъ
10. Носился по безднамъ эфира,
Гремучій и жалобный, вѣщій безъ словъ—
Мнѣ мнилось: то голосъ отжившихъ вѣковъ.
- И ты, мой любимецъ, надводный чертогъ
Ты замокъ плавучій Капрея,
15. Прощай! Кто прекраснаго чувство сберечь,
Тотъ, въ сердцѣ твой образъ лелѣя,
Его сохранить до заката мечты,
Какъ милыя милаго друга черты.
- А вотъ и Везувія грозный панашъ
20. Какъ облако къ небу восходить.
Привѣтъ тебѣ, старецъ, недремлющій стражъ!
Очей съ тебя странникъ не сводитъ
И мыслить, тобою любуюсь: вотъ онъ,
Кѣмъ древняго міра обломокъ спасенъ!
25. Прощайте, балконовъ зелены шатры,
Садовъ благовонные своды,
Звонъ музыки, пѣсни, почные пиры,
Разгулъ нищеты и свободы;—
И ты, Сорентинка, цвѣтъ юга златой,
30. Поэзіи Тасса отрывокъ живой!

Край солнца, чудесь вѣчно-юныхъ страна,
Гдѣ создалъ Эдемъ свой Виргилій!
На лавѣ твоей жизнь, какъ чаша, полна,
Безъ грубыхъ заботъ и усилій,
35. Душа, упоенная вѣшной красой,
Ликуеть и пищи не хочетъ иной.

О, что же отнынѣ мой путь озаритъ
Такимъ вдохновительнымъ свѣтомъ?
Что душу, какъ ты, освѣжить, обновитъ
40. И врѣжется въ память завѣтомъ?
Мнѣ грустно; отнынѣ мнѣ счастья не знать:
Кто видѣлъ Неаполь, тому умирать.
Неаполь. Мартъ 1834 г.

1836 г.

—
CLXXVI.

Дѣва.

1. Какъ мила ея головка
Въ бѣломъ облакѣ чалмы!
Какъ пристало ей раздумье
Въ томный часъ вечерней тьмы!

* * *

5. Какъ роскошно алой тканью
Обрисованъ гибкій станъ!
Скажешь: розами одѣта,
Скажешь: гость волшебныхъ странъ.

* * *

А глаза—живыя звѣзды—

10. Что за нѣга и краса:
Въ нихъ сквозь влагу брызжутъ искры,
Сквозь огонь блеститъ роса.

* * *

Это Гурія пророка,
Предвѣщающая рай;

15. О гяуръ! гляди на дѣву
И желаніемъ сгорай!

1836 г.

CLXXVII.

Домъ на Босфорѣ.

1. Зеленый садъ, фонтанъ и розы;
Надъ зеркаломъ воды прохлада полный домъ;
Съ навѣса вьющіяся лозы;
Стѣна завѣтная кругомъ
5. (Пріютъ домашнихъ тайнъ), а въ сторонѣ кладбище;
Рядъ кипарисовъ, минареть:
Вотъ очеркъ твой, восточное жилище!
Востокъ! вотъ милый твой привѣтъ!

- О! въ этомъ свѣтломъ заточеньѣ,
10. Навѣрно жизнь какъ сонъ легка.
Понятно лѣни здѣсь влеченье,
Понятна сладость чубука.
Сядь у окна, кури—дымъ вьется, взоръ ликуетъ,
Ряды картинъ мелькають предъ тобой,
15. Какъ будто ихъ живописуетъ
Волшебный перстъ лелѣя отдыхъ твой.

- Здѣсь—ткань пролива голубая
Съ живыми, яркими узорами ладей;
Тамъ пирамиды горъ; тамъ башня вѣковая,
20. Увѣчный стражъ гробовъ минувшихъ дней;
Подалѣ цѣпь дворцовъ; а далѣ у потока
Толпы народа, блескъ одеждъ, шатры деревъ,
И все озарено алмазнымъ днемъ востока
Какъ рай очами райскихъ дѣвъ.
25. Но вотъ за синею громадой Истамбула
Закатъ то розами, то золотомъ горитъ;
Свой звѣздный плащъ почъ тихо развернула,
Умолкъ послѣдній звукъ молитвы. Море спитъ.
Ты близокъ, часъ утѣхъ и чувственности страстной.
 30. О! сколь пророка благъ законъ!
Для мысли—свѣтлый міръ; для нѣги—міръ прекрасный
Гарема чистыхъ дѣвъ и жемъ.

- И правовѣрнаго приѣмлетъ
Въ ревнивый свой чертогъ рѣшетчатый гаремъ.
35. На персяхъ счастья тамъ онъ дремлетъ,
Тамъ предвкушаетъ онъ Эдемъ.
Но только тонкій лучъ востока
Къ его очамъ сквозь пологъ проскользнетъ,
Онъ, бодрый, вновь спѣшитъ благословлять пророка,
40. Любуясь зрѣлищемъ холмовъ своихъ и водъ.
1836 г.
-

1838 г.

CLXXVIII.

Отрады недуга.

1. Отъ всѣхъ тревогъ мірскихъ украдкой,
Пріятно иногда зимой
Съ простудой съ легкой лихорадкой
Засѣсть смиренно въ уголь свой;
5. Забывъ поклоны, сплетни, давку,
И даже модныхъ дамъ соборъ,
Какъ нектаръ, пить грудную травку
И думамаъ сердца дать просторъ.

- Тогда на зовъ воображенья,
10. Привычной вѣрности полны,
Начнутъ подь сѣнь уединенья
Сходиться гости старины:
Воспоминанія, видѣнья,
Любви и молодости сны.
15. Умъ просвѣтлѣеть; голосъ внятнѣй
Въ душѣ опять заговорить
И въ міръ созданій необъятнѣй
Мечта, какъ птица, улетить...

- Пройдутъ часы самозабвенья,
20. Посмотришь: день ужъ далеко,
Ужъ тѣло просить усыпленья,
А духу любо и легко;

- Затѣмъ, что, голубемъ летая
 Въ надзвѣздномъ мірѣ вѣчныхъ нѣтъ.
 25. Онъ, можетъ быть, хотъ вѣтку рай
 Принесъ на радость въ свой ковчегъ.
 1838 г.

CLXXIX.

Люди и судьба.

1. Со всѣхъ концовъ земли, какъ смутный царь съ полемъ,
 Восходитъ каждый мигъ до неба
 Нештощимый вопль людей:
 Кто проситъ радостей, кто хлѣба,
 5. Одинъ—безстрастія, другой—борьбы страстей;
 Тотъ молить обновить скудѣющія силы,
 А тотъ—уснуть скорѣй во глубинѣ могилы.
- И всѣмъ имъ строгій гласъ судьбы
 Даетъ одинъ отвѣтъ: «О смертные безумцы!
 10. Зачѣмъ вашъ плачь, зачѣмъ мольбы
 И праздныхъ жалобъ ропоть шумный?
 Во вѣкъ неколебимъ державный мой законъ.
 Жизнь вашу жизнь иная смѣнить,
 Но также твердъ пребудетъ онъ,
 15. И никакая власть его не перемѣнитъ.
 Рукою праведной вамъ жребіи даны,
 И если благами неравны ваши доли—
 Вы общей участью равны,
 И всѣ равно одарены
 20. Сокровищницей чувствъ и воли.
 Для полной цѣли естества
 Все нужно: радость и страданье,
 Блескъ солнца, грохотъ бурь, позоръ и торжества,
 И жизни цвѣтъ, и жизни отцвѣтанье.
 25. Храните жъ мой завѣтъ святой:
 Терпите въ скорбный часъ, въ отраднѣй часъ ликуйте,
 Мужайтесь волею, но суетной мольбой
 Суда небесъ не испытуйте».

1838 г.

1839 г.

—
CLXXX.

Ж а л о б а.

1. Гдѣ прежнихъ думъ огонь и сила?
Гдѣ вдохновеніе молодой моей поры?
Я старецъ: чувственность, какъ бездна, поглотила
Обильной юности дары.

*
* *

5. Прекрасна жизнь, когда любовь и слава
Души единая корысть:
Тогда мечта полна, свѣтла и величава,
Тогда творить перо, творить рѣзецъ и кисть.

*
* *

- Но—горе мнѣ—высокой цѣли радость
10. Невластна болѣе мнѣ душу волновать:
Кто разъ вкусилъ земной отрады сладость—
Утратилъ духа благодать.

*
* *

- Отдай мнѣ, ангель мой, хоть на одно мгновенье,
Мой чистый, мой сердечный трудъ:
15. Игривой мысли вдохновенье,
Завѣтныхъ образовъ сосудъ!

* *

Отдай мнѣ нить моихъ созданій,
Тревогой свѣтскою разорванную нить:
Усталый отъ суетъ, какъ ратникъ послѣ брани,
20. Я жажду душу обновить!

* *

Безумная мольба, Минуло то, что было!
Усопшихъ душъ ничто не воскресить!
Я кличу ангела, но ангелъ свѣтлокрылый
Лишь издали мелькнетъ и—мимо пролетитъ!..
Сентябрь 1839 г.

1841 г.

CLXXXI.

С о н е т ь.

1. Пусть люди отнимуть мое достоянье;
Имъ весело будетъ добычу дѣлить
Ограбленной жертвы;—мечты упованье
И все—чѣмъ бы смертный до гроба могъ жить.

* * *

5. Тяжелъ мнѣ путь жизни, мое испытанье,
Какъ совѣсть злодѣя, меня тяготить;
О, еслибъ скорѣе живое страданье,
Мнѣ въ душевной могилѣ сложить и забыть.

* * *

- Есть время у Бога—предѣлъ человѣка,
10. То время какъ бездна, для дня и для вѣка,
Слетаетъ безмолвно въ эфирной дали,
И тамъ, предъ грозною, за гранью могильной,
Тамъ, люди, васъ спросить: зачѣмъ вы насильно
У жизни отняли блаженство земли?

1841 г.

II.

Стихотворенія и отрывки неизвѣстныхъ
Годовъ.

СЛХХХІІ.

Пѣсня.

(Посвящена А. О. Смирновой).

1. Любилъ я очи голубыя,
Теперь влюбился въ черныя.
Тѣ были нѣжныя такія
А эти непокорныя.

5. Глядѣть, бывало, не устануть
Тѣ долго, выразительно;
А эти не глядятъ—а взглянуть,
Такъ словно царь властительный.

- На тѣхъ порой сверкали слезы,
10. Любви нѣмыя жалобы,
А тутъ не слезы, а угрозы,
А то и слезъ не стало бы.

- Тѣ укрощали жизни волны,
Свѣтили мирнымъ счастиемъ,
15. А эти бурныхъ молній полны
И дышуть самовластіемъ.

- Но увлекательно, какъ младость,
Ихъ юное могущество,
О! я бѣ за нихъ далъ славу, радость
20. И все души имущество.

Любилъ я очи голубыя,
 Теперь влюбился въ черныя,
 Хоть эти сердцу не родныя,
 Хоть эти непокорныя.

СЛХХХІІІ.

Могила.

1. Чья свѣжая видна могила
 Тамъ, подъ навѣсомъ темныхъ ивъ?
 Кого тамъ дружба схоронила,
 Обряды съ плачемъ совершивъ?

5. Не видно тамъ златыхъ писаній,
 Труда подкупленной руки,
 Ни роскоши огромной дани—
 Тяжелой, мраморной доски.

Не вьется бѣлая лилея
 10. Вкругъ деревяннаго креста,
 И вѣтеръ ароматомъ вѣя,
 Не залеталъ въ сіи мѣста.

Но каждый вечеръ къ роцѣ дальней,
 Другимъ невѣдомой тропой,
 15. Въ одеждѣ черной, погребальной,
 Склоняся на руку главой,

Приходитъ дѣва—станъ высокій,
 Чуть слышенъ шорохъ легкихъ ногъ,
 И голосъ нѣжный и глубокий,
 20. Какъ страсти безнадежный вздохъ.

Тамъ—мертвая уже для свѣта—
 Объемля хладный друга крестъ,
 Стоитъ она—какъ бы отвѣта
 Отъ горнихъ ожидая мѣсть.

25. Я слышала, какъ, всплеснувъ руками,
Она судьбу свою кляла
И крестъ чистѣйшими устами
Своей любовью назвала.

И долго тамъ она стояла

30. Какъ будто для свиданья съ *нимъ*,
Въ волсахъ прозрачныхъ покрывала
Съ молитвой, внятною святымъ.

Однажды быть я у могилы.
Уже рѣдѣлъ туманъ ночной,

35. Чернѣлъ подъ ивой крестъ унылый,
Но дѣвы не было молодой.

И не пришла къ знакомой сѣни,
Какъ будто измѣнивъ, краса...
Но въ воздухѣ, я зрѣлъ, двѣ тѣни,

40. Сплетясь, неслись на небеса.

CLXXXIV.

Пѣвецъ.

(Быль).

1. «Вино и пѣсни любить младость,
Пиры и дѣвы нужны ей
И увлекательная радость,
Какъ день, сверкающихъ ночей!
5. «Ищи отрадь въ народныхъ спорахъ,
Кто хочетъ! Счастье мы найдемъ
Въ разгульныхъ звукахъ, въ милыхъ взорахъ,
И въ чашахъ съ пѣнистымъ виномъ».

- Такъ пѣлъ мечтатель. Вдругъ по граду,
10. Какъ буря, грянулъ грозный кликъ...
Прервалъ пѣвецъ свою балладу
И ухомъ къ бурѣ той приникъ,—

- И, слово чудное: свобода
Услышавъ, бросилъ лиру онъ...
15. И вотъ ужъ вдаль волной народа
Онъ, какъ потокомъ, унесенъ.
- Умолкъ мятежъ! Смирились люди;
Какъ прежде, тихъ и свѣтелъ градъ,
Отрада вновь проникла въ груди...
20. Но гдѣ же ты, пѣвецъ отрадъ?
- О горе! съ площади кровавой
Не воротился къ лирѣ онъ!
И пѣснь, звучащая забавой—
То былъ его предсмертный стонъ.
25. Напрасно-жь ты, мечтатель юный,
Внѣ жизни думалъ жизнь создать;
Ты сладко пѣлъ, но лгали струны—
Событій носимъ мы печать!
- Въ дни бурь—поэзіи нѣтъ мира;
30. Дѣламъ и пѣснямъ путь одинъ...

CLXXXV.

Эпиграммы.

I.

1. Взгляните, какъ умно Артюрь, дѣлецъ сѣдой,
И съ прибылью и съ долгомъ ладить:
Онъ пишетъ приговоръ ворами одной рукой,
А самъ другою крадетъ.

II.

5. Все на твоей питейной рожѣ,
Все есть—и оспа, и позоръ,
И красный носъ, и мутный взоръ,
И рядъ морщинъ на смуглой кожѣ.

- Но, разсмотрѣвъ ее построже,
 10. Знатокъ рѣшительно найдетъ,
 Что ей клейма недостаетъ.—

CLXXXVI.

Счастливая смерть.

1. Я умерь, друзья,
 Отъ страстнаго пламени;
 Я былъ погребень
 У милой въ объятіяхъ.
 5. Потомъ воскрешень
 Ея поцѣлуями,
 Потомъ небеса
 Увидѣлъ въ глазахъ ся.

CLXXXVII.

**Пѣнь въ честь Марка Боцариса, Лорда Байрона и Каралскали,
 героевъ умершихъ за свободу Греціи.**

1. Явилась въ Мисалонги
 Тѣнь Марка Боцариса,
 И привѣтствуютъ ее лѣса,
 Гдѣ побѣждала дружина его.
 5. Увы! нѣтъ ни одного Эллина-Грека,
 Который сказалъ бы ей добрыя вѣсти;
 Какъ! ужели никто не остался
 Изчезли всё какъ молнія!
 Онъ оставляетъ сіи мѣста и приходитъ
 10. Вмѣстѣ съ тѣнью Лорда Байрона,
 На стѣну, но и тамъ,
 Увы! они видятъ то же печальное зрѣлище.

- Они приходятъ въ Асины
 Увидѣтся съ Каралскалп.
 15. Увы! кто представились тамъ ихъ взорамъ—
 Рыдающіе воины!..

CLXXXVIII.

Отрывокъ.

1. Отходить корабль отъ родныхъ береговъ
 Подъ вѣтромъ прощальнымъ Россіи,
 Легко и свободно по гудамъ валовъ
 Ступаетъ царь бурной стихіи.
5. Какъ бранный наметъ, паруса распустилъ,
 Заздравными грянулъ громами...

CLXXXIX.

Людмилъ и Эльвира.

Романъ въ четырехъ картинахъ.

КАРТИНА I.

Сонъ.

1. Отраднй сонъ завѣтной ночи
 Одѣль Эльвиры ясны очи;
 Но сердце дѣвушки не спить:
 Оно съ мечтами говорить.
5. И вдругъ... въ щекахъ ея стыдливый
 Любви румянецъ запылалъ;
 Кого-то пальчикъ торопливый
 Съ улыбкой страстной ударялъ...
 Все тщетно! тайное желанье
10. Закралось въ дѣвственную грудь,—
 И стройной ножки содроганье,
 Лилейныхъ персей колыханье,
 Покровы ищутъ распахнуть.

- Но вотъ, какъ будто утомилась,
 15. Спокойнѣй переводить духъ,
 И незамѣтно опустилась
 Съ невнятнымъ ропотомъ на пухъ.
 И этотъ ропотъ сладострастный,
 Какъ звукъ гитары сладкогласной,
 20. Какъ тихій Майскій вѣтерокъ,
 Когда съ цвѣточка на цвѣтокъ
 Онъ съ милой рѣзвостью порхаетъ—
 Такъ наслажденіе вздыхаетъ...
 И вотъ мечта молодой красы.
 25. Когда ей въ тихіе часы
 Роскошный сонъ изображаетъ,
 Что дерзкій взоръ изъ-подтишка
 Ея всѣ прелести ласкаетъ,
 И будто милого рука
 30. Дѣвицу страстно обнимаетъ.

КАРТИНА II.

Свиданіе.

- Подъ шопоть ранняго Зефира
 Людмилъ прокрался къ милой въ домъ;
 И въ дальней горенкѣ Эльвира
 Съ любезнымъ видится тайкомъ.
 35. Увы! шалунъ фіаль желаній,
 Конечно, разомъ осушить?
 Нѣтъ! онъ для нѣги ожиданій
 Еще дѣвицу пощадить.
 Они молчатъ: но взоръ ревнивый
 40. Ласкаетъ юныя красы;
 И мчатся для четы счастливой
 Въ невинныхъ радостяхъ часы.
 Вотъ такъ-то баловень лѣнивый
 Въ любви дѣвицу просвѣщаль,
 45. И взоръ красавицы стыдливой
 Къ утѣхамъ страстнымъ приучаль.

Счастливь, кому попалась въ руки
 Тетрадь Назоновой науки;
 Или кому дозволить рокъ
 50. Изъ ней украдкой, на досугѣ,
 Еще неопытной подругѣ
 Начальный прочитатъ урокъ!..

КАРТИНА III.

Второе Свиданіе.

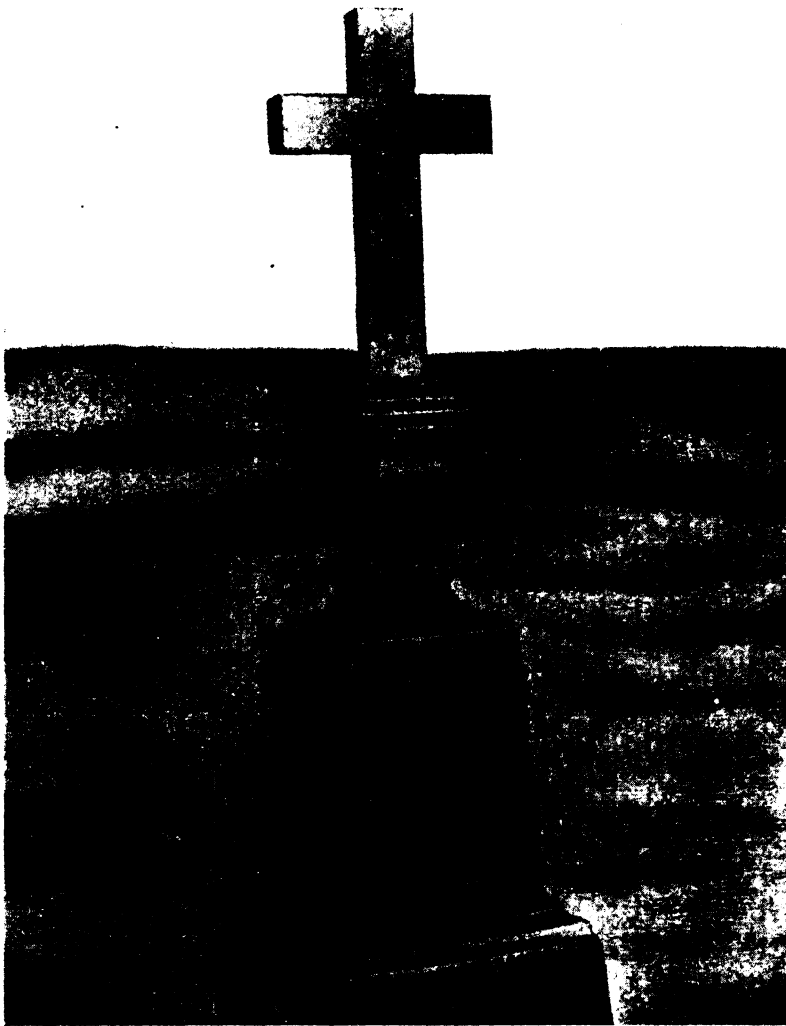
Въ коллекціи, изъ которой мы заимствовали сіи четыре картины, эта третья картина закрыта занавѣсомъ, котораго мы поднимать не можемъ, что подъ нимъ таятся, то легко догадаться по четвертой картинѣ, въ которой представляется слѣдующій день.

КАРТИНА IV.

Томна, задумчива, садится
 Эльвира утромъ за шитье;
 55. Но злая грусть не утаится
 На блѣдномъ личикѣ ея.
 Усердно пьетъ, но упоенье
 Еще оставило въ очахъ
 Восторгъ любви и удивленье
 60. И сердцу непонятный страхъ...
 Дремота дѣвицу одѣла,
 Мечты желанье навело;
 Рука на пальцахъ онѣмѣла—
 И пало на руку чело...
 65. Усни—бѣги коварныхъ взоровъ,
 Эльвира: нѣжность разговоръ,
 Открытый ротикъ, огонь страстей,
 Приятной нѣги полны очи,
 И странность поступи твоей,
 70. Невольно выскажутъ сей ночи
 Всѣ тайны сладостныхъ затѣй!..

(1829 г.)

Памятникъ на могилѣ В. И. Туманскаго въ с. Апанасовкѣ,
Полтавской губ., Гадяцкаго уѣзда.

Письма В. И. Туманскаго.

«Я увѣренъ что наши письма, какъ откровенныя записки двухъ просвѣщенныхъ особъ, будутъ заключать полную лѣтопись нашихъ чувствъ, нашихъ страстей, и горя и веселья, и когда-нибудь, уследятъ, можетъ быть, нашу разлукъ. напоминаніемъ вѣрности въ разлукѣ».

Изъ письма отъ 19 октября изъ Москвы.

№ 1.

С. Г. Туманскоѣ.

(1821 г. Ярославецъ).

Il m'est impossible de te rendre l'état, où m'a mis l'arrivée de ma tante et de Julie, sans que tu fusses avec elle, cette arrivée qui pouvait mettre le comble à ma joie, s'il n'y manquait ma bonne cousine, ma meilleure amie. J'étais comme foudroyé et pendant quelques minutes aucune idée ne se présentait à mon esprit, tant j'étais surpris, épouvanté. Je ne connais, ni ne comprends comment tu pouvais traiter ainsi ceux qui t'aiment sans feinte comme sans crainte, comment tu pouvais préférer de rester dans ton obscure solitude, lorsqu'il y avait moyen de voir, d'entretenir ses amis, et les rendre heureux et tranquilles. En vain ma tante s'evertuait-elle à nous prouver, que c'était par prévoyance que tu n'étais venue chez nous, que tu craignais de souffrir d'avantage après avoir joui quelque temps de notre compagnie (grand merci pour le compliment), je n'étais pas plus avenée que lorsque Madame Катька, m'eut répondu en riant: Я приѣхала съ барыней и Ульяной Григорьевной. Софія Григорьевна приказала вамъ кланяться. Belle position en vérité! Mais, Sophie, ma douce, ma tendre Sophie, pourquoi es-tu si cruelle envers nous tous? Est-ce qu'un jour, une heure, un moment même de bonheur ne valait pas seulement qu'on s'en occupe? Est-ce que pour le malheureux sentiment il n'y a pas de milieu entre tout et rien? Sophie, Sophie! plus d'amendement à la perte que nous avons faite, nous ne pourrons plus rappeler les plaisirs qui s'envolent— mais que tu donnes au moins une larme à ces heures, qui pouvaient être charmantes, une larme à ton absence, et à mes chagrins. Adieu. Tout-à-toi

Basile.

15*

Русскій переводъ.

Мнѣ невозможно передать тебѣ состояніе, въ которое привелъ меня пріѣздъ тети и Жюли безъ тебя—этотъ пріѣздъ, который могъ доставить мнѣ великую радость, если бы не недоставало моей доброй кузины, моего лучшаго друга. Я былъ какъ громомъ пораженъ и въ теченіе нѣсколькихъ мгновеній никакая мысль не рождалась въ умѣ моемъ, такъ я былъ изумленъ неожиданностью, испуганъ. Я не понимаю, какъ ты могла такъ поступить съ тѣмъ, кто любитъ тебя безъ притворства и безъ страха, какъ могла ты предпочесть остаться въ твоемъ темномъ уединеніи, когда была возможность видѣть друзей, говорить съ ними, осчастливить, успокоить ихъ. Напрасно тетушка усиливалась доказать намъ, что ты не пріѣхала изъ предусмотрительности, что ты боялась еще болѣе страдать, попользовавшись нѣкоторое время нашимъ обществомъ (большое спасибо за комплиментъ). Изъясненія тетушки такъ же мало уяснили мнѣ что-нибудь, какъ когда Катька отвѣтила мнѣ со смѣхомъ: «Я пріѣхала съ барыней и Ульяной Григорьевной, Софья Григорьевна приказала вамъ кланяться». Правда, славное положеніе. Но, Софи, милая, хорошая Софи, зачѣмъ ты ко всѣмъ намъ такъ жестока? Развѣ же день, часъ, минута даже счастья не стоитъ того, чтобы ее дать? Развѣ для несчастнаго чувства нѣтъ середины между «в с е» и «н и ч т о»? Софи, Софи, потеря наша непоправима, мы не можемъ вернуть наслажденій, отъ насъ улетающихъ, но пролей же хоть одну слезу объ этихъ утраченныхъ часахъ, которые могли быть такъ прекрасны, одну слезу о твоемъ отсутствіи, о моемъ горѣ.

Прощай. Весь твой *V a s i l e*.

Къ этому письму Аркадій Кочубей просоединилъ ниже печатаемый комментарий.

C o m m e n t a i r e. *V a s i l e* ne sait ce qu'il dit. Dans toutes ces phrases probablement *Sophie* ne pourra pas démêler qu'il a voulu la gronder. Comme trop jeune il n'a pas eu le courage. Il veut me rendre sa place, et je dirai que son intention était de dire que M-elle *Sophie* a fait une grande sottise en refusant de venir avec Maman. 1. Elle nous a privé du plaisir de la voir. 2. Elle a manqué d'embrasser son cousin favori. 3. Elle palie la Sainte Alliance. 4. Et ce qui met le comble à sa sottise

c'est d'avoir fait de la peine à sa mère. J-espère qu'elle tachera de réparer ce dernier mal, sa soumission et sa douceur pour les parents. Quelle tache donc de réparer en venant passer une journée chez nous.

Votre tendre cousin

А r c a d i e ¹⁾.

Русскій переводъ.

Комментарій. Базиль самъ не знаетъ, что пишетъ. Во всѣхъ этихъ фразахъ Софи, вѣроятно, не разберетъ, что онъ хотѣлъ ее побранить. По молодости лѣтъ у него не хватило храбрости на это. Онъ уступилъ мнѣ мѣсто; онъ хотѣлъ сказать, что M-lle Sophie сдѣлала большую глупость, отказавшись пріѣхать съ мамашей. 1) Она лишила насъ удовольствія ее видѣть. 2) Она лишилась удовольствія обнять своего любимаго кузена. 3) Она оскорбила священное дружество. 4) И, что завершаетъ ея глупость, она оторчила свою мать. Надѣюсь, что она постарается исправить этотъ послѣдній грѣхъ, въ виду ея смиренія и повиновенія родителямъ. Пусть же она постарается исправить его, пріѣхавъ къ намъ на денекъ.

Вашъ нѣжный кузень

А r c a d i e.

№ 2.

С. Г. Т у м а н с к о й.

(1821 г. Ярославецъ).

Je ne t'écris plus qu'un mot, ma bonne cousine, de crainte, que le coeur ou l'imagination ne me suggèrent encore quelques unes de ces vaines paroles, que tu qualifies si bien dans ton billet au guerrier Arcadie. Notre siècle n'est certes pas frivole, il a bientôt mis à l'index ces épanchemens de l'amitié, ces inquiétudes d'une âme tendre, et cet innocent bavardage de l'imagination, qu'on appelait autrefois tendresse, et qu'aujourd'hui on entend sous le mot illusion. On ne croit plus qu'à ce qui est mathématique grec ou mystique; la vérité est accusée d'être trop dure, et la flatterie trop douce, tout est bouleversé et ce qu'il y a de sur, c'est

¹⁾ Kotshoubey.

que nous sommes plus malheureux que nos aïeux. Eh bien! conformons-nous aux circonstances laissons à d'autres l'agréable soin de plaire et d'intéresser, d'exprimer ses sentimens à ces chers amis—occupons nous de la logique, ventre bleu et vogue la galère! Tout à—toi.

B a s i l e l e t a c i t u r n e

Русскій переводъ.

Пишу тебѣ двѣ строчки, моя добрая кузина, опасаясь, чтобъ сердце или воображеніе не внушили мнѣ еще нѣсколько изъ тѣхъ праздныхъ словъ, которыя ты такъ хорошо опредѣляешь въ письмѣ твоёмъ къ воину-Аркадію. Нашъ вѣкъ, разумѣется, вѣкъ не вѣтренный, онъ скоро наложитъ запретъ на эти изліянія дружбы, на эти тревоги чувствительной души и на эту невинную болтовню воображенія, которую нѣкогда звали нѣжностью, а теперь знаютъ подъ именемъ игры воображенія. Теперь вѣрятъ только тому, что или математично, или по-гречески, или мистично; правда заслужила упрекъ, что она слишкомъ жестока, лезть, что она слишкомъ нѣжна, все извращено, и одно только вполнѣ вѣрно—это то, что мы несчастнѣе своихъ предковъ. Ну, что-жь? будемъ подлаживаться къ обстоятельствамъ, оставимъ другимъ пріятную заботу нравиться, интересоваться, выражать свои чувства своимъ дорогимъ друзьямъ, займемся, чортъ возьми, логикой, а тамъ будь, что будетъ.

Весь твой B a s i l e-М о л ч а л и в ы й.

№ 3.

С. Г. Т у м а н с к о й.

(1821 г. Ярославецъ).

Ce n'est pour répondre à ton joli billet, que je t'écris ce peu de lignes, chère et bonne Sophie. Le plaisir que mon propre nom m'a causé sous ta plume méritait peut-être d'y songer sérieusement, mais je ne sais pas être juge et partie à la fois, et je veux jouir des sentimens de mes amis sans les analyser. Cependant je te dirai à l'écart en nota bene qu'il y a bien du romanesque dans ta petite élégie, et que l'exclamation: Beaux jours de ma vie etc: rap-

pelle tant soit peu quelque victime du monde, des préjugés ou de l'amour. Maintenant pour passer des victimes aux tyrans je te parlerai de moi—et que ce début ne t'effraie pas. Imagine-toi que le cousin Basile, que la cousine Barbe sont partis aujourd'hui même pour Хотѣнь, mais que moi je suis toujours là planté à Jaroslavetz pour une misérable toux—assez scandaleuse à l'âge de 21 ans. Imagine-toi que j'ai regardé comme une question de santé, une question qui devrait être toute de sentiment et que j'ai forcé mon coeur d'oublier les tendres espérances dont il avait nourri l'avant-goût.

Je te demande si c'est de la tyrannie et si je puis me traiter en tyran?..

Ainsi pour que je ne vaille plus grand chose, accablé de tous côtés par les maladies, les chagrins et qui est plus par la raison, si tu veux encore de moi ma bonne âme Sophie—ma première sortie sera pour votre hermitage. Dieu veuille que cela arrive plutôt, car je ne suis plus bien, oh non! loin de ce que je chéris et ce que j'aime le plus au monde. Baiser fraternel pour la douce Julie qui ne m'oublie sans doute pas et mille compléments à ma bonne tante.

B a s i l i u s.

Appendix d'un poète malade.

Софѣѣ «Въ минуту празднаго досуга...» (См. стихотворенія).

Русскій переводъ.

Я пишу тебѣ эти строки не въ отвѣтъ на твое милое письмо, милая и добрая Sophie. Удовольствіе, которое испыталъ я, видя мое имя, тобою написанное, требовало бы серьезнаго размышленія, но не умѣю я сразу быть судьей и стороной и хочу лучше просто наслаждаться чувствами моихъ друзей, не предаваясь анализированію ихъ. Однако, потихоньку скажу тебѣ, въ видѣ примѣчанія, что въ твоей маленькой элегіи есть—таки что-то романическое, и что восклицаніе—«чудные дни моей жизни» и т. д.—говоритъ какъ будто о какой-то жертвѣ свѣта, предразсудковъ или любви. Теперь, переходя отъ жертвы къ тиранамъ, буду говорить съ тобой о себѣ—не пугайся этого начала. Представь себѣ, что кузень Basile, что кузина Barbe уѣхали сегодня въ Хотѣнь, а я все еще тутъ, засѣлъ въ Ярославцѣ, благодаря

несчастному кашлю, довольно скандальному для двадцати-однолѣтняго возраста. Представь себѣ, что я взглянулъ, какъ на вопросъ здоровья, на вопросъ, который долженъ былъ быть вопросомъ чувства, и что я принудилъ сердце свое забыть нѣжныя надежды, предвкушать которыя оно само позволило. Спрашиваю тебя, развѣ же это не тиранія, и не правъ ли я, называя себя тираномъ?... Итакъ, хотя я теперь недорого стою, удрученный со всѣхъ сторонъ болѣзнями, печалами и, что хуже всего, разумомъ, но если ты еще желаешь меня видѣть, милая Sophie, первый мой выѣздъ будетъ въ Ваше уединеніе. Дай Богъ, чтобы это случилось поскорѣе, потому что это нехорошо, о! нѣтъ, вдали отъ всего, что мнѣ дорого, что я люблю больше всего на свѣтѣ. Братскій поцѣлуй Julie и тысячу привѣтствій тетушкѣ.

B a s i l i u s .

№ 4.

С. Г. Т у м а н с к о й .

Москва. Октября 19 (1822).

Приступая къ перепискѣ, которая обѣщаетъ мнѣ столько пріятныхъ минутъ и столько радостныхъ воспоминаній, я хочу предложить тебѣ мои мысли, незабвенный другъ мой Сонюшка, о томъ, какова должна быть наша переписка. Проживъ нѣсколько времени вмѣстѣ, успѣвъ почувствовать въ это короткое время всю сладость чистой и чистосердечной дружбы и всѣ наслажденія дружескихъ изліяній, мы узнали собственнымъ опытомъ, что щастіе добрыхъ душъ въ искренности, что нуженъ повѣренный для нашего щастія. Мы узнали, что первое условіе всякаго союза есть совершенное довѣріе съ обѣихъ сторонъ, совершенная зависимость другъ отъ друга, и потому сохранимъ и между собой эти прекрасныя правила дружества. Я увѣренъ, что наши письма какъ откровенныя записки двухъ просвѣщенныхъ особъ, будутъ заключать полную лѣтопись нашихъ чувствъ, нашихъ страстей, и горя и веселья, и когда нибудь усладятъ, можетъ быть, нашу разлуку напоминаніемъ вѣрности въ разлукѣ. Мнѣ пріятно первому начать нашу переписку и первому почувствовать ея силу и ея неизмѣнныя правила.

Мы въ Москвѣ. Время, на зло благопріятствовавшее нашему отъѣзду, продержалось въ холодной ясности своей на всю дорогу

нашу. Мы имѣли нѣсколько прекрасныхъ утреннихъ часовъ; мало остановокъ, много скуки, а я много мечтаний. Мнѣ все видѣлись, какъ въ благодатномъ снѣ, милые дни, проведенные вмѣстѣ съ тобой въ безпечной рѣзвости и въ щастіи, слишкомъ безпечною. Мнѣ казалось, что я только на минуту разлученъ съ тобой, что я все на родинѣ, что я готовлюсь къ новымъ удовольствіямъ, непрерывныя новыя лица разочаровывали мои надежды. Чтожъ дѣлать? сказала я наконецъ, послѣ грустнаго размышленія, чтожъ дѣлать? когда на бѣдной сей землѣ одно только горе постоянно, одно страданіе только неизмѣнно. Не будемъ желать отлученія отъ братій нашихъ, подобно намъ слабымъ и также несчастнымъ. Есть какая-то слава раздѣлять горькую участь страдальцевъ—а то даже минутное щастіе—какъ будто насмѣшка на мучениковъ жизни.

Будемъ подвластны съ другими желѣзнымъ законамъ Судьбы, только продлимъ очарованіе юныхъ лѣтъ, продлимъ огонь сердца, мечты любви и тайные порывы вдохновенія. Не забывай, милой другъ, нашихъ веселыхъ бесѣдъ, нашихъ споровъ, прогулокъ, забавъ—увы! щастіе замѣнилось для насъ однимъ воспоминаніемъ!...

Я, знаю, что свѣтскія новости мало тревожатъ твое любопытство и потому охотнѣе говорю о себѣ. Я бы желалъ, чтобы ты слѣдовала сему же мнѣнію. Впрочемъ, для разнообразія, надобно распространить нѣсколько кругъ занимающихъ насъ предметовъ. Будучи молода душой и сохраняя весь пламень воображенія, ты должна чувствовать, любить и оцѣнять сладостныя произведенія вдохновенныхъ умовъ. Тебѣ не должны быть чужды Историки—строгіе совѣтники нашей жизни и Поэты—милые обманщики наши. Не пренебрегай, любезная Сонюшка, никакихъ искусствъ, никакихъ знаній. Природа—я могу сказать это въ свободной откровенности моей—природа создала тебя для многихъ познаній, она дала тебѣ рѣдкое понятіе, силу души и желаніе отличить ся—страсть похвальная и благородная. Не отвергай же даровъ ея и страшись утраты безцѣннаго времени. Издали, какъ твой другъ, я буду глядѣть на твои успѣхи, буду измѣривать твое поприще и въ слезахъ любви радоваться твоему торжеству. Ты увидишь по усиліямъ моимъ, что я буду стараться помогать тебѣ всегда сдѣлаться украшеніемъ обществъ и отрадою твоихъ друзей.

Исполняю обѣщаніе свое, посылая тебѣ экземпляръ новой поэмы Пушкина; мнѣ бы хотѣлось узнать твое мнѣніе объ этомъ оригинальномъ сочиненіи. Конечно, ты найдешь здѣсь случай показать критическій свой умъ и еще болѣе свой вкусъ: ожидаю съ нетерпѣніемъ твоего отзыва. Между тѣмъ я самъ роюсь теперь въ архивахъ маленько й литературы, чтобъ не быть невѣждой въ кругу Петербургскихъ собратій. Москва или лучше Московскій клубъ доставилъ мнѣ всѣ способы нагнать не далеко ушедшихъ умниковъ нашихъ, такъ что я имѣлъ даже время побывать въ двухъ театрахъ и слышать волшебную Итальянскую музыку. Какое наслажденіе, милой другъ, забыться въ мечтахъ нѣги при звукахъ чистыхъ, нѣжныхъ, разнообразныхъ, утопать въ какихъ-то безвѣстныхъ надеждахъ, и въ непрерывномъ волненіи—ощущать какое-то тайное чувство удовольствія и страданія! Я никогда не могъ быть равнодушнымъ къ музыкѣ, и, признаюсь, самая неволя показалась бы мнѣ съ нею терпимою. Здѣшніе актеры хороши—оркестръ стоитъ выше Москвы, нечувствительной къ гармоніи. Я видѣлъ зрителей, уходящихъ домой прежде лучшихъ арій или приходящихъ на половину лучшихъ пьесъ. Это непростительно, это, конечно, отпечатокъ самага грубаго хладнокровія и вѣрный знакъ душевной вялости. Можно сказать смѣло, что народъ, непробуждаемый высокою гармоніею звуковъ,—народъ погибшій. Не могу сказать тебѣ моихъ наблюдений въ Москвѣ. Я такъ мало въ ней жилъ и теперь такъ мало прожилъ что могу только замѣтить налету о множествѣ хорошихъ дѣвушекъ-невѣсть, которыхъ вывозятъ сюда на показъ. Между прочимъ я видѣлъ одну красавицу, славную здѣсь и милымъ нравомъ своимъ: это княжна Урусова, къ несчастію небогатая, и потому имѣющая мало искателей въ денежномъ нашемъ вѣкѣ. Еще видѣлъ я двоюродную соблазнительницу свою гр. Потемкину: она въ моихъ глазахъ, неизмѣющихся страсти милыхъ Кочубеевъ, много потеряла. Это пріятная дама съ умными очами, съ добрымъ личикомъ и съ порядочнымъ запасомъ кокетства. Вотъ все, что я чувствовалъ, видѣлъ и слышалъ; ты не можешь досадовать на краткость моихъ строкъ, но я скорѣе могу страшиться твоей скуки при чтеніи сего слишкомъ откровеннаго письма. Прощай, будь всегда другомъ моимъ, будь моею радостію—у меня, добрая Сонюшка, и такъ мало истинныхъ друзей!.. До твоего отвѣта! прощай.

В а . . . с и н ь .

Тетушкѣ моей низенькѣй поклонь, а милой Улинькѣ скажи за меня, что я ее люблю, какъ братъ, помню о ней, какъ другъ, вспоминаю ея прелестныя очи и ожидаю ея радостнаго бракосочетанія.

Посылаю Улинькѣ золотыхъ и серебряныхъ нитокъ на ея деньги—а тебѣ 2 фунта конфетъ для миленькаго ротика.

№ 5.

С. Г. Туманской.

20 декабря 1822 года, Петер.

Ты ошибаешься, милая Сонюшка, полагая, что и я, по модѣ многихъ, слѣдую поговоркѣ: *d'autres temps, d'autres soins*.

По всей справедливости ты могла бы имѣть болѣе довѣренности къ дружбѣ и къ неизмѣнной привязанности твоего друга. Мнѣ казалось бы, что, и не получая нѣсколько времени отъ меня писемъ, ты бы могла болѣе беспокоиться симъ молчаніемъ, нежели на него досадовать—зная, что тамъ, вѣрно, какая нибудь не сердечная причина. Сей разъ, напримѣръ, два послѣднія твои письма застали меня, если не въ постелѣ, то по крайней мѣрѣ, никуда не выходящимъ отъ мучительной глазной боли, которая не позволяла мнѣ даже заниматься бездѣльями. Я бы отвѣчалъ тебѣ гораздо ранѣе, если бы могъ окончить твои комиссіи, и особливо согласить съ Логикой присылку вашихъ денегъ на неизвѣстныя вещи и на таинственныя требованія какого-то ч е х л а.

Повѣришь ли, милой другъ, что мы, т. е. я съ юрисконсультъ Александромъ Васильевичемъ, до сихъ поръ не добрались до настоящаго смысла твоей приписки—надобно ли или не надобно Юліи платѣе. Къ тому жъ наша мечтательная дѣвица въ письмѣ своемъ къ Ал(ександру) Вас(ильевичу) нашла, конечно, слишкомъ земнымъ говорить о тѣлесныхъ нарядахъ, и потому о нихъ ни слова, такъ что мы угадывали ваши желанія, превѣтренныя сестрицы, какъ угадываютъ смыслъ полуутраченныхъ рукописей древности, т. е. прибавляя свое. Это значить, что мы заказали вамъ обѣимъ по платью суперъ-ультра-модному, и я надѣюсь, *pour mon prorgre compte*, получить отъ тебя одобреніе.

Книгъ этотъ разъ не посылаю тебѣ никакихъ, ни даже литературныхъ новостей, но на дняхъ ты получишь небольшую, прекрасную Русскую книжку, въ родѣ иностранныхъ альманаховъ, подъ названіемъ: Полярная Звѣзда. Въ ней найдешь ты многія новыя произведенія лучшихъ нашихъ писателей и, можетъ быть, найдешь что нибудь и для прекрасной своей памяти. Такъ, любезной другъ, знаю, что, говоря о занятіяхъ, я говорю не непонятнымъ для тебя языкомъ и, потому, позволяю себѣ иногда передавать тебѣ довольно скучныя для многихъ мысли и совѣты.

Не трать напрасно времени—

Придутъ, придутъ часы тѣ снѣжны.
 Когда твои ланиты нѣжны
 Не будутъ розами блистать.

Чтожъ тогда, скажи, остается душѣ, кромѣ приобрѣтеній ума, неподчиненныхъ никакому закону времени? Какое веселье тогда веселить, кромѣ чистаго веселья мечтаній, надеждъ, воспоминаній, кромѣ увѣренности, что ты не даромъ прошла по нещастнымъ тропинкамъ жизни, орошеннымъ слезами и часто кровію бѣдныхъ смертныхъ. Но куда я занесся моимъ воображеніемъ. Далеко еще то печальное время (пусть бы оно никогда не приходило) и ты

Въ кругу приверженныхъ подругъ
 Въ своей утѣхѣ своенравной
 Умѣешь рѣзво и забавно
 Свободный проводить досугъ.
 То стройною, гордясь, ногою,
 Какъ Нифра любишь поскакать,
 Вертишь подружекъ—и опять
 Одна плывешь предъ ихъ толпою.
 Обворожая ихъ собою;—
 То съ прилетѣвшею зимою... (и т. д. см. стихотворенія).

Такъ! милая, я страдаю и страдаю. Нѣкоторая особенная философія, свойственная вѣтраннымъ характерамъ, спасаетъ еще меня отъ отчаянія... Я часто грущу, грущу ужасно. Впрочемъ дастъ Богъ—мы тоже поправимся...

А что я теперь?
 Усердно познакомься съ Кантомъ
 И просвѣтить желая Русь... (и т. д. см. стихотворенія).

Прости мнѣ еще нѣсколько строкъ. Я не знаю шумныхъ удовольствій, о которыхъ ты мнѣ пишешь, ни разсвѣнія, ни даже бостона—все это вещи живыя—а я заранѣе ознакомился и подружился съ мертвыми. Я разложилъ свою библіотеку, расхаживаю въ ней по цѣлымъ часамъ, какъ отецъ, люблюсь сими дѣтищами—и вотъ щастливѣйшія мои минуты

Прощай, живи, безъ горя, безъ заботъ... (и т. д. см. стихотв.).

Мое нижайшее почтеніе любезной тетускѣ Аннѣ Ивановнѣ и братскій поцѣлуй à la tendre Julie. In secula seculorum amen.

Платъе вы получите по слѣдующей почтѣ. Еще словцо. Я не нашель для тебя Рагу, да признаюсь, если бы и нашель, то вѣрно бы не прислалъ тебѣ. Тебѣ, милая Сонюшка, еще рано читать этого прелестнаго проказника, онъ слишкомъ рѣзовъ для скромности дѣвической и можетъ вредить спокойствію сердечныхъ чувствъ. Читай, милая, со вниманіемъ строгихъ писателей—углубляйся подь часъ въ ихъ нравственность, а со временемъ Рагу, Bertin и другіе послужатъ тебѣ разсвѣніемъ.

При семь нѣсколько моихъ напечатанныхъ пьесъ.

№ 6.

С. Г. Т у м а н с к о й.

26 декабря 1822 г. С.-П.-Б.

Не могу пропустить этой почты, не написавъ къ тебѣ, хотя нѣсколько строкъ. И во-первыхъ, вмѣстѣ съ благодарностію моею за пріятныя и частыя твои письма, прими желанія твоего друга на новый, н е и з в ѣ с т н ы й г о д ъ. Пускай, отнимая у каждого любимѣйшіе цвѣты жизни, сей грозный годъ не тронетъ тебя могущею своей рукой, оставитъ чувства твои въ той же свѣжести, умъ твой въ той же дѣятельности, надежды и мечтанія твои въ той же неизмѣнной прелести.

Пускай друзья твои будутъ тебѣ также милы и также вѣрны, любимцы твои также щастливы какъ были—наконецъ пускай все останется вокругъ тебя яснымъ, спокойнымъ, усладительнымъ. Въ отдаленіи и, можетъ быть, съ тайной мукой я буду видѣть исполненіе моихъ желаній и радоваться твоею радостью.

Я надѣюсь, что эти строки застанутъ тебя еще въ Вознесенскѣ. Вмеѣстѣ съ ними получишь ты платье, которое во вкусѣ своемъ принадлежитъ совершенно мнѣ. Боюсь только одного: чтобы я не ошибся, сдѣлавъ тебѣ бальное платье, и тутъ однако успокоиваюсь мыслию, что изъ Ваггѣе никто другихъ платій не дѣлалъ и не дѣлаетъ. Оно, конечно, поможетъ тебѣ, милая Сонюшка, блеснуть въ Кіевѣ и можетъ быть...

Но умолчимъ о томъ, что покажеться не извѣстно, не смотря на всѣ усилія и гаданія юныхъ дѣвушекъ—поговоримъ о себѣ. Вас. Ник. пріѣхалъ, былъ у меня, былъ у другихъ и опять, по собственнымъ его словамъ, возвращается въ Малороссію. Онъ сказалъ мнѣ на мои вопросы, что Г е н е р а л ь е г о и К н я з ь К у р. (всегдашніе его идолы) совѣтуютъ ему и батюшкѣ пожертвовать еще нѣсколькими тысячами для новаго ремонта. Слѣдовательно, этотъ юноша, этотъ р ы ц а р ь п е р е к л а д н о й снова прилетитъ къ вамъ на любимыхъ своихъ тройкахъ, на легкѣ, безъ груза здраваго разсудка.

Впрочемъ я имъ очень доволенъ—онъ имѣетъ какую-то странную привязанность къ тебѣ и нѣкотораго рода дружбу ко мнѣ. Напримѣръ, онъ рассказывалъ мнѣ съ самымъ благороднымъ негодованіемъ безстыдныя клеветы и гнусныя рѣчи, которыя во всѣхъ провинціяхъ, особливо въ нашей Малороссіи, льются изъ ветхихъ устъ старушекъ, изъ деревянныхъ головъ ничтожныхъ мальчишекъ на щетъ невинности и добродѣтели. Узнавъ отъ него многое такое, которое бъ не пришло никогда и въ мое воображеніе, я признался ему съ горестію, что есть люди на этомъ бѣломъ свѣтѣ, люди черные и презрѣнные, которые не понимаютъ ни вѣрной, безпритворной, неподкупной дружбы, ни любви братской, чистой, неоскверняемой порочными желаніями! Я ему сказалъ еще, что рѣчь молвы не должна устрашать никого крѣпкаго собственнымъ убѣжденіемъ, что небольшая вѣтренность живыхъ, полныхъ чувства лѣтъ, не есть преступленіе, и что самыя ближайшіе друзья и родные не должны бы пугаться безсмысленныхъ слуховъ, когда увѣрены въ чистотѣ очерняемаго друга или родственника. Что ты думаешь объ этихъ мысляхъ? Находишь ли ихъ справедливыми? Отпиши мнѣ нѣсколько словъ на сіи разсужденія. Ты догадаешься, что тутъ дѣло идетъ не о чужомъ!

Боюсь, чтобъ твое отсутствіе не остановило нашей переписки: найдешь ли ты въ Кіевѣ свободную минуту подумать о другѣ, польстить его воображенію, хотя чертами руки своей, побесѣдовать съ его душой, изнывающей, и скажу ли? гаснущей въ отдаленіи?

Напиши мнѣ, чего мнѣ ждать во время твоего веселья.— Молчанія или новостей, описаній, довѣренностей—столь сладостныхъ сердцу друга. Напиши мнѣ также, можно ли и къ тебѣ писать въ Кіевъ, куда именно и до какого времени. Adieu, que les plaisirs vous couvrent de leurs ailes, avec le temps vous compterez plus tard.

B a s i l e.

№ 7.

С. Г. Туманскоѣ.

(С. П. Б.) Le 7 Janvier 1823.

Je ne vous écrirai que deux mots par le courrier extraordinaire M-r Romanowsky, qui retourne de nouveau dans notre province. Il vous dira lui-même, si Vous ne voulez m'en croire, dans quel état je suis et si je puis faire de l'esprit et du sentiment avec un mal de tête affreux, que je viens d'attraper dans une soirée de grand ton. Ce sera donc par la première poste que je vous écrirai plus au long et que je Vous enverrai un compte détaillé des recherches que j'ai fait pour Vos commissions. Adieu—Votre livre n'est pas très sale, et je crois qu'entre des amis il ne faudrait pas autant de délicatesse.

Que Dieu Vous ait dans Sa sainte et digne garde. Je vous embrasse dix mille fois, si Vous n'êtes pas fatiguée à la millième. Tout-à-Vous

le cousin B a s i l e.

Русскій переводъ.

С. П. Б. 7 января 1823 г.

Я напишу вамъ лишь два слова чрезъ чрезвычайнаго курьера—г. Романовскаго, возвращающагося снова въ нашу провинцію. Онъ расскажетъ вамъ, если не повѣрите мнѣ, въ какомъ я нахожусь состояніи и могу ли я съ умомъ и чувствомъ писать при ужасной головной боли, полученной на великосвѣтскомъ вечерѣ. Итакъ я напишу вамъ съ первой почтой болѣе подробно и пришлю

подробный отчетъ сдѣланныхъ мною поисковъ для исполненія вашихъ порученій. Прощайте. Книга ваша не очень грязна, и я думаю, что такія церемоніи излишни между друзьями. Да хранить васъ Богъ. Цѣлую васъ десять тысячъ разъ, если вы не устанете на тысячномъ разу.

Весь вашъ кузень V a s i l e.

№ 8.

С. Г. Туманской.

(1823 г.) Генваря 25. С. П. Б.

Письмо твое самымъ пріятнымъ образомъ прервало грустныя мечты и безмолвное страданіе больного твоего друга... Оно оживило въ моей груди прежнія, щастливяя думы и какъ будто облегчило меня отъ тяжелаго груза скуки и сидячей жизни. Я позабылъ свое горе, отвратилъ безъ негодованія глаза отъ мучительной моей постели—и всею душою предался обольстительнымъ воспоминаніямъ минувшихъ дней, которыхъ милую тѣнь принесли мнѣ твои строки. Ахъ! какъ сладко, какъ утѣшительно имѣть друга! Какъ очаровательно это краткое имя среди бурныхъ волненій жизни и страшнаго голоса сердечныхъ нашихъ страстей.

Не за жизнь благодарю я Всевышняго—но за то, что онъ открылъ мою душу тихой вѣрѣ въ дружбу и въ нѣжныя ея со-вѣты. Надѣюсь, что я и при концѣ моего поприща не охладѣю сердцемъ къ любезнымъ друзьямъ моимъ.

Итакъ, ты въ Кіевѣ—опять на сценѣ большого свѣта, среди шумной блестящей толпы съ душой, полною мечтаній, съ надеждами, неприкованными еще къ землѣ. Повѣрь мнѣ—я издали наблюдаю несмѣлые твои шаги на этомъ поприщѣ; вижу тебя иногда занятою какимъ-то особеннымъ, незнакомымъ тебѣ чувствомъ, то спова предающаюся невинной своей веселости и природной рѣзвости.

Я не знаю—какой воздушный Гений шепчетъ мнѣ, что этотъ разъ не избѣжишь ты невидимыхъ сѣтей маленькаго божка, что не покидать тебѣ Украинской нашей столицы съ прежнимъ равнодушіемъ и—(промолвлюсь)—съ прежнею независимостью.

Его тайное словечко какъ-то находить мѣсто въ моей памяти и въ моемъ сердцѣ.—Жду, любопытствую, но что бы ни было тамъ, на вашей сторонѣ—я тебя встрѣчу съ однимъ, неизмѣннымъ желаніемъ щастія, котораго ты достойна, которое, конечно, получишь мольбами дружбы и родства.

Что сказать о себѣ? Есть эпоха въ жизни человѣческой, когда настоящее и прошедшее со всѣми обольщеніями своими недостаточны для сердечнаго благополучія. Въ это время рождаются въ груди стремленіе къ чему-то непонятному, мучительная тоска неизвѣстности, сомнѣнія еще болѣе мучительныя. Я испытываю теперь бытіе этого жестокаго междударствія въ нашей жизни. Съ безпечностью младенчества, съ ясною полнотою первыхъ чувствъ, истраченныхъ желаніями опытности, я потерялъ и свое спокойствіе. Довольно продолжительная болѣзнь, конечно, усиливаетъ горечь моего состоянія—но я страдалъ бы и безъ болѣзни. Когда-то утихнетъ это волненіе, когда возвратятся назадъ, хотя съ перемѣной мыслей и жизни моей, прежнія свѣтлыя надежды, невыразимое блаженство беззаботности и все очарованіе прошлыхъ лѣтъ! Иль не бывать былому? Иль не быть мнѣ молодому?

Впрочемъ, несмотря на запрещеніе выходить, я имѣю нѣкоторыя развлеченія. Добрые пріятели, безъ которыхъ я никогда не оставался, приходятъ къ больному, сидятъ, толкуютъ, спорятъ и время, хотя съ досадой, летитъ скорѣй и веселѣй. Иногда, милая Муза, какъ эти добрые Геніи небесъ посѣщающіе на землѣ друзей своихъ, сходитъ въ мое заточеніе и тѣшитъ меня сладкими звуками невидимой своей арфы. Словомъ—я еще не совсѣмъ несчастливъ—особливо имѣя мечту, надежду и тебя, какъ спутницу своей жизни. Прощай.—Не забывай.—Воспомяй. Цѣлую тебя—окончу.

B a s i l e.

P. S. Всѣмъ твоимъ почтеніе и поклонъ. J'espère que le bon génie de Julie ne la perdra pas de vue à Kieff. Ainsi soit-il.

На щеть книгъ, я отсылаю книгу сестрицы, какъ она есть. Стыдно хлопотать о такой малости въ кругу родныхъ.

Я хочу тебѣ прислать Lemerrier Cours de littérature, Poésies d'André Chenier et quelques nouveaux romans de Walter Scott. Cela ne vous fatiguera pas.

№ 9.

С. Г. Туманской.

12 марта 1823 г.

Цѣлые полгода прошли, милой и вѣрной другъ, съ того дня какъ мы въ послѣдній разъ были вмѣстѣ; цѣлые полгода разлуки, какъ свинецъ, лежатъ въ моемъ сердцѣ. Многое перемѣнилось, что тогда насъ окружало, почти все потеряло свою прелесть для нашихъ глазъ. Не знаю, съ такимъ ли ты наслажденіемъ, какъ прежде, глядишь на прекрасное небо, на первое сіяніе утра, съ тою ли радостью слушаешь невинное щебетаніе птичекъ, призывающихъ весну, такъ ли тѣшишься волнами рѣчки своей, разрывающей минутныя оковы зимы!.. А я, прости мнѣ, изо всѣхъ картинъ природы люблю теперь видѣть только закатъ солнца, только вечеръ, сходящій на усталую землю—только таинственный мракъ ночи, любезный, близкій душѣ моей. Съ вѣкотораго времени овладѣла мною ужасная тоска: это состояніе души, когда человѣкъ, занятый чѣмъ-то непонятнымъ, отступаетъ, такъ сказать, отъ всего, что прежде любилъ, не имѣетъ силы постоянной! ни для какого чувства, забываетъ прежнія наслажденія, перестаетъ быть самимъ собою. Это состояніе души было бы смѣшно, если бы оно не было мучительно. Я не знаю еще, наблюдая себя, источника, который произвелъ во мнѣ сіе странное чувство, хотѣлъ бы,—чтобъ одни физическія причины возмущали теперь мое бѣдное спокойствіе. Повѣришь ли, что часто въ кругу добрыхъ друзей, въ кругу обществъ любезныхъ я вдругъ становлюсь какъ будто глухъ. какъ будто нѣмъ, прикованъ къ чему-то невидимому безъ радости, безъ упованія, какъ невольникъ къ цѣпи своей. Надо мной смѣются, меня называютъ воздушнымъ жителемъ, а я не имѣю даже способности отвѣчать имъ слезами и слезами облегчать мои страданія. Не подумай, чтобы воображеніе сколько нибудь участвовало въ моральномъ моемъ разстройствѣ; нѣтъ, я могу сказать откровенно, что никогда воображеніе мое не было такъ бездѣйственно. Ни одной счастливой мысли, ни одной мечты, кромѣ мечтаній горести и скуки. Но довольно! Я могъ бы испугать тебя дальнѣйшею повѣстью моей в н у т р е н н е й ж и з н и — оставимъ ее до радостной перемѣны — тогда

пріятно будетъ вспомнить о печаляхъ, которыхъ мы уже не ощущаемъ.

Мнѣ надобно поговорить съ тобой о многомъ, на я попалъ на эту проклятую тоску и по обыкновенію своему заболтался. Раздѣлю свои вопросы и отвѣты на три части—1-я Отчетъ о книгахъ. 2-я Догадки на щетъ Кіева и Юліи. 3-я Возраженія на твои замѣчанія о П о л я р н о й З в ѣ з д ѣ.

І. Отчетъ о книгахъ.

Женскій полъ по своенравію людскихъ законовъ осужденъ на странное положеніе въ полученіи своихъ знаній и въ усовершенствованіи способностей своихъ. Для него въ лучшее время жизни, когда умъ жаденъ къ впечатлѣніямъ и живы сіи впечатлѣнія, закрыты прекраснѣйшіе источники человѣческихъ познаній. Родители, желая завѣсить дочерей своихъ покрываломъ скромности, изъ сего же самаго покрывала созидаютъ для нихъ очень крѣпкую стѣну невѣжества. Кто осмѣлится дать въ руки пылкой и жаждущей новыхъ мыслей дѣвушки краснорѣчиваго Руссо, рѣзваго Вольтера, кто также, боясь педантства въ прекрасномъ полѣ, заставитъ ее мыслить надъ Монтескье, мечтать съ Монтенемъ? Общее мнѣніе почти всегда бываетъ судомъ и для малаго числа людей мыслящихъ,—непривыкшихъ покоряться предразсудкамъ частнымъ—а какъ же трудно противустоятъ натиску ничтожества старовѣрцевъ. Вотъ, кажется, причина, по которой дѣвушки осуждены на поверхностное понятіе о вещахъ и по которой ты лишена возможности имѣть хорошую бібліотеку. Вообрази, милая, что я, съ достаточными свѣдѣніями во французской Библіографіи, до сихъ поръ едва могу набрать нѣсколько книгъ, отвѣчающихъ двумъ условіямъ: свѣтскаго приличія и твоего удовольствія. Не прогнѣвайся, если большая часть книгъ твоихъ будутъ историческія—развѣ тайкомъ отъ суроваго Александра Кочубея удастся мнѣ прислать тебѣ *La Nouvelle Héloïse*, которую по совѣсти не ставлю въ число книгъ, вредныхъ для дѣвческаго воображенія. Буду стараться рыться, вырывать, выторговывать и собирать пріятнѣйшія для тебя книги, и, можетъ быть, удостоюся и твоей благодарности и похвалы строгихъ мудрецовъ нашихъ: двухъ вещей, почти несомвѣстимыхъ между собою.

2. Догадки.

Одна фраза, какъ будто ненарочно брошенная въ послѣднемъ твоёмъ письмѣ послѣ цѣлой исторіи объ Аркадіи Родзянкѣ, заставила меня много думать и много придумывать. Вотъ что произвели мои соображенія: Родзянка былъ въ Кіевѣ, слышавшись объ васъ отъ своего брата Порфирія, и хотя Кіевъ и святой городъ, но куда не проберется маленькой Амуръ, почти невидимый божокъ. Въ силу этого одна изъ мѣткихъ стрѣлъ проказника Амура поразила слабое сердце Аркадскаго Аркадія, а другая едва ли не долетаетъ да романическаго воображенія доброй и нѣжной Юліи. Богъ вѣсть или, какъ здѣсь сказать слѣдуетъ, Амуръ вѣсть, чѣмъ все это кончится, а я przygotowляю уже поздравительное посланіе моему брату по Аполлону, который непременно хочетъ быть двоюроднымъ моимъ братомъ.

3. Возраженія.

Посвятивъ нѣсколько страницъ на описаніе вашей жизни въ Кіевѣ или, лучше, посвятивъ ихъ, какъ добрая сестра, на описаніе Аркадія—Saint Preux, ты въ двухъ словахъ нанесла жестокой ударъ бѣдной нашей Звѣздѣ. Выслушай возраженіе уколотаго самолюбія и будь снисходительной: я послалъ тебѣ Полярный Альманахъ, предвидя, что онъ тебѣ понравится, какъ любительницѣ хорошихъ стиховъ и хорошей прозы. Конечно, могъ я надѣяться, что ты прочтешь съ удовольствіемъ сію книжку, найдя въ ней имена Пушкина, Баратынскаго, Жуковскаго, Вяземскаго, Глинки и имя мое, хотя какъ воспоминаніе дружбы. Ничуть не было! Признана порядочная только статья Бестужева,—которая, судя безъ всякаго пристрастія, самая неудачная въ цѣломъ изданіи. Что бы ты сказалъ, милой Пушкинъ, услышавъ, что любимые стихи твои Къ Овидію не возбудили и вниманія въ пламенныхъ сердцахъ дѣвиць? Я опасаюсь, не участвовалъ ли кто нибудь въ твоёмъ мнѣніи: твой вѣрный вкусъ и тонкое чувство отличили бы, конечно, хорошее отъ дурнаго и поэзію отъ прозы. Прости мнѣ эти замѣчанія: я боюсь, чтобы вѣтренность сужденій не заразила тебя и не

повредила бы твоему желанію обогащать свой умъ новыми свѣдѣніями, и разсудокъ свой точностью замѣчаній. Вотъ все, что мнѣ хотѣлось тебѣ сказать: ты не причтешь мнѣ въ грѣхъ дурной почеркъ мой и слогъ, можетъ быть, еще худшій. Я много теряю; я лѣнюсь до крайности: ахъ! какъ бы я занялся снова, еслибъ здорověе возвратилось ко мнѣ и природа улыбулась еще своему сыну.

Прости, не забывай меня и дари, какъ прежде, своей любовью и своими письмами.

B a s i l e.

Р. S. Мое нижайшее почтеніе почтенной тетушкѣ Аннѣ Ивановнѣ.

Счастливой Юліи певѣствъ,
Блюди приличія законъ,
Шлю поздравительный поклонъ
Безъ замѣчаній и безъ лести.
Да будетъ такъ! пускай она
Въ Аркадію переселится
И счастьемъ жизни насладится,
Любви и радости полна.

Книги твои посылаю съ транспортами. Буду писать—когда. Еще не всѣ искуплены.

№ 10.

С. Г. Т у м а н с к о й.

17-го апрѣля 1823 г. С. П. Б.

Извини, милой другъ, что рука моя залѣнилась, и что я пропустилъ нѣсколько почтъ, не отвѣчавъ тебѣ на послѣднее твое письмо. Этому причиною и обстоятельства. Я хотѣлъ послать тебѣ съ первымъ моимъ письмомъ твои книги, но книгопродавцы, обнадеживавшіе меня въ полученіи назначенныхъ мною Авторовъ, обманули меня, отговариваясь тѣмъ, что они будутъ имѣть книги по открытіи навигаціи съ первыми кораблями. Это мнѣ очень досадно—хотя, можетъ быть, и выгодно будетъ для тебя. Весной обыкновенно дешевле книги, и я, конечно, успѣю набрать тѣ, которыя желаю видѣть въ твоей Библіотекѣ. Терпи казакъ—атаманомъ будешь! Зная, что ты не любишь праздно проводить, или, лучше, губить время, я не боюсь послѣдствій отъ моей ме-

дленности въ высылкѣ тебѣ матеріаловъ для ума человѣческаго. У тебя нѣтъ книгъ! Э! милая Сонюшка! у тебя остаются и мечтанія, и писанія, и гаданія! Довольно же о семь предметѣ: впередъ поговоримъ болѣе.

У насъ, наконецъ, благодатная весна гоститъ съ любезною своею свитой: т. е. яснымъ небомъ, теплымъ воздухомъ и новою невидимою жизнью. Я, какъ больной, первой почувствовалъ ея сладостное вліяніе. Мнѣ показалось, что какая-то волшебная сила коснулась меня: освѣжилось тѣло, печальныя думы смѣнились веселыми мечтами, и давно забытый огонь запылалъ въ моемъ сердцѣ. Я чувствую, что я рожденъ для южныхъ странъ, для теплаго климата, чувствую, что, даже въ обществахъ, холодность, равнодушіе и притворство враждуютъ съ моимъ здоровьемъ, какъ и съ душой моею. Идеаль моего счастья состоитъ весь въ скромномъ кругу родныхъ и друзей помѣщенныхъ въ землѣ, доступной зефирамъ и солнцу, связанныхъ безпритворною дружбою и уваженіемъ, гдѣ бы я могъ найти и покровителей, и совѣтниковъ, и друзей, и тѣхъ, которыхъ имя и названіе не выражаются языкомъ обыкновеннымъ. Ты угадаешь, моя любезная, моя милая Софія, къ какому разряду ты бы была причислена. Если мнѣ удастся когда увидѣть исполненіе хотя одной части сего идеала, то жизнь опять получитъ право на мою благодарность.

Твое письмо очень мило и умно написано. Я говорю это для того, чтобъ замѣтить, какъ полезна переписка двухъ друзей и въ м е х а н и ч е с к о м ѣ отношеніи. Могу увѣрить тебя безъ всякаго обмана, что если ты и далѣе будешь дѣлать такіе успѣхи въ своемъ слогѣ—то мнѣ уже страшно будетъ къ тебѣ писать.

Прибавь къ этой существенной пользѣ удовольствіе, ощущаемое при подобной перепискѣ (я знаю это по себѣ!): сладкое біеніе сердца, нѣкоторое волненіе въ мысляхъ, наслажденіе обрадовать друга, наконецъ самое чувство гордости при удачномъ выраженіи своихъ чувствъ—и ты сама признаешь выгоды и отрады сего занятія. Да будетъ тебѣ извѣстно, что я ставлю письма твои въ образецъ моей Ольгѣ, которая въ своемъ в е р т о г р а дѣ набралась такихъ выраженій, такихъ надутостей въ слогѣ, что я уже не знаю, какимъ образомъ избавить ее отъ лапъ Полтавскаго Архимандрита.

Ты рождена быть образцомъ... (и т. д. см. стихотворенія).

Прибавляю: не смѣйся надъ Поэтомъ, и боюсь, чтобы это было не послѣднее прибавленіе. Я всталъ рано, что очень странно, и отправляюсь для нѣкоторыхъ собственныхъ дѣлъ. Неумолимый мой камердинеръ уже стоитъ близъ меня, напоминая мнѣ бѣгущее время. Сдадимся. Но прежде прочитай маленькую пьеску, которую написалъ я одной милой дѣвушкѣ, не знающей радостей молодости...

Недолго радость окрыляетъ... (и т. д. см. стихотвор.).

De coeur et d'âme tout à toi Basile.

Кланяйся отъ меня тетушкѣ, цѣлуй милую Юлію—и заставь ее поцѣловать тебя за меня столько разъ, какъ бы мнѣ хотѣлось.

№ 11.

С. Г. Туманской.

3 мая 1823 г. С. П. Б.

Твой слогъ и твои мысли, любезная философка, образуются съ такою послѣдностью, что я не успѣваю даже видѣть постепеннаго ихъ усовершенствованія. Продолжая идти такъ вѣрно и такъ скоро, ты поставишь меня заранѣе въ невозможность судить о милыхъ твоихъ произведеніяхъ. Твое послѣднее письмо возбудило во мнѣ эти мысли и (скажу по-истинѣ!) еще нѣкотораго рода зависть, до сихъ поръ мнѣ мало извѣстную. Ты такъ забавно подстерегла меня въ мечтательномъ моемъ порывѣ, такъ ясно и умно показала несообразность тоски съ моимъ характеромъ и съ моими лѣтами, что я, вспоминая прошедшее, стараюсь увѣрить себя въ выдумкѣ того положенія души, которое я тебѣ описывалъ. Напрасно только, милая Софія, подозрѣваешь ты меня въ неискренности или въ утайкѣ моихъ чувствъ: это статья столь для меня щекотливая, что здѣсь самыя острыя шутки мнѣ не по нраву. Повѣрь мнѣ, доброй другъ, что еслибъ съ направленіемъ моихъ мыслей, чувствъ, желаній и надеждъ къ одному предмету (просто называемому любовью) и получилъ я нѣкоторую невольную скрытность, то, конечно, не для тебя. Я считаю любовь столь чистымъ огнемъ, что самая нѣжная дружба не можетъ его страпиться. И такъ, ты видишь, что, если и случилась какая либо, хотя минутная, перемѣна

въ моемъ характерѣ, то въ ней не участвовала никакая волшебница, ни даже Е. М. К., которая (par parenthèse) все еще мила, хотя живеть въ столицѣ. Я не помню, въ какомъ расположеніи я былъ, написавъ то письмо, которое ты столь удачно критикуешь, но мрачныя мысли, въ немъ заключенныя, должно приписать скукѣ одинокаго больного человѣка. Прошу вѣрить... а не то... Но полно. Мы теперь наслаждаемся и пользуемся прекраснѣйшей погодой: ожидаемъ листьевъ; это похоже на дѣвушку, ожидающую семнадцатилѣтняго возраста. Пріятный воздухъ и солнце весеннее дѣйствуютъ сильно на душу мою; я всегда былъ увѣренъ, что рожденъ для Юга. Сбираюсь жить въ Царскомъ Селѣ не для того, чтобы имѣть счастье гулять по однимъ дорожкамъ съ Государемъ, но для спокойствія и для здоровья.

Какъ вы счастливы, деревенскіе жители, не имѣя нужды переѣзжать на дачу! но вы были бы еще счастливѣе, еслибы зима не существовала въ природѣ. Но что же дѣлать? Одному одно, другому другое! Вообрази себѣ, что бы вышло на свѣтѣ, когда бы люди вдругъ, въ одно мгновеніе, стали одинаковаго мнѣнія о всѣхъ предметахъ! Тогда бы міръ скончался просто отъ с к у к и и сна, а теперь, по крайней мѣрѣ, общають ему ч е с т ь с о ж ж е н і я. Всетаки лучше послѣднее для п л а м е н н ы х ь сердець.

Я не забылъ, что наша общая кузина, Елена Васильевна, именнинница, и потому, исполняя просьбу тетюшки, я купилъ для нее 10 аршинъ самой модной матеріи на платье, дабы употребить всѣ деньги, присланныя на сей предметъ. Вы получите ее вмѣстѣ съ подарками братьевъ Кочубеевъ въ Ярославцѣ у Оеора Васильевича.

Мы почли это лучше и безъ хлопотъ послать все вмѣстѣ. Я также прошу, милая Сонюшка, потрудиться отдать ей за меня письмецо и небольшой подарокъ. Я читалъ послѣднія строки сестрицы къ Демьяну и Александру; это можетъ привести въ безуміе человѣка, знающаго ангельской нравъ нашей старшей кузины. Сколько глубочайшаго чувства! Сколько усилія преодолѣть горестныя свои мечты и воспоминанія! Такимъ воображаю я человѣка, борющагося съ гнѣвной судьбой и которой долгое время, усмирявъ свои рыданія, наконецъ всхлипываетъ кровавыми слезами! Повѣришь ли ты, что нѣкоторыя божественныя слова ея письма преслѣдуютъ мое воображеніе даже въ

шумѣ обществъ. О супружество! Супружество! Рай или адъ, въ тебѣ для души чувствительной?..

Скажи милой Julie, что я уже исполнилъ ея комисію, что она будетъ имѣть даже *La nouvelle Héloïse* que j'ai pour ainsi dire escamoté à la sévérité du cousin Alexandre. Il veut que vous lisiez la Bible, mais comme c'est aussi un roman, je préfère celui qui m'intéresse davantage. Богъ съ нимъ! Онъ много мѣшаетъ мнѣ въ покупкѣ пріятныхъ для васъ книгъ: s'il a jamais une fille, elle ne mourra que d'ennui.

Я не знаю, впрочемъ, для чего Julie требуетъ французскій Акад. Лексиконъ! По чьему совѣту? Я не смѣлъ не купить его, но увѣряю, что лексиконъ Voiste и дешевле, и лучше, и удобнѣе для употребленія (*plus portatif*). Она не получитъ Сегюра, потому что я купилъ его для тебя и то уступая собственное изданіе; въ городѣ онъ стоилъ 120 руб., что дорого для перваго опыта вашихъ Библиотекъ. Впрочемъ, съ каретою вы все увидите! Аминь!

В а с и л і й-П о л ы н ь.

Мое почтеніе доброй тетущкѣ Аннѣ Ивановнѣ. Я видѣлъ столяра и все приказалъ ему искупить, какъ вы мнѣ приказали.

№ 12.

С. Г. Т у м а н с к о й.

1823 года. Мая 10 дня

Не знаю, отъ чего мнѣ вздумалось тебѣ писать и чрезъ Алексѣя Ивановича. Это—вещь, которую люблю дѣлать по вдохновенію, потому что, еслибъ я далъ себѣ минуту разсужденія, мой разсудокъ, конечно, бы вступился за нарушеніе правъ любезной моей лѣни. Какъ бы то ни было, я очень радъ сему случаю поговорить съ тобой. Однако не ожидай отъ меня ни новостей, ни мыслей: я не въ духѣ письменномъ, къ тому жъ признаюсь—погода прелестная и мнѣ страхъ хочется погулять. Я вспомнилъ, что обѣщаль тебѣ сказать свое мнѣніе о сатирѣ Родзянкиной, и такъ исполню обѣщаніе. Начну признаніемъ, что мнѣ она довольно понравилась, но я напрасно старался узнать—отъ чего и для чего?

Во-первыхъ, она противна моему образу мыслей, во-вторыхъ, обращена на людей, которыхъ или совѣтъ нѣтъ или такъ мало, что скорѣй одобрять, нежели порицать ихъ должно. Гдѣ взялъ любезный пашъ авторъ свои портреты? Они существуютъ только въ воображеніи его. Неприлично и неблагодарно нападать на людей, находящихся уже въ опалѣ царской и, кромѣ того, любезныхъ отечеству своими дарованіями и несчастіями. Я говорю о неудачномъ намекѣ, который находится въ сатиры на Александра Пушкина. Эти два стиха—

И всѣ его права иль два иль три Нозля,
Гимнъ Занду на устахъ, въ рукѣ портретъ Лувеля

могутъ подать человѣку, незнающему Родзянки, весьма дурное о немъ мнѣніе, но я увѣренъ, что вся эта сатира ничто иное, какъ вспышка человѣка, которому не удалось получить въ винокурнѣ большее число ведеръ въ сравненіи съ сосѣдями, и приближившаго къ 11 вѣку въ обители Малороссійскаго барства. Скажу слово о стихахъ.—Въ наше время стыдно писать такимъ дурнымъ, неправильнымъ и грубымъ языкомъ. Нѣтъ четырехъ стиховъ сряду, которые бы можно похвалить: вездѣ натяжка, усѣченія старыя, хотя много мыслей и стиховъ сатирическихъ.

Въ заключеніе вотъ мой приговоръ: это пьеса недостойна Родзянки. Маленькіе стансы гораздо лучше, но все слогъ, варварской слогъ!

Довольно—милая моя словесница, не забывай меня, думай и мечтай. Я посылаю тебѣ маленькой Сас, которой можетъ послужить тебѣ запаснымъ магазиномъ твоихъ мыслей. Прими его съ обыкновеннымъ снисхожденіемъ и не вѣрь, чтобъ я могъ забыть или разлюбить тебя прежде смерти.

B a s i l e.

№ 13.

С. Г. Туманской.

29 мая 1823 г. С. П. Б.

Извѣщаю тебя о вещи самой необыкновенной, самой странной, самой дурной, самой хорошей (*Voyez la fameuse lettre de M-me Sevigné*), о вещи, которую я самъ еще порядочно не понимаю. Это вступленіе мое на поприще службы! Наконецъ, я не устоялъ

противъ патиску обѣщаній и чести, но, благодаря Бога, и здѣсь я вѣренъ старымъ своимъ правиламъ. Я иду служить къ чело-
вѣку, котораго имя любезно друзьямъ просвѣщенія и добрымъ
Русскимъ Патріотамъ—Графу М. С. Воронцову. Одною изъ при-
чинъ, побудившихъ меня выбрать г у б е р н с к у ю службу,
было желаніе увидѣться съ милыми родными, обнять любезную
Сонюшку—наконецъ жить въ тепломъ климатѣ и въ кроткомъ
единеніи. Ты знаешь, что Графъ Воронцовъ назначенъ Генераль-
Губернаторомъ Тавриды, Новороссійскихъ губерній и полно-
мочнымъ Намѣстникомъ Бессарабской области. Будучи вклю-
ченъ, по ходатайству Виктора Павловича, въ число находящихся
при немъ особъ, я долженъ буду присоединиться къ моему на-
чальнику въ Одессѣ, и уже выпросилъ позволеніе прожить нѣ-
сколько времени въ городѣ и посѣтить родину свою. Итакъ,
добрая, милая, незабывчивая сеструшечка, скоро, очень скоро я
буду имѣть сладкое для моего сердца удовольствіе поболтать,
походить, посидѣть съ тобою, припомнить старое, обновить его
недавними приключеніями, словомъ, отдохнуть другъ съ другомъ
въ спокойномъ умиленіи сердець. О! какія прелести предвижу
я въ будущемъ? Насладясь въ дружескомъ кругу вашемъ всѣми
отрадами семейственнаго благополучія и отправясь къ своему
назначенію по долгу службы, я буду надѣяться видѣть всѣхъ васъ
въ Одессѣ, куда давно вы собираетесь ѣхать, и куда Провидѣніе
мѣшало вамъ добраться, и помѣстятъ прежде меня, скромнаго раба,
въ семь полутурецкомъ краю. Дай волю воображенію, милая Со-
нюшка, и дополни начатую мною картину...

Я получилъ любезное твое (письмо) и вполнѣ имъ по обыкно-
венію своему доволенъ. Ты все нападаешь на меня за предпо-
лагаемую во мнѣ нескромность: право, это несправедливое об-
виненіе. Я также вѣренъ Е. М. К., какъ прежде, т. е. я за-
нимаюсь ею только въ минуты лѣни или въ пѣитическія ми-
нуты мысленнаго броженія. Люблю видѣть ее, поболтать и
даже помечтать съ нею, но это все такъ далеко отъ того чув-
ства, которое у насъ зовется любовью, что я смѣло могу счи-
тать себя безъ опасности. Вообще я думаю, что приличіе и
необходимая деликатность свѣтскихъ обществъ не произве-
сти, а развѣ потасить любовь въ состояніи. Не безпокойся,
милая, о моемъ каменномъ сердцѣ—оно не измѣнитъ своей
репутаціи.

Буду писать къ тебѣ еще нѣсколько разовъ съ отправкою книгъ, а, можетъ быть, и такъ; ты знаешь какъ я люблю побѣсѣдовать съ тобою?

Ты тоже успѣешь еще отвѣчать на сіе письмо: желаю имъ здоровья, щастія, веселій, а моему извѣстію выгодныхъ заключеній въ цвѣтущемъ вашемъ Березовѣ.

B a s i l e.

№ 14.

В. К. К ю х е л ь б е к е р у.

11 декабря 1823 г. Одесса.

Спасибо тебѣ, другъ мой Вильгельмъ, за память твою обо мнѣ: я всегда былъ увѣренъ, что ты меня любишь не отъ дѣлать нечего ¹⁾, а отъ сердца. Два поклона твои въ письмѣ къ Пушкину принимаю я съ благодарностью и съ мыслию, что намъ снова можно возобновить переписку, прекращенную неожиданною твоею измѣною черкесу-Ермолову и долгимъ уединеніемъ твоимъ въ Смоленской губерніи. Само воображеніе не всегда успѣетъ слѣдовать за странностями твоей жизни, и я дожидаюсь твоего извѣстія, чтобы понять ссору твою съ русскимъ Саладиномъ, какъ тебѣ случалось называть Алексѣя Петровича. Мнѣ очень горестно видѣть, что до сихъ поръ какой-то неизбѣжный *fatum* управляетъ твоими днями и твоими талантами и совращаетъ тѣ и другіе съ прямого пути. Который тебѣ годъ, любезный Кюхельбекеръ? Мнѣ очень стыдно признаться тебѣ, что, будучи гораздо моложе, я обогналъ тебя въ благоразуміи. Страхусь раздражить самолюбіе пріятеля, но, право, и вкусъ твой нѣсколько очеченился! Охота же тебѣ читать Шихматова и библію. Первый—кариатура Юнга, вторая, несмотря на безчисленныя красоты, можетъ превратить музъ въ церковныхъ пѣвчихъ. Какой злой духъ, въ видѣ Грибоѣдова, удаляетъ тебя въ одно время и отъ наслажденій истинной поэзіи, и отъ первоначальныхъ друзей твоихъ? Наша литература похожа на экипажъ, который бы везли: рыба, птица и четвероногий звѣрокъ. Тотъ—улетаетъ въ романтизмъ, другой—плаваетъ въ классической лахани, а третій—тащится въ библей-

¹⁾ Citation de mon nouveau poëme (ссылка на новую мою поэму): Suum cuique (каждому свое).

ское общество! Горькую чашу мы пьемъ! Теперь бы время было соединиться узами таланта и одинакихъ правилъ, дабы успѣть еще спасти народную нашу словесность. Но для того надо столько же ума, сколько трудолюбія, а у насъ господа поэты, исключая двухъ-трехъ, подобно мотылькамъ, страшатся посидѣть долго и на цвѣткѣ, чтобы не утерять частицу блеска своего. Умоляю тебя, мой благородный другъ, отстать отъ литературныхъ мнѣній, которыя погубятъ твой талантъ и разрушатъ наши надежды на твои произведенія. Читай Байрона, Мура и Шиллера, читай, кого хочешь, только не Шихматова.

Я долженъ бы сказать теперь нѣсколько словъ о себѣ, но для этого нужно длинное письмо, а я боюсь утомить тебя описаніемъ перемѣны въ моемъ положеніи и въ моихъ мысляхъ. Мнѣ здѣсь хорошо: у меня довольно знакомыхъ и мало времени для скуки и бездѣйствія. Часто вспоминаю прошедшее, освѣщенное солнцемъ молодости — оно имѣетъ для меня однѣ пріятности. Жеромъ и Фанни, ты и мадамъ Смитъ, Лимперани и Агнеса, какъ лица занимательнаго романа, оживляютъ мои уединенныя мечты. Быть можетъ, и муза посѣщаетъ иногда стараго своего друга, но я стараюсь уже сохранить втайнѣ эти свиданія. Прощай, милый другъ; пиши ко мнѣ, особливо о твоихъ походахъ въ Грузію, и вѣрь дружбѣ твоего неизмѣннаго Туманскаго.

Поклонись за меня хорошенько нашему умному Веземскому и ученому Раичу! Да, пожалуйста, не приправляй писемъ своихъ французскими фразами.

№ 15.

С. Г. Т у м а н с к о й.

22 декабря 1823 г. Одесса.

Если бы самолюбіе подстрекнуло меня отвѣчать достойнымъ образомъ на послѣднее твое письмо, то бы долго ожидала моего отвѣта, любезная Сонюшка.

Къ счастью въ дѣлахъ родства и дружбы я не имѣю ничего авторскаго: пишу по вдохновенію и сердечно радуюсь, когда бываю побѣжденъ чьиминибудь прекрасными строками. На сей разъ, на примѣръ, я долженъ признаться, что твое письмо превзошло даже всѣ ожиданія мои. Въ немъ есть что-то необыкновенно пріятное; какое-то благоуханіе чувства и постоянная,

искренняя нѣжность! Видно, что каждое слово, выливавшееся изъ твоего пера, отзывалось въ твоёмъ сердцѣ — и что ты все письмо написала съ удовольствіемъ. Ты не можешь вообразить, какъ меня радуеть это открытіе: я знаю все письмо наизусть и часто повторяю его наравнѣ съ любимыми моими стихами. Мнѣ сладостно видѣть, что ты наконецъ въ своихъ перепискахъ будешь отличатся не только врожденнымъ умомъ и сильнымъ чувствомъ, но и правильностью и чистотою языка; тѣмъ болѣе, что часть твоихъ успѣховъ я смѣю приписать моимъ совѣтамъ и нашей несравненной перепискѣ. Пользуйся, милой мой другъ, юностью и свѣжестью своихъ впечатлѣній, твердостью и рѣшительностью своего характера, чтобы, не предаваясь лѣни, запастись на будущее всѣмъ, что плѣняетъ умы, привлекаетъ сердце и на вѣки привязываетъ чувства. Ты понимаешь, что я говорю о познаніяхъ, которыя однѣ только изъ всѣхъ жизненныхъ украшеній, сопровождаютъ насъ до самаго гроба, поддерживая и утѣшая насъ на трудномъ пути свѣта. Зная жажду и любопытство твоего ума, я увѣренъ, что не напрасно говорю тебѣ объ этомъ. Читай какъ можно болѣе и не вѣрь пожалуйста, чтобы чтеніе отучало насъ отъ свѣта и дѣлало къ нему неспособными. Напротивъ того, разсматривая внимательно исторію народовъ и людей, мы легко постигнемъ, какія страсти движуть бѣдныя наши умы и жалкія сердца; ты будешь познавать людей; слѣдовательно общества ихъ тебѣ не будутъ странны, вездѣ ты найдешь пищу для наблюдательнаго духа своего. Одной черни, предводительствуемой палачомъ, а сзади гонимой лозой, пристойно предаваться жизни, не познавъ ее! Въ чемъ же будетъ состоять и просвѣщеніе, если люди, рожденные съ лучшими понятіями, нежели чернь, будутъ дѣйствовать также машинально? Надобно назначить себѣ путь, по которому слѣдовать во время краткаго на землѣ пребыванія, а потомъ уже, если необходимо, нужно покоряться случаю или чему нибудь подобному. Человѣкъ, который вручаетъ себя силѣ обстоятельствъ, нисколько не защищаясь, столь же малодушенъ и низокъ, какъ и воинъ, бѣгущій съ поля сраженія при первомъ выстрѣлѣ. Повѣрь мнѣ: наша жизнь есть и должна быть безпрестанное бореніе съ разными препятствіями къ счастью и больше ничего; слѣдовательно есть награда—побѣдителю! Извини меня, что я столь распространился о многихъ предметахъ, тогда какъ бы долженъ просто благодарить тебя за

твою память и за твою любовь. Въ моихъ мысляхъ происходитъ съ нѣкотораго времени ужасная перемѣна — не тѣми уже глазами смотрю я на то, что есть, что было и что будетъ. Меня преслѣдуютъ разные силлогизмы и заключенія: вотъ причина, которая и въ письмѣ къ тебѣ завлекла меня къ любимымъ моимъ размышленіямъ. Не сердись на меня, вѣрной и прекрасной мой другъ: ты одна, можетъ быть, была бѣ въ состояніи удержать меня въ томъ очарованномъ кругу, изъ котораго меня выводить строгій опытъ! Люби меня, не забывай меня—это чистѣйшая моя молитва.

Пощѣлуй за меня Julie и ручки почтенной тетушки, я все еще надѣюсь обнять васъ въ Кіевѣ—меня приглашаютъ Раевскіе.

№ 16.

С. Г. Туманской.

16 января 1824 г. Одесса.

Всѣ мои надежды разрушились: я не могу быть въ Кіевѣ этотъ годъ. Долго долженъ бы я былъ рассказывать тебѣ, милой Ангель мой Сонюшка, какія обстоятельства, какія препятствія удержали меня въ скучной нашей Одессѣ; однимъ словомъ все соединилось, чтобы лишить меня одного изъ пріятнѣйшихъ путешествій въ жизни моей, потому что я увидѣлся бы съ любезными родными и съ тобою, которая для меня выше родственницы. Будучи приученъ съ младенчества покоряться жребію, по большей части для меня суровому, я не умѣю роптать и въ семь случаевъ—но сожалѣніе о благахъ упущенныхъ или совсѣмъ потерянныхъ столь естественно въ сердцѣ человѣка, что ты легко поймешь, какія мысли питаю я въ сію минуту. Вѣрь, любезный другъ мой, что (если свѣтскія отношенія похитили у меня на сей разъ возможность исполнить чистѣйшее желаніе мое и, можетъ быть, принести тебѣ самой нѣкоторое удовольствіе)—я люблю по крайней мѣрѣ вознаграждать себя мыслью о тебѣ, увѣренностью, что ты весело и спокойно проводишь время въ Кіевѣ, и начертаніемъ твоихъ удовольствій. Твердо полагаясь на твою дружбу и имѣя даже нѣкоторое право на твою откровенность (ибо у меня нѣтъ тайнъ для Сонюшки), я прошу тебя, милая моя путешественница, подробно описать мнѣ, какъ ощущенія свои о весе-

лости въ Кіевѣ, такъ и дорожнія ваши приключенія, всегда имѣющія какую-нибудь краску. Съ моей стороны къ непрерывнымъ мнѣ опиcаніямъ Одессы я прибавлю и сей разъ нѣсколько строчекъ.

Успѣвъ совершенно познакомиться съ высшимъ и среднимъ кругомъ здѣшняго общества, я смѣю наконецъ сказать о немъ свое мнѣніе. Начнемъ съ того, что оно, будучи составлено изъ какихъ-то отдѣльныхъ лоскутковъ, чрезвычайно пестро, и потому не представляется возможности скучать человѣку просвѣщенному и наблюдательному. Далѣе, что тонъ сего общества не хорошъ въ томъ значеніи, въ какомъ понимаютъ это слово въ столицахъ. То есть, что здѣсь нѣтъ нѣкоторыхъ особенныхъ правилъ для обращенія въ свѣтѣ; нѣкоторыхъ условныхъ разговоровъ и даже условныхъ наслажденій, при имени которыхъ находятъ уже зѣвота. Большая часть членовъ нашего общества занята либо службою либо торговлею и торговыми оборотами. Довольно этого одного обстоятельства, дабы почувствовать, что всѣ они ищутъ въ обществѣ отдохновенія, а не новаго труда. Слѣдовательно, каждый поступаетъ по своему, говоритъ по своему, не принуждая себя къ строгому порядку столичныхъ гостиныхъ. Праздность, одна праздность выдумала такъ называемый *высокій тонъ*, по моему не доказывающій ни любезности ни просвѣщенія. Впрочемъ наши дѣловые господа сообразуются съ принятыми обыкновеніями во всемъ, что требуется благопристойностью, только не въ стараніи скучать самому себѣ и наскучать другимъ.

Недостатокъ свѣтскаго образованія гораздо чувствительнѣе въ одесскихъ дамахъ. Женщины—первыя создательницы и истинныя подпоры общества. Слѣдовательно, имъ непростительно упускать всякую малость, способствующую выгодамъ сего поваго ихъ отечества. Всѣ приманки ума, ловкости, просвѣщенія должны быть употреблены, дабы внушить въ мужчинѣ и охоту къ свѣтскимъ удовольствіямъ и сердечную признательность къ дамамъ. У насъ ничего этого нѣтъ: замужнія наши женщины (выключая прекрасную и любезную госпожу Ризничъ) дичатся людей, скрывая подъ личиною скромности или свою простоту или свое невѣжество; дѣвушки въ обхожденіи своемъ не имѣютъ стать на настоящую точку: одна дика или груба; другія слишкомъ вольны и слишкомъ рано постигаютъ вещи, которыхъ не заботятся скрывать. Впрочемъ въ общей массѣ все это вмѣстѣ составляетъ вещь оригинальную и пріятную. Ты можешь угадать, къ какому классу дамъ

принадлежу я по общимъ склонностямъ человѣка; конечно, дѣвушка вольнаго обращенія гораздо занимательнѣй дикою, провинціальною барышней или безмолвною жеманно-скромною дамою. Особливо гречанки меня утѣшаютъ. Недавно еще покинувъ землю, гдѣ женскій полъ не имѣетъ общественнаго существованія—онѣ вдругъ хотятъ насладиться всею свободою онаго.—Такая жадность въ нихъ простительна — какъ жадность невольника, впивающаго въ себя свѣтъ и воздухъ послѣ долгаго заключенія. Но, отклонивъ это воспоминаніе—нельзя не посмѣяться надъ странными мыслями, одеждами, тѣлодвиженіями внучекъ Аспазіи и Лаисы. Однѣ желаютъ похвастать недавно выученнымъ французскимъ лепетаньемъ, другія театралною пляскою — всѣ наперерывъ умильно взглядываютъ, умильно усмѣхаются встрѣчному и поперечному, какъ будто имѣя сто рукъ и сто сердецъ для раздачи ихъ симъ впервые видимымъ друзьямъ.

Нѣкоторыя изъ нихъ очень пригожи и имѣютъ прекрасныя способности, но воспитаніе, воспитаніе!..

Не считаю нужнымъ скрѣплять фамильными именами мое начертаніе Одесскихъ обществъ. Какая охота тебѣ знать: кто дурнѣе, Княгиня ли Мурузи или дѣвица Гикъ? Кто страннѣе: хорошенькая ли Констанція Кирикò или хорошенькая Софія Гипшъ? кто милѣе: Елена или Зенеида Бларамбергъ? Тогда только могло бы занимать тебя мое мнѣніе о сихъ дамахъ, когда бѣ ты жила съ нами или по крайней мѣрѣ къ намъ пріѣхала — но, увы! увы! какъ это далеко!..

Балы, вечера и другія забавы у насъ продолжаютъ по прежнему: мы много рѣзвились на маскарадѣ, который сдѣлала для насъ графиня и въ которомъ сама умно и щеголевато дурачилась: т. е. имѣла прелестное, карикатурное платье и всѣхъ въ немъ интриговала. Я не очень люблю удовольствія сего рода; однако, дабы не отстать отъ собратій, нарядился вмѣстѣ съ другими Арлекиномъ и очень удачно сыгралъ мою роль, смѣша и забавляя прочихъ актеровъ. Въ театрѣ хожу часто, но еще чаще сижу дома съ добрыми пріятелями, вспоминая прошедшее, уповая въ будущемъ и кое-какъ сбывая съ рукъ настоящее. Если я не имѣю теперь сильныхъ, глубокихъ наслажденій, я не имѣю и глубокихъ страданій; моя жизнь—ручеекъ, то по гладкой землѣ

то по камешкамъ пробѣгающій! Не могу сказать, чтобы я былъ доволенъ своими днями или недоволенъ ими: мнѣ все равно: какое-то равнодушіе ограждаетъ меня лучше всякой философіи отъ скуки и пресыщенія. Благодарю Бога за сей даръ доброты его и не ищу завистливой печали, сравнивая себя съ людьми, меня счастливѣйшими. Прости, люби меня—въ семь только случаѣ не умѣю я быть равнодушнымъ.

В а с и л і й Т у м а н с к і й.

№ 17.

С. Г. Т у м а н с к о й.

1 марта 1824 г. Одесса.

Не пеняй на меня, добрая и милая моя кузина, за нѣкоторую мою просрочку въ отвѣтъ на послѣднее твое письмо. Тому причиною проклятая зависимость, въ которой я нахожусь по службѣ. Частыя отлучки мои изъ нашей столицы въ отдаленнѣйшіе уѣзды чрезвычайно вредятъ не только связямъ моимъ въ городѣ, но и пріятнымъ сношеніямъ съ родными и друзьями моими. Надѣюсь, что это когда нибудь перемѣнится, а если и по прежнему останется, то надѣюсь принять такія мѣры, которыя не будутъ лишать меня ни общественныхъ удовольствій, ни драгоценной для меня переписки.

Полагаю, что ты уже успѣла отдохнуть и опомниться отъ Кіевскихъ веселостей и отъ упоенія довольнаго самолюбія. Я имѣю самыя вѣрныя извѣстія о твоихъ подвигахъ на контрактахъ и могъ бы на перечетъ исчислить всѣ жертвы твоихъ прекрасныхъ глазокъ и твоего ловкаго обращенія въ свѣтѣ. Александръ Раевскій (которому мало что нравится) много тебя хвалилъ. Ему особенно полюбились въ тебѣ какія то черты независимости (*un air d'indépendance*), и ты можешь сама сознаться въ справедливости этого заключенія. Кроме того, онъ нѣсколько разъ находилъ въ тебѣ сходство съ молоденькою серною (*une jeune biche*).

Мнѣ очень были пріятны твои мысли о Михаилѣ: на дняхъ онъ былъ у насъ и я точно вижу, что онъ вполне достоинъ твоего хорошаго о немъ мнѣнія. Въ немъ есть что-то чрезвычайно мужественнаго, сильнаго, благороднаго, и большая часть нынѣшнихъ

молодыхъ людей передъ нимъ кажутся воспитанными въ женскомъ институтѣ.

Между прочимъ и я, несмотря на опытность, болѣе и болѣе мною приобретаемую, передъ нимъ сущій ребенокъ. У меня до сихъ поръ столько мелкихъ страстей, столько жеманства въ рѣчахъ и въ поступкахъ, что я стыдился бы *дня*, если бы всѣ юноши моихъ лѣтъ не были на меня похожи. Впрочемъ, не мы въ этомъ виноваты, а свѣтъ, въ которомъ живемъ. Мы носимъ только его отпечатокъ—и потому можемъ быть укоряемы болѣе въ излишней отъ него зависимости, въ раболѣпствѣ подражанія, нежели въ испорченности нравовъ или вкуса. Эти небольшія размышленія невольно ведутъ меня къ моей здѣшной жизни. Я совершенно ознакомился съ Одессой; но это знакомство можетъ быть очень вредно для меня, потому что я болѣе, нежели кто другой, принимаю тонъ и привычки мѣста и общества, въ которыхъ живу или бываю.

Въ Одессѣ—тонъ вообще дурной—Одесса соединяетъ всю надутость и безнравственность столицъ со всѣми мелкими заботами и невѣжественными сплетнями уѣздныхъ городовъ. Такое состояніе вещей даетъ на первый разъ прїѣзжему образованному человѣку важную и прекрасную роль въ обществѣ. На него всѣ глядятъ съ большимъ вниманіемъ: одни его боятся, другимъ онъ нравится. Но сіе продолжается очень недолго. Будучи въ необходимости сблизиться съ городскими жителями, описываемый мною человѣкъ непременно займетъ хотя малую часть мнѣній и привычекъ большинства (*Les sots depuis Adam sont en majorité*), а тамъ, съ помощію хорошенькаго личика или желанія погубить своего соперника, совершенно бросится въ родъ жизни, которымъ онъ до того гнушался. Ты повѣришь не можешь, милая моя повѣренная, куда я самъ, разсуждая съ тобою столь благоразумно, завлеченъ обстоятельствами и потребностью жить въ обществѣ. Знаешь ли ты, что я имѣю уже всѣ добродѣтели большого и маленькаго свѣта: умѣю сплетничать, умѣю ссорить, умѣю язвить, умѣю возбуждать къ себѣ боязнь и прочее и прочее. Мнѣ совѣстно дѣлать тебѣ подобныя признанія, по я прошу ихъ принять въ видѣ раскаянія моего, а не въ видѣ хвастовства. Еще непріятнѣе мнѣ сказать тебѣ, что, несмотря на всю готовность мою къ исправленію, я не чувствую въ себѣ необходимой для того силы,

Горестно прибавить также, что одно переселеніе мое изъ этой приморской Гоморы способно возвратитъ мнѣ прежній, гораздо лучшій образъ жизни. Надѣясь въ семь случаевъ на добраго моего Генія, я между тѣмъ нисколько не прошу его о удаленіи меня въ другую часть пространной Россіи, затѣмъ что, отложивъ на время благоразуміе, я здѣсь провожу очень пріятно свою вѣтреную молодость. Даже роковое извѣстіе о замужествѣ милой моей дѣвы не поколебало моего сердца, не нахмурило яснаго моего чела. Это еще болѣе увѣрить тебя, что я никогда въ нее не былъ влюбленъ, а просто находилъ удовольствіе въ ея обществѣ и въ наблюденіи мечтательнаго, прелестнаго ея нрава. Мнѣ очень жаль, что родные ея имѣли на нее вліяніе при выборѣ мужа. Ей такъ много натолковали о чинахъ, такъ долго прельщали ее эполетами и большою канителью, что бѣдная дѣвушка по волѣ, по неволѣ вышла за трехдневнаго генерала.

Имѣя уваженіе къ ея семейству и къ ней самой нѣкоторую склонность по привычкѣ, я не желаю проронить дурного—но дай Богъ, чтобы она была счастлива! Бутурлинъ человѣкъ металла, а не сердца.

Скажи мнѣ, любезная Сонюшка, у васъ ли сестра моя или нѣтъ, и имѣешь ли ты какія нибудь о ней извѣстія; она какъ въ воду канула... Я отъ нее не получаю ни строчки. Поклонись отъ меня милой Julie и поцѣлуй за меня ея прекрасные глазки. *Presentez ainsi mes devoirs à ma bonne tante. Adieu.*

B a s i l e.

P. S. Пиши пожалуйста ко мнѣ о твоихъ занятіяхъ: ты знаешь, что я менѣе всего равнодушенъ къ полезнымъ для тебя познаніямъ. Завидую Аркадію, который такъ часто можетъ быть теперь съ тобою.

№ 18.

С. Г. Т у м а н с к о й.

3 мая 1824 г. Одесса.

Какъ часто прерывается наша переписка, любезной другъ мой Сонюшка, и какъ много эти прожежутки охлаждають нашъ слогъ, а слѣдовательно и наше сердце. Сравнивая нынѣшнія твои письма съ прежними (особливо съ двумя и тремя изъ преж-

нихъ), и съ горестью вижу, что самая нѣжкѣйшая привязанность превращается наконецъ въ обыкновенное чувство дружескаго, основаннаго на связяхъ родства или воспитанія и утвержденнаго одною привычкою. Я почти увѣренъ, что то же самое можешь ты теперь сказать о моихъ къ тебѣ письмахъ. Они не наполнены, какъ было прежде, мечтами, желаніями, ихъ равнодушныя строки не проникаютъ въ твою душу, и если онѣ еще тернимы твоимъ воображеніемъ, то это, конечно, по одному воспоминанію прежнихъ, невозвратимыхъ, незабвенныхъ минутъ! Время, названное утѣшителемъ людей въ томъ отношеніи, что оно погашаетъ въ нашихъ сердцахъ память минувшихъ происшествій, по всей справедливости должно бы почитаться мучителемъ челоуѣка благороднаго, чувствительнаго. Душа гордая, цѣнящая превышаетъ самой жизни свой идеалъ, въ комъ нибудь олицетворенный, не можетъ привыкнуть и къ мысли забвенія того, что ее усаждало, или тревожило въ первые часы ея восторговъ! Сія душа, до послѣдняго издыханія, будетъ бороться съ временемъ, отнимающимъ у нея, однѣ за другими, прекрасныя мечты юношескаго возраста, зрѣлыя умствованія совершенныхъ лѣтъ и упованія лѣтъ преклонныхъ. Изъ этихъ размысленій можно заключить, что челоуѣкъ, питавшій въ себѣ истинное чувство, и въ стремительномъ новомъ времени сохранить хоть нѣкоторую часть сего безцѣннаго сокровища. Но увы! добрая милая моя сестра, большая часть людей обманываютъ себя насчетъ чувства, о которомъ говорю. Разгоряченные собственнымъ воображеніемъ или картинами писателей, краснорѣчивыхъ въ своихъ минутныхъ страстяхъ, юноши и дѣвы часто принимаютъ за свидѣтельство душевнаго чувства недолговѣчныя ощущенія удовольствія при видѣ предмета, который намъ понравился по какимъ-либо причинамъ. Само по себѣ разумѣется, что это удовольствіе сладостно и пріятно, но одна легкость его уже препятствуетъ ему перейти за черту другихъ жизненныхъ наслажденій. Отъ этого столько пустоты въ людяхъ, любящихъ по с в ѣ т с к и, столько вѣтренности въ свѣтскихъ любовникахъ. Молю тебя сказать мнѣ: показались ли тебѣ справедливыми эти мысли, ко всѣмъ намъ грѣшнымъ относящіяся?

Послѣ подобныхъ размысленій печально приступать къ другимъ предметамъ. По старому обыкновенію рѣшаюсь однако занять твое вниманіе—собственными моими похожденіями.

Недѣли двѣ тому назадъ возвратился я изъ путешествія, весьма пріятнаго. Графъ взялъ меня съ собой къ тещѣ своей г. Браницкой—и въ свои имѣнія, которыя нужно было ему осмотрѣть. Онѣ находятся въ Киевской губерніи и это доставило мнѣ случай видѣть мѣста очаровательныя. Свѣтлый праздникъ встрѣтилъ я въ Ылоѣ-Церквѣ, гдѣ между прочими посѣтителями были Раевскіе. Марья—конечно любезнѣйшая изъ лицъ, опять очень много говорила мнѣ о тебѣ и пеняла за несдержаніе слова пріѣхать въ Киевъ на контракты. Отъ нея я узналъ, еще прежде твоего письма, что Julie осталась на берегахъ Днѣпра, вѣроятно, по склонности къ жизни монастырской. Краткое пребываніе въ этомъ мѣстѣ помѣшало мнѣ отпроситься въ Киевъ, куда призывала меня и дружба и желаніе видѣть древнюю столицу Россіи и желаніе обнять несправедливую ко мнѣ кузину. Оттуда, осмотрѣвъ предварительно Александрійскій прекрасный садъ, пустились мы въ Мошны, помѣстье графа Воронцова. Мнѣ не случилось еще видѣть въ Россіи столько разнообразныхъ и прелестныхъ картинъ. Планы графа къ украшенію ихъ почти исполинскіе, но чего нельзя сдѣлать терпѣніемъ и 800,000 годового дохода. Пребываніе наше въ этомъ помѣстьѣ—у хозяевъ, истинно гостепріймыхъ, образованныхъ, ласковыхъ, будетъ надолго пріятно моему сердцу. Неожиданное прибытіе Нарышкиныхъ умножило всѣ наши увеселенія. Ахъ, милой другъ! еслибъ ты знала, какъ мила, какъ плѣнительна Ольга!

Съ возвращеніемъ ея здоровья возвратился и ея прежній веселый характеръ. Сколько удовольствій, ею избрѣтенныхъ и ею украшенныхъ; сколько милой привѣтливости, противъ которой и загрубѣлые сельскіе помѣщики устоять не могутъ—при томъ же сколько ума и сколько скромности! Признаюсь тебѣ: если бы не боязнь сдѣлаться смѣшнымъ и не давнишнее равнодушіе мое къ прекрасному полу, я бы въ нее по уши влюбился!

Не буду описывать тебѣ различныхъ веселостей этой деревенской жизни—сберегаю для перваго свиданія съ тобою многія пріятныя подробности, между прочимъ рассказъ о нашемъ путешествіи проселочными дорогами съ граф. Воронцовой и Ольгою Н. безъ одного лакея. Это забавно до безумія!

Скажу только, что на возвратномъ пути въ Одессу осматривали мы прелестный Софійевскій садъ, котораго основательницей

была Любовь, въ которомъ нашимъ вожатымъ была прекрасная Ольга! Невозможно на столь небольшомъ пространствѣ соединить болѣе различныхъ чудесъ! Здѣсь находишь все, что можетъ удивлять умъ художника, восхищать глаза любителя природы и свидѣтельствовать о неистощимыхъ средствахъ искусства! Описать его возможно одною поэзіею, а благодаря Бога и уголовныя слѣдствія, я отъ нее порядочно отсталъ.

Я не одобряю вашего проекта ѣхать лѣтомъ въ Одессу. Во-первыхъ, здѣсь вы никого не найдете, ибо графъ и графиня ѣдутъ въ серединѣ мая въ Крымъ. Гораздо лучше, если уже на ваши засидѣвшіеся члены нашла такая охота странствовать, пуститься осенью на южный берегъ Тавриды, дабы насладиться прелестною природою и покушать винограду. Даже и лѣтомъ вы бы могли туда отправиться! Впрочемъ, это путешествіе ваше будетъ для меня весьма прискорбно, если я не застну васъ въ Малороссіи, куда думаю ѣхать въ началѣ іюля. Ты можешь повѣрить, милой мой другъ, что эту поѣздку предпринимаю я единственно для того, чтобы увидѣться съ тобой и съ сестрой Ольгой. Боюсь только, чтобы духъ путешествовать и ее не искусилъ; въ послѣднемъ своемъ письмѣ она требуетъ моего совѣта насчетъ предложенія тетеньки Марьи Александровны взять ее съ собою въ Москву. Надѣюсь однако, что это искушеніе не устоитъ противъ моего краснорѣчія. Я бы просилъ, любезная Сонюшка, и тебя написать ей, что для нея гораздо полезнѣе присоединиться теперь къ вамъ и съ вами уже посѣтить какой-нибудь городъ—нежели скакать на мѣсяцъ въ Москву, гдѣ теперь никого нѣтъ и гдѣ связи Марьи Александровны не такъ важны, чтобы можно назвать дома ея родственниковъ—свѣтомъ!

Но я заболтался до обмороку. Прощай, милой, доброй, любезной, но уже не нѣжной другъ,—прощай, ангелъ моей молодости, цѣлую тебя, обнимаю тебя!

Mes devoirs à ma bonne tante, à propos скажи Алексѣю Ивановичу, дабы возбудить ревность кузины Елены, что Ольга Нарышкина просила меня напомнить ему о себѣ.

№ 19.

С. Г. Туманской.

Гурзуфъ (на Южномъ берегу Крыма).

Юня 28 дня 1824 г.

Среди Чернаго моря только вспомнилъ я, любезный другъ мой Сонюшка, какую непростительную вѣтренность сдѣлалъ я при отъѣздѣ моемъ изъ Одессы. Я не написалъ къ тебѣ, куда можешь адресовать ко мнѣ свои письма и чрезъ эту минутную оплошность лишилъ себя пріятнѣйшаго для души моей удовольствія. Я надѣюсь однако, что какой нибудь добрый геній шепнетъ тебѣ о возможности доставить ко мнѣ твои милыя строки въ столицу Тавриды—Симферополь, откуда ихъ ко мнѣ исправно перешлютъ. Впрочемъ, если по сіе время ты ко мнѣ ничего не писала, лучше уже другой разъ наградишь меня за теперешнюю потерю, ибо въ половинѣ іюля мы покидаемъ Крымъ, а въ концѣ его я надѣюсь обнять тебя, куда бы жажда путешествовать ни завлекла вашъ жалкій триумвиратъ.

Такъ какъ ты знакома съ географическими картами, то легко можешь найти деревню, изъ которой я тебѣ пишу. Она занимаетъ одно изъ живописнѣйшихъ мѣстоположеній на Южномъ берегу Крыма, населена татарами, какъ и всѣ другія деревни здѣшняго края, и чрезвычайно выгодна сельской и беззаботной (жизнью). Мы ни въ чемъ не нуждаемся и потому живѣе всякаго путешественника можемъ наслаждаться прелестною природою и прелестнымъ воздухомъ Тавриды. Алексѣй Ивановичъ очень правъ въ исключительномъ пристрастіи своемъ къ сей странѣ; въ самомъ дѣлѣ, самая Швейцарія едва ли представляетъ такое разнообразіе видовъ, такую роскошь въ произрастеніяхъ, такую ясность неба и зелени—сверхъ того украшенная, дополненная грознымъ океаномъ, разостланнымъ въ глазахъ вашихъ со всѣми измѣненіями своихъ цвѣтовъ и даже своихъ *страстей* (если смѣю такъ выразиться). Каждой день начинается у насъ морскими купаньями, потомъ прогулки смѣняются завтракомъ: до обѣда легкія, пріятныя занятія, или общіе разговоры предохраняють наши умы отъ ржавчины лѣни и бездѣйствія, далѣе наступаетъ время обѣда, весьма часто расположеннаго въ какомъ нибудь саду, въ какой нибудь рощѣ, подъ тѣнью густыхъ орѣховыхъ деревьевъ, или въ

палаткѣ, наскоро поставленной; вечеромъ, обыкновенно, все общество отправляется верхами въ горы и по горамъ для обозрѣнія прекрасныхъ окрестностей, а по возвращеніи гуляютъ при очаровательномъ свѣтѣ здѣшней луны по берегу моря, сходятся снова въ столовой и потомъ, утомленные однимъ удовольствіемъ, всѣ засыпаютъ въ пріятной прохладѣ Татарскихъ домиковъ. Жизнь, которую мы здѣсь ведемъ, часто наводитъ на меня сладчайшія мечтанія, и довольно кажется нѣсколько дней такой жизни, чтобъ почувствовать вмѣстѣ и сладость земнаго существованія и потребность любить. До сихъ поръ я не измѣнилъ моимъ воспоминаніямъ; напротивъ того, они получили новую силу и легкая, сладостная грусть, столь благодатная посреди непрерывныхъ удовольствій, часто переноситъ меня во времена прошедшія, на родину, въ объятія милыхъ сердцу моему... Мнѣ будетъ очень жаль, нѣжная, дорогая сестра, если тебѣ не удастся осмотрѣть этого края и насладиться имъ во всей свѣжести теперешнихъ твоихъ чувствъ и впечатлѣній. Лѣта проходятъ и уносятся все—младость, любовь и вкусъ къ прекрасному—однѣ желанія остаются; желанія, которыхъ и чародѣйная сила исполнить не въ состояніи.

Что-то Кіевъ нашъ? Что-то добрая чувствительная Julie? Несмотря на отдаленіе, въ которомъ я живу отъ васъ, мнѣ все мерещится какое-то неудовольствіе ея на меня. Бога ради—помири насъ. Я передъ ней ни словомъ, ни дѣломъ, ни тѣломъ, ни душою не виноватъ. А она отворачиваетъ отъ меня свои прелестныя очи!

A propos de beaux yeux, nous avons ici ceux de M-me Narichkine, qui nous font beaucoup de ravages, avec leur petite guerre. Tous nos jeunes gens sont a bas-il n'y a que moi seul debout et vous savez bien pourquoi!

Tout à Vous dans la vie

B a s i l e.

№ 20.

С. Г. Т у м а н с к о й.

1824 г. октября 1 дня Одесса.

Твое маленькое письмо очень занимательно своею непонятностію. Ты была въ духѣ весьма романическомъ, когда его писала; но при всемъ этомъ я не постигаю, что могло разгорячить твое воображеніе въ описаніи моего проѣзда черезъ Кіевъ.

О какой надеждѣ, о какомъ предчувствіи хочешь ты говорить? Ужь не подумала ли ты, что я тебя желалъ въ Кіевъ посватать? И за кого бы это? И для чего бы это? И тамъ кромѣ Муханова никого не видѣлъ и новое мое съ нимъ свиданіе еще болѣе доказало мнѣ, что онъ для тебя не годится. Мнѣ страшно вспомнить, что вы его находили любезнымъ, милымъ, привлекательнымъ и прочее.

Окончаніе твоего письма гораздо забавнѣе. Грустная мысль о неимѣнніи двухъ тысячъ душъ чрезвычайно оригинальна въ устахъ дѣвушки острой и милой. Не отчаивайся, любезный другъ, авось, съ тобой случится на выворотъ то, что съ Аркадіемъ случилось! Тебѣ можно еще подождать, несмотря на страстную охоту быть замужемъ.

Что скажу тебѣ объ Одессѣ? Я нашелъ въ ней большія пере-мѣны въ разсужденіи чистоты и опрятности улицъ, но це въ разсужденіи нечистоты и неопрятности обществъ. Если бы не было у насъ весьма пріятнаго французскаго спектакля, то мы бы по вечерамъ со скуки умирали. Впрочемъ, погода прелестная. Сладость воздуха неизяснима: и ночи, преисполненныя луною, и дни безоблачны! Однако мы имѣли нѣсколько грозъ, изъ которыхъ одна едва было не похитила у насъ графа Ланжерона. Громъ ударилъ въ домъ, имъ занимаемый на дачѣ, и въ то самое время какъ старикъ-французъ притворялъ половину окна.

Дверь на балконѣ была разбита въ дребезги, и отрывкомъ отъ нее попало въ ногу Графини Ланжеронъ, которая и до сихъ поръ показываетъ охотникамъ полученную ею рану. Разумѣется, на другой день во всемъ городѣ и во всѣхъ церквахъ говорили и молились только за чудесное сохраненіе жизни господина генерала-отъ-инфантеріи. А убила бы нашего брата, можетъ быть, и самая дружба не вздохнула бы ни разу!

Поздно поздравлять тебя съ минувшимъ днемъ твоего Ангела: но такъ какъ я не забывалъ его ни на минуту 17 числа, то не хочу потерять благодарности за мою память. Я бы хотѣлъ прислать тебѣ что нибудь изъ нашихъ модъ, но порто-франко проклятое препятствуетъ. Прощай—цѣлую тебя сто разъ и остаюсь одинаково тебѣ преданнымъ другомъ.

В а с и л і й.

Milles choses tendres à ma bonne Julie, à ma bonne tante.
Ecrivez nous de ce (que) vous aurez décidé pour cet hiver.

№ 21.

С. Г. Туманской.

24 октября, Одесса (1824 г.)

Не знаю, милая и добрая Сонюшка, какъ выразить предъ тобою мое смущеніе послѣ такого долгаго молчанія? Не знаю, какимъ образомъ истолковать тебѣ его, чтобы извинить хотя въ отношеніи къ нашему дружеству. При каждомъ словѣ, которое пишетъ моя рука, мнѣ кажется, что бумага краснѣетъ подъ перомъ, такъ какъ я самъ краснѣю, стараясь оправдаться предъ тобою. Не буду употреблять ни одного изъ общихъ способовъ, которыми человѣкъ, чувствующій свою виновность предъ любимымъ предметомъ, ищетъ защитить свои чувства; поступлю съ большою искренностью и съ большою увѣренностію въ твою нѣжную привязанность. Не ожидай отъ меня ни описанія болѣзней, хотя я въ самомъ дѣлѣ былъ боленъ, ни ужаснаго романа курьерскихъ путешествій, хотя довольно порыскалъ на перекладной. Всѣ эти причины слишкомъ изношены; къ тому жъ кто не знаетъ, что для письма нуженъ только часъ времени, и что у всякаго есть, хоть на часъ, свободы.

Итакъ, отказываясь поступить въ семь случаевъ, какъ обыкновенно поступаетъ наша братія, я совершенно покоряюсь твоему приговору, и столько убѣжденъ въ моей винѣ, что самое строгое наказаніе (выключая всего, что относится къ нашей милой связи) будетъ принято мною безъ ропота.

Окончивъ столь чистосердечно мое изъясненіе, я прошу, по обыкновенной формѣ, къ которой я теперь прикованъ, п о ч т и т ь м е н я н а о н о е у в ѣ д о м л е н і е м ѣ .

Какъ я досажую, прелестная моя кузина, что вы такъ скоро ускользнули изъ Одессы—сколько у меня было для васъ готовыхъ рассказовъ о Крымѣ, сколько забавныхъ анекдотовъ, сколько карикатуръ въ словахъ! Какъ бы тебя заставило смѣяться, веселая Сонюшка, описаніе м о е й л ю б в и къ одной симферопольской дѣвушкѣ съ весьма романическимъ именемъ Estelle и съ такимъ же расположеніемъ души. Какъ благочестиво гуляли мы при лунномъ свѣтѣ по берегамъ Салгира; сколько стиховъ прочитали наизусть; какъ много говорили патетическихъ глупостей о счастіи супружества, о соломенныхъ кровляхъ пастуше-

скихъ хижинъ (не лучше ли бы дамамъ говорить только о соломенныхъ шляпкахъ!), о гармоніи симптан, словомъ обо всемъ, что въ нашемъ злочестивомъ вѣкѣ въ одно ухо впускается, а въ другое выпускается. Потомъ *passant du grave au doux du plaisant au sevère* я представилъ бы тебѣ картину Тавриды съ ея прелестными домиками, съ ея обрѣтыми татарами, съ ея высокими горами! Все это до другого времени; теперь я могу только повторить первую мою просьбу о прощеніи меня, какъ не совѣмъ безсовѣстнаго виновника, и идти къ нашему доброму графу, у котораго родился сынъ, и гдѣ служить мое перышко для ежедневныхъ фразъ.

Цѣлую тебя... какъ нѣжнѣйшій другъ.

В а с и л і й.

Я не забылъ, моя милая дѣва, что ты была именинницей—молился за тебя и Христу и Амуру и прошу принять съ удовольствіемъ маленькій подарокъ въ знакъ моей памяти.

Тетушкѣ—мое нижайшее почтеніе.—По почтѣ буду писать къ тебѣ подробнѣе и умнѣ—на сей разъ прости.—Пиши ко мнѣ.

Поцѣлуй Julie—далъ бы ей Богъ жениха, хотя не такого какъ St. Preux.

Я забылъ сказать, что посылочку мою получишь ты черезъ одного моего знакомаго, ѣдущаго въ Малор(оссію).

№ 22.

С. Г. Т у м а н с к о й.

Ноября 15 дня 1824 г.

Боже, Боже! зачѣмъ я не въ Вознесенскѣ, чтобы наслаждаться изумленіемъ всего вашего общества при чтеніи страстнаго посланія неизвѣстнаго твоего рыцаря. Зачѣмъ не могу я перелетѣть къ вамъ, хотя теперь, чтобы посмотрѣть на выраженіе твоего личика при одномъ воспоминаніи о семъ случаѣ. Милая, добрая Софія, сколь я много заплаченъ за искреннюю дружбу мою къ тебѣ откровенною твоею перепискою, которая каждый разъ составляетъ мнѣ какое нибудь новое удовольствіе.

Позволь, однако жъ, сказать всѣмъ вамъ, что вы слишкомъ строго судите юношу. Что (онъ) мало говорилъ съ тобой на контрактахъ—это, вѣроятно, потому, что онъ не любитъ повторять

напрасныхъ рѣчей: кто сильно чувствуетъ, тотъ не теряетъ словъ—что онъ познакомился съ вами въ Клевѣ—это потому, что истинная любовь, въ первыя ея минуты, робка и застѣнчива и потому что, удерживаемый остаткомъ своего благоразумія, онъ старался, если возможно, побѣдить страсть, которую полагалъ безнадежною (и частію не ошибся). Что же онъ отнесся къ тебѣ чрезъ десять мѣсяцевъ свиданія съ тобою—то въ этомъ вижу я яснѣйшее доказательство его глубокой привязанности. Скажи, сколько страстей гаснуть на другой день своего рожденія, вспыхнувъ отъ невинной улыбки въ мазуркѣ или вообразимаго пожатія руки въ котильонѣ! А нашъ герой вздыхалъ весну, вздыхалъ лѣто, вздыхалъ осень и даже, не охлажденный первыми морозами, рассудилъ наконецъ, что любовь его неодолима, и что пора ему на что нибудь рѣшиться. Нѣтъ! нѣтъ! милая, остроумная, незабвенная Софи, онъ истинно влюбленъ ou *Ventre-bleu je ne sais ce que je dis!* Зачѣмъ же ты мнѣ имени чудака не объявила—или не надѣнешься на мою скромность, или сама изъ скромности! Это обстоятельство можно нѣсколько истолковать въ его пользу—кто знаетъ, иногда странный поступокъ оканчивается обыкновеннымъ образомъ—(здѣсь, на примѣръ, свадьбою), иногда поступки обыкновенные странно оканчиваются (на примѣръ, невѣрностью жены, разводомъ и проч.). Къ тому жъ это молчаніе объ имени молодого адъютанта похоже на послѣднюю доску, къ которой, въ случаѣ другаго кораблекрушенія, можно будетъ прицѣпиться!..

Ты имѣешь необыкновенный даръ угадывать все лживое въ моихъ письмахъ. На примѣръ, ты тотчасъ замѣтила, что неумѣренныя похвалы французскому нашему спектаклю неестественны подъ моимъ перомъ. Ты совершенно права въ этотъ разъ, равно какъ и въ томъ, что я могу и умѣю найти себѣ другое занятіе. Но въ то время, когда я къ тебѣ писалъ, общества наши были разстроены, помрачены болѣзнью Графа; баловъ не было, а безъ баловъ немногія дѣвушки доступны въ нашемъ нравственномъ городкѣ. Вотъ почему единственнымъ убѣжищемъ моимъ и товарищей былъ театръ, въ которомъ по крайней мѣрѣ глазами можно было говорить.

Теперь же наши прежнія веселія воротились: мы имѣли уже нѣсколько баловъ и одинъ прекрасный маскарадъ, въ которомъ я нарядился Амуромъ нашего вѣка (т. е. страннымъ уродливымъ

существомъ, блестящимъ позолотой, орденами, камергерскимъ ключомъ) и довольно удачно сыгралъ свою роль. Я весь былъ въ надписяхъ и весьма жалѣю, что длинность моего письма препятствуетъ мнѣ передать ихъ на твое разсужденіе.

Этотъ маскарадъ происходилъ въ день именинъ Графа и былъ для него совершеннымъ сюрпризомъ. Всѣхъ забавнѣе, кромѣ моей маски, была роль Жида, сыгранная чудесно однимъ изъ моихъ друзей Княземъ Херхеулидзевымъ, адъютантомъ Г. Воронцова. Вотъ куплеты моего сочиненія, которые онъ долженъ былъ пѣть и декламировать со всѣми жидовскими ухватками предъ Графомъ:

Не гнѣвайтесь за мой приходъ и т. д. (См. стихотворенія).

Другіе куплеты на голось мазурки Верстовскаго:

Намъ съ Еврейскою фигурой и т. д. (см. стихотворенія).

Но я замѣчаю, что гораздо переступилъ за предѣлы обыкновеннаго письма: боясь тебѣ наскучить, кладу перо. Сегодня мы опять танцуемъ, погода прекрасная, я здоровъ и веселъ, ибо пишу къ тебѣ. Нѣтъ! этого мало, я бесѣдную съ тобой, ты возлѣ меня, рука твоя поправляетъ мнѣ волосы, цѣлую твою руку—Боже мой! въ одномъ воображеніи—*Portez-vous bien et pensez à celui qui ne vous oubliera de la vie.*

Basile.

Mes tendres compliments à ma tante et à Julie.

№ 23.

С. Г. Туманскою.

5 декабря, Одесса (1824).

Я догадываюсь изъ письма моего брата, любезная Сонюшка, что ты должно быть на меня очень сердита. Можетъ быть, ты полагаешь, что одесскій воздухъ, разсѣянная жизнь и прочія обыкновенныя причины молчанія, находящіяся во всѣхъ дружескихъ письмахъ, на меня подѣйствовали. Ты бы много ошиблась, а теперь надѣюсь, получивъ два мои письма, совершенно перемѣнила дурное обо мнѣ мнѣніе. Въ свою очередь, я могъ бы упрекнуть тебя въ стоическомъ твоёмъ безмолвіи, но я теперь такъ несчастливъ въ Вознесенскѣ, что страшусь, даже за спроведливое дѣло, обратить и тебя противъ бѣднаго Василія.

Кто бы могъ подумать, вѣрный мой другъ, чтобы извѣстія, которыя получу я отъ васъ, были столь горьки. Письмо брата разстроило меня совершенно: первая мысль, что онъ видѣлъ васъ, говорилъ, ознакомился съ вами возбудила мое вниманіе. Принимаюсь за чтеніе; пробѣгаю описаніе удовольствій, которыми онъ наслаждался въ Ярославцѣ, и сладостное воспоминаніе о дняхъ прошедшихъ меня радуетъ и утѣшаетъ. Охотно позволяю ему назвать привязанность свою къ Юліи *une amitié passionnée*; охотно восхищаюсь его новыми необыкновенно-живыми фразами, не стараясь угадывать причины ихъ—но скажи мнѣ, милая, милая Сонюшка, за что сестра твоя имѣетъ обо мнѣ такія страшныя мысли? За что она говоритъ что я ее ненавижу? Какая радость ей — самую жестокою несправедливостью огорчать смирнаго родственника, уже и безъ того огорченнаго обманомъ многихъ друзей, разочарованіемъ многихъ чувствъ и долгою съ тобою разлукою? Ничего не понимаю. Далѣе—за что тетушка Анна Ивановна недовольна мною въ Одессѣ?—Растолкуй, мнѣ пожалуйста, моя родная, что такое заслужило мнѣ неблаговоленіе почитаемой мною родственницы, какой ж а л к о н а с м ѣ ш л и в ы й т о н ѣ явился тутъ, къ моему несчастію. Разсуди сама, что мнѣ было дѣлать въ день пріѣзда вашего въ Одессу? Отказаться отъ сопровожденія графа я не могъ. О, сколько бы я былъ счастливъ, если бы вы наканунѣ пріѣхали! Все приняло бы другой оборотъ. Я бы успѣлъ объясниться съ графомъ, что по причинѣ вашего пріѣзда мнѣ необходимо остаться, и конечно мнѣ не отказали бы въ моемъ желаніи. Я бы прожилъ съ вами короткое время вашего пребыванія въ Одессѣ и, конечно, своимъ усердіемъ заслужилъ бы отъ тетушки другое мнѣніе. Но судьба расположила все инымъ образомъ: надобно непремѣнно, чтобы я слылъ *un garçon d'esprit* съ ж а л к о н а с м ѣ ш л и в ы м ѣ т о н о м ѣ, а я ненавижу то и другое. Нѣтъ, я начинаю чувствовать *que les absents ont tort* — все доказываетъ истину этой поговорки: тетушкино неблагорасположеніе, Юліино воображеніе и твое забвеніе.

Я слышу, что вы ѣдете на контракты... Искательницы мужей, когда перестанете вы странствовать!!! Этотъ разъ, однако, я очень доволенъ вашею поѣздкою, затѣмъ что надѣюсь съ вами увидѣться. Напиши мнѣ, когда вы выѣзжаете изъ Вознесенска, чтобы я могъ распорядиться поисправнѣе. У насъ теперь гостятъ Раевскіе и насъ

къ себѣ приглашаютъ. Вся эта фамилія примѣчательна по рѣдкой любезности и по оригинальности ума. Елена сильно нездорова; она страдаетъ грудью, и хотя нѣсколько поправилась теперь, но все еще похожа на умирающую. Она никогда не танцуетъ, но любитъ присутствовать на балахъ, которые нѣкогда собою украшала. Марія идеалъ Пушкинской Черкешенки (собственное выраженіе поэта), дурна собой, но очень привлекательна острою разговоровъ и нѣжностью обращенія. Балы начались у насъ во всемъ блескѣ. Ты видѣла нѣкоторую часть нашего общества въ театрѣ, если была въ наблюдательномъ духѣ, остальные дамы по большей части пріѣзжія. Два раза въ недѣлю мы пляшемъ все, что пляшется на бѣломъ свѣтѣ. Молодая Нарышкина, бывшая Ольга Потоцкая, точно имѣетъ съ тобою сходство. Я ничего не видѣлъ очаровательнѣе ея лица въ турецкой чалмѣ. Въ голубомъ, какъ туманъ, прозрачномъ платьѣ, когда она танцуетъ вальсъ, безъ стыда можно встать передъ нею на колѣни. Прибавь къ этому необыкновенную живость въ рѣчахъ, взглядахъ, улыбкахъ, во всемъ, что дано Создателемъ прекрасной половинѣ чловѣка, и ты нимало не удивишься, если я тебѣ скажу то, что ты сама угадываешь; то есть, что она мнѣ очень нравится. До сихъ поръ я не бываю еще у нея въ домѣ, но уже приглашенъ нѣсколько разъ и жду съ нетерпѣніемъ знакомства покороче. Сестра ея, Киселева, также здѣсь съ мужемъ своимъ:—она очень устарѣла или лучше, пополнила, такъ что становится безобразною. Итакъ время мы проводимъ не скучно; но для меня еще бы было веселѣй, если бы ты вспоминала обо мнѣ почаще и почаще ко мнѣ писала. Я чувствую, что ничто на землѣ не прочно, самыя тѣсныя связи, какъ самыя высокія мысли, исчезаютъ; любовь въ сердцахъ пламенныхъ превращается въ ненависть, въ сердцахъ, на мигъ вспыхнувшихъ, дѣлается холодною дружбою—очарованіе исчезаетъ; какъ цвѣтокъ, потерявшій благоуханіе, является жизнь увядающая; но счастливъ, кто еще памятью прошлаго счастья можетъ себя обманывать и оживлять тишину настоящаго. Сонюшка, милая сестра моя, продлимъ тихія заблужденія юныхъ лѣтъ и у суроваго опыта украдемъ хоть нѣсколько минутъ. Воровство этого рода не почитается преступленіемъ.

Basile.

(Amitié, Constance, Bonheur).

№ 24.

С. Г. Туманской.

Одесса. (27 декабря) 1824 г.

Получивъ на сихъ дняхъ твое послѣднее письмо, имѣющее одинъ только недостатокъ: краткость, я не знаю, почему не собрался отвѣчать тебѣ по сей почтѣ. Разныя занятія, поздравительные визиты, ускореніе многихъ работъ по службѣ, причиненныхъ приближающимся временемъ Графскаго отъѣзда, все это такъ наполняло мой умъ, что я боялся приняться за перо, опасаясь нагнать на тебя скуку какими-нибудь безтолковыми строками. Вообрази же, мой милый, незабвенный другъ, кому я обязанъ удовольствіемъ бесѣдовать съ тобой? Легкой простудѣ, которая меня на сегодняшнее утро задерживаетъ дома. Никогда нездоровье не приходило ко мнѣ столь кстати, также никогда мое лѣченье не было столь пріятно. Я увѣренъ, что съ окончаніемъ этого письма я почувствую совершенное облегченье, ибо твой листочекъ, лежащій передо мною, приводитъ мнѣ на память и ручку, на немъ писавшую, и блестяще глазки, смотрѣвшіе на него вѣрно съ искреннимъ чувствомъ. Не довольно ль подобныхъ воспоминаній, чтобъ оживить человѣка, преданнаго радостямъ минувшей жизни? И потому я надѣюсь, ты не найдешь въ моемъ письмѣ ни одной прискорбной мысли, которыми обыкновенно полны писанія больныхъ, кромѣ легкой, сладостной грусти, свидѣтельствующей, что безъ разлуки съ тобой я былъ бы совершенно счастливъ.

По опыту прошлаго года, я полагаю, что сіе письмо застанетъ тебя уже въ Кіевѣ. Ты вѣрно не разъ подумала: зачѣмъ бы Васинькѣ туда не пріѣхать на время контрактовъ. Признаюсь, я и самъ иногда бываю волнуемъ этой думой! Но, Богъ вѣсть, удастся ль мнѣ привести ее въ исполненіе. Конечно, даль не велика, и удовольствіе пожить съ родными способно вознаграждать всякія непріятности зимнихъ путешествій, по сообрази и то, благоразумная моя Союшка, что мнѣ надобно снова брать отпускъ, подвергать себя замѣчаніямъ начальника и товарищей и лишать себя, безпрестаннымъ уклоненіемъ отъ службы, права на милости добраго нашего Графа и награды правительства. Если можно будетъ сдѣлать мнѣ пристойнымъ образомъ сіе пу-

тешествіе, котораго сердечно желаю, то, конечно, ничего не упусти. Съ отъѣздомъ Гр. Воронцовой окончились всё наши общественныя увеселенія: городъ нашъ ничего самъ для себя не дѣлаетъ. Въ самыя удовольствія у насъ входитъ много коммерческихъ расчетовъ, и наши мужчины и дамы любятъ только д а р о м ъ веселиться. По этому замѣчанію мы всё готовимся смиренно провести зиму и не надѣемся на много баловъ и вечеринокъ. Не будучи страстнымъ любителемъ танцевъ, я мало огорченъ сими дурными новостями, къ тому жъ намъ остается право бранить здѣшнихъ жителей и злословить, а это, спроси у всѣхъ, большая отрада. Прощай, спѣшу на почту. Если будетъ время и предметы, напишу къ тебѣ не въ очередь. Цѣлую тебя въ свѣтлыя очи и въ ароматныя губки.

B a s i l e.

Milles choses tendres à Julie, mes devoirs à ma tante.

№ 25.

О. В. Б у л г а р и н у.

(Одесса, 1824 г.)

Давно собирался я написать тебѣ нѣсколько словъ, любезный Сармать-Фаддей Венедиктовичъ, но служба, дружба и лѣнь препятствовали мнѣ исполнить до сихъ поръ доброе мое намѣреніе. Ты, конечно, на меня не сердись, ибо увѣренъ, что я тебя не забылъ. Я читаю твой архивъ у Левшина, который попрежнему то очень сухъ, то очень занимателенъ. Трудись, любезный мой, ты одинъ можешь гибкостью своего ума и умѣньемъ заводить связи съ людьми свѣдущими дарить насъ каждые 15 дней умными статьями! А что твои прибавленія? Присылай ихъ намъ, пожалуйста. На дняхъ доставлю тебѣ и своихъ стиховъ. У меня все поэмы въ головѣ—авось удастся! Кланяйся нашей остроумной сволочи: Гречу, Рылѣву, Вестужеву, Корниловичу, поцѣлуй свою красавицу и вспомни обо мнѣ, когда будетъ перо въ рукахъ.

Т у м а ц с к і й.

№ 26.

С. Г. Туманской.

Генваря 3 дня 1825 года. Одесса.

Какъ умно и хорошо я сдѣлалъ, милая Сонюшка, забывъ въ прошедшемъ моемъ письмѣ проздравить тебя съ Новымъ годомъ. Эта ошибка доставляетъ мнѣ случай опять побесѣдовать съ тобой и начать сладостнымъ удовольствіемъ первые дни его. Но не требуй отъ меня никакихъ желаній, милой другъ: я въ нихъ и несчастливъ и безуменъ. Тѣ, которыя бы я хотѣлъ выразить—неисполнимы, другія же, обыкновенныя желанія свѣта давно потеряли свою цѣну отъ безпрестанно-лживаго повторенія. Если ты вѣришь моимъ чувствамъ, если ты сама ихъ раздѣляешь—тебѣ извѣстно все, что бы я могъ сказать. Въ противномъ случаѣ (это одно предположеніе) достаточна тебѣ увѣренность, что я не умѣю желать ничего, неприятнаго доброй моей сестрѣ.

Судя по собственному опыту, я до сихъ поръ не могу понять, отъ чего каждый новый годъ встрѣчаютъ люди взаимными поздравленіями и бѣшеною веселостью. Пускай несчастный, страдая въ жизни своей, надѣется каждое 1-е января, что участь его поправится, что какимъ нибудь случайнымъ обстоятельствомъ возвратится къ нему его радость. Но большая часть людей, какихъ благъ могутъ ожидать отъ приращенія своихъ годовъ, своихъ болѣзней, тревогъ и прочихъ любезныхъ принадлежностей земного нашего бытія? Нѣтъ! кажется, благоразумнѣе бы было въ постѣ, въ плачѣ и въ траурѣ проводить первый день новаго года! Что было, то уже никогда не воротится; напрасно обманчивая надежда общаетъ намъ въ будущемъ прелестныя блага—одна минута наслажденія настоящаго стоитъ всѣхъ удовольствій, создаваемыхъ нашимъ воображеніемъ. Зачѣмъ же праздновать измѣну быстро летящихъ дней? Зачѣмъ поздравлять себя съ утратой молодости, красоты, здоровья, безопасности—всѣхъ очарованій человѣка?

Этотъ одинъ обычай уже доказываетъ безуміе свѣта. Какъ ни горестны сіи замѣчанія—но съ ихъ справедливостью нельзя не согласиться.

Впрочемъ, я желаю, чтобъ ты нашла или увеличенными или вздорными—это будетъ знакомъ, что твой рассудокъ не помра-

чился еще горестными мыслями. Веселись, веселись во цвѣтѣ прекрасныхъ своихъ лѣтъ, плѣняй сердца, изумляй умы—я готовъ рукоплескать и радоваться твоимъ успѣхамъ, твоему счастью. Хотя я не могу похвалиться большимъ наслажденіемъ, однако безропотно иду своей дорогой въ мірѣ. Книги попрежнему любимое мое занятіе и упражненіе. Горестно мнѣ думать, что слабость зрѣнія скоро отыметъ у меня это удовольствіе. Между тѣмъ пріятности общества часто доставляютъ мнѣ разсѣяніе иного рода.

Общество есть практика мыслящаго человѣка, здѣсь онъ при-норовляетъ наблюденія, находящіяся въ книгахъ, повѣряетъ ихъ собственнымъ умомъ и дополняетъ своими замѣчаніями. Я увѣренъ, что еслибъ каждый изъ насъ велъ дневникъ своихъ знакомствъ въ свѣтѣ и замѣчаній своихъ надъ сими знакомыми, то нравственная часть человѣка была бы столь же извѣстна, какъ и физическая. Эти записки, разныхъ лицъ и характеровъ, попавшись въ руки глубокомысленному писателю, который бы умѣлъ выбрать изъ нихъ все полезное, выбросить пустое и составить изъ всего нѣчто цѣлое, могли бы служить полнымъ курсомъ къ познанію людскихъ склонностей и страстей. Конечно, эта мысль никогда не можетъ быть приведена въ исполненіе, но отъ этого мое предположеніе не вовсе безтолково.

Я тебѣ не говорилъ еще о многихъ моихъ знакомствахъ здѣсь— между прочимъ о Башмаковѣ и его женѣ, которые поселились у насъ на цѣлый годъ. Они даютъ намъ небольшіе вечера, гдѣ жена прекрасно поетъ, очень умно бесѣдуетъ, а мужъ рассказываетъ похождения свой молодости, которая проведена имъ очень весело. Этому легко повѣрить, вспомнивъ, что онъ считался первымъ красавцемъ въ Петербургѣ отъ 1811 до 1816 года. Красота въ мужчинѣ (если можно мнѣ за всѣхъ похвастать) еще блистательнѣе, нежели въ женщинѣ, во-первыхъ, по чрезвычайной своей рѣдкости, а потомъ по мѣсту, нами занимаемому въ обществахъ. Признаюсь тебѣ, я часто въ мечтахъ своихъ желалъ красоты, но, подобно большей части моихъ желаній, и это осталось подъ спудомъ у непріязненнаго Рока. Благоразуміе велитъ утѣшиться, когда дѣлать нечего. Послѣдняя мысль наводитъ на меня нѣкоторую грусть, а потому безъ всякихъ приготовленій затворяю мое письмо.

Прощай, пиши ко мнѣ почаще и побольше — я не люблю воздержности въ удовольствіяхъ. Описывай Кіевъ, — князя Щербатова и его свиту. Цѣлую тебя, до гроба вѣрный

V a s i l e.

№ 27.

С. Г. Т у м а н с к і й.

Одесса. Генваря 17 дня 1825 г.

Полагая, что ты уже въ Кіевѣ, милая и добрая Совюшка, я адресую тебѣ туда эти немногія строки. Въ этомъ письмецѣ не найдешь никакихъ подробностей, никакихъ изъясненій — ce sera une lettre d'affaire. Je te demanderai ma bonne amie de me faire un cadeau. Ne trouvez-vous pas cette affaire la bien pressante. Не можешь ли прислать мнѣ сухихъ кіевскихъ конфетъ, которыя я люблю безъ памяти и которыхъ по несчастью у насъ нѣтъ. Я бы и деньги тебѣ послалъ на это, но думаю, что поступлю согласно съ твоими мыслями, обращаясь къ твоей дружбѣ. Количество и вѣсъ оставляю твоей щедрости. — N'oubliez pas que je vous ai écrit deux grandes lettres, sans avoir de vos nouvelles, — ne m'en voulez donc pas si celle-ci est si courte. Bonsoir, chère amie, amusez vous bien, faites des conquêtes etc. etc. et communiquez-moi vos exploits et les aventures de votre voyage.

Tout à Vous V a s i l e.

P. S. Milles choses tendres à Julie et à ma chère tante. Rappelez moi au souvenir de Mr Moussman.

№ 28.

С. Г. Т у м а н с к о й.

Одесса. Марта 10 (1825 г.).

Частые разѣзды, занятія и хлопоты, произведенныя путешествіемъ нашего графа въ Петербургъ, препятствовали мнѣ отвѣчать какъ слѣдуетъ на твои послѣднія письма и благодарить за подарки, изъ которыхъ одинъ долго будетъ памятнымъ моему сердцу. Есть въ жизни случаи, которыхъ прелесть скорѣе можетъ быть чувствуема, нежели выражена. — Я теперь испыты-

ваю это чувство и нахожусь въ невозможности изъяснить тебѣ удовольствіе, которое я ощутилъ, получивъ новый милый знакъ твоей пріязни, твоего вниманія и участія.

Воспоминаніе дней, проведенныхъ вмѣстѣ, жажда скорого свиданія, какое-то гордое наслажденіе при мысли, что есть на свѣтѣ душа, мнѣ родная, несбыточные мечты и желанія юности— все соединилось во мнѣ и произвело вдохновеніе, истинно поэтическое. Ты можешь судить о немъ по слѣдующимъ стихамъ, которые тогда жъ вылились изъ моего сердца.

Тебѣ * * *

Отъ первой юности къ печальнымъ думамъ склонный...

(См. стихотворенія).

Желаю, чтобы при чтеніи этихъ стиховъ, ты имѣла хоть частицу того наслажденія, которое я чувствовалъ, слагая ихъ для милаго друга. Мнѣ кажется, что подобныя минуты рѣдки въ жизни и что одно воспоминаніе о нихъ приближаетъ уже къ счастью!

Я свято исполняю твое желаніе, то есть не скучаю, хотя и не веселюсь. Бываютъ часы и даже цѣлые дни, когда, беззаботно предавшись общественнымъ удовольствіямъ, я забываю грустныя думы и наслаждаюсь. Но это наслажденіе ненадежно, какъ спокойствіе моря или бѣлизна весеннихъ облаковъ! Быстро и мучительно возвращаюсь я снова къ моему унынію, къ моему сплину и снова сѣтую и тоскую. О чемъ же? для чего жтъ? спросишь ты. Вспомни Байронова Донъ-Жуана, моя тоска какъ будто похожа на первую его тоску, когда ему нужно было, *un sein, sur le quel il put appuyer sa tête en écoutant les battemens d'un coeur, qui répondit au sien par un tendre retour.*

Впрочемъ, можетъ быть это одно мечтаніе—тогда посмѣйся надо мною!

Къ числу новыхъ знакомствъ, сдѣланныхъ мною въ Одессѣ, первое мѣсто занимаетъ Графиня Потемкина, о которой ты, вѣрно, много слышала отъ нашего друга Аркадія. Эта женщина, воспитанная въ большемъ свѣтѣ, выданная замужъ по неволѣ, несчастная въ супружествѣ, какою-то необыкновенною силой умѣла поставить себя выше обстоятельствъ, т. е. сохранить всѣ обязанности супруги со всѣми пріятностями умной, веселой и даже беззаботной женщины! Вспомнивъ, что мужъ ея—полный уродъ

въ нравственномъ и физическомъ смыслѣ, что она была красавицей и доселѣ прекрасна, всегда была окружена толпой поклонниковъ, вспомнивъ, что домашнее горе—самой дурной правоучитель для женщины—нельзя не подвигнуться или безпечности ей, или ея привязанности къ долгу, поддержавшихъ ее на весьма опасной дорогѣ.—Съ городомъ мы совершенно развелись, а держимъ себя въ небольшомъ обществѣ русскихъ, въ которомъ царствуетъ у насъ какая-то родственная непринужденность.—Что мнѣ отвѣчать тебѣ и милой сестрѣ насчетъ приглашенія вашего въ деревню.

Исполненію этого желанія предстоятъ многія препятствія,—но я во всякомъ случаѣ душевно васъ благодарю за чувство, родившее это желаніе. Быть можетъ, благоприятный случай позволить удовлетворить вашей нѣжности, быть можетъ и нѣтъ. Все равно—намъ остается наша милая переписка и взаимная увѣренность въ неизмѣнности нашихъ чувствъ, нашего двойного родства.

Tout à toi *Vasile*.

Посылаю тебѣ *Онѣгина* и *Сѣверныя Цвѣты*—последніе, можетъ быть поздно, но все лучше, чѣмъ никогда. Изъ Петербурга получишь ты *Полярную Звѣзду*, немедленно по выходѣ ея въ свѣтъ.

№ 29.

С. Г. Туманскою.

2 мая 1825 г.

Мнѣ нужно было о многомъ поговорить съ тобою, вѣрный мой другъ Сонюшка, но сегодня отписалъ я столько скучныхъ, безчувственныхъ писемъ, что, право, боюсь ознобить тебя холодными своими строками. Между тѣмъ я давно къ тебѣ не писалъ, и, не желая, чтобы ты имѣла какія нибудь безпокойства на мой счетъ, я оставляю до будущей почты мысли, которыя хотѣлъ я тебѣ сообщить, а теперь расскажу что-нибудь про свое житье.

Я долженъ откровенно признаться, что съ самой весны 1822 г., которую провелъ я вмѣстѣ съ тобою и любезными родными, не

имѣлъ я столько удовольствій, сколько весною нынѣшняго года. Не знаю, что тому было причиною, осталъ ли я нѣсколько отъ идеаловъ юности, съ которыми ни въ одномъ земномъ существѣ не находилъ сравненія, или просто, предавшись влеченію веселыхъ товарищей и нѣсколькихъ пріятныхъ женщинъ, я не успѣвалъ охолодить размышленіемъ моихъ удовольствій—только я истинно былъ веселъ, а подѣ-часъ и счастливъ. Боюсь, чтобъ не пришлось мнѣ заплатить за эти минуты долгимъ поканіемъ. Что будете вы дѣлать лѣтомъ? Не вздумается ли любезной теткѣ опять завернуть въ Одессу. Мнѣ право жаль, что вамъ городокъ нашъ не понравился.

Подѣлуй за меня Julie и скажи, что ей стыдно никогда мнѣ ни строчки не приписать.

Mes respectueux hommages à votre excellente mère. Je vous embrasse plus qu'il n'en faut pour m'embrasser.

A dieu.

№ 30.

С. Г. Туманской.

Херсонъ. 26 мая 1825 г.

Не вини меня, мой милой другъ, что я такъ давно къ тебѣ не писалъ, а лучше пожалѣй обо мнѣ. Если мои письма доставляютъ тебѣ сколько-нибудь удовольствія, то они въ то же время и для меня служатъ источникомъ пріятнѣйшихъ впечатлѣній. Каждый разъ, когда берусь за перо, чтобы бесѣдовать съ тобой, мнѣ такъ весело, сердце мое изливается съ такою отрадою, что этихъ безцѣнныхъ минутъ не сравню я ни съ какими въ свѣтѣ. Что можетъ быть усладительнѣй той увѣренности, что мысль друга слѣдуетъ за твоими мыслями, угадываетъ, отличаетъ легкія ихъ отгѣнки, отыскиваетъ чувства, для другихъ сокрытыя, наконецъ, сливается вмѣстѣ съ ними въ какое-то тихое, невыразимое наслажденіе! Тутъ нѣтъ ничего искусственнаго: не красота слога, не сила ума плѣняютъ насъ въ письмѣ м и л а г о б л и ж н я г о: все въ немъ дышетъ какою-то теплотою, какою-то нѣгой, тѣмъ болѣе чувствуемой, чѣмъ менѣе можно ее подвести подъ обыкновенныя правила вкуса и Риторики. Конечно, иногда одно письмо удается лучше другаго — нѣкоторыя даже со-

всѣмъ не удаются—но цѣлая переписка двухъ людей, искренно другъ друга любящихъ, всегда оставить пріятное чувство въ душѣ самаго холоднаго человѣка. По этимъ замѣчаніямъ не трудно тебѣ заключить, что мое молчаніе произведено не охотою, ибо я нисколько не люблю себя лишать удовольствій (*La philosophie des privations est trop forte pour moi*), а хлопотами службы, и еще болѣе тѣмъ состояніемъ души, когда всѣ ея слова бездѣйствуютъ въ непостижимомъ утомленіи. Эта послѣдняя причина для тебя, вѣроятно, будетъ мало понятна (*et je le desire de tout mon coeur*), но повѣрь, милая, что она нисколько не выдумана. Всякой человѣкъ, привыкшій къ размышленію, знаетъ, что я разумѣю подъ тѣмъ мучительнымъ состояніемъ души, когда онъ въ ней ничего не чувствуетъ, кромѣ ужасной пустоты! Теперь все это прошло или проходитъ, и я пользуюсь первою минутою свободы, чтобы мысленно обнять и расцѣловать неизмѣннаго моего друга.

Я живу въ Херсонѣ по дѣламъ и скучаю и съ дѣлами и безъ дѣлъ. Этотъ городъ несносенъ для каждаго, кто знаетъ цѣну пріятныхъ обществъ и веселой городской жизни. Здѣсь нѣтъ ни души порядочной: все плуты или дураки. Нѣсколько дѣвушекъ и женщинъ, съ которыми я познакомился, занимали меня только въ первую минуту моего знакомства; въ нихъ я не нашелъ ничего, кромѣ большихъ ногъ, неуклюжихъ талій, умильно-глупой улыбки и столько прославляемаго провинціального благонравія! Вообще можно сказать, что въ губерніяхъ нашихъ поневолѣ разлюбишь прекрасный полъ! Но я надѣюсь скоро раздѣлаться съ здѣшнимъ краемъ и отдохнуть въ Одессѣ, гдѣ число любезныхъ женщинъ хотя и уменьшилось, но гдѣ есть у меня море, бібліотека и нѣсколько пріятныхъ товарищей. Я, право, не знаю, удастся ли мнѣ этотъ годъ побывать на родинѣ, столь для меня привлекательной твоимъ присутствіемъ, привѣтливостью доброй Елены Маіоровой и милою душою беззаботной Оленьки. Если Графъ Воронцовъ расположитъ ѣхать за границу въ октябрѣ, то я воспользуюсь этимъ случаемъ, чтобы увидаться со всѣми вами. У меня большіе планы насчетъ будущей зимы, да не знаю удадутся ли? Во всякомъ случаѣ я увѣдомлю тебя обо всѣхъ моихъ проэктахъ, если только они могутъ быть для тебя интересны. Пиши ко мнѣ, люби меня, поклонись Julie и тетущкѣ засвидѣтельствуй мое почтеніе.

№ 31.

А. А. Бестужеву.

Школовъ, 5-го іюня 1825 г.

Въ моихъ развѣздахъ по Херсонской губерніи видѣлся съ рифмоплетомъ Зайчевскимъ, который просилъ меня доставить къ тебѣ, остроумный и милый Сапенъка, стишки свои для напечатанія въ Звѣздочкѣ. Прилагая ихъ при этой запискѣ и самъ, исполняя желаніе моего Парнаскаго собрата, я кланяюсь низенько тебѣ, Рылѣву и всѣмъ моимъ Петербургскимъ друзьямъ, а впослѣдствіи буду писать побольше и подѣльнѣе.

Туманскій.

№ 32.

С. Г. Туманской.

3 іюля 1825 г. Одесса.

Душевно благодарю тебя, мой Ангель, за милыя письма, которыми ты услаждаешь своего отдаленнаго друга. Каждый разъ заключаютъ они въ себѣ что-нибудь нѣжное или остроумное; каждый разъ освѣжаютъ мои мысли или сладостію потрясаютъ мое сердце. Цѣлые полтора мѣсяца провелъ я въ однообразномъ, докучномъ трудѣ; скука, какъ свинецъ, лежала на душѣ моей, но нѣсколько строчекъ неоцѣненной руки возвратили мнѣ опять радость, чувство и вдохновеніе.

Ты совершенно права, любезная Сафо, говоря, что прошедшія непріятности нужно забывать, но несправедливо называть это философією.

Правило—ж и т ь п о в л і я н і ю м и н у т ы не есть правило мудрости и едва ль способно дать намъ счастье, потому что это заставляло бы насъ иногда покоряться и грустнымъ размышленіямъ. Въ человѣческой природѣ такъ много врожденной забывчивости, что, принявъ ее за основаніе философіи, мы бы ужаснулись множеству философовъ на землѣ. Гораздо лучше побѣждать живящія непріятности при самомъ ихъ появленіи, нежели послѣ стараться ихъ позабыть. Прости мнѣ эту маленькую диссертацію—я привыкъ бредить въ перепискѣ съ тобой.—Еще въ другомъ твоёмъ письмѣ есть мѣсто весьма оригинальное, гдѣ

ты, разомъ посвящая себя въ пожилыя дѣвицы, жалуешься, что балы не веселятъ тебя, какъ прежде, и что тебѣ на балахъ уже нужны пріятные собесѣдники. Если всё эти жалобы привести въ математическую точность (спроси Алексѣя Иван.) то выйдетъ просто, что ты скучаешь дѣвическимъ житьемъ, и что тебѣ хочется замужь. Я очень понимаю, что для всякой дѣвушки послѣдняя перспектива, какъ радуга послѣ потопа; но откуда, милой другъ мой, взялось у тебя это пресыщеніе къ забавамъ, этотъ байронизмъ мыслей? Мнѣ, право, пришло на мысль, переложить твое письмо въ стихи, назвать ихъ «Исповѣди пожитой дѣвицы» и напугать весь женскій полъ послѣдствіями одинокой жизни. Кстати о стихахъ. Недавно повеселилъ меня весьма забавный пѣвическій анекдотъ, въ которомъ и я играю нѣкоторую роль. Въ февралѣ мѣсяцѣ напечаталъ я въ одномъ журналѣ отрывокъ изъ маленькой повѣсти подъ названіемъ «Влюбленный поэтъ», въ которомъ дѣвушка письмомъ учтиво отказываетъ поэту, изъясняя причины, побудившія ее къ такому отказу. Арк. Родзянка принялъ это на свой счетъ, разсердился и напечаталъ отвѣтъ къ Ельвирѣ (т.-е. къ милой Julie), заключающій, между прочимъ, весьма грубыя колкости. Чтобъ позабавиться, можете прочитать «Майскую книгу Прибавленій къ Ивалиду».

Въ самомъ дѣлѣ, это приключеніе—совершенно полемическое, и еслибъ я увидѣлъ Родзянку, я бы надъ нимъ порядочно посмѣялся. Но полно, вечерѣетъ, пора на почту.—Цѣлую тебя въ очи, въ уста и въ шейку.

Mes devoirs à ma tante, un baiser fraternel à Julie.

Какъ бы хорошо было уговорить вамъ тетушку пріѣхать на зиму въ Одессу, гдѣ для Julie прекрасный климатъ, для тебя забавы—и Олечку съ собой бы привезли. Напиши мнѣ объ этомъ.

№ 33.

С. Г. Туманскою.

Одесса. Августа 15 1825 г.

Извини меня, Ангелъ мой, что я такъ давно не отвѣчалъ къ тебѣ на твое письмо: бездна занятій, бездна хлопотъ отнимали у меня всё мои мечтанія, всё мои чувства, и только вчерашній

день съ отъѣздомъ Графа въ Крымъ я нѣсколько опомнился. Первая моя пріятная мысль была ты и первое пріятное намѣреніе было писать къ тебѣ.

Въ службѣ есть большія неудовольствія; но какъ скоро позабываешь ихъ, приблизивъ къ сердцу воспоминація милыхъ и друзей! Я это живо на себѣ испытываю и радостно переношусь въ любезную родину, дабы дать уму развлеченіе и отдохновеніе.

Ты меня весьма утѣшила статьею твоего письма, гдѣ ты говоришь о стихахъ Родзянки. Ты могла бы быть прекраснымъ судьей—прежде рѣшенія дѣла, ты хочешь видѣть документы обѣихъ сторонъ. Съ охотой удовлетворяю твое желаніе: посылаю свои стихи и отвѣтъ Господина ех-жениха. Не намѣренъ ни одного слова прибавлять въ мою защиту,—ты сама скажешь, похожъ ли мой портретъ на Родзянку. Жаль, что № журнала, гдѣ они были напечатаны, у меня пропалъ.—Не подумаешь ли ты, что я перемѣнилъ тутъ что-нибудь?

Это я говорю въ шутку, не вѣря, чтобъ и мысль подобная могла придти тебѣ на умъ.

Je vous embrasse mille, mille et mille fois, et je vous renvoie à une prochaine poste.

№ 34.

С. Г. Туманскою.

27 сентября 1825 г. Одесса.

Не получая отъ тебя, милой Ангель мой, ни строчки цѣлый мѣсяць, я брался уже за перо, чтобы излить предъ тобой грустное расположеніе моего духа, но маленькое твое письмецо, обрадовавъ меня, лишило всякаго краснорѣчія. Я говорю: обрадовавъ, хотя извѣстія о доброй нашей Julie весьма меня разстрогали. Надѣюсь, что перемѣна воздуха, столь полезная въ лихорадкѣ, возвратитъ милой сестрицѣ здоровье, спокойствіе и радость. Если болѣзнь еще продолжалась безъ всякихъ припадковъ, кромѣ лихорадочныхъ, то предложите доктору прописать ей бѣлыя хинныя порошки (sulfate de Quinquina), которыхъ благотворное дѣйствіе въ лихорадкахъ признано самымъ вѣрнѣйшимъ цѣлительнымъ средствомъ.

Я нѣсколько разъ былъ свидѣтелемъ, что отъ 5 подобныхъ порошковъ самыя сильныя Крымскія лихорадки исчезали.

Увидишь, что съ моей легкой руки поидетъ Julie гораздо лучше!

На дняхъ воротился я съ южнаго берега Тавриды; и въ этой прелестной сторонѣ сопутствовало мнѣ нынѣшній разъ разочарованіе, которое самую Природу умѣетъ нарядить въ черный крепъ. Заоблачныя горы, море, яснѣйшее лазореваго неба, роскошная зелень лавровъ и миртовъ, пѣтическая одежда Татаръ, удалство ихъ коней и ревнивые покровы ихъ женъ, ничто не уследило вполне моей тоскующей мечты. Стыдно признаться, что я устарѣлъ для самыхъ живѣйшихъ удовольствій! Изъ Крыма хотѣли везти меня въ Таганрогъ, но благая судьба избавила меня отъ новыхъ хлопотъ, тѣмъ несноснѣйшихъ, что онѣ происходили въ виду Царя. Товарищи мои пишутъ мнѣ оттуда, что жители города давали 21-го числа Сентября балъ, гдѣ много было блеска, шума, этикета, и гдѣ Государь болѣе часа танцевалъ съ дамами разнаго покроя, въ томъ числѣ съ одной хорошенькой дѣвицей Ф л у к и два раза. Замѣтивъ на одномъ изъ нашихъ господъ мундиръ, сшитый по французскому придворному образцу, онъ сказалъ Гр. Вор(онцову) la coupe de cet uniforme n'est de Taganrog j'espère. Надобно знать, что носившій этотъ мундиръ пребольшой франтъ, а потому слово Царя его восхитило.

Черезъ нѣсколько дней ожидаемъ возвращенія Графа въ Одессу, откуда пустится онъ немедленно за границу. Новый нашъ начальникъ *per interim*—доброй, любезной и гостепримный морякъ, которому недостаетъ только русской фамилии, чтобъ имѣть всѣ достоинства хорошаго на Руси начальника. По давнишней связи его съ Графомъ, онъ давно уже всѣхъ насъ знаетъ, слѣдовательно нечего будетъ хлопотать о знакомствѣ съ нимъ. Впрочемъ, какъ онъ ни милъ, а все Графа не замѣнить для тѣхъ, которые въ здѣшній край и въ здѣшнюю службу пошли единственно для него.

Прощай, мой милой другъ, моя ласковая сестричка. Дня твоихъ именинъ я не забылъ и, будучи въ дорогѣ, думалъ о тебѣ безпрестанно. Не имѣю случая переслать тебѣ небольшой бездѣлицы, которую выбралъ для тебя съ душевной радостью въ той увѣренности, что ты ее примешь по всегдашнему, какъ чистый знакъ моей памяти и привязанности. Цѣлую тебя въ алыя щечки. Съ Юлинькой то же сдѣлай за меня. Мое искреннее почтеніе тетюшкѣ.

Т.

№ 35.

С. Г. Туманской.

Одесса. Декабря 5 дня 1825 г.

Не вини меня, милой другъ мой, за то, что не совѣмъ скоро отвѣчаю на твое послѣднее письмо. Обстоятельства, въ которыхъ оно меня нашло, могутъ оправдать меня передъ тобой. Смерть одной изъ любезныхъ нашихъ одесскихъ женщинъ, княгини Трубецкой, которою былъ я всегда принять, какъ родственникъ, и обласканъ, какъ другъ, и вслѣдъ за симъ кончина, быстрая и неожиданная, Императора Александра такъ сильно поколебали мою душу, что почти отняли возможность заниматься предметами, самыми любимыми. По долгу пріязни надлежало мнѣ приложить все свое умѣнье для разсѣянiя мучительной горести супруга покойной княгини и безутѣшнаго брата ея Бахметева; по долгу русскаго и гражданина не могъ я не скорбѣть о потерѣ Монарха, содѣлавшаго многое для отечества, и котораго едва ли замѣнятъ для насъ наслѣдники его. Теперь пользуюсь первымъ успокоенiемъ моего сердца, чтобъ съ тобою побесѣдовать. Въ другое время много веселаго можно бы написать въ отвѣтъ на твое письмецо, гдѣ ты укоряешь меня въ лѣности и подозрѣваешь, милая моя, Богъ знаетъ въ чемъ. Справедливость перваго упрека существовала бы только въ одномъ случаѣ: если бы ты не получила писемъ моихъ, посланныхъ къ тебѣ въ Кіевъ. Что же касается до подозрѣній твоихъ, что я могъ измѣниться, то этого въ отношенiи къ тебѣ и въ искренней моей привязанности къ добрымъ роднымъ никогда быть не можетъ. Вѣрь мнѣ, любезная Сонюшка: взаимная наша дружба составляетъ единственное благо въ жизни, котораго я страшусь лишиться, приготовленный, впрочемъ, ко всѣмъ переменамъ Судьбы моей. Не отнимай же у меня этой отрады и, будучи вѣрнѣйшимъ моимъ другомъ, говори со мной откровенно, совѣтуй мнѣ, брали меня, только въ чувствахъ моихъ не сомнѣвайся.

Предложенiе твое съѣхаться намъ въ Кіевъ принимаю я съ удовольствiемъ и писалъ уже объ этомъ брату; боюсь только, чтобы нынѣшнія печальныя обстоятельства не попрепятствовали контрактамъ быть занимательными для пріѣзжихъ и примачивыми для вашей танцующей братіи. Впрочемъ, это все

равно, во всякомъ случаѣ увижу я васъ эту зиму, ибо для свиданія съ братомъ непремѣнно приѣду даже въ Малороссію. Сейчасъ получилъ я письма изъ Гадяча, въ которыхъ извѣщаютъ меня о прибытіи брата и сестры къ Полтавскимъ нашимъ роднымъ. Пожалуйста, милый другъ мой, напиши мнѣ немедленно, не остановитъ ли кончина Государя вашего приѣзда въ Кіевъ—тогда я соберусь къ вамъ поскорѣе и прямо прискачу.

Цѣлую тебя отъ всей души, утѣшеніе мое, вѣрный мой другъ—помни и люби меня попрежнему.

P. S. Мое усердное почтеніе почтенной тетушкѣ. Я весьма обрадованъ выздоровленіемъ Julie. Да будетъ оно предвѣстникъ всѣхъ прочихъ благъ, т.-е. веселостей, замужества и проч.

№ 36.

С. Г. Туманской.

Одесса. Декабря 16 дня 1825 г.

Пишу тебѣ только нѣсколько строкъ, любезнѣйшая сестра, посылая тебѣ прелюбопытную вещь: письма Императрицы Елисаветы во время болѣзни и послѣ смерти Государя. Цѣлое утро сегодня писалъ я разныя разности, усталъ до безконечности, а потому успѣваю только просить тебя прочесть со вниманіемъ эти строки, гдѣ чувство, самое глубокое, заключено въ нѣсколькихъ строкахъ. Помнишь фразу Шатобриана, *et l'on s'étonnera de la quantité de larmes que peuvent contenir les yeux des Rois.*

Она представляетъ теперь зрѣлище неслыханное: необыкновенную, даже дикую твердость духа, при глубочайшей горести и при слабости физической, почти смертельной. Нѣтъ времени писать болѣе: успѣваю только заочно поцѣловать тебя 10 разъ и обѣщать писать по будущей почтѣ пространнѣе.

Весь твой V a s i l e.

№ 37.

С. Г. Туманской.

Скуляны на Прутѣ. Генваря 13 1826 г.

Изъ какого мѣста долженъ я къ тебѣ писать, милый Ангелъ мой, въ то самое время, которое назначено было для нашего свиданія! Но такова несчастная судьба служащаго человѣка: однимъ

почеркомъ пера его переносить на край свѣта или, по крайней мѣрѣ на край отечества, однимъ словомъ разрушаетъ всѣ его надежды и предположенія. Надобно тебѣ знать, что въ Яссахъ, отстоящихъ отсюда въ 20 верстахъ—чума и что для предохраненія нашей границы отъ этого ужаснаго бѣдствія, избранъ Графомъ я, совершенный невѣжда въ этомъ дѣлѣ. Но дѣлать нечего, бѣда научить; и я такъ привыкъ теперь къ новой моей обязанности, такія связи завелъ съ Молдавскою стороною для узнанія вѣрнѣйшихъ извѣстій о заразѣ, что теперь не страшусь ничего соперничества.

Жить только въ мѣстечкѣ, изъ котораго тебѣ пишу, скучно; общество есть большое, но ярмарочнаго рода. Дѣвушки, напримеръ, въ тонѣ армейскихъ офицерчиковъ, отпускаютъ прекрасныя шуточки, каковы: *э т о н е п р и м н ѣ п и с а н о , Б о г ъ л ю б и т ѣ т р о и ц у* и проч. Женщины здѣсь, какъ и большая часть ихъ на земномъ шарѣ, отъ досуга занимаются сплетнями, а храбрѣйшія—пьянствомъ и игрой. Есть танцевальный клубъ съ землянымъ поломъ—къ счастью моему, запрещеніе веселиться послѣ смерти Государя избавило меня отъ этого зрѣлища. Зато мѣста удивительныя. Это нѣчто похожее на Вогезскія горы во Франціи. Жаль, что зимой все бѣло и однообразно! Если бы весной случилось мнѣ быть здѣсь, я бы не скучалъ. Вчера напугало меня ужасно извѣстіе одного изъ моихъ шпионовъ, что въ одной деревнѣ на нашей сторонѣ показалась чума, и одна женщина умерла отъ оной. Я немедленно туда поскакалъ, принялъ всѣ строжайшія мѣры оцѣпленія сей деревни; но по разсмотрѣніи лѣкарями тѣла умершей оказалось, что она умерла просто отъ горячки. Это меня нѣсколько успокоило. Не знаю, когда буду въ Одессѣ, пиши ко мнѣ, другъ мой! Частыми вѣстями о себѣ хоть нѣсколько облегчи грусть бѣднаго твоего друга, съ тобою разлученнаго.

Весь твой В.

№ 38.

С. Г. Туманскою.

Одесса. Марта 13 1826 г.

Съ какою радостью, милый другъ мой, читалъ я строки, въ которыхъ выражено нѣжное участіе твое къ моей судьбѣ, твоя боязнь, твоя привязанность ко мнѣ. Съ какою радостью могу

теперь успокоить тебя насчет моего здоровья; его не повредили ни Бессарабія, ни воздухъ чумы, добрый геній леталъ надо мной и сохранилъ меня для друзей, для родныхъ, для тебя.

Я въ Одессѣ уже цѣлую недѣлю и больше, отдохнулъ и занятъ теперь одною мыслию свиданія съ вами. Графъ 18 числа ѣдетъ въ Петербургъ, гдѣ пробудетъ до Коронаціи. Я хочу воспользоваться этимъ временемъ, чтобъ побывать дома, а потомъ съѣхаться съ Графомъ въ Москвѣ, также чтобъ видѣть Коронацію. Это зрѣлище достойно любопытства каждаго Русскаго. Я полагаю, что къ празднику Пасхи милостивая Судьба соединитъ уже меня съ вами. Я съ нетерпѣніемъ невыразимымъ ожидаю этой блаженной минуты; авось, и тебѣ и Олечкѣ будетъ приятно это извѣстіе.

У насъ скука смертельная; трауръ да трауръ, болѣзнь Графа, разъѣзды товарищей во всѣ стороны; все это порознь и вмѣстѣ препятствуетъ нашимъ обществамъ собираться и веселиться по-прежнему.

Не знаю, что будетъ далѣе.

Я хотѣлъ было прислать тебѣ Альманахи на сей годъ, но они всѣ (такъ) дурны, что не стоитъ ихъ читать. Къ тому жъ Петербургскіе мои корреспонденты весьма опоздали. Подождемъ «С ѣ в е р н ы х ѣ Ц в ѣ т о в ѣ»—я съ собой ихъ привезу тебѣ. Цѣлую тебя отъ души, утѣшаю себя мечтой видѣть тебя скоро, очень скоро.

Если что-нибудь случится у васъ любопытнаго, пиши ко мнѣ еще въ Одессу, твое письмо успѣетъ сюда дойти до моего отъѣзда.

Весь твой B a s i l e .

№ 39.

С. Г. Т у м а н с к о й .

(1826. Ярославецъ).

Твое письмецо, любезная Sophie, чрезвычайно мистическое: что значить э т и в а ж н ы й ш і я п р и ч и н ы с о б с т в е н н о т е б я побуждающія ѣхать въ Москву? Мы этого не могли понять, т.-е. я и Ольга. А потому до разрѣшенія этой загадки сожалѣемъ вмѣстѣ съ тобой, что тебѣ не бывать теперь на коронаціи.

Охотно предпринимаю воспитаніе твоего Замора, но въ два дни успѣховъ большихъ не ожидаю. Впрочемъ, авось чудеса будутъ. Цѣлую тебя отъ всей души и посылаю два тома Байрона и 2 тома Баранта, въ которомъ прочитай жизнь Jeanne d'Arc la...

Зачѣмъ тебѣ не понравились лошади?

На именинахъ тетюшки весь Ярославецъ будетъ у васъ; и я съ живѣйшимъ нетерпѣніемъ ожидаю этого дня, чтобы обнять тебя, милая Sophie.

№ 40.

С. Г. Туманской.

Москва. Августа 2 дня 1826 г.

Наконецъ мы въ Москвѣ, милый другъ Сонюшка; въ прошлую субботу вечеромъ дотащились въ этотъ огромный лабиринтъ, весьма усталые отъ скорой ѣзды и дорожной бессонницы.

Братья тотчасъ отправились къ Вас. Вас., и я въ трактиръ, гдѣ полсутокъ сна возвратили мнѣ силу и бодрость. Вчера еще объѣздивъ я большую часть моихъ знакомыхъ, сегодня намѣренъ продолжать эти любопытные визиты и посѣтить А. А. Комбурлей и графъ. Потемкину.

Городъ представляетъ видъ необыкновенный. Многолюдство, невиданное здѣсь, шумъ и волненія Парижскія. Дорога отъ Тулы до Москвы наполнена экипажами, въ видѣ красиваго обоза тянущимися сюда. За тожъ и дороговизна. Счастливы тотъ, кому природа дала добрыя и здоровыя ноги, ибо къ найму экипажей нѣтъ приступа. Дрожки на мѣсяць 500 руб., карета отъ 1500 до 1800 ассигнаціями. Квартиры также ужасно дороги. И не мудрено, когда сумасшедшій Герцогъ Девонширскій платитъ Шепелеву за домъ 6500 руб. на время коронаціи, да 20000 руб. за то, чтобы фабриканты, тоже Шепелева, въ сосѣднемъ домѣ находящіеся, не препятствовали ему спать своей работой. Иностранные министры наперерывъ ослѣпляютъ роскошью. У каждаго изъ нихъ еженедѣльно назначены танцевальныя вечера, гдѣ все расточено, что только въ 19 столѣтіи успѣлъ изобрѣсть тончайшій вкусъ. Я надѣюсь попасть на одинъ изъ этихъ вечеровъ, и тогда опишу тебѣ его подробнѣе. Коронація отложена до 22 августа и причиной этого полагаютъ болѣзнь Императрицы Алек(сандры) Фед(оровны). Со дня 14 Декабря, ея здоровье въ осо-

бенности нервы, какъ говорятъ, до того повредились отъ чрезвычайнаго испуга, что теперь малѣйшій стукъ и шумъ приводитъ ихъ въ сильное волненіе. При вѣздѣ въ Москву отъ громогласнаго ура сдѣлалось ей очень дурно въ каретѣ, а въ Соборѣ совершенный обморокъ. Теперь она живетъ въ домѣ графини Орловой, гдѣ воздухъ гораздо чище, нежели въ Кремлѣ, и гдѣ, по всей вѣроятности, она скоро оправится.

Я нигдѣ не видѣлъ такого множества дѣвушекъ и хорошенькихъ, какъ въ Москвѣ; почти въ каждомъ домѣ по двѣ и по три. Мнѣ встрѣчались прекрасные наряды, но Варва(ра) Ник(олаевна) увѣряетъ, что у модныхъ торговокъ ничего нѣтъ отличнаго. Поживемъ и увидимъ.

Надобно сказать нѣсколько словъ о нашемъ путешествіи. Демьянъ былъ весьма забавенъ. Въ Орлѣ сдѣлался онъ нездоровъ желудкомъ въ твоемъ родѣ, но къ счастью его передъ Мценскомъ повстрѣчали мы угадай кого? Графиню Чернышеву со всѣми дочерьми. Ты можешь вообразить себѣ его восторгъ при этой встрѣчѣ. Прошла и болѣзнь, и слабость, и скука отъ возрѣнія Лизы. Въ Мценскѣ, зная, что онъ остановится въ одномъ съ нами трактирѣ, онъ замучилъ Ардальона своимъ туалетомъ: мылся, душился, чесался, украшался. Къ чему жъ все это послужило? Застѣнчивость любви помѣшала ему завести какой-нибудь разговоръ съ нею; что я говорю? онъ даже прямо глядѣть на нее не дерзалъ, а помѣстясь между дорожными ихъ экипажами, изъ-за грязной кибитки бросалъ на нее косвенно-страстные взгляды. Лиза недурна, но слишкомъ скучна: прекрасная талія и прелесть въ движеніяхъ. Послѣ этой встрѣчи цѣлую дорогу, и даже теперь въ Москвѣ бредитъ онъ только ею. Мы имѣли большія остановки между Тулой и Москвой и для препровожденія времени на станціяхъ часто должны были ловить мухъ. Желаю тебѣ, милой другъ, не знать подобной скуки, а ѣздить верхомъ, читать, вспоминать насъ грѣшныхъ и писать ко мнѣ съ прежнемъ участіемъ, съ прежнею благосклонностью.

Весь твой В а s i l e.

Mes compliments à ma tante, j'embrasse bien tendrement charmante Julie.

№ 41.

С. Г. Туманской.

Moscou, le 10 Aout 1826.

Я не хотѣлъ было писать къ тебѣ по нынѣшней почтѣ, любезный другъ Сонюшка, имѣя пропасть дѣла и визитовъ на цѣлый день, но, получивъ прилагаемое письмо отъ Алекс. Вас. для врученія тебѣ, не могу отказать себѣ въ удовольствіи прибавить къ нему нѣсколько собственныхъ строчекъ. Пусть этотъ поступокъ докажетъ тебѣ, что и столичные суеты не способны поколебать вѣрности твоего корреспондента.

До сихъ поръ не назначенъ день коронаціи. Люди, пріѣхавшіе въ Москву единственно для сего торжества, весьма скучаютъ такую неизвѣстностью. Многіе, даже не дождавшись его, возвратились во свояси. Впрочемъ, нельзя сказать, чтобы въ городѣ было скучно, балы продолжаются, несмотря на постъ, и молодежь веселится, особенно у посланниковъ. И я сегодня тащусь къ Мармонту. При необыкновенномъ стеченіи народа, нѣтъ однако необыкновенныхъ красавицъ. Двѣ только привлекаютъ общее вниманіе: графиня Завадовская и вдовушка княгиня Зубова. Я былъ уже нѣсколько разъ у Анны Андреевны. Бутурлина совершенная развалина. Вообрази себѣ: ни тѣни прежней красоты. Катерина Мих., безъ всякаго сомнѣнія, пригожѣе ея.

Посылаю тебѣ письмо Рылѣва, наканунѣ казни писанное женѣ: оно здѣсь ходитъ по рукамъ и читается съ жадностью. Я видѣлъ множество дамъ, обливавшихся слезами при чтеніи сего трогательнаго посланія.

Прощай, ей Богу нѣтъ времени болтать болѣе, пиши ко мнѣ и помни твоего друга.

Т.

№ 42.

С. Г. Туманской.

Августа 14, 1826, Москва.

Я получилъ твое ласковое письмецо, любезный другъ Сонюшка, и радуюсь, что Вознесенскъ начинаетъ снова привлекать къ себѣ юношей. Если вамъ конно-егерь не годится для чего

нибудь важнаго (???) , по крайней мѣрѣ онъ годится для проведения времени, а въ деревнѣ и это достоинство.

Я, можетъ быть, не писалъ бы къ тебѣ съ нынѣшнею почтой, еслибъ не имѣлъ сообщить весьма любопытнаго извѣстія. Разногласные слухи о Ульянѣ Миклашевской наконецъ получили видъ оффиціальнѣйшій. Графъ Кочубей проѣздомъ черезъ Лейпцигъ узналъ ея исторію отъ тамошняго Русскаго Консула и въ слѣдующихъ словахъ рассказывалъ ее Демьяну. Пастушеская кузина наша, обольщенная прекраснымъ докторомъ, произвела на свѣтъ залогъ своей тайной страсти. Братья ея, узнавъ объ этомъ и, сколько я полагаю, будучи глубоко огорчены симъ происшествіемъ, немедленно прискакали въ Лейпцигъ, чтобы спасти несчастную отъ стыда и отдалить ее отъ предмета ея заблужденій. На сей конецъ они рѣшились ее увезти тайно изъ города, оставя Доктору ребенка, en forme de souvenir. Уже коляски и лошади были готовы, но Доктору кто-то далъ знать объ этомъ, и онъ съ своей стороны приготовилъ коляску, чтобы увезти отъ преслѣдованія братьевъ Ульяну, называя ее своей женой и объявляя, что онъ еще въ Россіи сочетался съ ней законнымъ бракомъ. Братья, раздраженные его сопротивленіемъ, рѣшили исполнить силою то, что предполагали хитростью, и съ оружіемъ въ рукахъ бросились на Доктора при многочисленномъ стеченіи народа. Полиція вступилась въ эти сцены и, вѣроятно, оправдала братьевъ, ибо добродѣтельная наша кузина возвращается на родину. О сихъ шумныхъ подвигахъ нашъ консулъ въ Лейпцигъ донесъ нашему Правительству. Каково? Братья Демьянъ и Аркадій просятъ тетюшку Анну Ивановну при удобномъ случаѣ рассказать это Еленѣ Васильевнѣ, которую, вѣрно, сильно огорчить это происшествіе.

Въ письмѣ къ Олинкѣ пошлю тебѣ по будущей почтѣ письмо Пестеля къ роднымъ предъ смертью—теперь не успѣваю списать.

Вчера провелъ я цѣлый день у Анны Андреевны; день рожденія Лизы не возобновилъ ничего въ памяти моей. Вечеромъ Фильдъ давалъ концертъ, гдѣ всѣхъ восхитилъ.

Подѣлуй за меня Julie и скажи ей, что Аркадій препровождаетъ ей прилагаемый обрацкъ попелины съ мушками и требуетъ ея приказанія, угодно ли ей будетъ имѣть такого цвѣта,

ибо темныхъ и гладкихъ вовсе нѣтъ хорошихъ. Это стоитъ 4 руб. аршинъ. Не лучше ли выписать темнаго цвѣта шалона, который здѣсь прекрасенъ и весьма употребителенъ на капоты. Прошу дать скорѣй отвѣтъ.

№ 43.

С. Г. Туманской.

Москва. Авг. 24, 1826.

Коронація свершилась, и, спѣша увѣдомить тебя объ этомъ, не могу не пожалѣть, любезный другъ, что ты не могла присутствовать на семъ необыкновенномъ зрѣлищѣ. Трудно выразить словами разнообразіе и блескъ его. Въ 6 часовъ утра 22 числа народъ толпился на улицахъ, имѣя направленіе къ Кремлю. Тысячи каретъ туда же мчались. Отъ Краснаго крыльца на площади между Соборами и Ивановскою колокольней устроены были ходы для Императорской Фамиліи и процессіи и мѣста для зрителей. Всѣ ложи и галереи обиты были краснымъ сукномъ, которому сіяніе утра придавало много красоты. Гвардія съ музыками стояла въ промежуткахъ. Мѣста наполнились зрителями съ необыкновенной быстротой, и хотя мы дожидали выхода Государя ровно три часа, но пестрота одеждъ, народное волненіе и новость зрѣлища насъ такъ сильно занимали, что никто не скучалъ. Въ 9 часовъ вдовствующая Императрица, подъ великолѣпнымъ балдахиномъ, окруженная своимъ дворомъ, прошла въ церковь. Вслѣдъ за симъ митрополиты и Филаретъ вышли изъ Собора, дабы встрѣтить у вратъ Николая Павловича и Императрицу Алек(сандру) Фед(оровну). Тутъ показалась передовая свита ихъ: дворянство, купечество, чиновники разныхъ мѣстъ и пажи, потомъ кавалергардскій взводъ, потомъ блестящій балдахинъ, подъ которымъ шествовалъ государь съ своими ассистентами Конст(антиномъ) и Мих(аиломъ) Павловичами и Императрица.

Государь весьма граціозно и пристойно кланялся на всѣ стороны и казался сильно тронутымъ предстоящей церемоніею. Императрица очень мило была причесана и одѣта. Вслѣдъ за ними Сенатъ, Совѣтъ, Дворъ и проч. Что было въ церкви, того я не могъ видѣть, но убранство ея мнѣ извѣстно, а церемонія

коронованія и миропомазанія совершилась, какъ говорятъ очевидцы и даже чужестранцы, съ такою пышностью, благоговѣніемъ, что всѣ предстоявшіе были поражены. Государь не плакалъ, а рыдалъ, творя молитву за себя и за народъ, когда же вдовствующая Императрица, Константинъ Павловичъ пали предъ нимъ на колѣна, то онъ бросился ихъ поднимать и цѣловать ихъ руки. Но окончательная сцена превзошла всѣ прочія и привела всѣхъ зрителей въ восторгъ. Послѣ обѣдни, Государь по тѣмъ же ходамъ вышелъ къ войску и народу, въ коронѣ съ державой и скипетромъ въ рукахъ и возлѣ него Императрица, также коронованная. Отовсюду раздались ура! музыка, колокольный звонъ и громъ пушекъ. Эта минута неподобна. Государь былъ весьма величавъ и блистателенъ въ коронѣ. Приложившись къ мощамъ другого Собора, Государь возвратился на Красное крыльцо, гдѣ предсталъ глазамъ народа въ томъ же облаченіи и со всѣмъ семействомъ своимъ. Вся знать обѣдала во дворцѣ, а намъ оставалось, отдохнувъ, идти глядѣть иллюминацію. Это послѣднее зрѣлище было также прелестно. Мнѣ случалось видѣть много иллюминацій, но такъ какъ нигдѣ нѣтъ Кремля, то нигдѣ и подобной быть не можетъ. Вообрази себѣ всѣ башни въ огняхъ, колокольня Ивановская точно осыпанная драгоценными разноцвѣтными камнями, стѣны, обитыя алмазными узорами, и все это отражающее(ся) въ рѣкѣ, и ты едва ль вообразишь и десятую долю общаго вида. Я вездѣ бродилъ до упаду и еще сегодня не собралъ всѣхъ силъ.

Милостей пропасть. Поздравляю тебя съ двумя фельдмаршалами Сакепомъ и Витгенштейномъ. Восемь Андреевскихъ лентъ; 16 полныхъ генераловъ, бездна другихъ орденовъ и такая же генераль-лейтенантовъ и генераль-маіоровъ. Три дюжины фрейлинь, съ дюжину камергеровъ и камеръ-юнкеровъ и четыре графа: Бар. Строгановъ, Курута, Чернышевъ и Татищевъ.—Для народа и дворянъ милостивый манифестъ въ 30 статьяхъ, гдѣ разныя прощенія и облегченія, которыя почти никого не простятъ и не облегчатъ. Эта часть слабѣ прочихъ. Сверхъ того изданъ манифестъ о наслѣдіи престола, по которому въ случаѣ смерти Государя правителемъ Государства) назначенъ Михайлъ Павловичъ, а въ случаѣ смерти и дѣтей Николая мужскаго пола, престолъ совершенно переходитъ въ родъ Михаила Павловича.

Посылаю тебѣ образчикъ попелины, которой для тебя купилъ, только и нашель изъ темныхъ цвѣтовъ этотъ. Я взялъ его нѣсколько аршинъ болѣе за тѣмъ, чтобы въ случаѣ твоего желанія вышла тебѣ *амазона*. Весь твой сердцемъ Basile.

P. S. j'embrasse bien tendrement Julie, et me recommande au souvenir de ma tante.

13 сентября фейерверкомъ оканчиваются всѣ празднества коронаціи.

№ 44.

С. Г. Туманско й.

Сентября 7 дня 1826 (Москва).

Въ послѣднемъ письмѣ моемъ я описывалъ тебѣ день Коронаціи; теперь опишу праздники, за нимъ слѣдовавшіе. До сихъ поръ были уже два бала и маскарадъ, который удостоился общаго одобренія. Его давали въ большомъ Петровскомъ театрѣ, и великолѣпное освѣщеніе залы, блистательныя одежды дамъ, многочисленность посѣтителей давали сему маскараду необыкновенную живость и прелесть. Развѣздъ только былъ несносенъ. Вообрази, что я въ одномъ мундирѣ долженъ былъ оттуда возвращаться домой на извозчикѣ, везъ съ собою очень миленькую сестру моего пріятеля Зубкова. Ей отдалъ я свое домино, но, несмотря на эту обертку, бѣдняжка сильно простудилась и теперь въ постелѣ. Я не захотѣлъ быть въ залѣ Благороднаго собранія, затѣмъ что надобно платить 50 руб., а я себѣ не простилъ бы такой глупой издержки. Но за то я былъ на хорахъ; все почти видѣлъ и преспокойно кончилъ свой вечеръ у добрыхъ товарищей. Напрасно, милой другъ, ты столь интересуешься знать, съ кѣмъ я изъ вашего пола познакомился. Краткость моего пребыванія здѣсь поселила въ меня счастливую мысль ни съ кѣмъ не знакомиться н а в ѣ т е р ь, а просто наслаждался красавицами, встрѣчая ихъ на теперешнихъ пиршествахъ. Впрочемъ, ихъ здѣсь такъ мало, что Москва показалась мнѣ въ этомъ отношеніи самую безобразною столицей. Братъя хотятъ выѣхать отсюда 12-го числа, а я прежде 19-го не успѣю, затѣмъ что чиню свою коляску. Коммисіи ваши исполню tant bien que mal, только другого платья ни тебѣ ни Ольгѣ

не куплю, а лучше на остальные деньги пришло чтонибудь из Одессы. Здѣсь все страшно дорого и гадко.

Надѣясь очень-очень скоро тебя обнять, я съ восхищеніемъ готовлюсь къ этой минутѣ. Adieu en attendant.

№ 45.

С. Г. Туманской.

Одесса. 10 ноября 1826.

Нѣсколько почти пропустилъ я, любезный, незабвенный другъ Сонюшка, не писавъ къ тебѣ по приѣздѣ моемъ въ Одессу, и ужъ боюсь, чтобы ты не сочла этаго молчанія забвеніемъ, или предвѣстникомъ чегонибудь дурнаго. Успокойся, милая, и меня не обвиняй напрасно. Я нашель Одессу совершенно въ другомъ видѣ, какъ оставилъ ее; все перемѣнилось отъ Главнаго начальства до канцелярскихъ начальствъ, и отношенія между лицами неминуемо должны были послѣдовать общей революціи. Чтобы не быть обманутымъ, я старался все узнать, и это обстоятельство, соединенное съ обязанностями свѣтской и товарищеской жизни, отнимало у меня большую часть моего времени. Теперь все это кончено, и я постарому вѣрнѣйшій и радостнѣйшій твой корреспондентъ.

Добрая кузина Ел. Вас. доставляетъ мнѣ здѣсь много удовольствія: она почти всегда сидитъ дома и не только не любитъ, но и боится свѣта. Иногда это сердитъ Алексѣя Ивановича, который бы желалъ имѣть въ женѣ по своему самолюбію *une rièze à faire voir*, однако они живутъ здѣсь очень мило. Даютъ маленькіе обѣды и знакомы хоть не коротко съ цѣлымъ городомъ. Театръ также увлекаетъ меня къ себѣ. Новая наша группа имѣетъ двухъ отличныхъ талантовъ: пѣвицу весьма миленькую собой и съ прекраснымъ голосомъ и комическаго актера. Но признаюсь тебѣ, ни театръ, ни товарищи, ни городскія забавы—ничто не замѣнитъ въ сердцѣ моемъ удовольствія, которыя вкушалъ я въ родномъ кругу, въ добромъ Глуховскомъ повѣтѣ. Здѣсь на меня выдумали, будто я тамъ влюбленъ, замѣчая порой мою разсѣянность въ обществѣ или прислушиваясь къ благословеніямъ, которыми осыпаю я вашъ край.—Какъ бы то ни было, только проведенное мною съ вами время долго еще не изгладится

изъ моей памяти и будетъ оживлять въ минуты грусти тоскующую мою душу мечтами новаго свиданія.

Я ходилъ для васъ по магазинамъ: всюду ожидаютъ новыхъ товаровъ, а потому М. Standt и Shaal просили меня не посылать къ вамъ теперь образчиковъ. Дней черезъ десять вы, конечно, это отъ меня получите. Я ожидаю только моего обоза, дабы выслать тетушкѣ ея вина: цѣна на нихъ теперь нѣсколько возвысилась, однако бездѣлицей. Прошу тебя, мой Ангелъ, поцѣловать за меня ея ручки. J'embrasse Julie mille et mille fois et lui désire beaucoup de succès dans ses entreprises. Пожалуйста, о магнетизерѣ пиши ко мнѣ побольше.

№ 46.

С. Г. Туманско́й.

28 ноября 1826.

Я получилъ, прочиталъ и распцѣловалъ милое твое письмо, любезный другъ Сонюшка, прежде чѣмъ какое-нибудь размышленіе могло придти мнѣ въ голову. Неожиданность его и приходъ въ то самое время, какъ неумолимая лапа доктора держитъ меня взаперти на мазяхъ и на порошкахъ, упредили въ душѣ моей всякій страхъ, всякую мысль, что въ твоёмъ письмѣ найдутся, можетъ быть, холодные упреки или самая холодность. Я развернулъ твой маленькій пакетъ, и благодарю тебя! Я теперь увѣренъ, что отсутствіе не изгладитъ совершенно въ твоёмъ сердцѣ воспоминанія о бѣдномъ Васинькѣ.

Поговоримъ сначала о тебѣ. Мнѣ пріятно рвеніе твое къ наукамъ и къ просвѣщенію; это въ нашемъ вѣкѣ не только доставляетъ удовольствіе, но дѣлается необходимостью. Теперь отъ самихъ женщинъ требуютъ больше, и простенькія амазонки лентъ, шляпокъ и юбокъ едва ли прельстятъ кого своею беззавотностію. Итакъ, милая Сонюшка, трудись, работай, занимайся, чтобъ умственные наслажденія не покидали тебя и въ горести. Болѣе всего старайся разнообразить съ пользой твое чтеніе; люби книги Русскія, и прости мнѣ это мелочное замѣчаніе, займись иногда и русской ортографіей. Меня всегда удивляла сестрица Маіорова: я часто по часамъ читаю ея письма и все въ нихъ правильно, легко и пріятно. Вотъ для тебя всегдаш-

ній образецъ! Твой острый, свободный умъ не потеряетъ ничего, наложивъ на себя нетягостныя цѣпи вкуса и правильности, напротивъ они дадутъ ему еще большую цѣну. Не досадуй на меня за сіи совѣты; больному можно простить нѣсколько с е р і о з н о с т и, когда источникъ ея—нѣжнѣйшее участие, дружба нѣжнѣйшая.

Хочешь ли ты знать, что я, твой важный совѣтникъ, дѣлаю самъ сидя въ горницѣ? Пью чай, пью лѣкарство, читаю журналы и бранюсь за нихъ съ моими пріятелями. Иногда пересматриваю свои книги, выбираю лучшія и, поставя ихъ въ видной уголокъ, по цѣлымъ часамъ наслаждаюсь ихъ лицезрѣніемъ. Злой и вмѣстѣ доброй медикъ запретилъ мнѣ много читать и писать; онъ надѣется дать новую молодость устарѣвшимъ моимъ глазамъ. Тогда надѣюсь и я заняться чѣмъ нибудь важнымъ. Планы есть, мысли есть—нужна работа, нужно терпѣніе и не нужно цензуры, съ которою я въ открытой враждѣ. Эта цензура чертитъ безъ милосердія всѣ мысли, немного выходящія изъ круга ничтожности. Я намѣренъ прислать тебѣ, тотчасъ по выходѣ ея въ свѣтъ, С ѣ в е р н у ю Л и р у, родъ литературнаго Календаря на будущій годъ, въ которомъ и я участвую. А теперь переписалъ для острой твоей памяти одну ненапечатанную Балладу Жуковскаго и небольшую пьеску друга Баратынскаго. Черезъ два дня ты будешь ихъ знать наизусть. Прощай, пиши ко мнѣ, иногда и не дожидая писемъ моихъ, какъ и я буду дѣлать. Люби меня, не забывай нашего союза, нашихъ мечтаній и надѣйся на будущее.

Basile.

Поцѣлуй за меня ручки тетушки Анны Ивановны: поцѣлуй за меня прелестныя очи Улиньки и увѣрь ее въ моей памяти.

P. S. Что значить, плутовка, въ письмѣ твоемъ: «желаю тебѣ лучшей участи»—когда ты говоришь о измученномъ Русскомъ плѣнникѣ въ поэмѣ Пушкина.

Ты не пишешь мнѣ, получила ли Улинька свое золото и серебро?

С. Г. Туманской.

Одесса. Декабря 31, 1826.

Я получилъ твое послѣднее занимательное письмо, милой другъ Сонюшка, и отвѣчаю на оное въ Кіевѣ, полагая, что Вы уже тамъ. Въ этой поѣздкѣ есть что-то таинственнаго, и ты мнѣ о ней ничего не пишешь, но добрые люди извѣщаютъ насъ порой о вашихъ замыслахъ. Не будь скрытною со мной, любезная мечтательница, это ни къ чему тебѣ не послужитъ, лишь заставить меня подозрѣвать твою дружбу въ охлажденіи ко мнѣ. Желаю вамъ обѣимъ видѣть въ Кіевѣ все, что вамъ хочется видѣть, желаю вамъ очаровать всѣхъ порядочныхъ людей на контрактахъ, только прошу васъ и Ольгѣ хоть одного оставить.

Наканунѣ Новаго года сажу одинъ на диванѣ и придумываю для васъ, мои милыя, самыя сладостныя желанія. Моя мысль блуждаетъ возлѣ васъ и, несмотря на отдаленіе, проникаетъ въ глубину вашихъ сердець. Тамъ нахожу я одно, постоянно томящее васъ чувство одиночества, отъ котораго нѣтъ избавленія ни въ совѣтахъ разума, ни въ разсѣянiяхъ свѣта. Зная по собственному опыту всю скуку этого чувства, я молю своего и вашего добраго Ангела, да откроетъ онъ предъ вами въ новомъ году новый, прелестный міръ. Переводя въ простую прозу мои молитвы, это значить, что я желаю вамъ выйти замужъ, имѣть милыхъ дѣтокъ и тому подобное.—Надѣюсь, что лучше ничего нельзя выдумать

Если Ольга съ вами, то скажите ей, что я продалъ ея платье за 100 руб., что бархату Массана нѣтъ въ Одессѣ, и что гроденаппль пришлю ей въ Кіевъ, воспользуясь чѣмъ нибудь отъѣдомъ. Засимъ цѣлую тебя, милая Сонюшка, въ очи, въ уста и въ блѣдныя щечки и не смѣю болѣе отвлекать твоего вниманія отъ кіевскихъ удовольствій.

P. S. Шоколадъ для Julie давно купленъ, но какъ отправить не придумаю. *Malgré le desir sincère d'être un fidèle commis-sionnaire, les entraves de la douane me forcent de devenir inexact.*

№ 48.

А. С. Пушкину.

Одесса. Марта 2-го 1827.

Ты совершенно правъ, любезный мой соловей, приписывая мое безвинное молчаніе не охлажденію дружбы, а чему-то непонятному. По прїѣздѣ моемъ въ Одессу я писалъ къ тебѣ два раза и, полагая, что ты будешь въ Петербургѣ, адресовалъ мои письма на имя Греча, какъ человѣка, который тебя тамъ увидитъ. Случилось совсѣмъ противное: ты не ѣздилъ на Сѣверъ, и три мѣсяца я не зналъ совершенно, гдѣ ты и что съ тобой. Очень радъ, что Москва тебя прїютила; постоянная жизнь на одномъ мѣстѣ доставить тебѣ возможность обрадовать меня, твоего приморскаго друга, своими вѣсточками. Я бы желалъ однако, чтобы ты написалъ отъ Греча хотя первое мое письмо: въ немъ были вещи, для тебя любопытныя. Между тѣмъ послѣ того произошли у насъ значительныя перемѣны. Больная Нарышкина уѣхала въ деревню и по послѣднимъ извѣстіямъ обречена могилѣ. У нея какой-то новый родъ удушливой болѣзни. О графѣ Воронцовѣ рѣшительно никакихъ извѣстій не имѣемъ: какъ въ воду канулъ. Графъ Паленъ ведетъ себя прелестно: порядоченъ въ дѣлахъ, въ обращеніи милъ и любезенъ и, какъ холостякъ, принимаетъ приглашенія на обѣды и вечера. Аристократизма въ немъ очень мало. Одна изъ нашихъ новостей, могущая тебя интересовать, есть женитьба Ризнича на сестрѣ Собаньской, Витовой любовницы. Въ приданое за нее получилъ Ризничъ въ будущемъ 6000 черв., а въ настоящемъ Владимирскій крестъ за услуги, оказанныя Одесскому Лицею. Надобно знать, что онъ въ Лицеѣ никогда ничего не дѣлалъ. Новая м-мъ Ризничъ, вѣроятно, не заслужитъ ни твоихъ, ни моихъ стиховъ по смерти: это малютка съ большимъ ртомъ и съ польскими ухватками. Домъ ихъ доселѣ не открывался для нашей братии. Кругъ молодежи почти все тотъ же. Отсутствие Казначеева, прискорбное для насъ, какъ отсутствіе добраго человѣка, въ ходѣ дѣлъ никакой перемѣны не сдѣлало. Все идетъ довольно хорошо или довольно дурно—какъ на кого. Раевскій уѣхалъ въ Кіевъ, и Богъ вѣсть когда назадъ будетъ. Въ послѣднее время своего пребыванія въ Одессѣ онъ сталъ еще болѣе мрачнымъ, злобнымъ и разоча-

рованымъ. У насъ теперь жандармы: Бибииковъ, Шервудъ-Вѣрный и еще двое малоизвѣстныхъ. Инструкцію, циркулярно имъ данную отъ Бенкендорфа, вѣроятно, вы имѣете въ Москвѣ. Мнѣ въ ней очень нравится статья о наблюденіи за нравами и вообще за поведеніемъ молодыхъ людей. Содержатели трактировъ и... хотятъ подать прошеніе на эту статью.

Приступимъ теперь къ литературѣ. Русская моя душа радуется, видя, что центръ просвѣщенія, наконецъ, переведенъ въ Москву. Вліяніе этого отечественнаго города, отдаленнаго отъ двора, будетъ благопріятно для нашей словесности. Теперь уже Московскіе журналы далеко обогнали Петербургскіе. Не будь въ бездѣйствіи, милый другъ, и подстрекай тамошнюю молодежь къ занятіямъ полезнымъ. Не худо бы составить общество молодыхъ людей для перевода хорошихъ книгъ по части наукъ, искусствъ и политической экономіи, особенно съ Нѣмецкаго и Англійскаго языковъ. Да пусть у васъ прозой почаще пишутъ! Кромѣ статей Вяземскаго, писанныхъ его слогомъ, но правильно, сильно и остроумно, нельзя читать вашихъ прозаическихъ статей. Что за охота Погодину печатать историческія мысли, которыя внесутся въ исторію нашей словесности, какъ примѣры галиматіи? Что же касается до теоріи изящныхъ искусствъ, то ее трудно излагать, подобно Шевыреву, въ разговорахъ; а пусть онъ займется математическимъ изложеніемъ сего предмета, хоть въ нѣсколькихъ статьяхъ, по новой эстетикѣ. Это будетъ полно, и слѣдовательно понятно. Критика Титова на Аллегоріи Глинки, кромѣ двухъ-трехъ разныхъ идей, есть образецъ вкуса, благопристойности и справедливости. Пожалуйста, не скупись и присылай мнѣ твой журналъ: я готовъ въ немъ участвовать чѣмъ Богъ послалъ. У Левшина возьму славную для васъ статью изъ 3-го тома его описанія Киргизовъ, а между тѣмъ самъ займусь для тебя п о д е н н о ю прозою. Стиховъ частицу при семъ посылаю. Я бы желалъ, чтобы вы прежде всего напечатали стихи: К ъ Г р е ч а н к ѣ. Я люблю эту пьесу потому, что написалъ въ ночь послѣ бала и ужина, полупьяный и психически влюбленный. Въ ней есть какая-то дерзость выраженій, къ которой я обыкновенно не привыкъ. Впрочемъ, владыко, какъ повелите, такъ и будетъ. Исправлять, убавлять и прибавлять въ моихъ пьесахъ даю тебѣ полное право. Я прилагаю и свой отрывокъ объ Одессѣ. Засимъ цѣлую тебя въ быстрыя очи и въ

медовыя уста. Исполни мою просьбу насчетъ высылки журнала и самъ пиши, голубчикъ. Поклонъ Вяземскому, Баратынскому и Соболевскому, котораго прошу извинить, что не отвѣчаю: писать нечего.

Т у м а н с к і й.

Я думаю, имя выставлятъ всюду подъ своимъ пьесами: *c'est le bon ton à présent.*

№ 49.

С. Г. Т у м а н с к о й.

Одесса. Апрѣля 1-го дня 1827.

Ея Превосходительству

Госпожѣ голубоокой Вознесенской Минервѣ Капнисть.

Полузабытаго поклонника ея

В а с и л і я.

Д о н е с е н і е.

Вашему Превосходительству угодно было повелѣть мнѣ учинить строжайшее изслѣдованіе для узнанія: дѣйствительно ли Капнисть дѣлалъ прекрасной дѣвицѣ Удомъ брачныя, для васъ мрачныя предложенія и получилъ отказъ, радостный для васъ. Во исполненіе сей воли, я собиралъ повсемѣстно подробнѣйшія по сему дѣлу справки и нынѣ имѣю честь со всею откровенностію донести.

1. Все, что вамъ сообщилъ относительно сего предмета г. Натара, несмотря на обычную его лживость—совершенно справедливо. Дѣвица Удомъ во время предложеній Капниста была смертельно влюблена въ адъютанта отца ея Языкова; однако отъ этой страсти не умерла, а еще болѣе похорошѣла. Явное доказательство, что дѣвицамъ надобно влюбляться направо и налѣво!

2. Сіи самыя предложенія, сдѣланныя Капнистомъ дѣвицѣ весьма бѣднаго состоянія, свидѣтельствуютъ, что онъ не такъ

гонится за богатствомъ, какъ Вашему Превосходительству и черноокой сестрицѣ мыслить угодно. Изъ сего слѣдуетъ, что для васъ или для нея не вся надежда потеряна на присвоеніе сего восхитительнаго юноши.

3. Во время бытности своей въ Кіевѣ Капнисть, какъ то извѣстно мнѣ по слухамъ, относился на счетъ обѣихъ васъ въ такихъ выраженіяхъ, что можно почитать его чрезвычайно вамъ преданнымъ. Однако, несмотря на тончайшія подъ рукою развѣдыванія, не успѣлъ я узнать: кому изъ васъ отдаетъ онъ пальму первенства. Представляя, такимъ образомъ, на ваше благоусмотрѣніе все, что я могъ сдѣлать для исполненія вашей воли, имѣю честь присовокупить свое упованіе, что если наступающей весной Капнисть останется въ Глуховѣ, то, конечно, ваши прелести произведутъ надъ нимъ рѣшительное дѣйствіе.

В а с и л і й.

№ 50.

А. С. П у ш к и н у.

Одесса. Апрѣля 12-го 1827.

Безсовѣстный, безсовѣстный! Такъ-то ты отвѣчаешь на мои письма! На два посланія мои ни словечка въ отвѣтъ, а «Одессу» печатаешь и всѣмъ объявляешь, что я въ Одессѣ. Эта лѣнь имѣетъ въ себѣ нѣчто Азіатское и потому непростительна въ человѣкѣ столь Европейскомъ по уму, по характеру, по просвѣщенію, по стихамъ, по франтовству и по Московскому Вѣстнику. Исправляйся, милый Пушкинъ,—не то буду писать къ тебѣ безпрестанно, испишу цѣлыя стопы бумаги, и въ причиненныхъ мнѣ чрезъ сіе убыткахъ подамъ на тебя доносъ прямо въ жандармскій штабъ.

Зачѣмъ не печатаешь моихъ стиховъ? Дурны что ли? Жги ихъ безъ пощады. Ужъ не ко мнѣ ли относится объявленіе, помѣщенное въ 6-й книжкѣ?.. Не думаю, а всетаки смысла его не понимаю. Нѣтъ ли тамъ какой опечатки? Какъ главнаго духа Московскаго Вѣстника, порадоую тебя, извѣстіемъ, что у насъ читаютъ его съ необыкновеннымъ восхищеніемъ. Все, что есть порядочнаго въ городѣ, прославляетъ тебя и Погодина. Даже графъ Паленъ, не взирая на малое знаніе русскаго языка, беретъ у меня ваши книжки и судить (обыкновенно весьма основательно)

о вашихъ статьяxъ. Чуть ли еще не вытвердилъ онъ нѣсколько стиховъ изъ твоего Годунова! Отъ себя скажу одно: напрасно Погодинъ печатаетъ въ журналѣ отрывки изъ сочиненій, имѣющихъ большое достоинство въ цѣломъ (какова физ. геогр. Европы Риттера), но которыхъ по клочкамъ не любятъ разбирать читатели. вмѣсто отрывковъ изъ подобныхъ сочиненій, лучше написать отдѣльную журнальную статью, въ которой ясно, подробно и справедливо изложить планъ, достоинство, пользу его, новость мыслей автора и потомъ объявить, что оно переведено на Русскій языкъ и вскорѣ представлено будетъ публикѣ, или пожелать, чтобы скорѣе было переведено.—Кстати о переводахъ: съ живѣйшимъ удовольствіемъ читалъ я увѣдомленіе о приготовленіи къ печати многихъ прекрасныхъ сочиненій; но зачѣмъ бы кажется, говоря о необходимости общества для изданія такихъ книгъ, не предложить проспекта самаго общества? Повѣрьте, что оно найдетъ многихъ усердныхъ членовъ. Мы за себя стоимъ. Вся наша молодежь на жалованьѣ готова отдать часть онаго, чтобъ участвовать въ столь полезномъ предпріятіи. И во многихъ другихъ городахъ будетъ то же. Сдѣлай милость, любезный Пушкинъ, не забывай, что тебѣ на Руси предназначено играть роль Вольтера (разумѣется въ отношеніи къ истинному просвѣщенію). Твои связи, народность твоей славы, твоя голова, поселеніе твое въ Москвѣ—средоточіи Россіи, все даетъ тебѣ лестную возможность дѣйствовать на умы съ успѣхомъ, гораздо обширнѣйшимъ противъ прочихъ литераторовъ. Съ высоты твоего положенія долженъ ты все наблюдать, за всѣми надсматривать, сбивать головы похищеннымъ репутаціямъ, и выводить въ люди скромные таланты, которые за тебя же будутъ держаться. Что за идея пришла Баратынскому писать столь негодными стихами, каковы напечатаны въ Сѣверной Пчелѣ изъ его посланія къ Богдановичу! М а р а к и—з а д у м ч и в ы е в р а к и и проч. похоже на лай собаки, а не на напѣвъ его сладкогласной лиры. Да и что за водевильныя мысли во всей пьесѣ! Словно шуточки Благонамѣреннаго. Я его уважаю и люблю, а потому прошу ему попенять за эти проступки. Мнѣ помнится, читалъ тебѣ въ прошломъ году эпиграмму, написанную мною на чужестранный ладъ нашей поэзіи... ¹⁾.

¹⁾ Письмо безъ конца, который не сохранился.

№ 51.

А. С. Пушкину.

Одесса. Апрель 20-го 1827.

По прошедшей почтѣ послалъ я тебѣ «Одесскій Вѣстникъ», который издаемъ мы здѣсь общими силами. Прими его какъ знакъ нашего уваженія къ тебѣ, главѣ Русской поэзіи. Въ будущемъ номерѣ мы осмѣливаемся напечатать, любезный Пушкинъ, твое описаніе Одессы: оно принадлежитъ намъ по праву, ибо въ немъ заключается г р а м о т а н а б е з с м е р т і е для нашего города.

Новостей у насъ никакихъ нѣтъ. Весна въ полномъ цвѣтѣ, и даже Раевскій похорошѣлъ отъ вліянія воздуха. Общество наше разстроилось отъѣздомъ многихъ лицъ, и каждый изъ насъ на лѣто предполагаетъ куда-нибудь спастись отъ пыли и жара. Я думаю жить на одномъ изъ приморскихъ хуторовъ; позави-дуй мнѣ! Болѣе писать не хочется. Прощай, родимый; да будетъ надъ тобой благословеніе Неба вѣчно и вѣчно.

(На конвертѣ: Его Благородію Милостивому Государю Александру Сергѣевичу Пушкину. Въ Москвѣ на Молчановкѣ, въ домѣ Ренкевича).

№ 52.

Изъ письма къ Погодину.

(Апрѣль 1827, Одесса).

...«Журналъ вашъ находитъ въ нашемъ городѣ, вообще мало читающемъ русскія книги, большое число читателей. Нѣкоторыя статьи, въ особенности статьи историческія, доставили всѣмъ мыслящимъ людямъ Одессы истинное удовольствіе. Но я не могу сказать того же о философическихъ отрывкахъ. Долгое еще время будутъ непонятны въ Россіи и несообразны съ нашимъ духомъ чрезвычайно отвлеченныя умствованія новыхъ нѣмецкихъ философовъ. Состояніе русскаго общества не таково, чтобы членамъ онаго можно было погружаться въ хаосъ мыслей, иногда исполинскихъ, часто остроумныхъ, но безплодныхъ въ приложеніи. Намъ нужны предметы, такъ сказать, осязательные. Чтобы сдѣлать журналъ вашъ народнымъ и полезнымъ, вамъ чаще надо обращаться къ тому, что передъ нашими глазами дѣлается.

Словомъ сказать, точка вашего зрѣнія на предметы должна быть Россія, а не Германія. Вотъ философія, которая можетъ имѣть благотворное вліяніе на просвѣщеніе въ нашемъ отечествѣ, просвѣщеніе, котораго вы будете достойнымъ жрецомъ. Я по большей части доволенъ критическими статьями, помѣщаемыми въ вашемъ журналѣ, но и тутъ бываютъ нѣкоторые промахи. Напримѣръ, что нашель загадочнаго критикъ А п о л о г о в ъ Остолопова въ успѣхахъ русской басни. Въ странѣ, гдѣ истина не можетъ явиться въ суровой наготѣ, она прибѣгаетъ къ иносказаніямъ, и, получивъ однажды это направленіе, неминуемо должно усовершенствоваться принятый ею родъ. Въ Афинахъ не было басни. На Востокѣ она уничтожится развѣ съ уничтоженіемъ деспотизма. Басня не есть знакъ ума младенчествушаго, но знакъ ума, работающаго въ оковахъ. Будь я въ Москвѣ, я сдѣлался бы вашимъ усерднѣйшимъ сотрудникомъ, ибо вижу въ васъ человѣка, искренно желающаго блага и истинно просвѣщеннаго».

№ 53.

С. Г. Туманской.

Одесса. Мая 14 1827.

Самъ волшебникъ Мерлинъ не разобралъ бы всѣхъ запутанностей вашей общей любви къ Капнисту, милая моя Сафо! Сегодня ты къ нему ближе другихъ, на завтра другія тебя обгоняютъ, на третій день всѣ вы его почти ненавидите; какимъ свѣтомъ озаришь этотъ хаосъ. Я къ тебѣ писалъ, что мнѣ было передано изъ словъ Капниста на счетъ вашъ: это свѣдѣніе получено мною не отъ Могилянскаго, а отъ другого юноши, который въ дѣлѣ, до него не касающемся, не имѣлъ надобности лгать. Мнѣ кажется, впрочемъ, что пора вамъ, милыя дѣвы, кончить этотъ романъ и приступить къ исторіи—т. е. къ супружеству. Для Юліи теперь открывается вѣрная дверь въ это святилище. Пражевскій ѣдетъ въ Малороссію, именно съ намѣреніемъ сочетаться законнымъ бракомъ съ какою-нибудь добродѣтельною и умною дѣвицей. Я знаю его привязанность къ Julie и увѣренъ, что за нимъ она была бы счастлива. Что до тебя касается, Sophie, то тебѣ надо мужа-путешественника. Увѣдомь меня, пожалуйста, о приѣздѣ Пражевскаго и о первомъ свиданіи его съ обожаемой дѣвой.

Въ Одессѣ у насъ не такъ весело теперь, какъ ты думаешь. Многіе жители развѣхались по деревнямъ; а новыхъ пріѣзжихъ еще мало. Одинъ театръ услаждаетъ меня да гулянья по окрестностямъ Одессы. Въ концѣ іюня поѣду въ Крымъ для освѣженія души и очей, засоренныхъ Одесскою пылью.

Прощай, милый другъ, поцѣлуй за меня Julie и засвидѣтельствуй мое почтеніе любезнейшей тетускѣ.

По гробъ твой вѣрный V a s i l e.

№ 54.

С. Г. Т у м а н с к о й.

Одесса, іюля 8 (1827)

Я не отвѣчалъ тебѣ, милая Сафо, на твое послѣднее письмо, потому что не могъ до сихъ поръ исполнить твоего порученія, а съ пустыми руками писать не хотѣлъ. Теперь представился мнѣ случай послать тебѣ $12\frac{1}{4}$ аршинъ той матеріи, которой ты требовала; больше не нашель въ цѣломъ городѣ; впрочемъ, меня увѣряли, что этого достаточно на платье для всякаго роста.— Если бы мало было, то отдай, пожалуйста, этотъ кусокъ Ольгѣ, а твои деньги я возвращу тебѣ, или что нибудь другое куплю. Теперь у насъ много прекрасныхъ товаровъ, но я боюсь посылать вамъ образчики, во-первыхъ, потому что мнѣ очень трудно исполнять комиссіи ради порто-франко, а во-вторыхъ, потому, что вы можете иную вещь выбрать тогда, какъ здѣсь она уже будетъ продана.

Извѣстія твои о Пражевскомъ не убѣдили меня насчетъ его охлажденія къ Юліи. Мужчины также подчасъ умѣютъ хитрить и дѣлать лживыя отступленія, въ обманъ осажденной стороны. Быть можетъ и Пражевскій такъ поступаетъ. Не смѣя въ столь важномъ случаѣ открыто изъяснить моихъ мыслей, я полагаю между нами, что Пражевскій для Julie есть партія не довольно блистательная, чтобъ возбуждать зависть, и не довольно темная, чтобъ быть отвергаемой и презираемой. Надо быть весьма умѣреннымъ въ своихъ идеяхъ о супружествѣ—пылкость чувствъ тутъ совершенно неумѣстна—все должна рѣшить благоразумная расчетливость. Не браните меня, милыя дѣвы; когда я былъ моложе, то говорилъ иное, но наблюденіе

жизни и свѣта показали мнѣ настоящую сторону многихъ вещей! Что же до тебя касается, вертушка Софія, то тебѣ надобно Христофора Колумба въ мужья, чтобъ объѣхать весь видимый міръ! Въ ожиданіи этого событія, я сто разъ цѣлую тебя въ щечки, нѣсколько блѣдныя, и въ глазки, нѣсколько томные. Вспомни грѣшнаго.

Р. S. Поздравь почтеннѣйшую тетюшку съ днемъ ея ангела.

№ 55.

С. Г. Т у м а н с к о й.

Путивль. 1830 августа 5-го.

Le vol a été decouvert, et voici, chère et bonne Sophie, le résultat patent de ma vigilance à cet égard. Lisez Fragoletto, avec toute l'attention possible, car je Vous previens qui je vous questionnerai beaucoup la-dessus. Julie Miklacheffsky-Ficher ou autre est vraiment très bien. On lui ferait la cour de bon coeur. J'ai profite largement de mes droits de cousin avec elle.

Je vous embrasse bien tendrement ainsi que Julie, Olga en baillant de sommeil vous dit mille choses tendres.

Т—à—V.

В. Т о у м а н с к у.

Poutivl.

le 5 Août

1830.

Русскій переводъ.

Воровство обнаружилось, и вотъ, милая и добрая Софи, явный результатъ моей бдительности по этому поводу. Читайте Fragoletto со всѣмъ возможнымъ вниманіемъ, такъ какъ, предупреждаю, я буду предлагать вамъ много вопросовъ о немъ.

Жюли Миклашевская-Фишеръ, или какъ ее, очень мила. За ней охотно можно ухаживать. Я съ нею широко воспользовался моими правами кузена.

Цѣлую нѣжно васъ и Юлію. Ольга, зѣвая отъ порыва ко сну, шлетъ вамъ тысячу привѣтствій.

Весь вашъ В. Т у м а н с к і й.

С. Г. Туманской.

Орель, марта 16, 1831.

Цѣлый міръ мечтаній и образовъ тѣснился въ моемъ воображеніи на прекрасномъ Петербургскомъ шоссе. Столичное общество; наши великіе люди, наши прелестныя барыни, столь красиво переработанныя послѣ рукъ Создателя руками госпожъ Тюренъ, Жерве и компаніи; наши сѣверныя забавы, столь опасныя для нѣжныхъ носиковъ; наши общественныя увеселенія, ничуть не противорѣчащія похоронамъ—это все свивалось и развивалось передо мною пестрою безпорядочною и непрерывною тканью. Наконецъ мало-по-малу въ этомъ хаосѣ обозначились нѣкоторыя неподвижныя точки; мысль моя остановилась на нѣкоторыхъ утѣшительныхъ воспоминаніяхъ и тогда сердце мое живо почувствовало скорбь разлуки съ добрыми друзьями, пріятныя бесѣды, съ вами проведенныя, искренность твоей нѣжной привязанности и чистый пламень твоихъ прощальныхъ слезъ. Да! милый, любезный и, надѣюсь, неизмѣнный другъ, эти слезы глубоко запали въ мою душу!... Какое бы чувство ни таилось въ нихъ,—оно мнѣ свято, и одно только солнце свиданія можетъ ихъ осушить.

Страшась бороться въ живописномъ слогѣ съ твоимъ краснорѣчивымъ женихомъ, я не стану описывать тебѣ прозаическихъ подробностей моего пути. Между Москвою и Орломъ я испыталъ все, что дороги почтеннаго отечества и его любезный климатъ могутъ представить самаго занимательнаго.—Мятели, ухабы, пьяные ямщики, чахоточныя лошади, ледяныя станціи, а для удовольствія щи съ грибами да сивуха! Благодаря Бога и Аркадія, я успѣлъ однако жъ и отдохнуть, и отогрѣться, и откормиться. Въ Москвѣ провелъ я весьма пріятно цѣлыя сутки, но между тѣмъ не имѣлъ довольно силы, чтобы видѣться съ незабвенною Лизою. Пушкинь радовался, какъ ребенокъ, моему пріѣзду, оставилъ меня обѣдать у себя и чрезвычайно мило познакомилъ меня съ своею пригожею женою. Не воображайте однако жъ, чтобы это было что-нибудь необыкновенное. Пушкина бѣленькая, чистенькая дѣвочка съ правильными черными и лукавыми глазами, какъ у любой гризетки. Видно, что она неловка еще и неразвязна;

а всетаки московщина отражается на ней довольно замѣтно. Что у ней нѣтъ вкуса, это было видно по безобразному ея наряду; что у нея нѣтъ ни опрятности, ни порядка—о томъ свидѣтельствовали запачканныя салфетки и скатерть и разстройство мебели и посуды.

Ахъ! любезныя дѣвы мои, что за прелестная вещь девятая пѣснь Онѣгина. Какъ глубокомысленно означилъ Пушкинъ этикетное петербургское общество; какъ хороша Татьяна, увлеченная примѣромъ большого свѣта на поприщѣ притворства и приличія; какъ смѣшонъ и вмѣстѣ жалокъ Онѣгинъ, гаснущій отъ ея холодности; какъ трогательно свиданіе ихъ, гдѣ Татьяна, невольно разпѣженная письмами Онѣгина, воспоминаетъ съ блаженствомъ деревенскую свою жизнь, мечты и надежды любви и, наконецъ, восклицаетъ: «зачѣмъ, зачѣмъ тогда вы однимъ словомъ не упрочили этого блаженства!»

Но довольно о Пушкинѣ—я замѣчаю, что мнѣ едва остается достаточно мѣста, дабы сказать тебѣ слова два объ Орлѣ.—Я видѣлъ здѣшнее общества на представленіи какого-то шутокря. Ни одного пригожаго лица—это ей-Богу ужасно. Ни за что не хотѣлъ бы я быть орловскимъ губернаторомъ!

Домъ Аркадія представляетъ прекрасную картину добрыхъ семейственныхъ нравовъ. Ольга одна живетъ покажѣсть безъ цѣли или, по крайней мѣрѣ, съ цѣлью, не дающею совершеннаго спокойствія. До сихъ поръ, кажется, никто еще не представляется для обладанія ею на законномъ основаніи.—Теперь объ этомъ и думать нечего, ибо постъ порядочно ее изнурилъ.

Прощай, милая Софья, поцѣлуй добренькую мечтательницу Julie и пиши ко мнѣ, коли хочешь и можешь.

Не знаю, отчего мнѣ кажется, что ты въ скоромъ времени должна будешь сообщить мнѣ много интереснаго. Прощай и сохрани мнѣ свою пріязнь.

№ 57.

С. Г. Т у м а н с к о й.

Яссы, мая 30 дня, 1831.

Милыя твои письма составляютъ мою отраду въ здѣшней развратной странѣ: въ нихъ дышетъ чувство, сверкаетъ умъ, и, кромѣ того, онѣ напитаны тою добродушною искренностью, которой надо сказать прости, переѣзжая за Прутъ.

Какой неосносный край! Какія противорѣчія, какія уродства въ его правахъ и обычаяхъ, какое безуміе въ его желаніяхъ и надеждахъ! Рѣшительно можно сказать, что здѣсь ничто святымъ не признается. Напримѣръ, теперь отъ того, что нѣкоторыя статьи Новаго Уложенія ограничиваютъ вредныя преимущества Бояръ, они явнымъ образомъ желаютъ Россіи зла въ войнѣ и въ мирѣ, забывая все, что наше отечество сдѣлало для нихъ съ пролитіемъ собственной крови.

Ты скажешь: а женщины?—Прекрасны, нѣтъ сомнѣнія, говоря физически. Но если гдѣ либо женскій полъ заслуживаетъ названіе а д с к а г о п л е м е н и , то это въ Молдавіи. Здѣшнія коконицы мало того, что развратницы—страшныя интригантки. Онѣ охотно жертвуютъ своими прелестями для достиженія цѣли, внушенной имъ честолюбіемъ родственниковъ.

Дѣла, заботы, хлопоты новаго мѣста, гдѣ я только посредствомъ неусыпнаго труда могъ познакомиться со всѣми нужными подробностями, препятствовали мнѣ писать къ тебѣ изъ Бухареста, гдѣ я пробылъ только двѣ недѣли.—Вотъ почему ты ничего не знаешь еще, милый и вѣрный мой другъ, о моихъ приключеніяхъ.—Первая встрѣча моя при переѣздѣ за границу была та самая С м а р а н д и к а Б . , о которой я рассказывалъ тебѣ въ Петербургѣ.—Не взирая на мое запачканное лицо и курьерскую одежду, она меня немедленно узнала и подошла ко мнѣ съ особенною любезностью, какъ будто по невольному влеченію.—Разумѣется, что воображеніе мое разгорячилось отъ этой романической встрѣчи, и что я былъ чрезвычайно веселъ въ бесѣдѣ съ нею.—Но по приѣздѣ въ Яссы настала минута разочарованія.—Здѣсь я узналъ, что эта пригожая дѣвушка, по вліянію общей нравственности своихъ соотечественницъ, забыла прежнюю стыдливость и прежнее благонравіе и совѣты дружества—забыла и предалась непопозволительнымъ интригамъ. Впослѣдствіи она оправдала въ моихъ глазахъ все, что говорилось о ней дурнаго, вышедъ замужъ за своего двоюроднаго дядю, безъ церковнаго дозволенія, и за человѣка самыхъ негодныхъ правилъ. Думаютъ, что этотъ бракъ былъ совершенно необходимъ для прикрытія грѣшной связи, и проч....

Несмотря на то, что въ здѣшнемъ обществѣ никто меня не занимаетъ явнымъ образомъ, мнѣ въ Яссахъ гораздо веселѣе, чѣмъ въ Бухарестѣ, и я объясняю это, во-первыхъ, присутствіемъ

генерала Киселева, который ко мнѣ внимателенъ до крайности, а во-вторыхъ, уменьшеніемъ занятій и умноженіемъ досуга.

Одно только здѣсь весьма дурно: холера свирѣпствуетъ у насъ жесточайшимъ образомъ. Въ послѣдніе дни умираютъ ежедневно болѣе ста человекъ, а жителей въ городѣ считается 25.000.—Изъ этаго ты увидишь, какая ужасная смертность.—За то и страхъ соразмѣренъ съ этой болѣзною. Наше собраніе такъ перетрусило, что просило у г. Киселева самымъ убѣдительнымъ способомъ отсрочки его засѣданій до прекращенія сего зла.

Миклашевскій здѣсь очень любимъ генераломъ и съ нимъ неразлученъ; но ей-Богу, не поумнѣлъ нисколько.—Изъ него ничего никогда не выйдетъ, хотя онъ и имѣетъ полное право на прозаическое названіе: bon enfant.

Польскія газеты привезли намъ извѣстіе о сраженіи, въ которомъ, какъ сказано, нѣсколько потерпѣла гвардія и въ которомъ участвовалъ конно-гвардейскій полкъ.—Это меня чрезвычайно беспокоитъ, тѣмъ болѣе, что письмо брата, доставленное ко мнѣ Александромъ Васильевичемъ, писано десятью днями прежде, и въ немъ о предстоящей битвѣ ни слова не упоминается.—Бога ради, милая душа моя, увѣдомляй меня, что узнаешь о братьяхъ. Какъ ни тягостны могутъ быть вѣсти, всетаки онѣ не столь мучительны, какъ неизвѣстность.

Съ будущею почтою, если не занемогу отъ холеры, буду писать къ братьямъ Кочубеямъ, а теперь обнимаю ихъ черезъ тебя и завидую этому порученію.

Прощай, мой вѣрный другъ, веселись и ликуй, даже немножко кокетничай: на сѣверѣ это безвредно и любезно.—У тетушки цѣлую ручки. Julie обнимаю отъ всей души.

№ 58.

С. Г. Т у м а н с к о й.

Яссы, іюля 28 1831.

Два твои письма, милый и безцѣнный другъ, дошли ко мнѣ въ то время, когда душа моя алкала вѣстей изъ родины, какъ воздуха жизни, какъ надежды, какъ блаженства. Не взирая на грустныя мысли, господствующія въ твоихъ любезныхъ строкахъ, онѣ пролили на меня неизъяснимую отраду. Твой голосъ, при-

скорбный, но попрежнему нѣжный, казалось, снова звалъ меня на праздникъ міра, минутно разстроенный внезапною бурей, по гдѣ есть еще и блескъ, и цвѣты, и радостныя пѣсни!—Да будетъ по-твоему, милая ласточка, вѣстница счастья: участие дружбы можетъ привязать къ жизни, можетъ пробудить въ груди уснувшую жизнь! Изъ подробнаго отчета моего Александру Васильевичу узнаешь ты все, что я претерпѣлъ въ послѣдніе два мѣсяца; я не могу выразить тебѣ всѣхъ моихъ страданій и даже теперь, когда мнѣ гораздо лучше, не могу не содрогаться отъ этаго ужаснаго воспоминанія.—Распростертый на болѣзненномъ одрѣ—въ самомъ жалостномъ видѣ, безъ близкихъ и родныхъ, которые бы усладили какимъ-нибудь магическимъ словомъ мою тоску, я терялся въ хаосѣ мрачныхъ мыслей и, знаешь ли, чего трепеталъ—не смерти, а безумія.—Мнѣ все казалось, что я долженъ помѣшаться, и эта идея такъ сильно властвовала надъ моимъ воображеніемъ, что были минуты, когда мнѣ дѣйствительно казалось замѣчать въ себѣ нѣкоторое помѣшательство. Молю Провидѣніе, чтобы подобныя страданія миновались навсегда; а иначе существованіе мое на землѣ будетъ для меня бременемъ нестерпимымъ.

Переносясь отъ этихъ страшныхъ воспоминаній на родину, на Сѣверъ, къ тебѣ, увы! милая сестра, нахожу не радость, а огорченія и, нуждаясь въ утѣшеніяхъ, самъ долженъ тебя утѣшить. Въ твоемъ маленькомъ письмѣ есть слова, которыя желалось бы мнѣ вырвать, изгладить, уничтожить въ прахъ.—Зачѣмъ искушать Промыслъ дерзновеннымъ поднятіемъ завѣсы, Его сокрывающей? зачѣмъ отравлять дни, и безъ того уже не обильные благами, своенравнымъ отчаяніемъ? Зачѣмъ покидать вѣрованіе въ жизнь, когда ничто не открываетъ ея измѣны?—Живи бодро и смѣло, забудь печальныя утраты—твой небоклонъ усѣянъ еще прекрасными звѣздами, и мирному ихъ блеску еще суждено освѣщать твой путь.

Послѣднія извѣстія изъ Петербурга успокаиваютъ насъ нѣсколько насчетъ тамошней заразы. Можно надѣяться, что къ половинѣ августа сіе бѣдственное зло совершенно тамъ истощится. Въ Княжествахъ, кромѣ Бухареста, холера принимаетъ также характеръ менѣе опустошительный. Съ помощію Божіею мы уповаемъ, что въ сентябрѣ зараза оставитъ край нашей ссылки и дозволитъ намъ вздохнуть свободнѣе. Теперь здѣсь

такое уныніе, такая пустота, такое отсутствіе всёх пріятностей жизни, что можно имѣть понятіе о пустынях Аравіи.—Я избралъ себѣ благоую долю: съ прибытіемъ въ Яссы поселился на дачѣ, гдѣ прекрасный виноградникъ, нѣсколько орѣховыхъ деревьевъ, гора, испещренная блестящими цвѣтами, и свѣжій воздухъ даруютъ мнѣ отраду, успокоеніе и укрѣпляютъ мои силы.—Доктора Бухарестскіе чуть-чуть меня не заморили; вырвавшись изъ ихъ когтей, я бросаюсь съ довѣренностью въ объятія природы, которой одно прикосновеніе цѣлительнѣе всёхъ чело-вѣческихъ приправъ. Буду ѣздить верхомъ, ходить какъ можно больше, вести правильный образъ жизни и такимъ образомъ справлюсь, по крайней мѣрѣ, до того времени, когда обстоятельства дозволятъ мнѣ поѣхать за границу, дабы посовѣтоваться съ хорошими медиками и попользоваться Европейскими водами.

Между тѣмъ прошу тебя, напоминай Алекс. Вас., чтобы онъ не полѣнился поговорить съ Арндтомъ на мой счетъ и прислалъ мнѣ отъ него рецептъ, соответствующій описанному мною разстройству. Съ твоей стороны ты мнѣ можешь оказать истинную дружескую услугу: прислать самаго лучшаго чаю фунта четыре отъ Маринина—рублей по 15 за фунтъ. Деньги я тебѣ пришлю отсюда или, что будетъ приличнѣе, привезу тебѣ при возвращеніи что-нибудь хорошенькое и полезное. Если бы это порученіе, милый другъ, по нынѣшнему состоянію столицы было для тебя сколько-нибудь затруднительно, въ такомъ случаѣ, разумѣется, предай его забвенію—и дѣло съ концомъ.

Почтеннѣйшей тетущкѣ прошу принести мои искреннія утѣшенія съ утратою всёми вами сдѣланною, а любезную Julie прошу расцѣловать такъ, чтобы ей и во снѣ чудились лобзанія милаго дружка. Я боюсь, что твоими степенными устами ты худо выполнишь это порученіе, не лучше-ль передать оное пламенному нашему другу Демьяну Васильевичу.

Прощай, мой незабвенный другъ, пиши ко мнѣ поскорѣе.—Твои вѣсти нужны и для моего спокойствія и для оживленія моей души.

На вѣки твой В. Туманскій.

С. Г. Туманской.

Иссы, октября 14 дня 1831.

Какъ благодарить тебя, милый, вѣрный и незабвенный другъ, за нѣжное участіе, которое ты не перестаешь принимать во мнѣ; за твои ласковыя строки, за твои совѣты, полные основательности и пріязни? Всегда умѣя чувствовать, я рѣдко способенъ выражать мои чувства; отъ того ли, что избытокъ оныхъ уничтожаетъ вдохновеніе слова; или отъ того, что тайны сердца требуютъ иного языка. Довольствуйся жъ, душа моя, этимъ слабымъ, отдаленнымъ отголоскомъ моей благодарности; я не въ силахъ высказать моихъ ощущеній, но онѣ сладостны и увлекательны, какъ память о тебѣ.

Я получилъ исправно твои дары: чай—поэзію Китая и стихотворенія Русскихъ соловьевъ. Лиризмъ Пушкина превосходенъ, а за Жуковского душѣ больно. Въ его пѣснѣ нѣтъ и тѣни пѣвца въ станѣ. Такъ все вянетъ въ природѣ и въ жизни: злакъ полей, народная слава, любовь—цвѣтъ сердца—и поэзія—геній юныхъ лѣтъ. Эти произведенія замѣчательны были для меня особенно въ политическомъ отношеніи. Обнародованіе и успѣхъ ихъ показываетъ возстаніе народнаго чувства въ Россіи противъ французовъ. Я не желаю новыхъ войнъ; но признаю тебѣ, читая дерзости, которыми осыпаютъ насъ парижскіе мерзавцы, я не разъ молилъ небо, чтобъ ихъ снова проучили порядкомъ. Кажется, добрая наша земля мало-по-малу избавляется отъ своихъ недуговъ. Съ усмиреніемъ Польши и прекращеніемъ смертоносной болѣзни заживутъ раны Россіи; а мысль, что, не взирая на стеченіе несчастій, честь и достоинство отечества остались неприкосновенными, придаетъ каждому изъ насъ новыя силы.

Благодѣтельный переворотъ нашихъ дѣлъ былъ весьма чувствителенъ для насъ на чужбинѣ.

Съ этой поры все пошло скорѣе, легче и лучше.

Можно сказать, что новому образованію княжествъ положено отнынѣ прочное основаніе.—На сихъ дняхъ мы оканчиваемъ разсматриваніе общаго Молдавскаго уложенія и закрываемъ бородатую нашу Палату, которая если не по уму и краснорѣчію, по крайней мѣрѣ, по буйству и дерзкому сопротивленію могла бы

выдержать сравненіе съ парижскою. На будущей недѣлѣ Млнчани возвращается въ Бухарестъ; но я останусь еще дней на двадцать здѣсь для приведенія въ порядокъ нашихъ Конституціонныхъ трудовъ и надзора за нѣкоторыми дополненіями. Это распоряженіе тѣмъ согласнѣе съ моими желаніями, что съ нѣкотораго времени Яссы представляютъ довольно способовъ къ пріятной жизни. Благодаря возстановленію нѣсколькихъ домовъ, есть возможность теперь и поболтать, и потанцовать, и пошлословить въ многочисленномъ и опрятномъ обществѣ.—Прекрасная осень благопріятствуетъ разнымъ загороднымъ прогулкамъ; а ты знаешь, что ничто не сближаетъ болѣе (людей), какъ деревенскія забавы.—Слѣдуя здѣшней модѣ, не столько по привязанности, какъ изъ приличія, я также, какъ и прочіе, имѣю свою *a m i s a* (см. Записки Лорда Байрона). Этаго рода выборъ и связь по обычаямъ края не влекутъ за собой никакихъ особенныхъ послѣдствій: и мужъ, и милой дружокъ, и публика—всѣ остаются довольными.

Какая досада, милый другъ, что существованіе проклятыхъ Карантиновъ воспрепятствовало мнѣ послать тебѣ нѣсколько хорошенькихъ бездѣлокъ въ день твоихъ именинъ.—Я праздновалъ этотъ день дома съ нѣкоторыми добрыми товарищами и по странному случаю мы пили въ одно время за здоровье четырехъ Софій.—Дай Богъ, чтобъ на будущій годъ я гостилъ гдѣ нибудь у тебя этотъ день, чокаясь рюмками со стройнымъ и красивымъ мужчиной, котораго ты будешь называть: *mon cher, mon ange, mon bon ami*, а мы своимъ братомъ.—Кстати о семейной жизни: въ какомъ періодѣ брачной искательности находится теперь нашъ степенный и постепенный другъ Демьянъ Вас(ильевичъ)? А Julie?.. Съ окончаніемъ войны я думаю распустятся нѣкоторые штабы и тогда! о тогда!..

Прощай, милой мой другъ, сохрани мнѣ прежнюю привязанность и мнѣ жизнь никогда не будетъ въ тягость. Обнимаю тебя отъ всей души.

Faites moi une grâce, chère amie: ne vous achetez pas de montre. J'ai fait venir pour vous et Olga des montres de Genève telle que vous l'avez désiré dans le tenue: et mon correspondant m'a promis qu'elles seront charmantes et ornées de vos chiffres.

В а с и л е.

№ 60.

С. Г. Туманской.

Яссы. 25 декабря 1831.

Прежде всего, милый, добродушный и вѣрный другъ, спѣшу поздравить тебя съ Новымъ годомъ. Не для того, чтобы слѣдовать приличію, люблю я въ этотъ день выражать друзьямъ свои задуманные мечты и желанія. Нѣтъ! Суевѣрный, какъ дитя, я думаю, что въ добрую минуту произнесенныя желанія могутъ свершиться, и вотъ почему я произношу ихъ предъ тобою. Да будетъ наступающій годъ эпохой нашего общаго соединенія; прекраснаго для тебя замужества; для меня—началомъ тихихъ семейныхъ удовольствій и для всѣхъ родныхъ исполненіемъ лучшихъ ихъ помышленій! Эта послѣдняя фраза ведетъ прямо къ вѣнцу нашу мечтательницу Julie!

Я съ живѣйшимъ удовольствіемъ читалъ твое послѣднее письмо; оно мило, какъ и прежнія, но, кромѣ того, въ немъ разлита какая-то таинственность, которая увлекла меня въ сладостнѣйшія мечты.—Напрасно тебѣ кажется, что прекрасный звукъ М о с к в а не потрясаетъ меня попрежнему; я все еще вѣренъ этому звуку, хотя, кромѣ тебя, никто мнѣ объ немъ не напоминалъ.—Чувствуешь ли, какъ трогательно это: н и к т о, и сколько въ этомъ словѣ скрыто унынія и досады!—Не спорю, что я иногда предаюсь здѣсь увеселеніямъ, могущимъ служить мнѣ нѣкоторымъ разсѣяніемъ; но я всегда умѣлъ отдѣлять увеселенія этаго рода отъ сродства съ завѣтными моими мечтами. Различіе между тѣми и другими то же, какое между тѣломъ и душой. Здѣшнія женщины привлекательны только для минутнаго сближенія—полюбишь черные глаза, поласкаешь роскошныя плечи, увлечешься, забудешься—а пройдетъ раздраженіе, и сердце попрежнему останется холоднымъ, или вѣрнымъ старымъ образамъ. Въ Молдавіи я убѣдился, что любовь безъ уваженія существовать не можетъ.

На сихъ дняхъ уѣхалъ отсюда Ген. Граббе, приѣзжавшій въ Яссы за своею пригожею женою! Какъ она было безъ него стосковалась; за то какъ похорошѣла его присутствіемъ, и въ самомъ дѣлѣ какая прелестная голова! Гречанка—въ полномъ смыслѣ слова; впрочемъ, безъ талии и безъ образованія—но мужа безъ памяти любить. Зато и герой нашъ съ ума по ней сходить.—

Теперь они поѣхали въ Калишское Воеводство съ тѣмъ, чтобы потомъ навѣстить Малороссію.

У насъ съ нѣкотораго времени пріутихли веселья.

Два первые здѣшнія Дома поссорились между собой, и каждый на свою сторону перетасилъ часть общества.—Отъ этаго нѣтъ единства, и ничего полного невозможно составить. Какъ я ни стараюсь примирить сихъ комическихъ Гвельфовъ и Гибелиновъ; но до сихъ поръ дипломатическія мои продѣлки остаются безъ успѣха.

А у васъ что дѣлается? Неужели ты хочешь увезти изъ Петербурга самыя странныя впечатлѣнія, ища баловъ у Михаила Федоровича и не посѣщая ихъ въ другихъ приличнѣйшихъ обществахъ. Стыдись и исправься. Надо познакомиться съ порядочными домами, а не то ты будешь скучать, а я стану гнѣваться. Видно, любезному Damienъ быть безъ жены; она у него изъ-подъ пальцевъ ускользаетъ. Но, впрочемъ, Богъ съ ними съ Корсаковыми—больно несмазливы! А денегъ у него много, хоть онъ и жметъся.

Но я что-то заговорился въ русскомъ духѣ; не лучше ли въ собственномъ моемъ тонѣ разцѣловать тебя безъ души и пожелать тебѣ самыхъ разнообразныхъ и радостныхъ дней.

Я такъ увѣренъ въ твоей нѣжной пріязни, что не страшусь твоихъ развлеченій.—Ты не откажешь мнѣ въ добрую минуту въ добромъ воспоминаніи—а тутъ и перо—не такъ ли.

J'embrasse bien tendrement Julie, et je baise les mains de ma chère tante.

№ 61.

С. Г. Туманскою.

1834 (Ярославецъ).

Не зная, буду ли я имѣть удовольствіе обнять тебя, милый другъ Сонюшка, до поѣздки моей въ Полтавскую губернію, и желая между тѣмъ показать тебѣ, что и въ заграничныхъ моихъ странствіяхъ я съ прежнею пріязнью вспоминалъ о тебѣ, оставляю здѣсь для тебя маленькій даръ—произведеніе Великаго Рима. Носи его, какъ памятникъ дружбы и драгоценныхъ для меня воспоминаній твоей привязанности, и тутъ же прими мои искреннія поздравленія съ счастливою перемѣною твоей судьбы.

Теперь счастье въ твоихъ рукахъ, и, зная твою прекрасную душу, я увѣренъ, что супружество исполнить всё чистыя надежды и желанія твоей юности.—Остаться вѣрною моей дружбѣ—вотъ всегдашняя моя мольба.

Василій Туманскій.

№ 62.

С. Г. Туманско й-Милорадовичъ.

С.-Петербургъ, 12 октября 1845 г.

Выполнивъ данныя мнѣ тобою порученія, поспѣшаю милая Sophie, препроводить къ тебѣ билетъ Коммерческаго банка (здѣсь включенный), а также ящикъ сигаръ превосходныхъ и сигарницу, назначенныя въ подарокъ твоему владыкѣ. Надѣюсь, что я оправдалъ твою довѣренность и что ты будешь мною довольна.

Оставивъ Малороссію, я много вытерпѣлъ въ пути отъ снѣжныхъ мятелей и суровыхъ вѣтровъ, кажется, московскаго издѣлія. Говорю это потому, что далѣе, на сѣверъ, погода сдѣлалась ко мнѣ гораздо благосклоннѣе, такъ что я доѣхалъ уже до мѣста безъ новыхъ испытаній. За то теперь у насъ такое свинцовое небо, такая пронзительная сырость и такая темнота, что едва можно различить утро отъ вечера, и, право, радуешься, когда подадутъ свѣчи.

Новаго у насъ ничего нѣтъ за тѣмъ, что общественныя собранія еще не вполнѣ устроились.

Объ Императрицѣ, благодаря Бога, имѣются изъ верхней Италіи самыя благопріятныя извѣстія. Сама она пишетъ, что при спускѣ съ горъ въ благословенную Ломбардію у нея какъ будто тяжкая ноша спала съ груди, и первый разъ въ продолженіи нѣсколькихъ лѣтъ она уже цѣлую недѣлю не чувствуетъ ни малѣйшаго трепетанія сердца—этого мучительнаго припадка ея болѣзни. Доктора присовокупляютъ, что если такое улучшение продолжится, то она воротится въ свою Имперію здоровѣе, чѣмъ была когда-либо. Отутствие Государя продолжится до Рождества.

Братъ Michel и Александрина просятъ передать тебѣ ихъ усердный поклонъ; я же съ своей стороны прошу напомнить обо мнѣ любезнѣйшему Александру Григорьевичу и обнимаю тебя братски отъ всей души съ неизмѣнною горячностью дружбы.

В. Туманскій.

№ 63.

А. Ф. фонъ-дербригену.

С.-Петербургъ. 1849 г. 11 апрѣля.

Милостивый Государь
Александръ Ѳедоровичъ,

По порученію дочери Вашей, а моей возлюбленной невѣстки Марьи Александровны Туманской, имѣю честь препроводить къ Вамъ нѣсколько французскихъ книгъ, которыя Вы желали приобрѣсть, и съ удовольствіемъ пользуюсь настоящимъ случаемъ, чтобы выразить Вамъ чувства сердечнаго участія и искренняго уваженія, съ которыми честь имѣю быть, Милостивый Государь, вашимъ покорнѣйшимъ слугою.

В. Туманскій.

№ 64.

С. Г. Туманскоѣ-Милорадовичъ.

Москва, 26 апрѣля 1850.

Обстоятельства, независяція отъ меня, помѣшали мнѣ въ этомъ году поѣхать въ Петербургъ; я, конечно, потерялъ вслѣдствіе этого много радостей, но безъ этого можно, по нуждѣ, обойтись. Гораздо болѣе огорчаетъ меня, что я не видалъ той дружественной семьи, чей радушный пріемъ всегда оживляетъ меня; огорчаетъ меня мысль о томъ, что судьба мало-по-малу окончательно отдѣляетъ меня отъ всего, что я люблю, огорчаетъ меня, наконецъ, жестокая необходимость создать для себя наклонѣ дней новое существованіе, которое, вѣроятно, не дастъ ничего кромѣ горечи.

Но зачѣмъ плакаться и смущать свое сердце, уже довольно грустныхъ испытаній? Разумѣется, съ рокомъ бороться нельзя, но, быть можетъ, его можно избѣгнуть. Попробуемъ, это того стоитъ.

Мнѣ было бы чрезвычайно пріятно, милая Софи, нѣжно обнять Васъ въ эти торжественные дни и лично выразить Вамъ мои пожеланія; но такъ какъ я лишенъ этого нравственнаго удовлетворенія, примите въ этихъ строкахъ мои искреннія поздравленія и вѣрьте, что вблизи ли, вдали ли, но чувства мои къ Вамъ не измѣнились и никогда не измѣнятся. Прошу васъ передать Вашему мужу выраженіе моей дружбы и *дубликатъ* пожеланій Вамъ взаимнаго счастья...

Я надѣюсь, что вы доставите мнѣ удовольствіе получить отъ Васъ словечко; это будетъ для меня истиннымъ утѣшеніемъ въ моемъ теперешнемъ одиночествѣ. Мнѣ нѣтъ, впрочемъ, нужды увѣрять Васъ, какъ я живу, интересуюсь всеѣмъ касающимся Васъ и Вашего семейства; итакъ Вы сообщите мнѣ добрыя вѣсти о Вашихъ милыхъ дѣтяхъ.

Въ ожиданіи письма Вашего, молю, да хранитъ Васъ Богъ и да подастъ Онъ Вамъ все, что вы желаете.

Тысячу и тысячу привѣтовъ.

В. Т у м а н с к і й.

№ 65.

Марья Александровна Т у м а н с к о й.

(Апанасовка). 30 іюня (1852).

Письмо Ваше, милая Марія, меня немножко удивило, извѣстивъ о поѣздкѣ въ Кіевъ да еще поѣздкѣ вынужденной будто бы нездоровьемъ Оли. Знаменитыхъ медиковъ не нужно, чтобы избавить дитя отъ столь простаго и обыкновеннаго припадка, какъ глисты, и я даже боюсь, чтобы кіевскіе мудрецы, вмѣсто простаго и безвреднаго лѣкарства, не признали нужнымъ употреблять (какъ это часто съ ними случается) весьма сложныя для дѣтей лѣкарства, особенно по послѣдствіямъ. Но если, милая сестрица, Вы поѣхали въ Кіевъ преимущественно за тѣмъ, чтобы повидаться съ добрыми родными, поразсѣяться, погулять въ прекрасномъ

саду и покушать прекрасныхъ плодовъ,—въ такомъ случаѣ я вполне одобряю Ваше предпріятіе и увѣренъ, что маленькій вояжъ принесетъ вамъ и пользу и удовольствіе, а какой-нибудь ученый врачъ успокоитъ Васъ и насчетъ Оли. Такой красоточкѣ, такой милашкѣ не слѣдуетъ быть ничѣмъ нездоровой, особенно подъ руководствомъ и нѣжными попеченіями добрѣйшей изъ матерей, а потому мнѣ сердце говоритъ, что она будетъ расти, украшаться, разцвѣтаетъ, какъ роза, хранимая добрымъ Ангеломъ-хранителемъ. Впрочемъ, чтобъ узнать навѣрно, какъ Вы проводили время въ Кіевѣ, я поѣду надняхъ къ Менюковымъ, которые, вѣроятно, съ Вами тамъ видѣлись, а въ непродолжительномъ времени надѣюсь и лично Васъ обнять, потому что я свою поѣздку въ Москву пригналъ, кажется, ко времени Вашего возвращенія. Изъ моего уединенія ожидать Вы не можете ни добрыхъ, ни веселыхъ вѣстей: я питаюсь попрежнему чтеніемъ да воздухомъ, хоть лѣто наше этотъ годъ и подгуляло, а дѣти блаженствуютъ въ полномъ комплектѣ трехъ шалуновъ. Рѣзвость не мѣшаетъ имъ однакожь помнить, любить и уважать добрыхъ и милыхъ родныхъ, и они убѣдительно просятъ меня повергнуть ихъ къ Вашимъ ногамъ и въ объятія хорошенькихъ сестрицъ и веселаго брата. Этимъ порученіемъ заключаю мои строки, моля Бога, чтобы Онъ хранилъ Васъ всегда подъ святымъ своимъ покровомъ и даровалъ всему вашему семейству радость и благоденствіе.

Отъ души Вашъ вѣрный братъ

В. Туманскій.

№ 66.

С. Г. Туманскоій.

Aimable Sophie!

Вотъ первое доказательство моей къ тебѣ дружбы; доказательство вѣрное, что я тебя люблю и помню. Ты хотѣла получить отъ меня извѣстіе изъ Москвы; не хочу отказать тебѣ въ семъ невинномъ удовольствіи, столько для самаго меня пріятномъ.

Я доѣхалъ до Москвы очень дурно—ужасная погода препятствовала мнѣ ѣхать; казалось, все соединялось нарочно, чтобы воротить меня къ милымъ сердцу. Однакожь кое-какъ—а я все

въ Москвѣ, сижу на третьемъ этажѣ, и разсматриваю огромныя верхи Московскихъ церквей, которыя напоминаютъ древнихъ Готфовъ. Весь городъ въ моихъ глазахъ, но однообразный бѣлый цвѣтъ мѣшаетъ наслаждаться прекрасными видами сей столицы.

Жалѣю, что не весна—можетъ быть Москва получила бы другой приговоръ отъ твоего разборчиваго брата.

Прошу тебя не забывай меня и пиши ко мнѣ по обѣщанію въ Петербургъ: я бы желалъ найти по приѣздѣ моему извѣстіе отъ тебя.

Извини, что пишу мало, не обвиняй въ лѣности; тотъ не лѣнивъ, кому должно писать болѣе десяти писемъ. Прощай, помни друга, который вѣчно будетъ тебя столько пламенно любить, какъ и любилъ.

В.

P. S. Любезной тетинькѣ Аниѣ Ивановнѣ свидѣтельствую свое почтеніе и дѣлую ея ручки. Скажи ей, милая Сафо, что ея комисію я исполнилъ; былъ у опекуна, которой обѣщался отвѣчать тетинькѣ: копін онъ получилъ съ векселей.—Прощай.

ПРИЛОЖЕНИЯ.

Нѣсколько словъ о рукописяхъ В. И. Туманскаго.

Рукописные листки со стихотвореніями В. И. Туманскаго сохранились случайно. Состоя преподавателемъ Нѣжинской женской гимназіи, я квартировалъ у присяжнаго повѣреннаго Ив. Леонт. Дейкуна. Въ 1889 г. умеръ въ с. Чарторигахъ, Глуховскаго уѣзда, Черниговской губ., Владимиръ Ивановичъ Туманскій, родной братъ нашего поэта. Описывая имущество умершаго владѣльца Чарторигъ, И. Л. Дейкунъ въ одномъ изъ шкаповъ нашелъ бумаги, письма и стихотворенія. Зная, что я интересуюсь русскою литературою и пишу статьи, покойный нынѣ Дейкунъ захватилъ для меня одну связку бумагъ и писемъ, оставивъ часть въ шкапу. Къ сожалѣнію, Дейкуну потомъ не довелось вторично отправиться въ Чарториги, и я не могъ получить остальныхъ бумагъ. Разсмотрѣвъ полученное отъ Дейкуна, я началъ готовить статью о В. И. Туманскомъ, такъ какъ, сличивъ стихотворенія съ рукописями, нашелъ много новаго сравнительно съ изданіемъ стихотвореній гр. Г. А. Милорадовича 1881 г. Не встрѣчая до того времени рукописей В. И. Туманскаго, я смѣшалъ подлинники пьесъ поэта съ копіями ихъ и передѣлками, которыя, произведъ надъ ними, по сообщенію гр. Г. А. Милорадовича, Н. В. Гербель, авторъ известной хрестоматіи «Русскіе поэты». Какъ сообщилъ тотъ же гр. Г. А. Милорадовичъ, Н. В. Гербель, приходившійся родственникомъ Туманскимъ, предполагалъ издать стихотворенія В. И. Туманскаго, но проектъ его не осуществился, и его рукописи вмѣстѣ съ нѣкоторыми рукописями В. И. Туманскаго остались у брата Владимира Ивановича. Другая часть бумагъ, незахваченная И. Л. Дейкуномъ, перешла послѣ смерти Владимира Ивановича Туманскаго, неизвѣстно какимъ образомъ, къ П. Я. Дорошенку. Изъ этихъ бумагъ были напечатаны въ «Кіевской Старинѣ» г. Н. Ш. (1899 г. мартъ, 297—302) два письма къ Туманскому—одно отъ

Рылѣва, другое отъ А. Вестужева—съ ходатайствомъ за Мицкевича. Послѣ того, какъ мною были использованы доставшіяся мнѣ бумаги В. И. Туманскаго и Н. В. Гербея, онѣ были отосланы мною гр. Г. А. Милорадовичу который передалъ ихъ въ Императорскую публичную бібліотеку. О судьбѣ той части рукописей нашего поэта, которая перешла къ П. Я. Дорошенку, не удалось узнать ни мнѣ, ни покойному гр. Г. А. Милорадовичу ¹⁾.

Рукописи писемъ В. И. Туманскаго оказались въ нѣсколькихъ мѣстахъ. Всѣ письма къ С. Г. Туманской (въ замужествѣ Милорадовичъ) сохранились въ собраніи гр. Г. А. Милорадовича, у котораго сохранился и альбомъ Софьи Григорьевны съ пьесами В. И. Туманскаго и А. Родзянка. Нѣсколько писемъ очутилось въ рукахъ издателя «Русскаго Архива» г. Бартевева; нашлось нѣсколько писемъ въ бумагахъ Булгарина; два письма найдены мною въ бумагахъ фонъ-деръ Бригена; наконецъ, одно нашлось въ архивѣ Погодина, который остался для насъ недоступенъ.

Весьма вѣроятно, что письма Туманскаго найдутся въ бумагахъ О. М. Сомова, Кучубеевъ; мы слышали, что рукописи В. И. Туманскаго имѣлись въ архивѣ недавно скончавшагося П. Я. Дашкова. Нѣтъ сомнѣнія, что В. И. Туманскій переписывался со многими писателями своего времени, напр. съ бар. Е. Θ. Розеномъ, А. Θ. Воейковымъ, и, быть можетъ, письма его къ этимъ современникамъ отыщутся. Переписывался онъ и съ сестрою своею Ольгою, но семейная переписка его не уцѣлѣла. Вообще многое изъ бумагъ нашего поэта погибло, потому что онъ не придавалъ никакого значенія своимъ произведеніямъ, занимался литературою усердно только въ Петербургѣ до назначенія своего въ 1823 г. въ канцелярію гр. М. С. Воронцова.

Мы были бы безконечно рады, если бы выходъ настоящаго собранія стихотвореній и писемъ побудилъ лицъ, у которыхъ находятся рукописи В. И. Туманскаго, опубликовать ихъ или передать въ Императорскую публичную бібліотеку или въ бібліотеку Императорской Академіи Наукъ.

¹⁾ Хотя онъ получилъ отъ г. Дорошенка нѣкоторыя рукописи.

Дубъ и проза. ~

~~Дубъ и проза.~~ !

Пого. Дубъ и проза. ~
Одна, во мнѣмъ и проза - проза.
Какъ вы и мнѣмъ. какъ проза и проза.
И проза и проза и проза.
Но проза и проза и проза.
Пускается карьера в проза

~ ~

Родное коню. приматка
Сиротку и проза и проза.
Данъ и проза и проза,
Данъ и проза и проза —
И проза и проза, и проза и проза
Но проза и проза и проза!

1831.

В. М. М.

Примѣчанія къ стихотвореніямъ.

1) *Поле Бородинскаго сраженія* (стр. 45—49). Впервые напечатано въ *Сынъ Отечества*, 1817 г., т. 42, № 50, стр. 197—202. Перепечатано въ изданіи 1881 г. (1—8) съ не вполне выдержанною орфографіей подлинника, каковымъ приходится считать текстъ *Сына Отечества*, такъ какъ другого нѣтъ. Подъ стихотвореніемъ напечатана полная подпись—*Василій Туманскій*. В. Кюхельбекеръ въ *Дневникъ* своемъ («Русск. Стар». 1883 г., июль, 114—115 стр.) объ этой элегии сказалъ: «Говорилъ я о своихъ піесахъ, напечатанныхъ въ «Сынъ Отечества» на 1817 годъ. Сегодня (т. е. 11 августа) упомянулъ объ элегии *Туманскаго*, напечатанной тутъ же. Для 17-лѣтняго поэта она истинно хороша и лучше въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ тѣхъ, которыя написалъ я 20-ти лѣтъ. Въ ней даже есть стихъ, который *не относительно*, а положительно прекрасенъ. Жаль, что онъ неразлучно соединенъ съ предшествующимъ ему дурнымъ стихомъ:

*Мужъ почитаемый въ сердцахъ не умираетъ,
Изъ самой отчужности бросаетъ тѣнь свою.*

2) *На Новый годъ* (стр. 50). Впервые напечатано въ *Благонамѣренномъ* за 1818 г., ч. II, № 4, стр. 14. Подъ стихотвореніемъ стоитъ обозначенная въ настоящемъ изданіи хронологическая дата. Подписано: *В. Туманскій*. Въ «Спискѣ стихотвореній В. И. Туманскаго», приложенномъ къ изд. 1881 г. (XLIX стр.), это стихотвореніе указано, но не напечатано въ самомъ собраніи, причемъ число мѣсяца указано невѣрно.

3) *Монастырь* (стр. 50—52). Напечатано впервые въ томъ же журналѣ, что и предыдущее стихотвореніе, за 1818 г., II ч., № 5, 135—139 стр. Перепечатано въ изд. 1881 г. (10—13 стр.) съ незначительными измѣненіями въ текстѣ, въ родѣ осѣненной вм. осѣненный въ ст. 10 и т. п. Подъ стихотвореніемъ стоитъ только одна полная подпись: *В. Туманскій*. Годъ выставленъ нами, и такъ какъ цензурская помѣта № 5 журнала *Благонамѣренный* относится къ 29 марта, то ставимъ это стихотвореніе вторымъ изъ написанныхъ въ 1818 г.

4) *Слабость* (стр. 52—54). Напечатано въ томъ же № 5 *Благонамъреннаго*, 145—147 стр. Годъ выставленъ нами; подпись полная: *В. Туманскій*. Въ изд. 1881 г. (13—15 стр.) перепечатано съ ошибками, иногда искажающими смыслъ, напримѣръ въ ст. 34 вмѣсто *ловить*—*любить* и т. п.

5) *Тоска по родинѣ* (стр. 54—55). Напечатано въ *Украинскомъ Вѣстникѣ*, 1818 г., № 4, 106—107 стр. Въ изд. 1881 г. не вошло. Такъ какъ цензурская помѣтка № 4-го *Украин. Вѣстн.* относится къ 5 апрѣля, то, вѣроятно, это стихотвореніе, какъ и два слѣдующія ниже (№ 6—7), написано одновременно съ пьесой «*Слабость*», но мы его печатаемъ за послѣднимъ, держась цензурской помѣты и времени выхода № 4-го *Украин. Вѣстн.* Подъ стихотвореніемъ въ подлинникѣ стоитъ только обозначеніе мѣста написанія: С.-П.-Бургъ; годъ выставленъ нами. Обозначена и фамилія: *Вас. Туманскій*. О. М. Сомовъ, которому посвящено настоящее стихотвореніе, не безызвѣстный въ 20—30-хъ годахъ XIX ст. писатель и журналистъ, происходилъ изъ дворянъ Харьковской губ. Познакомился съ В. И. Туманскимъ или въ Харьковѣ или въ Петербургѣ. Онъ отвѣтилъ своему земляку на эту пьесу стихотвореніемъ подъ такимъ же заглавіемъ («*Укр. Вѣстн.*». 1818 г., № 7, 224—225). О Сомовѣ см. мою монографію «*Къ вопросу о Пушкинской плеядѣ*». Варшава. 1909 г.

6 и 7) *Стихи вырванные на корѣ вяза* (стр. 55) и *Пѣсня* (стр. 55—56) напечатаны въ томъ же *Украин. Вѣстн.*, стр. 107—109. Оба стихотворенія печатаются согласно съ текстомъ журнала.

8) *Пѣсни* (стр. 56—58). Всѣ четыре стихотворенія: 1) *Земныя блага*. 2) *Счастливый путь*. 3) *Веселый часъ*. 4) *Воспоминаніе*—появились въ *Благонамъренномъ* 1818 г., № 6, 278—280 стр. Ни числа мѣсяца, ни года нѣтъ ни подъ однимъ изъ нихъ, а подъ послѣднимъ находится подпись: *В. Туманскій*. Одно изъ этихъ стихотвореній, именно «*Земныя блага*», перепечатано въ «*Опытъ Русской анѳологіи*», собр. Мих. Яковлевымъ, изд. Ив. Сленинымъ. Спб. 1828 г., стр. 29. Въ изд. 1881 г. (15—18 стр.) эти стихотворенія вошли, но напечатаны каждое особо и безъ общаго заглавія «*Пѣсни*». Текстъ въ «*Опытѣ*» ближе по разстановкѣ знаковъ препинанія и орѳогрфіи къ тексту *Благонамъреннаго*. Въ изд. 1881 г. допущены измѣненія знаковъ и иногда текста, напр. стихъ 14 *Воспоминанія* измѣненъ въ «*Какъ влаги утра дуновенье*».

9) *Къ друзьямъ дѣтства* (стр. 58—59)—напечатано въ томъ же номерѣ *Благонамъреннаго*, гдѣ напечатаны и «*Пѣсни*», на стр. 281—282. Въ изд. 1881 г. (18—19 стр.) произвольно раздѣлено на четыре строфы. Годъ выставленъ нами, такъ какъ подъ стихотвореніемъ имѣется только фамилія: *В. Туманскій*. Въ изд. 1881 г. попадаютъ перемѣны словъ и знаковъ препинанія, напр., въ 3 стихѣ вмѣсто *на юношу*—на плечи. Стихотвореніе имѣетъ автобіографическое значеніе. Въ это время уже готовился нашъ поэтъ уѣхать въ чужіе края для продолженія образованія.

10) *Лауринъ источникъ* (стр. 59—60)—напечатано въ *Сыннъ Отечества* за 1818 г., ч. 47, № 27, стр. 52—53. Въ изд. 1881 г. (20 стр.) перепечатано безъ эпитафиа и съ незначительными измѣненіями въ право-

писаніи. Годъ выставленъ нами. Въ *Сынъ От.* стоитъ только фамилія—*В. Туманскій.*

11) *Надгробная пѣсня* (60 стр.) напеч. тамъ же, стр. 53—54. Годъ поставленъ нами. Подпись такая же, какъ подъ предыдущимъ стихотвореніемъ. Въ изд. 1881 г. (21 стр.) текстъ измѣненъ: ст. 6 напечатано *слезы* вмѣсто *слезами*; измѣнены и знаки препинанія.

12) *Къ Алимпі* (стр. 61)—напечатано въ *Литературныхъ прибавленіяхъ къ Русскому Инвалиду* 1832 г., № 13, стр. 103. Годъ написанія обозначенъ подъ заглавіемъ и выставленъ нами въ концѣ подъ пьесой. Подписано стихотвореніе инициаломъ «В», какъ часто подписывались стихотворенія В. И. Туманскаго; слѣдуетъ однако замѣтить, что въ *Лит. Пр. къ Р. Инв.* въ разные годы перепечатаны различныя стихотворенія нашего поэта, причемъ или совсѣмъ нѣтъ подписи (см. № 31 1836 г.), или обозначено *Т-ій* или *В. Т-ій* (см. 1833 г., № 10, 1834 г., № 74). Въ изд. 1881 г. этого стихотворенія нѣтъ.

13) *Стансы къ другу* (стр. 61—62) напечатано въ *Благонамъренномъ* за 1819 г., ч. VII, № 13, стр. 20—21. Въ изд. 1881 г. (27 стр.) напечатано съ искаженіемъ даты. Подъ стихотвореніемъ выставленъ 1818 г. Нами восстановлена подпись. Подписано инициалами: *В. Т.*, какъ подписаны и другія пьесы нашего поэта въ томъ же журналѣ. Въ ст. 10 въ изд. 1881 г. напечатано *лелѣтъ* вмѣсто *лелѣить*.

14) *Вертеръ къ Шарлотѣ* (стр. 63) напечатано въ *Благонамъренномъ* 1819 г., ч. VI, № 7, стр. 5. Годъ и полная фамилія обозначены, и нами первый удержанъ. Въ изд. 1881 г. (22 стр.) напечатанъ текстъ согласно съ первоначальнымъ, только въ ст. 5 нѣтъ курсива въ словѣ *моя*.

15) *Мадригалъ* (стр. 63)—напечатанъ тамъ же, стр. 13. Годъ выставленъ нами, потому что подъ стихотвореніемъ напечатана только полная фамилія поэта. Перепечатано въ *Опытъ рус. антол.* на 136 стр. Въ изд. 1881 г. (стр. 22) искажено только взятое въ скобки: *Аделаидѣ Л*, а не *А*; въ остальномъ текстъ перепечатанъ вѣрно. Вслѣдъ за этимъ стихотвореніемъ въ изд. 1881 г. напеч. пьеса *Въ альбомѣ* (Сестрѣ моей А. А. Я-ой). Это стихотвореніе, напечатанное тамъ же, подписано: *М... Я...евъ*, т. е. Михаилъ Яковлевъ, театральныи критикъ *Сѣверной Пчелы* (О немъ см. «Русскій Вѣстникъ» 1871 г., №№ 9, 10 и 11 въ ст. Бурнашева «Мое знакомство съ Воейковымъ въ 1830 г. и его пятничныя литературныя собранія»).

16) *Моя Мысль* (стр. 64)—напечатано тамъ же, стр. 14. Годъ выставленъ нами. Въ изд. 1881 г. (23 стр.) перепечатано вѣрно.

17) *Шарады* (стр. 64). Первая шарада напеч. въ томъ же журналѣ, 1819 г., № 8, стр. 81, и подписана инициаломъ *В.*; вторая помѣщена въ № 9, 145 стр. съ тою же подписью. Мы печатаемъ ихъ тоже вмѣстѣ, выставивъ годъ. Въ изд. 1881 г. (28—29 стр.) онѣ напечатаны также вмѣстѣ, но къ началу второй присоединена (всего 5 стиховъ) третья, помѣщенная въ № 8 и подписанная буквою *И*. Авторомъ ея, вѣроятно, былъ издатель-редакторъ *Благонамъренного* А. Е. Измайловъ. Въ томъ же № 8, на стр. 48 напечатано стихотв. *П. И. Р.* (въ *альбомѣ*),

перепечатанное въ изд. 1881 г. (48—49 стр.), между тѣмъ оно подписано: *Д. Са-о-въ*. Авторомъ названной пьесы былъ Доримедонтъ Петровичъ Самсоновъ, магистръ словесности, умершій 22 сентября 1822 г. въ Казани. Свои прозаическія статьи научно-литер. характера онъ печаталъ въ *Вѣстникѣ Европы*. Нѣсколько стихотвореній его напечатано въ *Благонамъренномъ*, гдѣ появился (ч. XX, № 40, 192—193) и некрологъ его.

18) *Къ Агагону* (стр. 65). Напечатано въ томъ же журналѣ, 1819 г., № 9-й, 138—139 стр. Годъ выставленъ нами; подъ стихотвореніемъ подпись: *В. Т-ий*. Въ изд. 1881 г. (23—24 стр.) текстъ не искаженъ.

19) *Сонетъ* (стр. 66). Напечатано тамъ же, 139—140 стр., и съ такою же подписью. Годъ выставленъ нами. Въ изд. 1881 г. (24—25 стр.) невѣрно раздѣлено на строфы и измѣнены слова и правописаніе, напримѣръ, въ ст. 5 вмѣсто *того* напечатано *то*.

20) *Романсъ* (стр. 66—67). Напечатано въ томъ же журналѣ, № X, 212 стр. Подписано полною фамиліей, а годъ выставленъ нами. Въ изд. 1881 г. (25—26 стр.) напечатанъ текстъ безъ искаженій.

21) *Элегія* (стр. 67). Напечатано тамъ же, 214—215 стр. Годъ выставленъ нами, а подписано полною фамиліей поэта. Въ изд. 1881 г. (26—27 стр.) произвольно раздѣлено на строфы по 4 стиха и вмѣсто *раношь, поздношь* въ 10 ст. напечатано *рано-ль, поздно-ль*. Въ томъ же X-мъ №-рѣ *Благонамъреннаго* 215—216 стр. находится стихотвореніе, напечатанное въ изд. 1881 г. на 47—48 стр., *Наука любви*. Это стихотвореніе подписано инициаломъ *К* и принадлежитъ, вѣроятно, Копылову, котораго пьесы не одинъ разъ встрѣчаются на стр. *Благонамъреннаго*.

22) *Къ портрету Е. В. К-ой* (стр. 68). Напечатано тамъ же, стр. 219. Годъ выставленъ нами; подписано полною фамиліей поэта. Въ изд. 1881 г. (27 стр.) произвольно напечатано въ заглавіи вмѣсто *К-ой Кочубей*; слѣдуетъ *Кочубевой*. Стихотвореніе имѣетъ въ виду, вѣроятно, Елену Васильевну Кочубей, жену Василія Васильевича Кочубея, рожденную Туманскую. См. Семейную Хронику. Записки Арк. Кочубея. Спб. 1890 г.

Въ томъ же журналѣ, № XI, на стр. 275—280, напечатана идиллія *Аминтъ и Хлоя*, перепечатанная въ изд. 1881 г. на стр. 49—53 и приписанная Туманскому, хотя подписана фамиліей извѣстнаго идиллика *В. Панаева*.

Въ томъ же изд. 1881 г. на стр. 54, напечатано стихотвореніе «*Къ самому себѣ*», перепечатанное изъ № XII *Благонамъреннаго* стр. 344—345 и подписанное *В. К-въ*, т. е. В. Копыловъ.

23) *Шарады* (стр. 68). Первая шарада, напечатанная въ № XIII, 23 стр. *Благонамъреннаго* и подписанная инициалами *В. Т.*, не вошла въ изд. 1881 г. Вторая же, напечатанная въ № XIV, стр. 73 того же журнала и подписанная тѣми же инициалами, помѣщена въ изд. 1881 г. на стр. 30. Мы соединили обѣ шарады и помѣстили ихъ въ своемъ изданіи, слѣдуя порядку появленія ихъ въ журналѣ А. Е. Измайлова.

24) *Къ портрету пригожей дѣвушки, держащей собачку* (стр. 68) напечатано тамъ же, № XIV, 72 стр. Годъ выставленъ нами; подпись есть и обозначена буквою Т. Въ изд. 1881 г. (30 стр.) текстъ безъ измѣненій.

25) *Что есть Амуръ?* (стр. 69). Напечатано въ этомъ же № и на той же страницѣ, что и предыдущее стихотвореніе, подпись такая же. Годъ выставленъ въ журналѣ и мѣсто написанія. Въ изд. 1881 г. (30 стр.) почти безъ измѣненій, лишь мѣсто написанія поставлено раньше года. Подъ Юліей разумѣется сестра Софьи Григорьевны Туманской — Ульяна Григорьевна, вышедшая замужъ за Дм. Ал. Санковскаго. Ей посвящено и къ ней обращено не одно стихотвореніе нашего поэта.

26) *Романъ* (стр. 69). Напечатано въ № XV, стр. 141—142 того же журнала. Годъ выставленъ нами. Подъ пьесой подпись: Т. Въ изд. 1881 г. (31 стр.) напечатано съ измѣненіемъ въ нѣкоторыхъ прилагательныхъ окончанія *ой* въ *ый*, напримѣръ, въ 1-мъ ст. преступный, но прекрасный и т. д.

27) *Судьба цѣтвозъ* (стр. 70). Напечатано тамъ же, стр. 143—144. Годъ выставленъ нами. Подписано тою же буквою. Въ изд. 1881 г. (32—33) измѣнено правописаніе и знаки препинанія.

28) *Императрица Маріи Теодоровны* (стр. 71). Напечатано въ № XVII, 268 стр. *Благонамъреннаго*. Годъ выставленъ нами. Подписано полною фамиліей поэта. Въ изд. 1881 г. (33 стр.) текстъ безъ измѣненій. Императрица, извѣстная своими благодѣяніями, скончалась 24 октября 1828 г.

29) *Разговоръ* (стр. 71). Напечатано тамъ же, стр. 271. Годъ выставленъ нами; подписано буквою Т. Въ изд. 1881 г. (33—34 стр.) текстъ перепечатанъ съ измѣненіемъ *опасной* (стр. 8) въ *опасный*.

30) *Къ Аделаидѣ* (стр. 72). Напечатано въ № XX, стр. 72—73, того же журнала. Перепечатано въ нашемъ изданіи впервые съ точнымъ воспроизведеніемъ текста, такъ какъ въ изд. 1881 г. эта пьеса не вошла. Подъ стихотвореніемъ стоитъ *Туманскій*. Кромѣ настроенія, испытываемаго поэтомъ послѣ разлуки съ Софьей Григорьевной Туманской, пьеса интересна по указанію маршрута путешествія за границу.

31) *Отзвѣтъ сердца* (стр. 72—73). Напечатано тамъ же, стр. 73, съ тою же подписью. Перепечатывается нами впервые, такъ какъ въ изд. 1881 г. оно не вошло.

32) *Странное дѣло* (стр. 73). Напечатано тамъ же, 78 стр. Годъ выставленъ нами. Подписано Т. Перепечатывается впервые, такъ какъ въ изд. 1881 г. это стихотвореніе не вошло.

33) *Къ Юліи* (стр. 73—74). Напечатано въ №№ XXIII и XXIV *Благонамъреннаго*, 276—277 стр. Въ изд. 1881 г. (34—35) вошло безъ измѣненій, кромѣ нѣкоторыхъ знаковъ препинанія. О Юліи см. прим. 25.

34) *Эпиграмма* (стр. 75). Напечатано въ томъ же журналѣ, 1820 г., № XVII, 54 стр., съ подписью В. Эта эпиграмма не вошла въ изд. 1881 г. Годъ выставленъ нами.

35) *Признаніе стыдливаго любовника* (стр. 75) Напечатано тамъ же, № XIX, 54 стр., съ тою же подписью. Годъ выставленъ нами. Въ изд. 1881 г. этого стихотворенія нѣтъ.

36) Картина Жиродета (стр. 76). Напечатано въ *Новостяхъ литературы*, 1823 г., № XXVI, 208 стр. Перепечатано въ *Лирикѣ* и *Антологіи русскихъ поэтовъ*. Спб. 1895 г. 168 стр. Обозначены время и мѣсто написанія и полная фамилія поэта. Въ изд. 1881 г. (35 стр.) текстъ, за исключеніемъ знаковъ препинанія, воспроизведенъ согласно съ первоначальнымъ. Въ рукописи пьеса носила заглавіе «*Картина*». Ст. 2 читается:

Сложивъ съ себя кольчанъ и лукъ *безульный*

Стихи 8—9 читаются:

И тамъ, какъ тихій лучъ отъ своего чела

Красавица съ небесъ къ нему на грудь слетала...

Жиродетъ или Жиродье-Триозонъ фр. живописецъ 1767—1824 гг. Его картина «Эндемонъ», произведеніе нѣсколько слащавое и жеманное, въ свое время пользовалась успѣхомъ.

37) *Истина* (стр. 77). Напечатано въ *Благонамъренномъ* за 1821 г. № XV, 159 стр., съ подписью В. Т. Годъ выставленъ нами. Въ изд. 1881 г. эта пьеса не вошла.

38) *Эпиграмма* (стр. 77). Напечатано тамъ же, стр. 160, съ подписью В. Въ изд. 1881 г. ея нѣтъ. Годъ выставленъ нами.

39) *Къ Деліи* (стр. 77—78). Напечатано въ томъ же журналѣ, ч. XVI, №№ 23—24, 327—328 стр. Подписано... *й*. Такая подпись и вариация ея *..ий* часто встрѣчается въ журналахъ подъ стихотвореніями В. Туманскаго. Кромѣ того, французскій писатель Мильвуа не разъ служилъ нашему поэту для подражанія и переводовъ. Годъ выставленъ нами. Въ изд. 1881 г. это стихотвореніе не вошло.

40) *Софья* (стр. 93). Напечатано въ изд. 1881 г. (45—46 стр.) безъ перевода французскаго заглавія, которое въ письмѣ написано такъ: Appendix d'un poëte malad.

Софья.

Подъ стихотвореніемъ нами выставлена дата письма, изъ котораго оно взято. Текстъ восстановленъ здѣсь по подлиннику.

41) *Элегія* (стр. 79—80). Напечатано въ *Новостяхъ литературы*, 1822 г., кн. II, 200—207 стр., съ подписью В. Т. Печатается въ настоящемъ изданіи впервые, такъ какъ въ изд. 1881 г. этой пьесы нѣтъ. Годъ выставленъ нами.

42) *Пчелка* (стр. 80—81). Напечатано въ *Благонамъренномъ* 1822 г., ч. XX, № 40, стр. 6—7, за подписью В. Годъ выставленъ нами. Въ изд. 1881 г. (35—36 стр.) имѣется, но знаки препинанія и орфографія въ отдѣльныхъ словахъ измѣнены.

43) *Къ портрету Е. М. К.* (стр. 81). Напечатано въ томъ же журналѣ № 46, 279 стр., съ обозначеніемъ времени написанія и подписью В. Въ изд. 1881 г. не вошло, а вошло подъ тѣмъ же заглавіемъ другое, печатаемое въ настоящемъ изданіи подъ № 45. Подъ Е. М. К. надо разумѣть Елизавету Михайловну Комбурлей, вышедшую впослѣдствіи замужъ за генерала Бутурлина. Какъ видно изъ письма Туманскаго къ С. Г. Туманской изъ Петербурга отъ 23 мая 1823 г., нашъ поэтъ временно ухаживалъ за нею. Это и другое стихотвореніе—отголоски увлеченія дѣвицей Комбурлей.

44) *Надпись на пристани, сдѣланной въ видѣ бесѣдки* (стр. 81—82). Напечатано тамъ же, № 47, 320 стр., съ подписью В. Годъ выставленъ нами. Въ изд. 1881 г. (37) измѣнено правописаніе нѣкоторыхъ словъ.

45) *Къ портрету Е. М. К.* (стр. 82). Напечатано ниже «*Надписи*» въ томъ же номерѣ, съ тою же подписью. Годъ выставленъ нами. Въ изд. 1881 г. (37 стр.) измѣнено въ 3 ст. легкокрылой въ легкокрылый.

46) *Пѣвецъ* (стр. 82—83). Напечатано тамъ же, № 48, 334—336 стр., съ тою же подписью. Годъ выставленъ нами. Въ изд. 1881 г. (38) кое-гдѣ измѣнены знаки препинанія.

47) *Элегія* (стр. 83—84). Напечатано тамъ же, 336—337 стр., съ тою же подписью. Мѣсто и годъ обозначены. Перепечатано въ изд. 1881 г. (39 стр.) и въ приложеніи къ «*Письмамъ В. И. Туманскаго*» (1891 г. Черниговъ, 115 стр.). Въ обѣихъ перепечаткахъ измѣнены правописаніе, знаки препинанія и стихъ 20 читается такъ: Отъ неба ниспосланной мукой. Текстъ 1891 г. взять, по указанію гр. Гр. А. Милорадовича, изъ альбома Софьи Григорьевны Туманской, двоюродной сестры поэта, съ которою онъ былъ очень друженъ.

48) *Къ Арк. Вас. Кочубею* (стр. 84—85). Напечатано ниже предыдущаго стихотворенія, на 337—338 стр., съ тою же подписью, съ обозначеніемъ мѣста и времени написанія. Въ изд. 1881 г. (40) текстъ напечатанъ съ измѣненіемъ правописанія. Аркадія Вас. Кочубей, двоюродный братъ В. И. Туманскаго, сенаторъ и д. ст. сов., авторъ упомянутыхъ въ 22 прим. записокъ. Подъ Б...къ, вѣроятно, разумѣется имѣніе жены Аркадія Васильевича *Бобрискъ* Хар. губ. Вотъ почему поэтъ дѣлаетъ намекъ на брачныя узы.

49) *Е. М. К.* (стр. 85). Напечатано въ томъ же журналѣ, № 49, стр. 402, съ тою же подписью. Годъ выставленъ нами. Текстъ въ изд. 1881 (41 стр.) сохраненъ. Стихотвореніе написано для Ел. Мих. Комбурлей и имѣетъ автобиографическое значеніе.

50) *Къ брату изъ деревни* (стр. 85—86). Напечатано въ томъ же журналѣ, №№ 51 и 52, 494 стр., съ обозначеніемъ мѣста и времени написанія и съ подписью В. Въ изд. 1881 г. (42 стр.) измѣнены знаки препинанія, правописаніе нѣкоторыхъ словъ и въ ст. 19 мой произвольный курсивъ. У нашего поэта было два брата—Михаилъ Ивановичъ, родившійся 27 августа 1803 г., и Владимиръ Ивановичъ. Пьеса имѣетъ въ виду, вѣроятно, перваго.

50) *Гимнъ Богу* (стр. 86—87). Напечатано въ «*Сынѣ Отечества*», 1822 г. ч. 82, № 51, 230—231 стр., съ полною фамиліей поэта. Годъ

выставленъ нами. Въ изд. 1881 г. (58 стр.), кромѣ измѣненія орфографіи, имѣются пропуски и перемѣны словъ. Въ 1 ст. Вотъ вмѣсто есть, въ 8 ст. пропущено *Онъ*, въ 19 ст.—*Его*.

52) *Къ брату-воину* (стр. 87). Напечатано вслѣдъ за предыдущимъ стихотвореніемъ, 231—232, при чемъ стихотворенія понумерованы цифрами 1-е, 2-е. Подъ каждымъ стоитъ фамилія автора, но года нѣтъ ни подъ однимъ. Выставленную нами дату взяли изъ рукописнаго подлинника. Въ изд. 1881 г. (59 стр.), кромѣ знаковъ препинанія, въ ст. 12 *славной* напечатано безъ курсива, и вмѣсто *я боюсь* напечатано *не боюсь*, что искажаетъ совершенно смыслъ. Кромѣ того, въ «Спискѣ стихотвореній» стр. 41 находится при этой пьесѣ странная замѣтка, не имѣющая основанія: «Послѣдніе 28 стиховъ повторены въ стихотвореніи Музы послѣ напечатанныхъ двѣнадцати стиховъ». Въ рукописи встрѣчаются слѣдующія разночтенія:

Ст. 9: Я честь люблю, мнѣ свято дѣло правыхъ.

Ст. 10: Не выдамъ я святую Русь,

но потомъ исправлено, какъ въ печатномъ.

Ст. 16: Вмѣсто *протяжный* шумъ—*завѣтный* шумъ.

Ст. 19: Вмѣсто *безвѣстною* свирѣлю первоначально было—*незвонкою*.

Ст. 20: вмѣсто *пустынныхъ* сель первоначально было *безвѣстныхъ*. Вѣроятно, писано къ Михаилу Ивановичу, генераль-лейтенанту и шталмейстеру Высочайшаго двора.

53) *Милой дѣвѣ* (88). Напечатано въ *Новостяхъ Литературы*, 1823 г., кн. IV, № 23, 158 стр., съ подписью *В. Т.* Выставленная нами дата: «*Ярославецъ. Августъ 1822*— взята изъ рукописи. Въ изд. 1881 г. (114 стр.) оно вошло съ незначительными измѣненіями въ знакахъ препинанія, но въ «Спискѣ стихотвореній» на стр. LX указаны *Невскій Альманахъ* и *Славянинъ*, гдѣ напечатано другое стихотвореніе подъ такимъ же заглавіемъ, но относящееся къ 1823 году. Въ рукописи текстъ значительно отличается отъ напечатаннаго въ *Нов. Лит.* Вотъ разночтенія, въ 3 ст.: Ты всюду спутникъ мой со сладостью очей; 5 ст.: сохранилъ;

Кромѣ того послѣдніе 4 стиха сперва были написаны такъ:

Блаженъ кто утайлъ, какъ я, въ душѣ своей,

Среди снѣговъ любовь высокихъ знаній,

Свободу пылкую и честь среди цѣпей

И образъ твой средь вѣтранныхъ желаній.

Вариантъ этотъ очень интересенъ для характеристики настроенія нашего поэта въ 20-хъ годахъ прошлаго столѣтія. Условія цензуры, очевидно, не дозволили редакціи *Нов. Лит.* удержатъ такія выраженія, какъ: свободу пылкую и честь среди цѣпей, но мы вполнѣ понимаемъ, что другъ Рылѣва, А. Бестужева и др. декабристовъ иначе о Петербургѣ не могъ сказать.

54) *Юной прелестницъ* (стр. 88—89). Впервые напечатано по рукописи въ моей брошюрѣ о В. П. Туманскомъ въ *Пантеонъ Литературы* 1890 г. Перепеч. Милорадовичемъ въ приложенияхъ къ письмамъ В. И. Туманскаго, въ 1891 г. Въ настоящемъ изданіи перепечатываемъ съ сохраненіемъ знаковъ препинанія и правописанія подлинника. Г. Саводникъ («Русск. Вѣст.» 1902 г., № 2) считаетъ это стихотвореніе выраженіемъ гуманныхъ чувствъ нашего поэта, чувства любви и состраданія къ людямъ обездоленнымъ и надшимъ.

55) *На разлуку* (стр. 89—90). Напечатано впервые въ изд. 1881 г. (56), перепечатано въ приложеніи къ письмамъ 1891 г., 116—118. Въ обоихъ случаяхъ выставлено заглавіе «1822 года. Октябрь», но не указано, дано ли это названіе самимъ поэтомъ? Предполагая, что въ альбомѣ С. Г. Туманской эта пьеса не имѣетъ заглавія, мы дали свое по содержанию, поставивъ годъ и мѣсяцъ подъ стихотвореніемъ. Такъ какъ въ изд. 1881 г. и въ письмахъ 1891 г. текстъ различенъ по знакамъ препинанія, то мы отдали предпочтеніе тексту 1891 г., какъ болѣе отвѣчающему правописанію поэта.

56) *Въ альбомъ С. Г. Туманской* (стр. 90—91). Впервые напечатано въ изд. 1881 г. (55 стр.), подъ заглавіемъ «Милой Сестрицъ». Перепечатано въ приложеніи къ письмамъ 1891 г., 116 стр., подъ заглавіемъ, удержаннымъ и въ настоящемъ изданіи. Пунктуациа различна въ изд. 1881 и 1891 гг., поэтому примиряемъ ихъ, руководясь знакомствомъ съ разстановкою знаковъ въ рукописяхъ Туманскаго. Годъ выставленъ нами на томъ основаніи, что въ письмахъ 1891 г. оно помѣщено между пьесами этого года.

57) *Софья* (стр. 91—92). Впервые напечатано въ изд. 1881 г. (43—44) безъ заглавія; взято изъ письма В. И. Туманскаго къ Софьѣ Григорьевнѣ отъ 20 декабря 1822 г. Въ этомъ изданіи на стр. 43—45 напечатано пять стихотвореній, взятыхъ изъ различныхъ писемъ и относящихся къ различнымъ лицамъ: одно къ Юліи, три къ Софьѣ, одно къ самому поэту, а одно принадлежитъ не Туманскому, а его двоюродному брату Арк. Вас. Кочубею. Стихотвореніе «Сей прозѣ отъ разсудка скрытой» находится непосредственно за письмомъ А. В. Кочубея, которое является дополненіемъ къ французскому письму Туманскаго. Въ рукописи оно озаглавлено: *Софья эпиграмма*.

Сей прозы отъ разсудка скрытой
Ужасный приговоръ открыть,
Что я хвалю тебя сердито,
А онъ превесело бранить.

Что эту эпиграмму нельзя приписывать Туманскому, ясно изъ слѣдующаго письма А. В. Кочубея: «Комментарій». Базиль ¹⁾ самъ не знаетъ, что пишетъ. Во всѣхъ этихъ фразахъ Софи, вѣроятно, не разберетъ,

¹⁾ Такъ часто подписывается Туманскій въ своихъ дружескихъ письмахъ къ Софьѣ Григорьевнѣ.

что онъ хотѣлъ ее побранить. По молодости лѣтъ у него не хватило храбрости на это. Онъ уступилъ мнѣ мѣсто и проч... (См. письма. 1891 г., стр. 100). А. В. Кочубей въ молодости занимался литературою и вмѣстѣ съ графомъ Сергѣемъ Павловичемъ Потемкинымъ переводилъ Расина, писалъ стихи и сочинялъ оперу изъ «Душеньки» Богдановича (см. Семейная хроника, 10 стр.). Печатаемый здѣсь текстъ пьесы провѣренъ нами по рукописи.

58) *О себѣ* (стр. 92). Напечатано тамъ же, гдѣ и предыдущее стихотвореніе. Заглавіе дано нами по содержанію, годъ и мѣсяцъ выставлены на основаніи письма. Текстъ печатается здѣсь по автографу.

59) *Софья* (92 стр.). Напечатано тамъ же. Текстъ печатается здѣсь по автографу.

60) *Къ сестрѣ* (стр. 93—94). Напечатано въ *Благонамѣренномъ* за 1823 г., ч. XXI, № 5, стр. 326—327, съ обозначеніемъ года и полною фамиліей поэта. Въ изд. 1881 г. (67—68 стр.) текстъ сильно измѣненъ. Пьеса напечатана безъ раздѣленія на строфы; знаки препинанія измѣнены; искаженіе словъ и смысла: въ ст. 4 вмѣсто *отъ черни* слѣдуетъ *отъ грязи*; въ ст. 15—16 вмѣсто *души* слѣдуетъ: и тихихъ *думъ* и безспокойныхъ *думъ*; въ ст. 26 вмѣсто *на мѣрѣ* слѣдуетъ: *на мѣрѣ*. Пьеса по содержанію весьма характерна для нашего поэта: онъ сторонникъ не мечтательной и мягкой поэзіи Жуковского, а гражданской поэзіи, которая бичуетъ «тирановъ» и «рабовъ» міра. Измѣненное въ изд. 1881 г. слово *грязи* въ *черни* дало поводъ г. Саводнику (назв. выше статья въ «Русск.Вѣст.» 1902 г.) наговорить много невѣрнаго о презрѣннѣи къ черни и т. п.

61) *Къ N. N.* (стр. 94—96). Напечатано въ *Новостяхъ Литературы*, 1823 г., кн. VI, № 52, стр. 204—206, съ обозначеніемъ года и полною фамиліей поэта. Въ изд. 1881 г. (7—9 стр.) текстъ напечатанъ съ измѣненіемъ орфографіи, безъ курсива въ 38 ст.

62) *Къ Сидевиллю* (стр. 96—97). Напечатано въ томъ же журналѣ, 1823 г., ч. IV, № 22, 142—143 стр., съ обозначеніемъ года и подписью В. Т. Издатель А. Воейковъ къ слову «Переводъ» сдѣлалъ примѣчаніе: «И очень близкой извѣстныхъ стиховъ: «Si vous voulez, que j'aime encoге...» Въ изд. 1881 г. не вошло; но гр. Милорадовичъ въ «Послѣсловіи» къ письмамъ 1831 г., 149 стр., знаетъ объ этомъ стихотвореніи, хотя указавъ невѣрно журналъ *Сынъ Отечества*, гдѣ будто бы оно было напечатано.

63) *Стансы къ Аркадію* (стр. 97—98). Напечатано въ *Соревнователѣ Просвѣщенія и Благотворенія*, 1823 г., ч. XXI, № 1, стр. 61—62, съ полною подписью поэта. Въ изд. 1881 г. (72—73 стр.) текстъ перепечатанъ согласно съ первоначальнымъ, за немногими искаженіями, но годъ выставленъ 1823 невѣрно. Цензорская помѣта ч. XXI журнала относится къ 1-му января 1823 г., значитъ пьеса написана въ 1822 г. Этотъ годъ мы и выставили. Подъ Аркадіемъ, вѣроятно, надо разумѣть друга дѣтства Аркадія Вас. Кочубея.

64) *Торжество поэта* (стр. 98). Напечатано въ томъ же журналѣ, въ той же части, № 3 291 стр., съ полною подписью поэта. Рукопис-

ный текст сходенъ съ печатнымъ. Въ изд. 1881 г. (73—74 стр.) выставленъ невѣрно 1823 г. Мы поставили 1822 г. по тому же основанію, по какому выставили тотъ же годъ и подъ предыдущимъ стихотвореніемъ.

65) *Милой дѣвѣ* (99 стр.). Напечатано въ *Полярной Звѣздѣ* Рылѣва и А. Бестужева на 1823 г., 314 стр., съ полною подписью поэта. Дата взята нами изъ рукописи. Въ изд. 1881 г. (82 стр.) пьеса напечатана съ измѣненіемъ знаковъ препинанія, годъ выставленъ 1823 невѣрно, потому что цензорская помѣта названной книжки *Пол. Зв.* относится къ 30 ноября 1822 г. Въ автографѣ встрѣчаются такія разночтенія: ст. 2 вм. второго *плннять—живить*, въ ст. 11: И твой любовникъ тайный—подчеркнуто, но вверху приписано такъ, какъ въ печатномъ.

66) *Видѣніе* (99—100 стр.). Напечатано тамъ же, стр. 389, съ полною фамиліей поэта. Года нѣтъ ни въ рукописи, ни въ *Поляр. Зв.* Онъ выставленъ нами на основаніи цензорской помѣты, почему считаемъ 1823 г., выставленный въ изд. 1881 г., невѣрнымъ. Кромѣ того, въ изд. 1881 г. (82—84 стр.) измѣнены знаки препинанія, отброшены ковычки и внесены нѣкоторыя незначительныя измѣненія въ написаніи отдѣльныхъ словъ. Въ рукописи это стихотвореніе имѣетъ слѣд. варианты: въ 2 ст.: чуть *слышной въ звонкихъ камышахъ*, въ ст. 18: вмѣсто *утѣшенный* первоначально было *ласкаемый*. Кромѣ того, въ концѣ стихотворенія была еще одна строфа, но она, по словамъ автора въ примѣчаніи, «была выброшена по совѣту друзей». Вотъ она:

На берегахъ Эсмани я бродилъ,
Тоска на сердцѣ—въ думахъ трепетъ.
Благоухало все—и вѣтеръ разносилъ
Кругомъ волны лѣнливой лепетъ.

До изд. 1881 г. эта пьеса безъ заглавія, но съ подписью фамиліи автора переиздана въ книгѣ: «Весенніе цвѣты, или собраніе романсовъ, балладъ и пѣсенъ» (Москва 1835 г., 87—89 стр., № XXXVI). Текстъ искаженъ, напр. *Усмани* вмѣсто Эсмани и т. п.

67) *Музы* (100—101 стр.). Напечатано въ *Сынѣ Отечества* 1823 г., ч. LXXXIII, № 4, 190—191 стр., съ полною фамиліей поэта. Ни въ печати, ни въ рукописи года нѣтъ. Выставляемъ его на основаніи цензорской помѣты № 4-го *Сына Отечества*. Въ изд. 1881 г. (63 стр.) текстъ представляетъ иногда серьезныя искаженія, на примѣръ въ ст. 2—Вамъ вмѣсто *Вашъ*; 6 ст. мною вмѣсто *мной*; ст. 9 полныя вмѣсто *полныя*, не говоря о знакахъ препинанія и о томъ, что пьеса не раздѣлена на строфы по четыре стиха въ каждой. Въ рукописи на томъ же листкѣ, нѣскольکو ниже, находится еще одно стихотвореніе, нигдѣ въ свое время не напечатанное. Пьеса носить заглавіе: «*Счастливая смерть*».

68) *Черная рѣчка* (102—104 стр.). Напечатано въ *Литературныхъ листкахъ* Булгарина за 1823 г., № I, 13—15 стр., съ обозначеніемъ года и полною фамиліей поэта. Въ изд. 1881 г. (69—72 стр.) кромѣ знаковъ препинанія, нѣтъ курсива въ ст. 53 *ея*, въ ст. 50 *сливая* вм.

сливай. Въ свое время эта пьеса дала поводъ г. Д. В. р. ст-ву напечатать статью (*Благонамѣр.*, 1823 г., № XV, 169—186 стр.), подъ заглавіемъ «*Разговоръ о Романтикахъ и Черной рѣчкѣ*». Въ этой статьѣ достается вообще всѣмъ романтикамъ-самозванцамъ, которые пишутъ всякія нелѣпости подъ видомъ романтической поэзіи, хотя въ ихъ стихотвореніяхъ нѣтъ ни глубокихъ чувствъ, ни логики, ни живописи, ни грамматики. Въ подтвержденіе разбирается пьеса «*Черная рѣчка*». Выраженіе: *дубравы шепчутся съ волной*—невозможны въ русскомъ языкѣ. Стихи: «О рѣчка, много оживила» и проч. считаетъ непрытыми и непонятными. По мнѣнію критика, въ стихахъ:

И мнѣ сіялъ онъ неизмѣнно
Въ моихъ измѣчивыхъ мечтахъ—

которые приводились, какъ образчикъ изящнаго, нѣтъ ничего, кромѣ образчика *изящнаго противусмысла*. По его мнѣнію, все стихотвореніе слѣдуетъ назвать *туманомъ* романтической поэзіи. Издатель журнала въ примѣчаніи защищаетъ такія выраженія поэта, какъ *стоны птицъ* и т. п. Кромѣ критической статьи, въ томъ же №-рѣ журнала (стр. 209) напечатана *Эпиграмма*, явно направленная противъ Туманскаго и подписанная буквами NN:

«Дитя мечтательной природы,
Поэтъ *Романтикъ Мишинъ* такъ слогъ туманитъ свой,
Что ужъ давно пора назвать его мечтой,
Иль призракомъ Литтературы».

Кромѣ издателя въ защиту (по притворную) Туманскаго выступилъ какой-то *Гильевъ*, напечатавшій въ № XVII, 322—323 стр., того же журнала за 1823 г. *Письмо къ сердечному другу моему въ О...*. По заявленію Гильева, г. Д. В. р. ст. въ своею критикой «*отуманилъ Черную рѣчку*». Начинаетъ замѣчаніемъ о *Новостяхъ Литературы*, гдѣ появляются стихи «*Байрончиковъ*», сладкогласныхъ пѣвцовъ, душещарующихъ». Среди нихъ и Туманскій, о которомъ сказано: «Ты знаешь очаровательное перо милаго ***, котораго лирные звуки можно уподобить сладкострастному вѣянію Зефира, котораго нѣжныя пѣсни—вѣрные отголоски чувствъ его—походятъ попеременно то на жалобныя воркованья горлинки, то на сладостные клики лебедя, то на гармоническія трели Филомелы. Перо его—смѣло скажу—вырванное Музами изъ крыла генія Байрона, часто даритъ насъ непонятно оболстительными картинами говорящей, или вѣрнѣе сказать, *поющей живописи*. Оно *плодовито, неприступно*». Въ отвѣтъ на эту статью появилась въ № XVIII, 148—149 стр. *Эпиграмма* Туманскаго, которую печатаемъ въ настоящемъ изданіи.

69) *Больное дитя* (104 стр.). Напеч. въ «*Сынъ Отеч.*» 1823 г., ч. LXXXIV, № 13, 283 стр. Годъ и фамилія поставлены подъ слѣдующимъ стихотвореніемъ «*Жалоба*». Въ изд. 1881 г. (62—63) въ 3 ст. вм. *Сонъ* напеч. *Умъ*; кое-гдѣ измѣнены знаки препинанія. Въ рукописи все

сходно съ печатаемымъ текстомъ «Сына Отечества», только въ 10 ст. вверху надписано: «Отъ звуковъ сихъ» вм. отъ нихъ. Годъ не обозначенъ и въ автографѣ.

70) «Жалоба» (104—105 стр.). Напеч. тамъ же, 284 стр. Годъ 1823 и фамилія *Туманскій* обозначены. Въ изд. 1881 г. (63) измѣнены знаки препинанія и отброшены кавычки. Въ рукописи текстъ сходенъ съ печатнымъ, только озаглавлено было: *Дитя*. Годъ не выставленъ и въ этомъ автографѣ. В. Кюхельбекеръ въ своемъ *Дневникѣ* (Русск. Стар. 1883 г., июнь, 124 стр.) отмѣтилъ: «Въ «Сынъ Отечества» нашель двѣ прелестныя бездѣлки *Туманскаго*; онѣ такъ хороши, что не могу не выписать ихъ». И выписаль *Большое дитя* и *Жалобу*.

71). Къ *портрету* NN (105 стр.). Напеч. въ *Благонамѣренномъ* за 1823 г., ч. XXII, № 9, 215 стр., съ подписью В. безъ обозначенія года. Въ изд. 1881 не вошло. Трудно сказать, кого имѣлъ въ виду Туманскій. Очень походить портретъ на Ѳ. В. Булгарина или на А. Ѳ. Воейкова.

72) *Эпиграмма* (105 стр.). Напеч. тамъ же, № 11, стр. 333, безъ обозначенія года и съ подписью В. Т. Годъ выставленъ нами. Въ изд. 1881 г. (69 стр.) текстъ сохраненъ, только выброшены курсивы. Эпиграмма является отвѣтомъ Туманскаго на эпиграмму NN, напечатанную въ *Благонамѣренномъ* и выше нами приведенную. Тамъ Туманскаго называли Милинъ, здѣсь противникъ называется болѣе ничтожнымъ именемъ Нуликовъ, — тамъ Туманскаго называли «мечтой» или «призракомъ литературы», здѣсь противника называютъ болѣе презрительно—«кондитеромъ литературы».

73) *Паденіе листьевъ* (105—107 стр.). Напеч. въ *Соревнователь Просв. и Благотв.* за 1823 г., ч. XXII, № 6, 266—268 стр., съ обозначеніемъ мѣсяца и года и полной фамиліи поэта. Взятое въ скобки поставлено нами, такъ какъ въ *Соревнователь* не обозначенъ источникъ этого очень любимаго въ первой четверти XIX ст. стихотворенія. Въ изд. 1881 г. (74—76) текстъ перепечатанъ почти безъ измѣненій. Въ рукоп. тетради, заключающей 13 стихотвореній, имѣется и *Паденіе листьевъ*. Текстъ представляетъ много разночтеній съ печ. текстомъ. Вотъ они:

Ст. 1—10 читались первоначально такъ:

Съ деревьевъ на мертвый (желтый) знакъ полей
Сухія листья облетѣли.
Пріюты роцей опустѣли,
Умолкъ веселый соловей.
Больной, измученный, унылый (вар.: какъ осень блѣдный и унылый)
Той стороны пастухъ молодой
Въ послѣдній разъ отчизнѣ милой
Ввѣрять завѣтъ печальный (вар.: прощальный) свой.
«Простите, рощи (зачеркнуто), холмы и долины
Прости, родимая рѣка...

Ст. 34: вм. *Подъ покрываломъ* исправлено, но потомъ зачеркнуто—*подъ черной шалью*.

Ст. 37: вм. и плакать простодушно поправлено:

И тосковать и плакать будеть.

Ст. 38 имѣеть два варианта:

1-й: И помянетъ мой краткій день,

2-й: И помянетъ любовь свою въ слезахъ.

Въ ст. 42-мъ вм. наутро было назавтра

Ст. 47—48 первоначально чит.:

Мать безутѣшная; а дѣва,

Увы! а съ плачемъ на устахъ...

Стихотвореніе Туманскаго представляетъ переводъ пьесы Миль-вуа, носящей заглавіе «La chute de feuilles». Въ первоначальной редакціи текстъ его таковъ:

De la dépouille de nos bois
L'automne avait jonché la terre,
Le bocage était sans mystère,
Le rossignol était sans voix.
Triste, et mourant à son aurore,
Un jeune malade, à pas lents,
Parcourait une fois encore
Le bois à ses premiers ans:
«Bois que j'aime! adieu... je succombe.
Ton deuil m'avertit de mon sort;
Et dans chaque feuille qui tombe
Je vois un présage de mort.
Fatal oracle d'Epidaure,
Tu m'a dit: «Les feuilles des bois
A tes yeux jauniront encore;
Mais c'est pour la dernière fois.
L'éternel cyprès se balance;
Déjà sur la tête en silence
Il incline ses longs rameaux:
«Ta jeunesse sera flétrie
Avant l'herbe de la prairie,
Avant le pampre des cotaux».
Et je meurs! De leur froide haleine
M'ont touché les sombres autans;
Et j'ai vu, comme une ombre vaine
S'évanouir mon beau printemps.
Tombe, tombe, feuille éphémère!
Couvrez, hélas! ce triste chemin,
Cache au désespoir de ma mère
La place où je serai demain.

Mais si mon amante voilée
 Au détour de la sombre allée
 Venait pleurer quand le jour fuit,
 Eveille par un léger bruit
 Mon ombre un instant consolée».
 Il dit, s'éloigne... et, sans retour...
 La dernière feuille qui tombe
 A signalé son dernier jour
 Sous le chêne on creusa sa tombe...
 Mais son amante ne vint pas
 Visiter la pierre isolée;
 Et le patre de la vallée
 Troubla seul du bruit de ses pas
 Le silence du mausolée».

Та же пьеса была переведена Баратынским и напечатана въ *Новостяхъ Лит.* за 1823 г., № XII, 186—187 стр. Кроме того, въ *Благонамьренномъ* за 1825 г., № XXI, 258—260 стр. напечатанъ новый переводъ того же стихотворенія Ст. Степанова изъ Саратова.

Пьеса Туманскаго, по сообщенію *Русской Старины* (1871 г. т. 4, стр. 3441. Къ исторіи русской цензуры), удостоилась вниманія цензора Ал. Ив. Красовскаго. Послѣдній очеркнулъ красными чернилами два мѣста въ этомъ произведеніи. Противъ ст. 33—40 онъ написалъ: «Какая дѣва?»

Стр. 48—49 имъ взяты въ большія скобки. Въ списокѣ, представленномъ цензору, подъ стихотвореніемъ стояла дата: «Марта 9». Красовскій поставилъ надъ датою NB и написалъ:

«9 марта 1823, т. е. въ одинъ изъ первыхъ дней великаго поста, весьма неприлично писать о любви дѣвы, неизвѣстно какой. Притомъ NB «Сынъ Отечества» читаютъ люди степенные и даже духовные»,

74) *Юли* (107 стр.). Впервые напечатано въ изд. 1881 г. (43 стр.), при чемъ текстъ согласенъ во всемъ (за исключеніемъ поздравительный) съ рукописнымъ подлинникомъ. Второй разъ перепечатано въ «Письмахъ» 1891 г. (10 стр.), но съ разстановкою знаковъ препинанія, которыхъ нѣтъ въ рукописи, и съ тѣмъ же прилагательнымъ *поздравительный*, оканчивающимся въ автографѣ на *ой*. Въ обоихъ случаяхъ стихотвореніе отнесено къ 1822 г. ошибочно, такъ какъ письмо, изъ котораго заимствовано оно, невѣрно гр. Г. А. Милорадовичемъ приписано 1822, о чемъ будетъ сказано въ примѣчаніяхъ къ «Письмамъ». Мы печатаемъ текстъ по подлиннику, но разставили свои запятыя. Въ пьесѣ находимъ намекъ на ухаживанія Аркадія Родзянка за Ульяной Григорьевной Туманской. Пьеса не имѣетъ главія; мы его дали по содержанию.

75) *Элегія* (стр. 108). Напеч. въ «*Новостяхъ Литературы*» за 1823 г., кн. VI, № 43, 62 стр., съ обозначеніемъ даты, безъ фамиліи поэта, которая стоитъ подъ слѣдующимъ стихотвореніемъ А... А... К... Гр. Г. А. Милорадовичъ дважды напечаталъ его (въ изд. 1881 г.,

стр. 93, въ «Письмахъ» 1891 г. (стр. 23—24 стр.) безъ заглавія, взявъ его изъ письма поэта къ Софьѣ Григорьевнѣ Туманской, такъ какъ не зналъ о текстѣ, напечатанномъ въ «*Нов. Литер.*» и о его заглавіи въ этомъ журналѣ. Воспроизводимый нами печатный текстъ отличается отъ рукописнаго. Кромѣ письма, текстъ этого стихотворенія имѣется еще въ одномъ автографѣ, въ рукописяхъ Имп. публ. библиот. Въ этой рукописи оно названо «*Элегія*», даты нѣтъ. Этотъ текстъ, несомнѣнно, служить оригиналомъ для напечатаннаго въ «*Нов. Литер.*», хотя заключаетъ незначительные варианты, именно: въ стр. 5 вм. *невѣчны* написано карандашомъ *не долги*; въ остальномъ сходно съ печатнымъ.

Текстъ изд. Милорадовичемъ представляетъ слѣд. варианты: стр. 10: Вздохнешь ты о веснѣ своей. Стр. 12—ясныхъ дней; стр. 13—16 читаются такъ:

Уже не будетъ имъ возврата,
Исчезнутъ навсегда они,
Какъ непорочности утрата,
Какъ вѣка золотого дни.

Удивительно, почему гр. Милорадовичъ не выставилъ даты письма 17 апреля 1823 г.—подъ пьесюю.

76) *Софья* (108 стр.). Напеч. въ «*Письмахъ*» 1891 г., 23 стр. Заглавіе дано нами по содержанію, дата выставлена изъ письма, въ въ которомъ пьеса заключается. Текстъ и орфографія согласны съ подлинникомъ. Коментаріемъ служатъ слова письма, о которомъ см. въ примѣчанія къ письмамъ.

77) *Милой днѣвь* (108—110 стр.). Напеч. въ «*Невскомъ Альманахѣ*», изд. Аладынымъ на 1827 г., 66—69 стр., съ обозначеніемъ даты—1823,—поставленной въ скобкахъ подъ заглавіемъ. Въ «*Славянинѣ*» Воейкова за 1827 г. (ч. I, № 8, 128—130 стр.) это стихотвореніе перепечатано съ фамиліей поэта и указаніемъ мѣста написанія—*С.-Петербургъ*. Хотя въ «спискѣ» при изд. 1881 г. (стр. LX) указана эта пьеса съ ссылками на *Невскій Альманахъ* и «*Славянинъ*», однако, въ текстѣ ея нѣтъ, а на стр. 114 напечатано другое произведеніе съ тѣмъ же заглавіемъ. Отнести къ 1827 г. это стихотвореніе, какъ это сдѣлано въ изд. 1881 г., нельзя, потому что *Невскій Альманахъ* помѣченъ цензоромъ 27 октября 1826 г. Мы выставляемъ дату на основаніи автографа (Май), *Невскаго Альманаха* (1823,) и «*Славянина*» (Спб.). Такъ какъ текстъ въ послѣднемъ появился поздне и ближе къ автографу, то мы тоже перепечатаемъ здѣсь текстъ «*Славянина*».

Варианты по *Невскому Альманасу*:

Ст. 1-й—взоромъ вм. вздохомъ,
Ст. 14—Дышала небомъ мысль моя,
Ст. 15—Твоей бесѣдою творилось,

Ст. 68—71: Дни омраченны разлукой,
Твой образъ, какъ звѣзда, прольетъ чистѣйшій свѣтъ,

Ты юности моей была невольной мукой,
Невольной сладостью ты будешь поздних лѣтъ.

Въ рукописи, какъ сказано, текстъ близокъ къ тексту «*Славянина*», но имѣются отличія и варианты. Вотъ они:

Стихъ 14-й имѣеть оба варианта, т. е. текстъ и *Нев. Альм.* и «*Славянина*».

Въ ст. 45 вм. *привѣтный* имѣется вар. *знакомый*; въ ст. 67 вм. *небесный* вар. *привѣтный*;

Стихи 68—71 чит.:

На дни, отравленные скукой,
Твой образъ иногда прольеть прекрасный свѣтъ,
Ты юности моей была невольной мукой,
Невольной радостью ты будешь позднихъ лѣтъ!

Пьеса имѣеть автобиографическій характеръ и относится несомнѣнно къ Софѣ Григорьевнѣ Туманской.

78) *Май* (110—111 стр.). Налеч. въ *Сынъ Отечества* за 1823, ч. LXXXVI, № 23, 127—128 стр., съ обозначеніемъ года, числа, мѣсяца и полной фамиліи поэта. Въ изд. 1881 г. (64) текстъ, кромѣ знаковъ препинанія и явныхъ опечатокъ, въ родѣ миръ вм. мирь, вихрь вм. вихорь, согласенъ съ текстомъ *Сына Отечества*.

79) *Възкъ Елисаветы и Екатерины* (111—113 стр.). Хотя гр. Г. А. Милорадовичъ въ «*Послѣсловіи*» къ «*Письмамъ*» 1891 г. на стр. 149 указываетъ, что эта пьеса была цѣликомъ напечатана на стр. *Сына Отечества*, но мы ея не нашли не только въ названномъ журналѣ, но и въ другихъ за тотъ же годъ. Это стихотвореніе, прочитанное самимъ авторомъ 22 мая 1823 г. въ Публичномъ собраніи членовъ общества любителей россійской словесности въ домѣ вдовы поэта Державина, печатается здѣсь въ полномъ видѣ по рукописи, состоящей изъ двухъ полулистовъ плотной бумаги, тщательно переписанной. Можетъ быть, это та рукопись, по которой читаль самъ авторъ. Отрывокъ по одному полулисту напечатанъ былъ нами въ приложеніи къ брошюрѣ о Туманскомъ 1890 г. (34—35 стр.). Годъ, мѣсяцъ и мѣсто выставлены нами. Кн. Вяземскій писалъ А. И. Тургеневу 25 мая 1823 г. послѣ собранія, на которомъ читались произведенія Туманскаго, Рылѣва, гр. Хвостова и др.: «Сбирался описывать тебѣ вечеръ въ бесѣдной хранилѣ, но хлопоты и недостатокъ въ матеріалахъ помѣшали: Гречъ не доставилъ еще всего, что было читано, а, право, много хорошаго... У Рылѣва есть прекрасные стихи ¹⁾, у Туманскаго—смѣлые. Хотѣлъ для васъ выписать послѣдніе, но не прислалъ... (Остафьевскій Архивъ, изд. подъ ред. В. И. Саитова, т. II, 325 стр.). Передъ стихами прозою вставлено: «Сочинитель (послѣ необходимаго введенія къ своему предмету) рассказываетъ на-

¹⁾ Читаль Туманскій отрывки изъ поэмы Рылѣва «*Войнаровский*».

чало Русской словесности при Петрѣ, новое устройство и побѣды Россіи, направление (данное) умамъ великимъ ея образователемъ, снова обращается къ Державину».

80) *Къ кн. Н. А. Цертелеву* (114—115 стр.). Напеч. въ *Соревнователь Просв. и Благотв.* за 1823 г., ч. XXIII, № 7, 60—63 стр., съ полною фамиліей поэта. Перепечатано было въ «Собраніи новыхъ Русскихъ стихотвореній» 1824 г., ч. I 285 стр. Въ изд. 1881 г. (76—78) измѣнены правописаніе нѣкоторыхъ словъ и знаки препинанія. Годъ выставленъ нами. Г. Саводникъ указалъ (въ упом. уже не разъ статьѣ), что въ этомъ стихотвореніи высокимъ идеаломъ поэта Туманскій считаетъ Байрона. Мы имѣемъ основаніе предполагать, что настоящее стихотвореніе вызвано слѣдующимъ обстоятельствомъ. Въ январскомъ собраніи членовъ Вольн. Общ. Люб. Рос. Слов. дѣйств. членъ кн. Николай Андреевичъ Цертелевъ произнесъ рѣчь, какъ предисловіе къ составленной имъ книгѣ «Историческая Картина Россійской Словесности».

Книга его должна была служить дополненіемъ къ «Опыту исторіи Россійской словесности» Н. И. Греча въ томъ смыслѣ, что болѣе говорила о сочиненіяхъ, чѣмъ о сочинителяхъ, т. е. была скорѣе теоріей, чѣмъ исторіей словесности. Такъ какъ кн. Цертелевъ разсматривалъ сочиненія такихъ только писателей, «которые или по своимъ достоинствамъ, или по случайному вліянію на современниковъ, или потому, что первые писали въ родѣ своемъ, обращаютъ на себя особенное вниманіе», то естественно было ему задаться вопросомъ о достоинствѣ поэта. Намекъ на свои воззрѣнія въ этомъ отношеніи кн. Цертелевъ даетъ въ слѣдующихъ словахъ своей рѣчи, прося содѣйствія сочленовъ: «увлекусь ли прелестными, гармоническими стихами какого либо писателя, вы обратите вниманіе мое на существеннѣйшую часть сочиненія, цѣль и содержаніе: забуду ли о слогѣ, прельстясь чертежемъ и блестящими мыслями, вы напомните мнѣ о сей одеждѣ чувствованій и мыслей—стану ли судить поверхностно, вы скажете, что, оцѣняя сочиненіе, должно смотрѣть на содержаніе онаго, таланты писателя, его усилія и средства, доставляемыя самымъ предметомъ. Буду ли привязчивъ или неуважителенъ къ сочинителю, вы повторите мнѣ слова почтеннаго наставника моего (А. Θ. Мерзлякова): «Критикъ долженъ помнить, что разбираемый имъ всегда Творецъ, а онъ только хранитель его твореній:—И заблужденіями генія наслаждаются и приносятъ ему дань удивленія»... Вы не допустите меня молчать о почтенныхъ писателяхъ потому только, что они не писали въ новомъ вкусѣ, что языкъ ихъ устарѣлъ и что ихъ читаютъ менѣе, нежели современныхъ; не позволите называть Анакреонами и Тассаами пѣвцовъ любви и сладострастія»... Эта рѣчь и сочиненіе кн. Цертелева вызвали обмѣнъ мнѣній, и данное стихотвореніе, несомнѣнно, является отголоскомъ этого обмѣна.

81) *Къ ней* (116 стр.). Напеч. въ *Полярной Звѣздѣ* на 1824 г., 29 стр., безъ обозначенія года, но съ полною фамиліей поэта; нѣтъ указанія, что пьеса взята изъ Уланда. Перепечатано въ *Опытъ Русской ан-*

оологiи 1828, стр. 181; въ *Литературныхъ Прибавленiяхъ къ Русск. Иив.* за 1836, № 31, на первой стр. послѣ заголовка безъ заглавiя; въ «*Дамскомъ Альбомѣ, составленномъ изъ отборныхъ страницъ Русской поэзiи*» (С.-Петербургъ, 1854 г., стр. 82, изд. 2-ое). Въ изд. 1881 г. (84) кромѣ слова *милй* въ 3 ст. и *милей* въ 5 и знаковъ препинанiя, текстъ сходенъ съ текстомъ *Полярной Звѣзды*, который воспроизведенъ въ нашемъ изданiи.

Годъ 1824 выставленъ въ этомъ изд. невѣрно. Нами выставленъ 1823 г. на основанiи цензорской помѣты *Полярной Звѣзды*, гдѣ оно впервые напечатано. Изъ рукописнаго экземпляра Н. В. Гербеля взяли мы указанiе на Уланда. Въ рук. ст. 4-й чит.: Но *что* за весна въ сторонѣ бѣ той была»...

82) 13 *Августа* (116 стр.). Напечатано въ томъ же альманахѣ, стр. 63—64, съ обозначенiемъ города—«Одесса», но безъ фамилiи, которая указана въ оглавленiи альманаха (В. Туманскiй). Перепечатано безъ заглавiя, но съ фамилiей поэта въ книгѣ *Весеннiе Цвѣты*, 1835 г., 37—38 стр. № XVIII. Въ изд. 1881 г. (92) невѣрно указанъ годъ 1824. По указанному выше соображенiю, мы поставили 1823 г.

83) *На память Марiи* (117 стр.). Напеч. въ томъ же альманахѣ, стр. 200, съ фамилiей поэта, но безъ даты. Перепечатано въ *Отытъ Русской анѳологiи* 1828 г., 108 стр. и въ *Дамскомъ альбомѣ* 1854 г., 81—82 стр. Въ изд. 1881 г. (84) невѣрно выставленъ 1824 г.; кромѣ того, въ текстѣ измѣнено правописанiе. Выставленная нами дата взята изъ автографа. Въ послѣднемъ встрѣчаемъ слѣд. варианты: въ 3 ст. вм. подѣ влагой голубою—надѣ ясною водою, въ 6 ст. вм. тяжелыхъ думъ—тяжелыхъ дней.

84) *Одесса* (117 стр.). Напеч. тамъ же, 240 стр., безъ даты, но съ полною фамилiей поэта. Перепечатано въ *Весеннiхъ Цвѣтахъ* 1835 г., 27—28 стр. Въ изд. 1881 г. (85) текстъ заключаетъ, кромѣ измѣненiя знаковъ препинанiя, вар. въ ст. 8 вм. серебрянныя — серебряныя; годъ 1824 обозначенъ невѣрно. На основанiи цензорской помѣты нами выставленъ 1823 г. Эта пьеса вызвала со стороны А. С. Пушкина извѣстную строфу въ Евгении Онѣгинѣ:

Одессу звучными стихами
Намъ другъ Туманскiй описаль...

Стихи Пушкина интересны для характеристики отношенiя двухъ поэтовъ къ одному и тому же городу. Хотя Пушкинъ посмѣялся надѣ восторженностью Туманскаго, однако и онъ долженъ былъ признать прелесть южнаго солнца и моря. Съ другой стороны, и Туманскiй, познакомившись ближе съ Одессою, нѣсколько поостылъ въ своемъ восторгѣ отъ этого города и особенно отъ дѣвъ, томныхъ наперсницъ забавъ, что доказывается его письмами изъ Одессы къ Софьѣ Григорьевнѣ.

85) *Востоминанiе* (118 стр.). Напеч. тамъ же, 272 стр., безъ даты, но съ полною фамилiей поэта. Сохранилось два автографа этого стихотворенiя: въ одномъ, черновомъ, оно названо *Отрывокъ* и помѣчено

такъ, какъ перепечатано въ нашемъ изданіи; во второмъ названо *Воспоминаніе*, и хотя нѣтъ даты, но на одномъ съ нимъ листкѣ написаны такія пьесы, какъ *На память Маріи, Къ ней, Элегія* (Какъ звонкое журчаніе), помѣченныя 1823 г. Въ изд. 1881 г. (85—86) невѣрно указанъ годъ; текстъ, кромѣ перемѣны правописанія, въ ст. 5 чит.: *Блаженствомъ юношу...* Въ рукоп. текстъ сходенъ съ напечатаннымъ въ *Полярной Звѣздѣ*.

Въ изд. 1881 г. (стр. 46—47) напечатано еще одно стихотвореніе съ такимъ же названіемъ и съ обозначеніемъ, что оно «Изъ Мицкевича». Оно заимствовано изъ альманаха *Альціони* за 1831 г., 79 стр., хотя въ «Спискѣ» на стр. LII это не указано, и принадлежитъ В. Романовичу, современнику Туманскаго, котораго пьесы встрѣчаются и въ нѣкоторыхъ другихъ альманахахъ и журналахъ.

86) *Эпиграмма* (118 стр.). Напеч. тамъ же, 272 стр., съ полной фамиліей поэта, но безъ обозначенія года. Въ изд. 1881 г. (86 стр.) текстъ, кромѣ разстановки знаковъ препинанія, сходенъ съ основнымъ текстомъ. Годъ выставленъ нами на основаніи цензорской пометы *Полярной Звѣзды* на 1824 г.

87) *Зенеидъ* (118—120 стр.). Напеч. въ томъ же альманахѣ, 319—321 стр., съ полной фамиліей поэта, но безъ даты. Выставленная нами дата взята изъ автографа, въ которомъ пьеса названа *Юной красавицой*, при чемъ послѣ *Эпилога* поставлены инициалы З. А. О. Въ изд. 1881 г. (86) текстъ, кромѣ знаковъ препинанія, сходенъ съ текстомъ *Полярной Звѣзды*¹⁾; дата выставлена (1824 г.) невѣрно. Текстъ автографа сходенъ съ печатнымъ, только въ ст. 28 вм. *подслушавъ* было первонач. *пронюхавъ*. Трудно сказать, кого имѣлъ въ виду поэтъ. Среди знакомыхъ его въ Одессѣ знаемъ только *Зенеиду Бларамбергъ*, въ домѣ отца которой онъ былъ своимъ человѣкомъ, но инициалы, очевидно, указываютъ на другую Зенеиду.

88) *Акростихъ* (120 стр.). Напеч. въ *Блигонамѣренномъ* за 1823 г., ч. XXIII, № 18, 418 стр. Годъ написанія обозначенъ въ заглавіи; вмѣсто фамиліи стоятъ буквы NN. Приписываемъ Туманскому это стихотвореніе по двумъ основаніямъ: во-1-хъ, потому, что акростихъ даетъ имя *Софія*, имя двоюродной сестры Василя Ивановича, день ангела которой онъ всегда помнилъ, какъ это видно изъ писемъ его къ ней; во-2-хъ, Туманскій часто подписывалъ въ журналахъ и альманахахъ свои произведенія буквами NN, напр. такими буквами въ оглавленіи *Сѣверной Звѣзды* 1829 г. (175—176 стр.) обозначено принадлежащее ему стихотвореніе *Дьвушка влюбленному поэту*.

89) *Эпиграмма* (121 стр.). Напеч. тамъ же, 418—419 стр., безъ обозначенія года и съ подписью NN. Она связана со статьею Гильева «Письмо сердечному другу моему въ О... (*Благонамѣр.*, № 17, 322—333 стр.). *Акростихъ* и *Эпиграмма* не вошли въ изд. 1881 г.

90) *Элегія* (121 стр.). Напеч. въ *Литературныхъ Листкахъ*, 1824 г., № VI, стр. 232, съ полною фамиліей поэта, но безъ даты. Издатель

¹⁾ Стихъ 14 искаженъ, читается такъ: «Иль нахмуреннымъ лицомъ».

Булгаринъ къ слову «Салгира» сдѣлать примѣчаніе: «Писано въ Крыму». Выставленная нами дата взята изъ автографа, въ которомъ послѣ заглавія въ скобкахъ поставлено («для Булгарина»). Въ изд. 1881 г. (95 стр.) текстъ согласенъ съ текстомъ *Литер. Лист.*; невѣрно указанъ годъ и не обозначено, кому принадлежитъ примѣчаніе. Автографъ не представляетъ разночтеній. Въ содержаніи пьесы есть указаніе на лично пережитое поэтомъ въ разлукѣ съ нѣжною любимою Софьей Григорьевной.

91) *А. А. К.* (122—123 стр.). Напеч. въ *Сынъ Отечества*, 1823 г., ч. ХС, № 48, 77—79 стр., съ обозначеніемъ даты «15 октября. Одесса», но безъ фамиліи поэта, безъ раздѣленія римскими цифрами на четыре части. Перепечатано въ *Новостяхъ Литературы*, 1823 г., кн. VI, № 43-й, 62—64 стр., съ датой и полной фамиліей поэта. Текстъ въ обоихъ журналахъ одинаковъ, по пунктуаци и орфографіи въ *Нов. Лит.* ближе къ эпохѣ, и потому мы предпочли текстъ этого послѣдняго изданія. Въ изд. 1881 г. (65) воспроизведенъ текстъ *Сына Отеч.*, но съ измѣненіемъ правописанія и знаковъ препинанія. Подъ *А. А. К.*, вѣроятно, слѣдуетъ разумѣть Анну Андреевну Комбурлей, у которой было *два* дочери; одна изъ нихъ Елизавета Михайловна вдохновляла поэта.

92) *Желаніе* (124 стр.). Напеч. въ *Новостяхъ Литературы* за 1823 г. кн. V, № 27, 16 стр., безъ даты, но съ полною фамиліей поэта. Даты нѣтъ и въ сохранившейся рукописи-автографѣ. Годъ выставленъ нами по времени напечатанія. Въ изд. 1881 г. текстъ согласенъ съ печатнымъ. Въ рукописи встрѣч. слѣд. варианты: въ 1 ст. вм. *страстные—нѣжные*; стихи 7—8 читаются такъ по карандашной поправкѣ:

О! пусть увижу я во снѣ
Вась, упоительные взгляды.

Эта поправка, вѣроятно, сдѣлана Н. В. Гербелемъ, довольно свободно подправлявшимъ В. И. Туманскаго.

93) *Женщины* (124 стр.). Напеч. тамъ же, кн. IV, № 20, стр. 112, безъ обозначенія времени написанія, но съ полною фамиліей поэта. Перепечатано въ *Опытъ русской анэологіи*, 1828 г., 16 стр. и въ *Литер. Приб. къ Русск. Инвалиду*, 1834 г., № 88. Въ послѣднемъ заглавія нѣтъ. Въ изд. 1881 г. (55) текстъ согласенъ съ текстомъ *Нов. Литер.*, но не указано на этотъ журналъ, въ рукописи текстъ не представляетъ разночтеній; годъ также не обозначенъ. Мы выставили его по времени напечатанія.

94) *Манцениль* (124—125 стр.). Напеч. въ *Нов. Литер.* за 1825 г., кн. XIII, № 7, 60—61 стр., съ обозначеніемъ года, съ подписью: «Изъ Мильвуа — Туманскій и съ примѣчаніемъ: «Прим. сочин.». Въ изд. 1881 г. (101 стр.) все перепечатано согласно съ *Нов. Литер.* Мы отступили, руководясь автографомъ, въ слѣд.:

1) Источникъ, откуда заимствовано стихотвореніе, поставили въ скобкахъ послѣ заглавія; 2) исправили по рукописи примѣчаніе и обозначили его также по рукописи: «Прим. Мильвуа», ибо примѣчаніе

Нов. Литер. можно понимать и въ смыслѣ примѣчанія Туманскаго. Въ рук. года нѣтъ. По поводу этой пьесы г. Саводникъ говоритъ слѣд.:... не остался безъ вліянія на него (т. е. на Туманскаго) и Мильвуа, писатель, стоявшій, подобно Шенье, на распутьи между классицизмомъ и романтизмомъ, но гораздо менѣе его талантливый. У него Туманскій заимствовалъ нѣсколько стихотвореній; одно изъ нихъ ... даетъ поводъ для нѣкоторыхъ предположеній, не лишенныхъ интереса для русскаго читателя. Оно носитъ заглавіе *Манцениль*.

«Любопытно отмѣтить, что Туманскій откинулъ всю дальнѣйшую часть стихотворенія, которое у Мильвуа оканчивается тѣмъ, что на голосъ Зарины приходитъ ея возлюбленный, спасаетъ ее отъ смерти и заключаетъ съ ней счастливый брачный союзъ, которому «владыка безпощадный» не рѣшается воспрепятствовать, видя геройскую рѣшимость юноши и всеобщее сочувствіе къ нему ¹⁾. Этого сентиментальный конецъ совершенно ослабляетъ трагическое впечатлѣніе первой части, такъ что, оставляя его непереведеннымъ, Туманскій руководствовался чутьемъ истиннаго художника. Для насъ же это стихотвореніе имѣетъ еще особенное значеніе, такъ какъ оно, быть можетъ, выясняетъ генезисъ одного изъ лучшихъ лирическихъ произведеній Пушкина «*Анчаръ*» (назв. ст. въ Р. Вѣст. 1902 г., № 2).

95) *Больной пѣвецъ* (125—126 стр.). Напеч. въ *Благонамъренномъ*, 1824 г., ч. XXV, № 5, 262—263 стр., съ обозначеніемъ года написанія, да и цензорская помѣта названной книжки журнала относится къ 3 декабря 1823 г. Подписана пьеса буквами ...*ій*, какъ неразъ подписывалъ свои произведенія Туманскій. Цензорская помѣта даетъ поводъ къ предположенію, что пьеса написана въ концѣ декабря 1822 г. Изъ письма В. П. Туманскаго къ Софѣѣ Григорьевнѣ видно, что въ началѣ 1823 г. нашъ поэтъ дѣйствительно былъ боленъ. «Добрые пріятели,—пишетъ онъ между прочимъ,—безъ которыхъ я никогда не оставался, приходятъ къ больному, сидятъ, толкуютъ, спорятъ и Время, хотя съ досадой, летитъ скорѣй и веселѣй. Иногда, милая Муза, какъ эти добрые гениі небесъ, посѣщающіе на землѣ друзей своихъ, сходятъ въ мое заключеніе и тѣшить меня сладкими звуками, звуками невидимой своей арфы» (Письма, 1891 г., 21 стр., въ наст. изд. стр. 241). Кромѣ того, въ содержаніи стихотворенія имѣются ясныя намеки на авторство Туманскаго, напр. онъ именно до того времени пѣлъ «любовь безнадежную», его спасла отъ смерти и болѣзни дружба. Въ силу сказаннаго, кажется, не будетъ смѣлымъ предположить, что посвященіе подъ тремя звѣздочками скрываетъ имя Софьи Туманской. Въ изд. 1881 г. это стихотвореніе не вышло.

96) *Постоянство* (126—127 стр.). Напеч. въ *Полярной Звѣздѣ* на 1825 г. 155 стр., безъ даты, съ подписью *T—ій*. Въ изд. 1881 г. текстъ, кромѣ знаковъ препинанія, сходенъ съ первоначальнымъ печатнымъ текстомъ, но годъ обозначенъ невѣрно. До изд. 1881 г. (97) эта пьеса

¹⁾ Oeuvres complètes de Millevoeye. Paris, 1827, Tome I.

перепечатана была въ *Литер. Прибавл. къ Русск. Инв.* за 1833 г., № 58, стр. 460. Выставленный нами годъ взять изъ автографа, въ которомъ первоначально пьеса называлась «*Элегія*». Вар. слѣд.: стр. 7 вм. *зидумчивый* было поправлено вверху, но зачеркнуто *разстланный*. Въ ст. 13 вм. *незримый для тебя* вверху надписано и зачеркнуто: *тебѣ невидимый*. На основаніи одесскихъ писемъ можно заключить, что и эта пьеса имѣетъ въ виду Софью Григорьевну.

97) *Греческая ода* (127—128 стр.). Напеч. впервые въ альманахѣ *Звѣздочка*, вышедшемъ вм. *Полярной Звѣзды* на 1826 г. и конфискованномъ послѣ ареста Рылѣева и А. Бестужева. Въ этомъ журналѣ на стр. 75—76 находится эта пьеса безъ обозначенія года, но съ полной фамиліей поэта ¹⁾. Потомъ появилась эта пьеса въ альманахѣ *Сѣверная Лира* Раича и Ознобишина на 1827 г., 82—84 стр. Здѣсь уже выставлена дата—«*Одесса, 1824*» и полная фамилія поэта. Въ изд. 1881 г. (120) приведенъ текстъ *Сѣв. Лиры*, съ перемѣною знаковъ препинанія. Мы полагаемъ, что слово *Одесса* выставлено издателями, и поэтому взяли его въ скобки. Въ рукописи автографъ пьеса помѣчена: *Дек. 1823*. Эту дату мы и выставили подъ печатаемымъ въ нашемъ изданіи стихотвореніемъ, оставивъ въ скобкѣ дату *Сѣв. Лиры*. Автографъ представляетъ еще нѣсколько отличій: во-1-хъ нѣтъ послѣ заглавія поясненія въ скобкахъ; во-2-хъ, въ примѣчаніи нѣтъ словъ: «съ надписью *Свобода*»; въ-3-хъ, встрѣчаются различія, именно:

Въ ст. 22—веселыхъ лиръ (пѣсней) умолкнетъ гласъ. Настоящая пьеса есть отголосокъ тѣхъ впечатлѣній, какія пришлось Туманскому пережить въ Одессѣ. Въ 1821 г., когда вспыхнуло возстаніе въ Греціи противъ турокъ, по словамъ А. С. Пушкина, въ Одессѣ въ лавкахъ на улицахъ, въ трактирахъ—вездѣ собирались толпы грековъ; всѣ продавали за ничто свое имущество, покупали сабли, ружья, пистолеты; всѣ говорили объ Леонидѣ, объ Ѳемистоклѣ; всѣ шли въ войска счастливица Ипсиланти. Туманскій, пріѣхавшій въ Одессу въ 1823 г., могъ застать въ ней слабые отголоски этого движенія. Весьма возможно, что основаніемъ для стихотворенія нашего поэта послужила какая-либо пѣсня, ходившая среди греческаго населенія Одессы.

98) *Дѣт. Звѣздочки* (129—130 стр.). Напеч. въ *Новостяхъ Лит.* за 1824 г., кн. VII, № 3, 47—48 стр., съ обозначеніемъ мѣста написанія и съ полной фамиліей автора. Годъ выставленъ нами. Мы поставили это стихотвореніе первымъ среди пьесъ, написанныхъ въ этомъ году; потому что цензорская помѣта названной книжки журнала относится къ 4 февраля 1824 г., слѣдовательно оно написано если не въ концѣ предыдущаго, то въ началѣ 1824 г. Въ изданіе 1881 г. это стихотвореніе не вошло.

Варвара Дмитріевна Казначеева, которой посвящено стихотвореніе Туманскаго, была женою Александра Ивановича Казначеева, въ то время правителя канцеляріи новороссійскаго военнаго генералъ-губернатора. По отзывамъ современниковъ, знавшихъ ее, Вар-

¹⁾ См. Русская Старина. 1883, № 7, 43 стр.

вара Дмитріевна, урожденная княжна Волконская, была женщина властная и строгая. По свидѣтельству одесскаго старожила О. О. Чижевича, лично знавшаго семейство Казначеевыхъ, «Варвара Дмитріевна была строгаго нрава и держала въ рукахъ не только мужа но и всѣхъ его подчиненныхъ (см. Сбор. Де-Рибаса: Изъ прошлаго Одессы. 1894 г., 31 стр.)—Вигель, также знавшій Казначеевыхъ во время ихъ пребыванія въ Одессѣ, пишетъ: «Она (т. е. Варвара Дмитріевна) была еще свѣжа (въ 1824 г.), бѣла и румяна, но чрезвычайно толста и кривобока, и неприятное выраженіе лица ея было ничто передъ неприятнымъ ея нравомъ. Не то, чтобы она была съ кѣмъ-нибудь неучлива, по всегда какъ бы сердита и недовольна... Къ тому же она имѣла претензіи на умъ и на знаніе, коихъ въ ней вовсе не было, выдавала себя за великую литераторшу, говорила, что пишетъ стихи, которыхъ никому не показываетъ, и хотѣла было завести маленькое литературное общество. Туманскій на то было подался, но Пушкинъ со смѣхомъ принялъ предложеніе» ¹⁾. Липранди также свидѣтельствуеетъ, что Пушкинъ «безъ видимой охоты посѣщаль литературные вечера Варвары Дмитріевны..., очень умной, любезной и начитанной женщины страстной любительницы литературы» ²⁾. Если припомнимъ, что Мурзакевичъ въ своихъ воспоминаніяхъ (Русск. Стар. 1889 г. т. LXI) называетъ супруговъ Казначеевыхъ даже «синими чулками», то станетъ ясно, что желчный Вигель неправъ въ своемъ отзывѣ о Варварѣ Дмитріевнѣ. Что она умѣла собирать вокругъ себя общество людей, интересовавшихся умственными и литературными вопросами, объ этомъ свидѣтельствуеетъ А. Ф. Воейковъ, посвятившій ей стихотвореніе *Зимній вечеръ* (Нов. Лит. 1823 г., № XXXIX, 202—208 стр.). Въ этомъ стихотвореніи говорится о собраніяхъ зимою кружкомъ, члены котораго проводили время въ играхъ, чтеніи и пѣніи. По свидѣтельству того же Вигеля, днемъ собиралось большое общество у Воронцовыхъ, а вечеромъ у Казначеевыхъ. Насколько можно судить по имѣющимся указаніямъ, Туманскій былъ очень хорошимъ знакомымъ Казначеевыхъ; недаромъ же Пушкинъ въ письмѣ шлетъ поклонъ Казначееву черезъ Туманскаго. Ниже мы будемъ имѣть еще одно указаніе на то, что нашъ поэтъ стоялъ очень близко къ этому семейству.

99) *Большъ* (130—131 стр.). Напеч. въ томъ же журналѣ за 1825 г., кн. XI, № 1-й, 37 стр., съ обозначеніемъ мѣста и времени написанія, съ подписью—В. Т. Въ изд. 1881 г. (99) текстъ сходенъ, за исключеніемъ знаковъ препинанія и правописанія.

100) *Дѣвушка—влюбленному Поэту* (131—132 стр.). Напеч. въ № 2 того же журнала, за тотъ же годъ, 95—96 стр., съ датой—*Одесса, Сентября, 1823*, съ подписью—В. Т—ій. Перепечатано безъ измѣненія, но съ лучшей пунктуацией въ *Сѣверной Звѣздѣ*, изд. Бестужевымъ-Рюминымъ на 1829 г., 175—176 стр. Здѣсь авторъ пьесы обозначенъ

¹⁾ Записки. М. 1892 г. VI т.

²⁾ Изъ дневниковъ и воспоминаній. Рус. Арх. 1866 г. 1475 стр.

въ оглавленіи буквами NN. Въ изд. 1881 г. (100) перепечатанъ текстъ *Новостей Литер.* съ измѣненіемъ правописанія отдѣльныхъ словъ и съ пропускомъ курсива при словѣ *чего-то* въ стихѣ 8-мъ. Мы выставили дату на основаніи автографа, гдѣ пьеса озаглавлена: *Дѣвушка къ влюбленному поэту* и подписано: 28 сент. Въ приложеніяхъ къ письмамъ 1891 г. (105—106) гр. Милорадовичъ перепечаталъ эту пьесу снова. А. С. Пушкинъ обратилъ вниманіе на это стихотвореніе. Въ письмѣ къ своему брату (1825 г.) онъ говоритъ: «Мой Коншинъ написалъ, ей Богу, миленькую пьесу *Дѣвушка влюбленному поэту*—кромѣ авторами. Самому Туманскому изъ Михайловскаго (1824 г.) писалъ: «*Дѣвушка влюбленному поэту*—прелесть! *сидя съ авторами* одно нехорошо. Не такъ ли:

Со мной ведете-шь разговоры,
Вамъ замѣчательнѣй всего
Ошибки слога моего;
Безъ выраженья ваши взоры.

Обращаясь къ автографу, мы видимъ, что поправляемое Пушкинымъ мѣсто не давалось нашему поэту. Такъ послѣ стиха 14 четыре стиха сильно исчерканы, такъ что ничего не прочтешь. Ниже падаются отдѣльные стихи:

16:—*Ошибки противъ языка,*
23—24 *Сто разъ печатанную гряв*
Всѣ обольщенья изъяснены.

Кромѣ того, въ ст. 2 вм. слова *не разгадали* раньше стояло: *не спросили, не постигнули*; въ ст. 3 вм. *хочется* раньше было *кажется*; ст. 8:

Сказать, что въ васъ любви нѣтъ.

Въ письмѣ изъ Одессы (3 іюля 1825 г.) къ Софѣ Григорьевнѣ Василій Ивановичъ писалъ: «Въ февралѣ мѣсяцѣ напечатать я въ одномъ журналѣ отрывокъ изъ маленькой повѣсти подъ заглавіемъ *Влюбленный поэтъ*, въ которомъ дѣвушка письмомъ учтиво отказываетъ поэту, изъясняя причины, побудившія ее къ такому отказу. Арк. Родзянко принялъ это на свой счетъ, рассердился и напечаталъ отвѣтъ къ Ельвирѣ (т. е. къ милой Julie), заключающій между прочимъ весьма грубая колкости. Чтобъ позабавиться можете прочитать *Майскую книжку Прибавленій къ Инвалиду* (въ наст. изд. стр. 283).

Возникла такимъ образомъ стихотворная полемика. Арк. Гавр. Родзянка (1793—1850), писавшій стихи, пріятель Пушкина и Туманскаго, былъ въ хорошихъ отношеніяхъ съ Кочубеями. Гостя въ имѣніи послѣднихъ Ярославцѣ, Арк. Гавр. Родзянка посѣщалъ Туманскихъ въ Вознесенскѣ и влюбился въ сестру Софи Григорьевны Ульяну или Юлію Григорьевну. На это увлеченіе намекаетъ Туманскій въ одномъ изъ своихъ стихотвореній (Юліи). По собственному признанію

Василія Ивановича, онъ въ данномъ стихотвореніи—*Дьвушка влюбленному поэту*—не имѣлъ въ виду Арк. Гавр. Родзянку, но послѣдній думалъ иначе и написалъ такой «*Отвѣтъ поэта дьвушкѣ*»:

Повѣрьте, вы меня напрасно,
 Эльвпра, вздумали винить;
 Не мыслилъ я любить васъ страстно,
 И, право, старъ ребенкомъ быть,
 И плакать и плясать готовымъ
 По мановенью вашихъ глазъ;
 Довольно, Донкишотствомъ новымъ
 Одинъ пусть Бибрисъ тѣшить васъ!—
 По мнѣ, зачѣмъ, скажите сами,
 Дурачить позволять себя,
 Когда *не много* васъ любя,
 Любимъ ни сколько не былъ вами:
 Когда постигнулъ съ первыхъ дней
 Всю тонкость вашего искусства,
 Увидѣлъ—п огонь очей,
 Увидѣлъ—и холодность чувства.—
 «На хитрость хитрость!» я сказалъ;
 И безъ боязни потаенной,
 Съ улыбкою, непринужденно,
 И встрѣчь, и взоровъ ожидалъ;
 И точно, точно какъ въ гостинной,
 Какъ родственикъ, какъ другъ старинной,
 Наединѣ я съ вами былъ:
 Разсѣянъ часто, нѣженъ рѣдко;
 И дурно ли, что умъ мой ѣдкой
 Восторговъ пылкость укротилъ?—
 Когда жъ имѣлъ я нетерпѣнье
 Васъ въ словѣ иногда ловить;
 То какъ же мнѣ, Пѣвцу, щадить
 Не Русское произношенье?—
 Притомъ (несходный самъ съ собой),
 Въ то время я считалъ блаженствомъ,
 Чтoby въ васъ все было совершенствомъ,
 Чтoby были Фениксъ вы другой!—
 Но признаюся, дѣлать глазки,
 Шептать умильно пламень свой,
 Томить и вздохомъ и слезой,
 Для ускоренія развязки,
 Въ нашъ вѣкъ, поистинѣ, грѣшно,
 И такъ старо, и такъ смѣшно,
 Какъ бабушекъ болтливыхъ сказки.—
 Но милъ мнѣ вашъ языкъ простой,
 Въ немъ видны лѣта, опытъ здравый,

И впрямь не глупо-ль, рины славы
 Свободы покупать цѣной.
 Платить безумно цѣлымъ вѣкомъ
 За эфемерный блеска часъ;
 И жить рѣшиться съ человѣкомъ,
 Который—понимаетъ насъ!—
 Двовольно, кажется!—простите!—
 Кружите, восхищайте свѣтъ!—
 Любите болѣ, менѣ ждите,
 Чтобъ не утратить лучшихъ лѣтъ.

А. Р—ка.

Гр. Г. А. Милорадовичъ въ приложеніяхъ къ письмамъ 1891 (стр. 136—138) напечатать нѣсколько стихотвореній А. Г. Родзянки, посвященныхъ Софьѣ Григорьевнѣ и помѣщенныхъ въ альбомъ ея. Кстати укажемъ, что пьеса: *Почему С. Г. называетъ себя мраморомъ, льдомъ и брилліантомъ* (стр. 137) напечатана была въ *Полярной Звездѣ* на 1824 г., стр. 64, съ полной надписью поэта, подъ заглавіемъ такимъ: *Отвѣтъ С. Г. Т., когда она называла себя мраморомъ, льдомъ и алмазомъ*¹⁾. Въ текстѣ есть разночтенія.

101) *Саша Казначееву* (132—133 стр.). Напеч. въ томъ же журналѣ за 1826 г., кн. XV, № 1, 41—42 стр., съ обозначеніемъ даты и подписью Т. Въ изданіе 1881 г. это стихотвореніе не вошло. Оно является еще однимъ указаніемъ на близость В. И. Туманскаго къ семейству Казначеевыхъ. Саша Казначеевъ р. 2 авг. 1820 г., умеръ въ чинѣ тайнаго сов. 10 ноября 1901 г., въ Москвѣ и погребенъ въ Новодѣвичьемъ монастырѣ рядомъ съ отцомъ и матерью (Москов. Некрополь. Спб. 1908 г., II т., 4—5 стр.).

102) *Куплеты еврея* (133—134 стр.). Впервые напечатаны эти куплеты въ изд. 1881 г., 93—95 стр., какъ отдѣльныя стихотворенія, при чемъ первый куплетъ безъ заглавія, а второй съ заглавіемъ: *Куплеты на голосъ мазурки Верстовскаго*. Дата обозначена тамъ же: *Одесса, 1824*. Мы соединили два стихотворенія въ одно подъ особыми номерами (I—II), назвавъ ихъ *Куплеты еврея* на основаніи слѣдующихъ строкъ изъ письма В. И. Туманскаго къ Софьѣ Григорьевнѣ, въ которое вставлены куплеты: *Всѣхъ забавнѣе, кромѣ моей маски, была роль Жида, сыгранная чудесно однимъ изъ моихъ друзей, кн. Херхеулидзевымъ, адъютантомъ Г. Воронцова. Вотъ куплеты моего сочиненія, которые онъ долженъ былъ пѣть и декламировать со всѣми жидовскими ухватками предъ графомъ»* (См. Письма, 1891 г. 51 стр., въ наст. изд. стр. 270). Въ датѣ нашего изданія обозначенъ и мѣсяцъ, потому что именины гр. Михаила Сем. Воронцова праздновались 8 ноября, а къ этому времени стихи и сочинялись. Текстъ куплетовъ, измѣненный и въ

¹⁾ О Родзянкѣ А. Г. нѣтъ точныхъ свѣдѣній въ нашей литературѣ. См. замѣтки о немъ въ кн. г. Черняева *Критич. статьи и замѣтки о Пушкинѣ и Сумцова въ юбил.* Хар. Сбор.

изд. 1881 г., и въ Письмахъ 1891 (стр. 51—52), мы провѣрили по оригиналу и сохранили орфографію и пунктуацию подлинника.

103) *Къ Н.* (135 стр.). Напеч. въ *Съверной Лири* Раича и Ознобишина на 1827 г., 87—88 стр., съ обозначеніемъ даты и подписью *Т.* Слѣдуетъ обратить вниманіе, что въ томъ же альманахѣ напечатано еще нѣсколько стихотвореній нашего поэта различныхъ годовъ (Греческая ода, Мольба и др.), но съ подписью полной фамилии. Всѣ послѣднія пьесы не заключаютъ никакихъ личныхъ намековъ, а пьеса *Къ Н.* такіе намеки въ себѣ содержитъ, и потому осторожный и тактичный Туманскій скрылся за буквою *Т.* Мы полагаемъ, что это стихотвореніе относится къ *О. Нарышкиной*, о которой не разъ говоритъ Туманскій въ письмахъ къ Софѣ Григорьевнѣ. Вотъ отрывки изъ нихъ: «Молодая Нарышкина, пишетъ онъ 5 дек. 1824 г., точно имѣетъ съ тобою сходство. Я ничего не видѣлъ очаровательнѣе ея лица... Прибавь къ этому обыкновенную живость въ рѣчахъ, взглядахъ, улыбкахъ, во всемъ, что дано Создателемъ прекрасной половинѣ челоуѣка, и ты нимало не удивишься, если я тебѣ скажу то, что ты сама угадываешь; то есть, что она мнѣ очень нравится» (Письма 1891 г., стр. 55, въ наст. изд. стр. 272). Ближайшее отношеніе къ печатаемому стихотворенію имѣютъ слѣдующія строки изъ письма отъ 3 мая 1834 г.: «Ахъ, милой другъ! еслибъ ты знала, какъ мила, какъ плѣнительна Ольга (Нарышкина)!.. Сколько удовольствій, ея изобрѣтенныхъ и ею украшенныхъ; сколько милой прिवѣтливости, противъ которой и загублѣны сельскіе помѣщички устоять не могутъ—притомъ же сколько ума и сколько скромности! Признаюсь тебѣ: если бы не боязнь сдѣлаться смѣшнымъ и *не давнишнее равнодушіе мое къ прекрасному полу*, я бы въ нее по уши влюбился!» Нѣтъ сомнѣнія, что содержаніе печатаемаго здѣсь стихотворенія вполне гармонируетъ съ приведенными строками письма.

Въ изд. 1881 г. этого стихотворенія нѣтъ.

104) *Элегія* (135—136 стр.). Напеч. въ *Съверныхъ Цветахъ*, собранныхъ бар. Дельвигомъ, на 1825 г. (ценз. пом. 9 авг. 1824 г.), 289 стр., съ датой и подписью *Т.* Въ изд. 1881 г. (104) воспроизведенъ текстъ *Съв. Цв.*, только произвольно раздѣлено на двѣ строфы. А. С. Пушкину нравилась и эта Элегія, что видно изъ письма къ брату 1825 г.

105) *Моя любовь* (136—137 стр.). Напеч. въ томъ же альманахѣ и за тотъ же годъ, стр. 319—320, съ обозначеніемъ года подъ заглавіемъ въ скобкахъ, съ подписью *Т.* Перепечатано нѣсколько разъ, именно: въ *Весеннихъ Цветахъ* 1835 г., гдѣ приписано А. С. Пушкину; потомъ въ *Современникъ* 1856 г. (кн. III, отд. 3, 5—6 стр.), тоже съ именемъ Пушкина (Ошибка разъяснена въ № 58 *С.-Петербургскія Вѣдомостей* въ ст. *Литературная замѣтка* на 1856 г.); наконецъ оно вошло въ книгу Н. В. Гербеля «*Русскіе поэты*» (1873 г., 1888 г., 272 стр.). Въ изд. 1881 г. (104—106) воспроизведенъ текстъ *Съв. Цветовъ*, но съ отступленіями: 1) измѣнена орфографія нѣкоторыхъ словъ; 2) въ ст. 13 вм. видишь нап. видитъ, 3) измѣнены знаки препинанія; 4) годъ выставленъ въ концѣ пьесы. Въ сохранившемся оригиналѣ все сходно

съ текстомъ *Съв. Цвѣтовъ*—текстъ, дата и фамилія. Первоначально пьеса называлась *Элегія*. Ст. 26—30 первонач. читались такъ:

Какъ въ зной прохладная струя (вар.: первый голосъ соловья).
 Какъ плѣннику родные звуки
 Иль грусти пѣсня соловья,
 Отраднa мнѣ любовь моя.

106) *Элегія* (137—139 стр.). Напеч. въ *Соревнователь Просв. и Благотв.*, 1824 г.: ч. XXVIII, № 11, 217—219 стр., безъ даты, но съ полной фамиліей поэта. Въ изд. 1881 г. (89) текстъ, кромѣ измѣненія знаковь препинанія и правописанія отдѣльныхъ словъ, сходень съ текстомъ *Соревнователя*. Годъ поставлень нами.

107) *Похвала во время* (139 стр.). Напеч. въ *Благонамѣренномъ*, 1824 г., ч. XXVII, № 13, 44 стр., безъ даты, съ подписью —*ий*. Въ изд. 1881 г. эта пьеса не вошла.

108) *Шарады* (139—140 стр.). Напеч. тамъ же, стр. 72, безъ даты, съ подписью —*ий*. Въ изд. 1881 г. и эти пьесы не вошли.

109) *Надписи къ портретамъ* (140 стр.). Напеч. въ томъ же журналѣ 1825 г., № XI, 409 стр., безъ даты, съ подписью *Т.* Подъ №№ 107, 108 и 109 нами выставлень годъ на основаніи цензорской помѣты журнала. Въ изд. 1881 г. эти пьесы не вошли.

110) *Эпитафіи* (140—141 стр.). Напеч. тамъ же, стр. 410, безъ даты, съ подписью *Т.* Годъ выставлень нами по времени появленія въ печати. Въ изд. 1881 г. эпитафіи нѣтъ.

111) *Къ А. Θ. В.* (141—142 стр.). Напеч. въ *Славянинъ*, 1827 г., ч. II, № 14, 31—33 стр., съ датой и подписью *Т.* Въ изд. 1881 г. въ заглавіи безъ всякаго основанія раскрытъ инициаль фамиліи (*Вельтману*), текстъ отличается только иною разстановкою знаковь препинанія и ореографіей да произвольнымъ раздѣленіемъ на строфы.

По нашему мнѣнію, пьеса адресована не Вельтману, съ которымъ Туманскій не былъ знакомъ.

Подъ инициалами *А. Θ. В.* слѣдуетъ разумѣть *Александра Федоровича Воейкова*, автора сатиры *Домъ Сумасшедшихъ*, редактора «Русскаго Инвалида», издателя журналовъ «Новости Литературы», «Славянинъ» и «Литер. Прибавленія къ Русск. Инвал.». Съ нимъ, поселившимся окончательно въ Петербургъ съ 1820 г., Туманскій былъ знакомъ, такъ какъ передавалъ ему въ письмахъ поклоны и сотрудничалъ въ его журналахъ. Воейковъ устраивалъ у себя собранія писателей, и едва ли кто изъ современныхъ писателей не былъ знакомъ съ нимъ. Весьма возможно, что послѣ переѣзда Туманскаго въ Одессу, когда дѣла службы отвлекали его отъ литературныхъ занятій, Воейковъ напомнилъ нашему поэту о своемъ журналѣ и польстилъ ему, на что былъ большой мастеръ во время дружбы. Туманскій отвѣтилъ ему стихотвореніемъ, которое не предавалъ печати въ теченіе почти двухъ лѣтъ, пока назойливый Воейковъ не выпросилъ пьесу для своего «Славянина».

112) *Мольба* (143 стр.). Напеч. въ *Съверной Лирѣ* на 1827 г., 114 стр., съ датой—*Мартъ, 1825. Одесса*—и полною фамиліей поэта. Перво-

начально предназначалось для невышедшей *Звѣздочки* на 1826 г., гдѣ напечат. на стр. 71 подъ заглавіемъ *Элегія* и безъ даты (см. Русск. Стар. 1883 г., № 7, 43 стр.). Перепечатано въ *Эротическія стихотворенія* (1860 г., 60 стр.) и *Купидонъ, Собраніи лучшихъ стихотвореній современныхъ русскихъ поэтовъ* (съ 10 картинками. Москва. 1865 г., 98 стр.), съ полной фамиліей поэта. Въ изд. 1881 г. (122) воспроизведенъ текстъ *Съв. Лиры*, но съ измѣненіемъ знаковъ препинанія и съ замѣной въ «ясной» и «стѣсненной» оконч. *ой—ый*. Мы удержали текстъ *Съв. Лиры*, какъ отвѣчающій вполнѣ автографу, изъ котораго мы взяли мѣсяць *Генварь*, т. к. въ рукописи подъ пьесой, озаглавленной *Мольба*, стоитъ: *Генварь. 1825.*

113) *Къ С**** (143—145 стр.). Напеч. въ *Альбомъ Сѣверныхъ Музъ* на 1828 г., изданномъ А. И., стр. 133—136, съ обозначеніемъ года 1825 и полною фамиліей поэта. Первоначально предназначалось для *Звѣздочки* на 1826 г., гдѣ напеч. на стр. 74—75 безъ года, но съ фамиліей поэта. Гр. Милорадовичъ напечаталъ эту пьесу и въ изд. 1881 г. (140—142 стр.) и въ Письмахъ 1891 г. (34—35 стр.). Въ изд. 1881 г. она озаглавлена *Къ Софіи* и поставленъ 1825 г., а въ Письм. 1891 г. она уже озаглавлена *Тебѣ**** и отнесена къ 10 марта 1824 г. Хотя въ сохранившемся автографѣ пьеса озаглавлена *Къ Софіи*, однако мы оставили заглавіе, съ какимъ она появилась въ *Звѣздочкѣ* и *Альбомъ Съв. Музъ*; дату измѣнили на основаніи письма, въ которомъ эта пьеса находится и которое гр. Милорадовичъ ошибочно отнесъ къ 1824 г., сохранили и текстъ изданій, гдѣ оно напечатано.

Въ изд. 1881 г. текстъ измѣненъ: замѣнены знаки препинанія, правописаніе словъ и не раздѣлено на строфы. Въ письмахъ 1891 г. текстъ, кромѣ измѣненія правописанія отдѣльныхъ словъ и знаковъ препинанія, представляетъ слѣдующія разночтенія:

Ст. 33: Тоску и жалобы любви.

Ст. 44: Съ нимъ вѣришь, хоть на мигъ: не все на свѣтѣ муки.

Въ рукописи встрѣчаются слѣдующія разночтенія:

Ст. 1: вм. *первой* стояло раньше *самой*.

Ст. 2: вм. *днемъ*—въ *день*.

Ст. 5: Я вѣтренность читаль, вар.: видѣлъ суетность.

Ст. 6: вм. *жонъ*—*дѣвъ*.

Ст. 9: вм. *вѣтеръ юга*—*воздухъ юга*.

Ст. 11: вм. *игривый*—*привѣтнѣе*,

» *мечтательный*—*призывнѣе*.

Ст. 20: вм. *душевному*—*глубокому*.

Ст. 27: вм. *чудному*—*завѣтному*.

Ст. 28: вм. *сокрыто*—*хранится*.

Ст. 33: вм. *святыя жалобы*—*тоску и жалобы любви*.

Ст. 34—37 перечеркнуты и вм. нихъ написано:

И мнилось предо мной какой-то Гений милый
Въ цвѣтущемъ образѣ твоёмъ

Стояль и трепетали крылы
И сердце трепетало въ немъ.

Ст. 44: Съ нимъ гордо вѣруешь...

Въ автографѣ годъ не выставленъ.

Подарокъ Софьи Григорьевны, очевидно, былъ присланъ по случаю именинъ Туманскаго 28 февраля. Весьма возможно, что тогда же, т. е. въ началѣ марта, и написано стихотвореніе.

Эта пьеса является яркимъ указаніемъ на чувства, которыя питать нашъ поэтъ къ Софьѣ Григорьевнѣ. Родственныя связи мѣшали ему вступить въ бракъ съ двоюродною сестрою, отсюда *безнадежность любви* и стремленіе убѣдить себя *въ существованіи дружбы*.

114) *Сонетъ* (124 стр.). Напеч. въ *Московскомъ Вѣстникѣ* 1828 г., ч. VII, № 3, 277 стр., съ обозначеніемъ даты и полной фамиліи поэта. Въ изд. 1881 г. (133) текстъ, кромѣ измѣненія правописанія и пунктуации, представляетъ въ ст. 12 опечатку *А* вм. *И*. Сонетъ относится къ области любовной лирики и вызванъ, вѣроятно, впечатлѣніемъ отъ какой-либо одесской красавицы, которыхъ было не мало, по соображенію современника (см. Изъ прошлаго Одессы, Де-Рибаса).

115) *Элегія* (125 стр.). Напеч. въ *Полярной Звѣздѣ* на 1825 г., стр. 154, съ обозначеніемъ мѣста написанія *Одесса* и фамиліи *Т—ій*. Перепечатано въ *Литер. приб. къ Русск. Инв.* 1833 г., № X, 79 стр. Въ изд. 1881 г. (96 стр.) текстъ перепечатанъ съ измѣненіемъ правописанія и знаковъ препинанія; слово *Одесса* опущено, а годъ выставленъ *1824*. Н. В. Гербель, приготовляя къ печати стихотворенія нашего поэта, выставилъ дату: *Одесса. 1824*. Въ сохранившемся автографѣ, гдѣ пьеса названа была первоначально *Моя судьба*, годъ не выставленъ. Если судить по тому, что эта пьеса написана на томъ же листкѣ, на которомъ находится и стихотвореніе «*Постоянство*», помѣченное 1823 г., то пришлось бы отнести ее къ этому послѣднему году, а не къ *1824-му*. На основаніи цензорской помѣты *Поляр. Зв.* на 1825: *20 марта 1825*, относимъ стихотвореніе къ 1825 г. по времени напечатанія. Рукописный текстъ сходенъ съ печатнымъ. Пьеса относится къ отдѣлу автобиографическихъ и рисуетъ усилія поэта заглушить то чувство, которое онъ питаетъ къ двоюродной сестрѣ.

116) *Слеза* (126 стр.). Напеч. въ *Московскомъ Вѣстникѣ* 1828, ч. VII, № 4, 404—405 стр., съ обозначеніемъ даты: *іюля 1826* г. и полной фамиліи поэта. Въ изд. 1881 г. (133—134 стр.) подъ заглавіемъ *Слеза* напечатано другое стихотвореніе, взятое не изъ *Моск. Вѣст.* и Туманскому не принадлежащее, хотя въ *Спискѣ* (стр. LXI) указана пьеса Туманскаго. Въ Письмахъ 1891 г. (123—124 стр.) напечатано это стихотвореніе, но съ невѣрно прочитанной датой *іюнь* вм. *іюль*. По списку Н. В. Гербеля эта пьеса напечатана въ приложеніи къ нашей брошюрѣ 1890 г. Сличивъ текстъ автографовъ и печатнаго, мы убѣдились, что Н. В. Гербель безъ стѣсненія *подновлялъ* оригиналы, сглаживая слѣды времени въ погонѣ за интересностью. Нами сохраненъ текстъ *Моск. Вѣст.* Дату взяли изъ двухъ автографовъ: въ одномъ стоитъ:

Бериславъ. Мартъ 1825, въ другомъ: *Апр. 1825*. Судя по письмамъ за 1825 г., Туманскій часто по дѣламъ службы развѣзжалъ; поэтому дата первая имѣетъ основаніе на признаніе: очевидно, пьеса зародилась въ мартѣ 1825, поправлена въ апрѣлѣ того же года; а передъ отсылкой для печати подверглась еще разъ передѣлкѣ, почему и поставлена дата *іюль 1825*. Мы въ скобки заключили позднѣйшую дату, оставивъ первоначальныя, какъ болѣе важныя.

Изъ двухъ автографовъ одинъ—на четвертушкѣ болѣе испещренъ поправками, онъ—позднѣйшій и болѣе согласенъ съ напечатаннымъ въ *Моск. Вѣст.*; другой—на полулистѣ, болѣе ранній, мало имѣетъ сходнаго и представляетъ слѣд. разночтенія:

Ст. 3: вм. *чудесной* было *небесной*.

Ст. 9: вм. *дивное*—*милое*.

Ст. 22: вм. *въ взорахъ милой*—*въ очахъ суровой*.

Ст. 25: вм. *душевной гордости терзанью*—*душевной муки* (вар.: скорби) *страданью* (вар.: *состраданью*).

Ст. 25—30 читаются еще такъ:

Мечтамъ, участью, состраданью
Томленью первому страстей,
Печали, радости, желанью,
Всѣмъ чувствамъ есть услада въ ней п т д.

(сходно съ печатнымъ)

Ст. 33—40 читаются:

Не вѣчно—юныхъ дней сіянье!
Но сладко—младость погубя,
Найти въ душѣ воспоминанье
Слезы, блиставшей (вар.: блеснувшей) для тебя.
О! мнѣ ль забыть слезу такую,
Нѣтъ, и угаснувъ ту слезу,
Какъ жертву чистую святую
Съ собой на небо увесу.

117) *Post scriptum 1825 года* (127 стр.). Напеч. въ *Новостяхъ литературы*, 1825 г., кн. XIII, № 8, 113 стр., съ датой и полной фамиліей поэта. Перепечатана эта пьеса не вся (первые 12 стиховъ) въ *Славянникъ*, 1827 г., ч. I, № 8, 130 стр., съ такими измѣненіями: въ заглавіи сказано *Post-scriptum* безъ года; въ 5 ст. вм.: О, сколько, сколько...—О боги!.. Даты нѣтъ, а фамилія обозначена буквою *Т. Н. В. Гербель*, приготовляя къ печати стихотворенія нашего поэта, нашель нужнымъ въ заглавіи отбросить указаніе на обстоятельства возникновенія пьесы. Если припомнить содержаніе писемъ за 1824 г., то легко заключить, что пьеса имѣетъ въ виду Елизавету Михайловну Комбурлей, за которою ухаживалъ нашъ поэтъ, и которая въ 1824 г. вышла замужъ за генерала Бутурлина.

118) *Поззія* (128 стр.). Напеч. впервые въ нашей брошюрѣ о Туманскомъ 1890 г., стр. 45—46; перепечатано въ *Письмахъ* 1891 г., стр. 124, съ ошибками. Послѣдніе шесть стиховъ схожи со стихами другого стихотворенія, подъ тѣмъ же заглавіемъ, напечатаннаго въ *Московскомъ Вѣстникѣ* 1827 г. и помѣщаемого нами особо подъ другимъ номеромъ и годомъ. Дата взята изъ автографа. Варианты: въ ст. 2 вм. *простотѣ—тишинѣ*; въ 9 ст. вм. *небеснымъ молніямъ—Перунамъ Зевсовымъ*.

119) *Н. Н. Б.* (стр. 129). Напеч. въ *Невскомъ Альманахѣ* на 1827 г., 237 стр., съ датой 1825 г. и подписью *Т.* Въ *Письмахъ* 1891 г., стр., 129, напечатана эта пьеса, какъ неизвѣстная въ печати, по автографу, причемъ послѣдній прочитанъ невѣрно, потому что текстъ его вполнѣ почти совпадаетъ съ напечатаннымъ въ *Невск. Альм.* Въ автографѣ стихотвореніе озаглавлено *Николаю Бахметеву*; года написанія нѣтъ, а выставлено: *10 мая*, что гр. Милорадовичемъ прочитано за *18 мая*. Мы удержали текстъ *Невск. Альм.*, а въ оригиналѣ слѣд. разночтенія:

Ст. 10 чит.: Склоняя умъ къ мечтательности тайной.

Ст. 12: вм. *жаръ—огнь*.

Николай Николаевичъ Бахметевъ, вѣроятно, братъ генерала Алексѣя Николаевича Бахметева, бессарабскаго намѣстника и подольскаго военнаго губернатора. Туманскій былъ съ нимъ въ дружбѣ во время пребыванія въ Одессѣ, что видно изъ письма его отъ 5 декабря 1825 г. Въ концѣ ноября умерла сестра Н. Н. Бахметева княгиня Трубецкая, «одна изъ любезныхъ одесскихъ женщинъ». Туманскій пишетъ, что онъ не могъ скоро отвѣтить на письмо Софьи Григорьевны потому, что, «по долгу пріязни надлежало мнѣ приложить все свое умѣнье для разсвѣія мучительной горести супруга покойной княгини и безутышнаго брата ея Бахметева». (Письма, 67 стр., въ наст. изд. стр. 286).

120) *Пьсенка* (130 стр.). Напеч. въ *Московск. Вѣст.* 1828 г., ч. VII, № 2, стр. 151, съ обозначеніемъ даты: *Май 1825*, съ полною фамиліей поэта. Въ изд. 1881 г. (132 стр.) текстъ, кромѣ измѣненія знаковь препинанія, представляетъ слѣд. отличія:

Ст. 4: *И сойди скорѣй ко мнѣ*.

Ст. 6: вм. *сердечной—желанный*.

Ст. 12: вм. *красавицей—красоткою*.

Въ автографѣ, на небольшомъ листочкѣ синеватой бумаги, помарокъ мало. Заглавіе *Пьсня*; подъ пьесою: *27 мая*, а годъ оторванъ. Такъ какъ текстъ почти вполнѣ совпадаетъ съ текстомъ *Моск. Вѣст.*, то и годъ былъ несомнѣнно 1825.—Отсюда наша дата. Разночтенія:

Въ ст. 10 вм. *ясный доль—красный*.

121) *На кончину Р...* (131 стр.). Напеч. въ *Сѣверной Лирѣ* на 1827 г., 153—154 стр., съ датой, нами воспроизведенною, и полною фамиліей, поэта. Въ изд. 1881 г. (122) внесены слѣд. измѣненія:

1) въ заглавіи напечатано безъ сокращенія слово посвящается, 2) измѣнены знаки препинанія, 3) въ датѣ вм. іюль стоитъ іюнь, 4) не выдержано раздѣленіе на строфы, какое надо для сонета. Перепеч. въ *Лир. и Ант. Русск. поэтовъ*, 1895 г., 214 стр., подъ заглавіемъ *Сонетъ*. Въ сохранившемся автографѣ стихотвореніе озаглавлено: *На смерть Р—ъ*, при чемъ нѣтъ ни названія пьесы, ни посвященія *А. С. Пушкину*, ни даты. Мы сохранили текстъ *Съв. Л.*, сравнительно съ которымъ въ автографѣ слѣд. разночтенія:

Ст. 5: вм. стопамъ—ногамъ.

вм. съ горячностью друга—съ умильной (вар.: отрадной) лаской.

Ст. 9: Тебя ужъ нѣтъ! Но гдѣ жъ друзей твоихъ...

Ст. 10: вм. блестящій рой—влюбленный.

Это стихотвореніе нашего поэта цитировалось и упоминалось не разъ, когда заходилъ вопросъ объ отношеніяхъ *А. С. Пушкина* къ *А. Ризничъ*¹⁾. Пьеса Пушкина написана вслѣдъ за стихотвореніемъ Туманскаго, который своими стихами:

И гдѣ жъ теперь поклонниковъ твоихъ
Блестящій рой? гдѣ страстныя рыданья?
Взгляни: къ другимъ ужъ ихъ влекутъ желанья,
Ужъ новый огонь волнуетъ душу ихъ...

вызывалъ Пушкина откликнуться на смерть той, которую онъ когда-то такъ ревниво и страстно любилъ. Очень можетъ быть, что Туманскій написалъ и письмо Пушкину, когда дошла вѣсть въ Одессу о смерти *А. Ризничъ*.

Туманскій зналъ семейство Ризничъ и въ письмѣ къ *С. Г. Туманской* 1824 г. выдѣлялъ ее отъ другимъ одесскихъ дамъ, назвавъ ее «прекрасной и любезной». *Е. П. Щеголевъ* напрасно считаетъ *Василія Ивановича* въ числѣ поклонниковъ *Амалии Ризничъ*. Содержаніе пьесы его ясно указываетъ, что онъ былъ равнодушенъ къ ней. Не потому ли и Пушкинъ писалъ въ своемъ стихотвореніи:

Изъ равнодушныхъ усть я слышалъ смерти вѣсть...

Эта пьеса является свидѣтельствомъ гуманнаго настроенія *В. И. Туманскаго*, который не могъ примириться съ легкомысленнымъ отношеніемъ къ чувству любви, которое пылало неизмѣнно въ груди его къ другой, родственной ему женщинѣ...

122) *Сътованіе* (132 стр.). Напеч. въ *Моск. Вѣст.*, 1828 г., ч. VII, № 8, 358—361, съ датой и полною фамиліей поэта. Въ изд. 1881 г. (136 стр.) текстъ носить слѣды неточнаго воспроизведенія, потому что измѣнены знаки препинанія и написаніе отдѣльныхъ словъ.

¹⁾ См. *Е. П. Щеголевъ*: *Амалия Ризничъ въ поэзіи Пушкина*. В. Е. 1904 г. № 1, *Н. О. Лернеръ* во II т. соч. Пушкина, изд. подъ ред. Венгерова, 276 стр. и слѣд. *Халапскій* въ Хар. унив. сборн. въ память Пушкина.

123) *Элегія* (134 стр.). Напеч. въ томъ же журналѣ за 1827 г. ч. IV, № 15, стр. 227—228, съ датой и полною подписью поэта. Перепечатано съ иною пунктуаціей въ *Литер. Приб. къ Русск. Инв.* 1834 г., ч. XIV, № 13, 98—99 стр. Въ изд. 1881 г. (113) пунктуація измѣнена; въ ст. 12 вм. *снoвъ* напеч. *словъ*, что надо считать опечаткою.

124) *Pensée* (135 стр.). Напеч. въ *Съверн. Цѣлѣхъ* на 1830 г., стр. 58—60, съ датой и подписью В. Въ изд. 1881 г. (146 стр.) неточно приведено примѣчаніе, кое-гдѣ измѣнены знаки препинанія, во текстѣ опечатки: ст. 17: И завѣщала втайнѣ мнѣ...

Ст. 23: юноши вм. юности.

Ст. 34: при словѣ «милой» нѣтъ курсива.

Подъ инициалами *гр. Е. П. П.* слѣдуетъ разумѣть княжну Елизавету Петровну Трубецкую, вышедшую замужъ за Сергѣя Павловича Потемкина (1787—1858), второго сына генераль-аншефа и писателя графа Павла Сергѣевича (1743—1796). Мужъ ея, также занимавшійся литературою, отличался мотовствомъ и любовью къ театру, при чемъ всегда бывалъ поклонникомъ какой-либо танцовщицы. Въ письмѣ изъ Одессы къ Софьѣ Григорьевнѣ 1825 г. отъ 10 марта Туманскій писалъ: «Къ числу новыхъ знакомствъ, сдѣланныхъ мною въ Одессѣ, первое мѣсто занимаетъ Графиня Потемкина, о которой ты, вѣрно, многое слышала отъ нашего друга Аркадія ¹⁾. Эта женщина, воспитанная въ большомъ свѣтѣ, выданная замужъ по неволѣ, несчастная въ супружествѣ, какою-то необыкновенною силой умѣла поставить себя выше обстоятельствъ, т. е. сохранить всѣ обязанности супруги со всѣми пріятностями умной, веселой и даже беззаботной женщины! Вспомнивъ, что мужъ ея—полный уродъ въ нравственномъ и въ физическомъ смыслѣ, что она была красавицей и доселѣ прекрасна, всегда была окружена толпой поклонниковъ, вспомнивъ, что домашнее горе—самой дурной нравоучитель для женщинъ—нельзя не подивиться или *безпечности* ея, или ея *привязанности къ долгу*, подержавшихъ ея на весьма опасной дорогѣ». (Письма, 1891, стр. 36, въ наст. изд. стр. 278). Приведенная выдержка изъ письма является лучшимъ комментариемъ къ стихотворенію, въ которомъ Туманскій выразилъ все благоговѣніе, какое внушала ему своею безупречною жизнью *гр. Е. П. Потемкина*.

125) *Въ Альбомъ* №№ (136 стр.). Напеч. въ *Невскомъ Альманакъ* Аладьина на 1827 г., 105—106 стр., съ датой и подписью Т. Въ изд. 1881 г. (114 стр.) измѣнена только пунктуація. Мы возстановили первоначальный видъ пьесы.

126) *Греція* (137 стр.). Напеч. въ *Соревнователь Просв. и Благотв.*, 1825 г., ч. XXXI, № 8, 217—218 стр., съ датой и подписью Т. Въ изд. 1881 г. (97 стр.) текстъ, за исключеніемъ правописанія нѣкоторыхъ

¹⁾ Отъ Арк. Вас. Кочубея, который въ «Семейной Хроникѣ» даетъ отзывъ о ея мужѣ.

словъ и ст. 20, гдѣ вм. препоясалъ напеч. препоясавъ, сходенъ съ текстомъ «Соревнователя». Въ автографѣ сонеты не раздѣлены цифрами; годъ написанія не обозначенъ и слѣд. разночтенія: ст. 5 вм. мрачнѣе—безмолвнѣй, ст. 6: Казалось, ты посрамлена на вѣкъ.

Ст. 9: вм. узрѣвъ тебя—стремясь къ тебѣ.

Ст. 20: вм. препоясалъ—препоясавъ (мы удержали эту форму, какъ вполне отвѣчающую конструкции предложенія).

Ст. 23: вм. звукъ брани—звукъ млата.

Ст. 26: вм. неколебимѣй—устойчивѣе.

Пьеса является отзывомъ поэта на переживаемыя событія. Подъ предводительствомъ брата Александра Ипсиланти, въ 1822 г. было поднято новое возстаніе грековъ противъ турокъ. Удача возстанія и явное содѣйствіе Европы воодушевляли грековъ. Это воодушевленіе и вызвало тѣ чувства, какія изложены нашимъ поэтомъ во второмъ сонетѣ. Впослѣдствіи, когда Россія и другія европейскія государства вступились за пораженныхъ грековъ, Туманскому довелось участвовать въ политическихъ событіяхъ, начало которыхъ—возстаніе грековъ.

127) *Пьсня* (157—158 стр.). Предназначалась эта пьеса для невышедшей *Звѣздочки* 1826, гдѣ напечатана на стр. 69, безъ даты, но съ полною фамиліей поэта. Появилась въ *Невскомъ Альманасѣ* на 1827 г., стр. 165, съ тою же подписью и безъ даты, но съ незначительными отличіями въ текстѣ. Мы отнесли пьесу къ 1825 г., потому что матеріалъ для *Звѣздочки* собирался въ этомъ году. Въ изд. 1881 г. (116) текстъ, за исключеніемъ знаковъ препинанія, сходенъ съ текстомъ *Невск. Альм.* Въ автографѣ встрѣчаются слѣд. разночтенія:

5 ст.: Расскажи намъ...

8 ст.: вм. пламеннымъ—творческимъ,

10 ст.: вм. не скучаю—не тоскую,

11 ст.: вм. не готовлю—не слагаю,

15 ст.: вм. *темный* локонь—*русый* локонь.

Годъ не обозначенъ.

128) *Пьсня Татарской дѣвы* (158—159 стр.). [Напеч. въ *Моск. Вѣст.* 1829 г., ч. I, 84—86 стр., съ датой и полною фамиліей поэта. Въ изд. 1881 г. (143 стр.) текстъ, за немногими исключеніями для правописанія, сходенъ съ текстомъ *Моск. Вѣст.* Въ автографѣ пьеса названа «*Татарская пьсня*»; годъ не обозначенъ. Сравнительно съ печатнымъ текстомъ встрѣчаются слѣд. разночтенія:

Ст. 4: вм. рдѣть—блещеть,

Ст. 11: вм. пустотѣ—суетѣ;

другіе стихи такъ исчерканы, что трудно что-либо разобрать.

Пьеса свидѣлствуетъ объ этнографическихъ интересахъ нашего поэта, который отъ О. М. Сомова и кн. Церетели зналъ о значеніи

народныхъ пѣсенъ. Весьма возможно, что отъ какого-либо переводчика онъ узналъ содержаніе татарской пѣсни и переложилъ его въ русскіе стихи. По крайней мѣрѣ въ *Одесскомъ Вѣстникѣ* за 1829 г., № 12, при перепечаткѣ этой пьесы, было сказано:

«Стихотворенія не входятъ въ составъ нашего журнала; но мы позволяемъ себѣ отступить отъ сего правила для тѣхъ, кто *воспѣваетъ край нашу* въ хорошихъ русскихъ стихахъ». Такимъ образомъ за пьесою Туманскаго признанъ *мѣстный* колоритъ.

129) *Пьсьнь любви* (160—161 стр.). Напеч. въ томъ же журналѣ 1827 г., ч. III, № 10, 110—112 стр., съ датой и полною фамиліей поэта. Перепечатана эта пьеса въ *Литер. приб. къ Русск. Инв.* 1834 г., ч. XVI, № 86, 687—688 стр. Въ изд. 1881 г. (110 стр.) пьеса воспроизводитъ текстъ *Моск. Вѣст.* съ измѣненіемъ знаковъ препинанія и опечатками: въ ст. 1: проникли вм. проникли; въ 40 *старость* вм. *страсть*. Сравнивъ содержаніе пьесы съ письмомъ изъ Скуляна отъ 13 янв. 1826 г. (Письма, 1891 г. 69—70 стр., въ наст. изд. стр. 287), можно заключить, что *Пьсьнь любви* писана въ январѣ мѣсяцѣ 1826 г., почему мы и поставили ее первымъ изъ написанныхъ въ этомъ году стихотвореній.

130) *Софійи* (162 стр.). Напеч. изъ альбома С. Г. Туманской въ изд. 1881 (126 стр.): вторично въ приложеніяхъ къ Письмамъ 1891 г. (118 стр.). Годъ выставленъ въ обоихъ изданіяхъ.

131) *Одесскимъ друзьямъ* (162—164 стр.). Напеч. въ *Сѣверной Лирѣ* на 1827 г., стр. 17—25, съ датой и полною фамиліей поэта. Въ изданіи 1881 г. (116 стр.), кромѣ знаковъ препинанія, въ текстѣ слѣд. измѣненія: ст. 11: *добрыя* нѣтъ курсива,

ст. 23: вм. мой—свой,

ст. 26: *несноснымъ* нѣтъ курсива,

ст. 27: вм. къ служенію—къ служеніямъ,

ст. 28: вм. цѣнить —цѣнить,

ст. 54: вм. *возстановляешь*—возстановляетъ,

ст. 62: вм. *внемлемъ*—внемлетъ.

Г. Саводникъ (назв. ст. въ Русск. Вѣст.) отмѣчаетъ то глубокое чувство, съ которымъ говоритъ въ этомъ стихотвореніи поэтъ о двоюродной сестрѣ своей Софѣ Григорьевнѣ. Не мѣшаетъ указать, что въ этой пьесѣ заключается и суровая критика городскихъ, въ частности одесскихъ нравовъ (стихи 31—42).

132) *Глутицы* (165 стр.). Напеч. въ *Благонамѣренномъ* 1826 г., ч. XXXIV, № 10, 213 — 214 стр., безъ даты, съ подписью Т. Пьеса написана до апрѣля 1826 г., потому что № журнала одобренъ цензурою 12 апрѣля. Въ изд. 1881 г. эта пьеса не вошла.

133) *Къ портрету* (165 стр.). Напеч. въ *Невскомъ Альманахѣ* на 1827 г., 293 стр., съ подписью Т. Въ изд. 1881 г. (115 стр.) текстъ воспроизведенъ согласно съ первоначально напечатаннымъ. Годъ выставленъ нами на основаніи цензурской помѣтки *Нег. Альм.: 27 октября 1826.*

134) *Гондолъеръ и поэтъ* (166 стр.). Напеч. въ *Съверныхъ Цветахъ* на 1831 г., стр. 25, съ датой и полной фамилией поэта. Перепечатано безъ существенныхъ измѣненій въ текстѣ въ *Литерат. прибавл. къ Русск. Инв.* 1835 г., ч. XX, № 90, 719 стр., и въ *Молебъ* 1835 г., № 90. Въ изд. 1881 г. (151 стр.) перепечатанъ текстъ *Литер. приб. къ Р. Инв.* Мы возстановили текстъ *Съв. Цв.* Наиболѣе сущ. разночтеніе въ изд. 1881: ст. 8 *надъ бездной.*

Данная пьеса открываетъ въ нашемъ поэтѣ симпатію къ трагически погибшему французскому поэту переходнаго времени. Выборъ этой изящной пьесы для перевода объясняется прирожденнымъ эстетическимъ вкусомъ и симпатіей къ высказанному въ ней взгляду на поэта и на отношенія его къ обществу. Въ частности одно интересное сопоставленіе: пьеса Туманскаго относится къ 1826 г., а переводъ Пушкина (Близъ мѣстъ, гдѣ царствуетъ Венеція златая) той же пьесы А. Шенье относится къ 1827 г., хотя въ печати стихотвореніе Туманскаго появилось позднѣе. Въ августѣ 1826 Туманскій въ Москвѣ видѣлся съ Пушкинымъ. Нѣтъ ничего невѣроятнаго въ томъ, что нашъ поэтъ читалъ Пушкину свой переводъ и далъ толчокъ къ переводу того же стихотворенія послѣднимъ. Нѣкоторыя выраженія въ пьесѣ Пушкина совпадаютъ съ переводомъ Туманскаго. Вс. Крестовскій призналъ эту пьесу «вещью мастерски переведенною и замѣчательною по красотѣ стиха» (Рус. Слово, 1858 г., 75—79 стр.).

135) *Отрывокъ* (166—167 стр.). Напеч. въ *Славянинъ*, 1828 г., ч. VI, № 21, стр. 312—313, съ датой и подписью *T.* Въ изд. 1881 (129 стр.) измѣнено правописаніе и знаки препинанія. Изъ писемъ (1891 г., 72—80 стр., въ наст. изд. стр. 290—296) видно, что весь августъ и большую часть сентября 1826 г. Туманскій прожилъ въ Москвѣ; пьеса написана въ концѣ августа, потому что послѣ коронаціи начались балы и увеселенія, настроившіе нашего элегическаго поэта на жизнерадостный и веселый ладъ. Въмѣстѣ съ тѣмъ первый стихъ напоминаетъ стихъ А. Шенье: «*Tel j'étais autrefois et tel je suis encore*».

Такъ какъ Пушкинъ въ 1828 г. написалъ пьесу: «Каковъ я прежде былъ, таковъ и нынѣ я», помѣтивъ: «Отрывокъ изъ Андрея Шенье», хотя взявъ у французскаго поэта только одинъ стихъ, то имѣемъ еще одно указаніе на совпаденіе вкусовъ и пристрастія нашего поэта и Пушкина къ Ан. Шенье. Эта пьеса также написана въ 1826 г., какъ и предыдущая *Гондолъеръ и поэтъ*, и указываетъ что Туманскій въ означенномъ году много интересовался французскимъ поэтомъ. При свиданіи съ Пушкинымъ онъ, несомнѣнно, подѣлился своими впечатлѣніями—отсюда и у Пушкина — Шенье и мотивы его поэзіи, которую онъ интересовался издавна.

136) *Стансы.* Къ NN (167—168 стр.). Напеч. въ *Москов. Вѣстникъ*, 1828 г., ч. VIII, № 6, стр. 138—139, съ обозначеніемъ даты и съ полной фамилией поэта. Въ изд. 1881 г. (134—135 стр.) измѣнены знаки препинанія и правописаніе нѣкоторыхъ словъ.

На основаніи письма изъ Москвы отъ 10 авг. 1826 г. (Письма, 1891 г., стр. 74, въ наст. изд. стр. 292) слѣдуетъ подѣ инициалами NN

разумѣть Е. М. Бутурлину (урожд. Комбурлей), которая нѣкогда нравилась Туманскому. Встрѣтивъ ее въ Москвѣ и поразившись пере-мѣною, происшедшею въ ея наружности («Бутурлина совершенная развалина. Вообрази себѣ,—ни тѣни прежней красоты...»), поэтъ въ стихахъ передалъ пережитое. Отсюда и поэтическое сравненіе своего воспоминанія съ плещомъ.

137) *Гречаникъ* (169—170 стр.). Напеч. въ *Москов. Вѣст.*, 1827 г., ч. II, № 8, 310—311 стр., съ датой — *Февраль, 1827*— и полною фамиліей поэта. Перепечатано безъ измѣненій въ *Литер. приб. къ Русск. Инв.* 1834 г., ч. XIV, № 8, 63 стр. Въ изд. 1881 г. (стр. 106—108) текстъ измѣненъ: нѣтъ раздѣленія пьесы на двѣ строфы (части), измѣнено правописаніе нѣкоторыхъ словъ и кое-гдѣ иначе разставлены знаки препинанія. Выставленную дату взяли мы изъ автографа, на полулистѣ синей бумаги, въ которомъ встрѣчаемъ слѣд. варианты:

ст. 54: вм. Олимпъ—Музу (Славу),

ст. 57: Моя гремящая любовь.

ст. 59. Пою—мнѣ весь Олимпъ внимаеть (вар. вм. весь Олимпъ—жадный міръ).

Комментаріемъ къ этой пьесѣ являются слѣд. слова изъ письма нашего поэта къ А. С. Пушкину отъ 2 марта 1827 г. изъ Одессы: «Стиховъ частицу при семь посылаю. Я бы желать, чтобы вы (т. е. Пушкинъ и Погодинъ) прежде всего напечатали стихи: *Къ Гречаникъ*. Я люблю эту пьесу потому, что написалъ въ ночь послѣ бала и ужина, полупьяный и психически влюбленный. Въ ней есть какая-то дерзость выраженій, къ которой я обыкновенно не привыкъ» (См. печ. нынѣ письма стр. 302).

138) *Эпиграмма* (171 стр.). Напеч. въ томъ же журналѣ, за тотъ же годъ, ч. III, № 9, стр. 8, безъ даты, но съ полной фамиліей поэта. Въ изд. 1881 г. (109 стр.) въ текстѣ измѣнено правописаніе нѣкоторыхъ словъ. Мы выставили годъ по времени появленія въ печати. С. Весинъ въ *Очеркахъ исторіи рус. журналистики* (Спб. 1881 г., стр. 192) привелъ эту эпиграмму, какъ образчикъ сатиры 20-хъ годовъ XIX ст. Г. Саводникъ привелъ въ не разъ уже названной статьѣ о Туманскомъ эту эпиграмму, какъ доказательство, что нашъ поэтъ былъ чуждъ нѣмецкаго романтизма, хотя и признавать его влияние на русскую литературу.

139) *Сонетъ* (171 стр.). Напеч. тамъ же, ч. II, № 6, стр. 120, съ датой и подписьюій. Въ изд. 1881 г. (126—127 стр.) измѣнены только знаки препинанія и орфографія нѣкоторыхъ словъ.

140) *Поэзія* (172 стр.). Напеч. тамъ же, ч. III, № 9, 7 стр., безъ даты, но съ полной фамиліей поэта. Перепечатано совершенно согласно съ текстомъ *Моск. Вѣстника* въ альманахѣ *Роза грацій*, или *собраніе стихотвореній для прекраснаго пола* (Москва. 1830 г., 39 стр.). Нѣтъ даты и въ автографѣ. Въ изд. 1881 г. (108—109 стр.) поставленъ 1827 г. по времени напечатанія. Текстъ сходенъ съ первоначально напечатаннымъ, за исключеніемъ кладязь (ст. 14) и Гармонія (ст. 1).

Въ автографѣ встрѣч. слѣд. варианты:

ст. 3: вм. блещеть—дышетъ,

ст. 6: Ликуеть долъ и вышина,

ст. 8: вм. Сія пѣвица—Пѣвица эта,

Послѣдніе 6 стиховъ не раздѣлены по двѣ строфы, а написаны вмѣстѣ.

С. Весинъ въ названной выше книгѣ своей (стр. 185) приводитъ это стихотвореніе, какъ наиболѣе *типичное* для характеристики взглядовъ на поэзію, проникающихъ журнальныя стихотворенія 20-хъ годовъ XIX столѣтія.

141) *На память Веневитинова* (172—173 стр.). Напеч. тамъ же, ч. III, № 12, стр. 312, безъ даты, съ полною фамиліей поэта. Въ изд. 1881 г. (112 стр.) стихотвореніе перепечатано небрежно: 1) нѣтъ раздѣленія цифрами на двѣ строфы, 2) встрѣчается рядъ опечатокъ, напр. *блавоолимъ* (ст. 9) вм. *благословимъ*, 3) измѣнены знаки препинанія. Годъ выставленъ нами по времени напечатанія, да и написано стихотвореніе могло быть вскорѣ послѣ смерти поэта (15 марта 1827 г.). Дмитрій Владимировичъ Веневитиновъ (1805—1827) познакомился съ Туманскимъ въ Москвѣ въ 1826, когда познакомился съ Веневитиновымъ и Пушкинъ. Общее участіе въ *Москов. Вѣстникѣ* укрѣпило это знакомство. Незадолго да смерти своей Веневитиновъ написалъ элегію «Поэтъ и другъ» (напечатанную во II-й части *Моск. Вѣст.* за 1827 г., № 7), въ которой встрѣчаются такіе стихи:

Душа сказала мнѣ давно:
«Ты въ мірѣ молніей промчишься,
Тебѣ все чувствовать дано,
Но жизнью ты не насладишься».

Заканчивается элегія такими стихами:

Сбылись пророчества Поэта,
И другъ въ слезахъ съ началомъ лѣта
Его могилу посѣтилъ.
Какъ зналъ онъ жизнь! Какъ мало жилъ!

Редакторъ сдѣлалъ слѣд. примѣчаніе къ стихотворенію Веневитинова: «Горькими слезами омочили мы сіе стихотвореніе. Незабвенный другъ нашъ чудеснымъ образомъ предрекъ свою судьбу. Чрезъ недѣлю послѣ отправленія къ намъ изъ Петербурга Элегіи, онъ (на 22 году отъ роду) занемогъ нервическою горячкою, которая въ восемь дней низвела его въ могилу.

Какъ зналъ онъ жизнь! Какъ мало жилъ!

«Оставшіяся сочиненія его показываютъ, чего ожидать отъ него должны были наука и Отечество.

«Друзьямъ его не имѣтъ уже полного счастья».

Это примѣчаніе и вызвало, какъ показываетъ содержаніе, стихотвореніе нашего поэта.

Такія выраженія какъ—,

Или: Не плачь о немъ, завѣтный другъ поэта!
Благословимъ безъ малодушныхъ слезъ
Его полетъ въ страну эфира...—

ясно указываютъ, что они являются отвѣтомъ и утѣшеніемъ на слова горести редактора и друзей почившаго.

С. Весинъ (стр. 185) цитируетъ эту пьесу (вторую часть ея), какъ показаніе, что въ 20-хъ годахъ XIX ст. считали умершаго поэта близкимъ къ міру ангеловъ.

142) *Прекраснымъ глазамъ* (173 стр.). Напеч. въ *Сѣверн. Цветахъ* на 1828 г., стр. 75—76, безъ даты и съ полной фамиліей поэта. Въ изд. 1881 г. (139—140) пьеса напечатана съ раздѣленіемъ на строфы, по 4 стиха въ каждой, тогда какъ въ *Сѣв. Цв.* она напечатана сплошь, и съ измѣненіемъ знаковъ препинанія. Годъ выставленъ нами на основаніи цензурской помѣты: 3 дек. 1827.

143) *Эпитафія* (174 стр.). Напеч. въ *Альбомъ Сѣверныхъ Музъ* на 1828 г., стр. 175, безъ даты и съ подписью *Т.* Въ изд. 1881 г. (142 стр.) текстъ воспроизведенъ точно. Мы поставили дату на основаніи цензурской помѣты: 1827 г. декабря 31 дня.

144) *Пьянство* (174 стр.). Напеч. въ *Невск. Альманахъ* на 1828 г., 306 стр., безъ даты и съ подписью *В.* Мы датировали на основаніи цензурской помѣты: *Декабря 9 дня 1827 года.* Въ изд. 1881 г. это стихотвореніе не вошло.

145) *Н. Н.* (174 стр.). Напеч. тамъ же, стр. 311, безъ даты, съ подписью *В.* Датировано нами на томъ же основаніи, какъ и предыдущее стихотвореніе. Въ изд. 1881 г. не вошло. Можетъ быть, подъ инициалами *Н. Н.* надо разумѣть Николая Николаевича Бахметева.

146) *Эпитафія И. П. А.* (174 стр.). Напеч. тамъ же, стр. 133, съ тою же подписью и безъ даты, которая выставлена нами на вышеизложенномъ основаніи. Въ изд. 1881 г. эта пьеса не вошла. Кого разумѣлъ поэтъ подъ инициалами—сказать не можемъ.

147) *Младость* (175 стр.). Напечат. въ *Памятникъ Отчественныхъ музъ* (Альманахъ для любителей словесности на 1828 годъ. Изданный Борисомъ Федоровымъ. Сибирь. 1828), стр. 304, съ подписью: *В—й*, но безъ даты, которая выставлена нами на основаніи цензурской помѣты: *21 декабря 1827 г.* Перепечатано почти безъ измѣненій (*осенью* вм. *съ осенью*) въ *Розъ грацій*, 1830 г., 43 стр. Тема этого стихотворенія напоминаетъ другія пьесы нашего поэта, болѣе ранняго времени. Въ изд. 1881 г. не вошло.

148) *Кольцо* (стр. 175—176). Напеч. въ *Московскомъ Вѣстн.*, 1828 г., ч. VII, № 1, 15—16 стр., съ датой 1827 и полной фамиліей поэта. Перепечатано въ *Этернь*, или собраніи новѣйшихъ романовъ, балладъ и пѣсенъ извѣстнѣйшихъ и любимыхъ русскихъ поэтовъ (Москва. 1831 г.), стр. 11—12. Въ изд. 1881 (130—131), за исключеніемъ нѣсколькихъ знаковъ препинанія, текстъ сходенъ съ первоначально

напечатаннымъ. Сохранилось два автографа этой пьесы: черновой— на полулистѣ, бѣловой на четверти листа. Въ черновомъ пьеса первоначально названа: *Юношъ*. До 16 стиха въ этомъ экземплярѣ возможно читать, а дальше идутъ наброски— отдѣльныя слова и фразы, напр. «Грудь волнуешь», «Озарено мое кольцо» и т. д.

До 16 стиха встрѣч. слѣд. варианты:

2 ст: вм. тоскуешь — вздыхаешь,

3 ст.: вм. цѣлуешь—лобзаешь.

Даты нѣтъ ни въ одномъ изъ автографовъ.

149) *Идеаль* (177—178 стр.). Напеч. въ *Сѣверныхъ Цвѣтахъ* на 1831 г., 99—101 стр., безъ даты, но съ полною фамиліею поэта. Въ изд. 1881 г. (153—154) значительно измѣнены знаки препинанія, орфографія словъ, напр. въ 6 ст. мірскаго вм. мірского и т. п., и серьезныя опечатки, напр. въ 32 стихѣ *И какъ* вм. *И намъ*. Болѣе исправно приведенъ текстъ въ ст. Вс. Крестовскаго (Русское Слово, 1858, 75—79 стр.), который перепечаталъ пьесу изъ *Сѣв. Цв.* съ такою замѣткою: «Приводимъ еще одно прекрасное ...стихотвореніе... оно своими поэтическими достоинствами говорить само за себя предъ читателями».

Сохранилось два автографа этого стихотворенія: черновой на полулистѣ синей бумагѣ и бѣловой на четверти листа бѣлой. Въ бѣловомъ подъ стихотвореніемъ стоитъ 1827, а въ черновомъ, гдѣ первоначально пьеса названа *Элегія* (зачеркнуто потомъ) подъ заглавіемъ въ скобкахъ стоитъ. «*Генв. 1828*», при чемъ цифра 8 передѣлана изъ 7. Эту исправленную дату мы и выставили въ настоящемъ изданіи.

Въ бѣловомъ автографѣ встрѣч. слѣд. варианты:

Ст. 7: Мы ждемъ таинственнаго (вар.: заповѣднаго) счастья,

Ст. 8: Ждемъ *какъ* откровенья Божества,

ст. 14: вм. невинный образъ—цвѣтуцій (вар.: привѣтный) образъ,

ст. 15: Невинной поступи небрежность (вар.: Святой невинности небрежность),

ст. 16: вм. И гордость—свѣжесть,

ст. 23: вм. Мы будемъ—мы станемъ.

Въ черновомъ автографѣ начало пьесы совсѣмъ иное:

Въ тѣ дни, когда мечты и радость (вар.: душа младая)

Влекутъ, волнуютъ нашу младость,

Когда съ участіемъ живымъ

На міръ, на лица мы глядимъ,

Порой, въ чудесно мгновенье,

Какъ тѣнь проходитъ мимо насъ

Неизъяснимое Видѣнье,

Краса, блестящая на часъ.

Цвѣтуцій образъ, прелесть, нѣжность,

Живой невинности небрежность

И свѣжесть чувствъ и святость думъ...

(Дальше сходно съ печатнымъ текстомъ).

150) *Три цвѣта* (стр. 178—179). Напеч. въ альманахѣ *Полевые Цвѣты*, изд. И. Черновымъ и А. Сергѣевымъ въ С.-Петербургѣ на 1828 г. стр. 79—80, безъ даты, съ подписью Т. Дата выставлена нами по времени появленія въ печати (ценз. помѣта Альманаха 4 марта 1828 г.). Въ изд. 1881 г. эта пьеса не вошла.

По поводу этой пьесы мы хотимъ сдѣлать одно предположеніе, которое, не скроемъ, встрѣчаетъ вѣскія возраженія и не разрѣшаетъ вполне вопроса: оно только немного разъясняетъ дѣло. Всѣ комментаторы А. С. Пушкина останавливались на стихотвореніи послѣдняго: «*Туманскій нравъ*». Эта пьеса вызывала два вопроса: 1) къ какому времени отнести это стихотвореніе и 2) какую пьесу В. И. Туманскаго имѣлъ въ виду Пушкинъ.

Одинъ только Анненковъ отнесъ пьесу Пушкина къ 1828 г., помѣстивъ ее въ числѣ строфъ, вошедшихъ въ «Альбомъ Онѣгина». Всѣ другіе комментаторы относили пьесу къ 1824 году, по нашему мнѣнію, также бездоказательно, ибо положеніе ея между черновыми «Разговора книгопродавца съ поэтомъ» и двухъ строфъ 3-ей главы Онѣгина не можетъ служить вѣскимъ основаніемъ относить эту пьесу къ 1824, ибо строфы 3-ей главы Онѣгина появились въ печати позднѣе. Говоримъ о появленіи въ печати, потому что говорить о рукописяхъ у насъ нѣтъ данныхъ, иначе не избѣжать *предположеній*.

Впрочемъ, въ виду неизвѣстности времени написанія Туманскимъ пьесы *Три цвѣта*, можно предположить, что она написана гораздо раньше появленія въ печати, залежалось въ портфель поэта, и потомъ по просьбѣ составителей альманаха передано для публикаціи. Очень жаль, что Анненковъ не далъ обоснованія, почему отнесъ пьесу къ «Альбому Онѣгина».

Если же относить пьесу Пушкина къ 1828 г., то можно предположить, что она является отвѣтомъ на печатаемую впервые пьесу Туманскаго *Три цвѣта*, подъ которою стоятъ три звѣздочки вмѣсто имени той, которую нашъ поэтъ имѣлъ въ виду. Замѣчательно, что Пушкинъ свою пьесу обозначилъ такъ: *Къ ****, т. е. тоже тремя звѣздочками, и этимъ далъ какъ бы внѣшнее указаніе на пьесу Туманскаго.

Въ содержаніи этой пьесы имѣемъ слѣдующія точки соприкосновенія съ пьесою Пушкина: во-1-хъ, пьеса Туманскаго и пьеса Пушкина имѣли въ виду женщину, безъ сомнѣнія, одну и ту же; во-2-хъ, у Туманскаго и Пушкина имѣются сопоставленія съ *радугой* и *розой*, недостаетъ только *ключа*, между тѣмъ Пушкинъ на него особенно ударяетъ въ своемъ стихотвореніи. Можетъ быть, въ рукописи Туманскаго имѣлся и *ключъ*, но цензура выбросила его; другихъ сравненій и сопоставленій имѣется достаточно въ пьесѣ Туманскаго.

151) *Къ Луи* (179 стр.). Напеч. въ *Славянинѣ*, 1828 г., ч. VI, № 13, стр. 194, съ датою: *Одесса* и подписью Т. Въ изд. 1881 г. (128—129 стр.) въ текстъ внесены измѣненія: стр. 13 твердилъ вм. твердить, правописаніе нѣкоторыхъ словъ и знаки препинанія. Годъ выставили

по времени напечатанія. Н. В. Гребель въ приготовляемыхъ къ печати стихотвореніяхъ (рукопись) почему-то выставилъ 1827 г.

152) *Пьсыя* (180 стр.). Напеч. въ томъ же журналѣ, безъ даты, съ подписью Т. Въ изд. 1881 г. (127—128) только измѣнены знаки препинанія. Датировано по времени напечатанія.

Гельти—нѣмецкій поэтъ (1748—1776), извѣстный своими элегіями и идилліями, проникнутыми чувствомъ.

153) *Ободреніе* (181 стр.). Напеч. тамъ же, № 41, стр. 68—69, безъ даты и безъ подписи. Вѣроятно, переводъ сдѣланъ нашимъ поэтомъ, потому что авторъ оригинала одинъ и тотъ же и по содержанію темы сходны. Печатается въ настоящемъ изданіи впервые. Датировано по времени напечатанія.

154) *Стансы юной днѣвѣ* (182—183 стр.). Напеч. въ *Альціонѣ* бар. Е. Ф. Розена на 1831 г., стр. 69—71, безъ даты, съ полною фамиліей поэта. Въ изд. 1881 (156—157 стр.) измѣнены только знаки препинанія. Н. В. Гребель почему-то датировалъ это стихотвореніе 1830 г. Въ сохранившемся автографѣ стоитъ 1828 г., который мы и поставили въ настоящемъ изданіи. Въ автографѣ пьеса названа: *Стансы*; кромѣ того, встрѣчаемъ слѣд. варианты:

ст. 47—48: Въ послѣдній мигъ у двери рая

Шепнешь: «благодарю» землѣ! (вар.: съ отрадой вспомнишь о землѣ).

155) *Спаси меня* (184—185 стр.). Напеч. въ *Сѣверныхъ Цветахъ* на 1830 г., 23—33 стр., съ датой и подписью В. Перепечатано въ книгѣ: *Венера или собраніе стихотвореній разныхъ авторовъ* (ч. 3-ья. Москва. 1831 г., 71—73 стр.) слѣдъ за пьесой А. С. Пушкина «Уединеніе»; текстъ не измѣненъ, но пунктуация иная, плоха выдержанная. Въ изд. 1881 г. (145—146 стр.) пьеса не раздѣлена на строфы такъ, какъ въ первоначальномъ видѣ: въ «Сѣв. Цв.» она состоитъ изъ четырехъ строфъ, по 8-ми стиховъ въ каждой; кромѣ того, измѣнены правописаніе нѣкоторыхъ словъ и пунктуация. Мы сохраняемъ текстъ «Сѣв. Цв.».

156) *Ченеритола* (185 — 186 стр.). Первоначально напечат. въ *Галатѣѣ, журналѣ литературы, новостей, модъ*, изд. Райчемъ, 1829 г., стр. 44—45, № 1, подъ заглавіемъ «Къ...», безъ даты, съ полною фамиліей поэта. Стихотвореніе сопровождалось примѣчаніемъ, которое перепечатано въ настоящемъ изданіи. Вскорѣ эта пьеса была вторично напечатана въ *Альціонѣ* на 1831 г., 76—77 стр., подъ заглавіемъ: *Ченеритола*, безъ объяснительнаго примѣчанія, но съ такимъ сообщеніемъ издателя: «Сія пьеса была помѣщена въ Галатѣѣ, но съ ошибками; она исправлена самимъ авторомъ и доставлена издателю». Н. В. Гребель неизвѣстно почему отнесъ эту пьесу къ 1828 г. Мы отнесли ее къ 1829 г., по времени ея появленія въ печати (№ 1-й Галатей разрѣш. къ печати цензоромъ 12 марта 1829 г.). Въ изд. 1881 г. (148—49) перепечатанъ текстъ Альціоны, но съ измѣненіемъ орфографіи и знаковъ препинанія.

157) *Портретъ* (186 стр.). Напеч. въ *Галатѣѣ*, 1829 г. № 10, 209, безъ даты, съ полною фамиліей поэта. Перепечатано въ *Этернѣѣ*,

1831 г., стр. 162, но съ опечатками (вм. безперерывномъ—безперерывномъ, хотя нарушается размѣръ стиха) и съ измѣненіемъ пунктуациі. Нами выставлена даты 1829 г. по вышеуказаннымъ (см. № 156) основаніямъ, хотя Н. В. Гербель и эту пьесу отнесъ къ 1828 г. Въ сохранившемся на узенькой бумажной лентѣ автографѣ годъ не обозначенъ. Варианты.

- Ст. 6: Въ чертахъ и живость и покой.
 Ст. 7—8: Въ ней все съ природой въ явномъ спорѣ
 И все согласно съ красотой!
 Вар.: Все въ ней какъ будто въ явномъ спорѣ,
 А все въ ней дышетъ красотой.

158) *Романъ* (186—187 стр.). Напеч. въ *«Сѣверныхъ Цвѣтахъ»* на 1831 г., 34—35 стр., съ датой и полной фамиліей поэта. Перепечатано безъ измѣненій въ *Литер. прибавл. къ Русскому Инвал.*, 1834 г., ч. XVI, № 93, 734—744 стр. В. Крестовскій въ Русск. Словѣ 1858 г. напечаталъ этотъ «Романъ» съ такимъ замѣчаніемъ: «Нельзя не вѣровать въ искренность этого душевнаго стона поэта, въ этотъ *угрюмый соборъ его властительныхъ думъ*, какъ говоритъ онъ, потому что высказано-то все это такъ просто, безъ афектаціи, даже безъ *рутиннаго въ то время байронизма*—вы чувствуете, какъ унести поэта за собой и ваше собственное чувство и невольно, повторяю, вѣруете въ ту глубокую искренность, съ которою высказана эта простая, но психически-вѣрная и глубоко-горькая мысль:

И въ грусти безумной мнѣ счастье одно:
 Все открытъ тому, чего нѣтъ ужъ давно!

«То, что у другого, быть можетъ, вышло бы не болѣе, какъ пустой и громкой фразой—вы чувствуете, что у Туманскаго вылилось само собой, ясно и просто изъ глубины его поэтической души—а это-то и есть самое лучшее и несомнѣннѣйшее доказательство живого таланта и поэтической натуры». Въ изд. 1881 г. (152 стр.) не соблюдены кавычки, нѣтъ тире въ началѣ отвѣтной рѣчи, измѣнены знаки препинанія и правописаніе отдѣльных (немногихъ) словъ.

На основаніи даты слѣдуетъ предположить, что пьеса написана въ концѣ 1829, такъ какъ онъ былъ отправленъ въ главную квартиру 2-й дѣйствующей арміи 25 сентября ¹⁾ этого года.

159) *Тѣнь чернаго витязя* (187—188 стр.). Напеч. въ *Певскомъ Альманакѣ* Аладьина на 1830 г., стр. 404—405, съ подписью В., безъ даты, которая выставлена нами на основаніи цензорскаго разрѣшенія: 17 сентября 1829 г. Въ изд. 1881 г. эта пьеса не вошла.

160) *Имя милое Россіи* (189—190 стр.). Напеч. въ *Современникѣ* 1837 г., т. VII стр. 195—196, съ датой—1830 *Бургазъ*—и полною подписью

¹⁾ См. нашу ст.: Новые матеріалы для біографіи Туманскаго. Ж. М. Н. пр. 1906 г., № 5, 121 стр.

фамиліи поэта. Въ изд. 1881 г. (160—161 стр.) перепечатанъ текстъ *Современника* съ измѣненіемъ въ нѣкоторыхъ мѣстахъ знаковъ препинанія. Нами въ дату внесень мѣсяць *Февраль* изъ автографа, въ которомъ встрѣчаются слѣдующіе варианты:

ст. 9: Часто, о земля святая,
ст. 11—12: Въ самомъ образѣ чужбины
Проявляешься ты мнѣ...

Дипломату-поэту, близко стоявшему къ политическимъ событіямъ того времени, можно было искренно восхищаться величіемъ Россіи, которая только что вышла побѣдительницей изъ борьбы съ Турціей. Охваченному близостью событій, ему трудно было предвидѣть дальнѣйшія событія, которыя у Севастополя раскрыли всѣ язвы внутренней жизни русскаго государства, пока прекрасно затушовываемыя внѣшними блестящими событіями, тою ролюю, какая выпадала на долю Россіи въ греческомъ возстаніи и послѣдовавшей за нимъ турецкой войнѣ.

161) *Плещица* (190 стр.). Напеч. въ *Литературной Газетѣ* бар. Дельвига, 1830 г., т. II, № 57, 168 стр., съ датой и подписью В., при чемъ въ оглавленіи названа полная фамилія нашего поэта. Въ изд. 1881 г. (155 стр.) текстъ напечатанъ съ слѣд. измѣненіями: 1) измѣнена разстановка знаковъ препинанія, 2) измѣнено правописаніе нѣкоторыхъ словъ и 3) произвольно раздѣлено стихотвореніе на 4 строфы, тогда какъ въ *Лит. Газ.* оно напечатано въ двѣ строфы (первая оканчивается словомъ *позороны*).

162) *Судьба* (190—191 стр.). Напеч. въ *Сѣверномъ Цветѣ* на 1831 г., 79 стр., съ датой и полною фамиліей поэта. Стихотвореніе раздѣлено на двѣ строфы: первая въ 7, вторая въ 8 стиховъ. Въ изд. 1881 г. (152—153 стр.) измѣнены правописаніе отдѣльныхъ словъ и разстановка знаковъ препинанія; кромѣ того, опущена дата. Сохранилось два автографа: болѣе чистый на четвертушкѣ и черновой на полулистѣ. Годъ 1830 выставленъ въ первомъ экземплярѣ. Варианты ст. 11: Сторожевыхъ не помнить бѣды (бѣль). Ст. 9: вм. Коварныхъ сновъ—безумныхъ (минутныхъ) сновъ, блуждающихъ призраковъ (черн.).

ст. 10; вм. въ мечтахъ торжественныхъ—блестательныхъ (черн. экз.).

Ст. 11: вм. не помнить—не помнитъ (черн.) Ст. 15 вм. развѣнчаный приютъ—отверженный приютъ (черн.). И эту пьесу перепечатавъ В. Крестовскій въ своей критическ. статьѣ.

163) *Мысль о югѣ* (191—192 стр.). Напеч. тамъ же, стр. 5—6, безъ даты, но съ полною фамиліей поэта. Перепеч. въ «Сборникъ стихотвореній изъ 54 русскихъ поэтовъ» кн. Мещерскаго (Спб., 1881 г., 392—393 стр.), въ хрестоматіи Н. В. Гербеля (Спб. 1888 г., 271 стр.) и въ «Лирикѣ и Антологіи» Порфирова (Спб., 1895 г., 93—94 стр.). Въ изд. 1881 г., (150—151 стр.) сохраненъ текстъ *Сѣв. Цветовъ*, за исключеніемъ правописанія нѣкоторыхъ словъ. Въ сохранившемся черновикѣ-автографѣ годъ 1830 обозначенъ карандашомъ,—очень можетъ быть,

что годъ выставленъ не В. И. Туманскимъ. Мы выставили дату на основаніи цензурскаго разрѣшенія «*Съв. Цвѣтвозъ*», которое послѣдовало 18 декабря 1830 г. Варианты: 1—4.

Я владѣянь югомъ, югомъ,
 Дивной нѣгой избалованъ,
 Свѣтлымъ небомъ, солнцемъ яркимъ,
 Будто Духомъ заколдованъ.

Въ автографѣ заглавія первоначально не было, а потомъ карандашомъ приписано: *Мысль о югѣ*. В. С. Крестовскій въ изв. уже статьѣ своей, приведя эту пьесу цѣликомъ, писалъ: «Вся лучшая, свѣжая, здоровая сторона пушкинской школы и пушкинскаго вліянія отразилась на Туманскомъ, котораго и самое имя сохранилось теперь въ памяти у весьма немногихъ.—А между тѣмъ посмотрите: какой широкой размахъ, какое стройное движеніе, какой свободный лирическій порывъ разомъ и плавно вылились такою полною, живучею струею въ только что приведенномъ нами стихотвореніи! Какая смѣлость и даже оригинальность, относительно того времени, отразились на самой формѣ стихотворенія, на этой гармоніи звучнаго, пѣвучаго стиха, на этомъ размѣрѣ, которымъ въ это время у насъ никто не писалъ и который тогда звучалъ во всей своей красотѣ только у Гейне въ его пѣсняхъ, а на нашу почву былъ впервые перенесенъ только Фетомъ, однако же уже гораздо позже—однимъ словомъ на всемъ этомъ стихотвореніи легла особенная, оригинальная для того времени поэтическая печать. И всетаки, несмотря на это, было оно почти всѣми позабыто, но мы благодаримъ случай, который далъ намъ возможность снова воскресить его передъ другими читателями вмѣстѣ съ нѣкоторыми другими, не менѣ поэтичными и прекрасными стихами»...

164) *Стансы* (192 стр.). Напеч. въ «*Современникѣ*» за 1837 г., т. VII, стр. 271—272, съ датой и полною фамиліей поэта. Въ изд. 1881 г. (170 стр.) текстъ представляетъ отличія въ орфографіи нѣкоторыхъ словъ и разстановкѣ знаковъ препинанія.

Пьеса имѣетъ ближайшее отношеніе къ политическимъ событіямъ того времени. Когда послѣ іюльской революціи вспыхнуло польское возстаніе, въ Западной Европѣ, особенно во Франціи, раздались голоса ненависти къ Россіи, считавшейся главной представительницей консервативныхъ началъ Священнаго Союза. Подобно Пушкину и др. поэтамъ своего времени, Туманскій не могъ остаться безучастнымъ къ толкамъ о близости европейской войны и въ печатаемомъ Сонетѣ выразилъ свои чувства, вызванныя этими толками. Нельзя не признать, что Сонетъ Туманскаго не заключаетъ въ себѣ такой рѣзкости, какая заключается въ «Клеветникахъ Россіи» Пушкина; въ данномъ случаѣ нашъ поэтъ всталъ выше узко-національнаго гнѣва и сумѣлъ болѣе широко взглянуть на готовившіяся бѣдствія. Призывая поэта въ такія времена быть *гражданиномъ и бойцомъ*, онъ считаетъ необходимымъ воскликнуть: «Горе, горе.

Тому, кто, вызвалъ гнѣвный рокъ!»

163) *Мысль о Сѣверѣ* (192—193 стр.). Напеч. въ томъ же журналѣ, т. VIII, 62—63 стр., съ датой 1831. Полная фамилія поэта выставлена подъ послѣднимъ стихотвореніемъ, цѣлый рядъ которыхъ напечатанъ въ указанномъ томѣ *«Современника»* и которыя упоминаются ниже. Перепечатано въ Сборникѣ кн. Мещерскаго (393—394 стр.) и въ Хрестоматіи Гербеля (271 стр. 1888 г.). Въ изд. 1881 г. (161—163 стр.) текстъ перепечатанъ съ такими отличіями: 1) нѣтъ тире для отличія рѣчи поэта отъ рѣчей друзей, 2) нѣтъ курсива въ примѣчаніи, 3) знаки препинанія и орфографія измѣнены, 4) не выставлена дата.

Сохранилось два автографа—бѣловой и черновой. Въ послѣднемъ, представляющемъ отличія въ текстѣ сравнительно съ печатнымъ, имѣется дата: *ноябрь, 1830*: въ бѣловомъ, текстъ котораго сходенъ съ печатнымъ, выставленъ 1831 г., какъ въ *«Современникѣ»*. Мы сохранили обѣ даты, взявъ въ скобки первую, такъ какъ воспроизводимъ печатный текстъ. Варианты. Ст. 5:—Мой демонъ, молчи! *бѣлыхъ* струнъ не порочь...

Ст. 7: Морозная ночь, *свѣтозарная* ночь!..

Ст. 14: Не *каплетъ* ручей дождевой...

Ст. 19. Вотъ онъ: *поглядите*, какъ щеки горятъ.

Ст. 21—24: Вотъ онъ: и раздолье, и удалъ въ очахъ.

Льдяная нагайка въ рукѣ—

И мчится онъ съ хохотомъ въ рѣзкихъ саняхъ

На бурномъ, гнѣдомъ рысакѣ.

Стр. 25: *О Русь моя*, въ снѣжныхъ сугробахъ играй...

Въ *«Современникѣ»* пьеса была напечатана съ такимъ примѣчаніемъ Редакціи: «Написано въ противоположность стихотворенію: *Мысль о югѣ*. Автора упрекали въ непатріотическомъ пристрастіи къ полуденнымъ странамъ—вотъ его отвѣтъ и оправданіе». Это примѣчаніе является комментариемъ къ пьесѣ. Привязанность Туманскаго къ югу и его солнцу запечатлѣна не однимъ стихотвореніемъ *«Мысль о югѣ»*,—но эта привязанность не мѣшала ему находить прелесть и въ холодномъ сѣверѣ.

166) *Звено* (193—194 стр.). Напеч. въ томъ же журналѣ, 70—71 стр., съ датой 1834; фамилія поэта выставлена подъ послѣднимъ стихотвореніемъ изъ помѣщенныхъ въ этомъ томѣ *Современника* *«Домъ на Босфорѣ»*. Въ Хрестоматіи Гербеля (271 стр.) и въ изд. 1881 г. (стр. 167—168 стр.) напечатано безъ даты, съ перемѣною знаковъ препинанія и правописанія нѣкоторыхъ словъ. Мы возстановили текстъ *Современника*. Оставивъ дату 1834 г., мы выставили въ скобкахъ другую дату первоначальнаго появленія пьесы: *Декабрь, 1830*, взятую изъ автографа.

Сохранилось два экземпляра автографовъ: черновой 1830 г. и бѣловой 1834 г. Варианты чернов. 5—8:

Какъ свѣтозарны ихъ печати!
 Какъ ярко каждое звено!
 Но тихимъ знакомъ благодати
 Мнѣ улыбнулось лишь одно!

Ст. 10: Поры любви и чистоты,

Ст. 15: Чтобъ въ мракъ думъ, какъ лучъ завѣтный.

167) *Приглашеніе* (197 стр.). Впервые напечатано въ нашей брошюрѣ о Туманскомъ 1890 г. (стр. 43) по бѣловому экземпляру автографа. Повторено гр. Милорадовичемъ въ приложеніи къ Письмамъ 1891 г., стр. 133. Дата выставлена на основаніи этого экземпляра автографа. Въ черновомъ—первоначальномъ экземплярѣ пьеса носила заглавіе «*Отрывокъ*», и тамъ нѣтъ даты. Варианты по этому послѣднему экземпляру: ст. 1—2.

Приди! я жду тебя... весь рай мой въ этомъ словѣ...

Я жду тебя одна въ лазоревомъ альковѣ.

Ст. 6—10: Какъ будетъ эта ночь! Мечты мои горятъ.

Лобзаній жадныя уста мои дрожатъ,

И перси бѣлыя нѣгой (млекою) полны,

Подъ вышкой пеленой вздымаются какъ волны.

Ст. 11 вм. небесную страну—Эдемскую,

Ст. 13: И утромъ ты шепнешь, смыкая сонны очи.

Ст. 14: Ты скажешь: Гурія! зачѣмъ не вѣчны ночи!

Для пониманія пьесы интересны нѣкоторыя строки изъ писемъ Туманскаго къ С. Г. Туманской, писанныхъ изъ Яссы. Что въ пьесѣ нашли откликъ временно пережитыя поэтотомъ впечатлѣнія, объ этомъ свидѣтельствуютъ такія строки: «Слѣдую здѣшной модѣ, не столько по привязанности, какъ изъ приличія, я также, какъ и прочіе, имѣю свою *атіса* (См. Записки Лорда Байрона). Этого рода выборъ и связь по обычаю края, не влекутъ за собой никакихъ особенныхъ послѣдствій: и мужъ, и милой дружокъ, и публика—всѣ остаются довольными (Письма 1891 г., 96 стр. въ наст. изд. стр. 317). Или: «Здѣшнія (т. е. Яскія) женщины привлекательны только для минутнаго сближенія—полюбишь черные глаза, поласкаешь роскошныя плечи, увлечешься, забудешься—а пройдетъ раздраженіе, и сердце попрежнему останется холоднымъ, или вѣрнымъ старымъ образамъ...» (Тамъ же, 97—98 стр., въ наст. изд. стр. 318). Пьеса *Приглашеніе* и является продуктомъ временнаго *раздраженія*, о которомъ говоритъ въ своемъ письмѣ Туманскій.

168). *Дубъ и Роза* (195—196 стр.). Напеч. въ «*Современникъ*, 1837 г., т. VIII, стр. 64, съ датой 1832, а фамилія автора выставлена подъ пьесою «*Домъ на Босфорѣ*», послѣднею въ названномъ томѣ журналѣ. Въ изд. 1881 г. (163 стр.) перепечатано съ измѣненіями знаковъ препинанія и орфографіи нѣкоторыхъ словъ. Сохранилось два автографа въ черновомъ, на четвертушкѣ листа, помѣчена пьеса 1831 г., въ бѣ-

ловомъ, на восьмушкѣ, выставленъ 1832 г., этотъ экземпляръ согласенъ съ печатнымъ текстомъ. Варианты по обоимъ экземплярамъ.

Ст. 2: Одна въ глуши *сиротка-роза* (черн.).

Ст. 3: Какъ онъ могучъ! какъ *твердо* ждать (бѣл.).

Ст. 10: Дай подышать *очарованьемъ* (черн.).

Мы сохранили обѣ даты, взявъ первоначальную въ скобки.

169) *Отроковицъ* (196 стр.). Напеч. тамъ же, стр., 65, съ обозначеніемъ даты. Въ изд. 1881 г. (164 стр.) произвольно раздѣлено на строфы и сильно измѣнена пунктуациа, которая восстановлена нами, согласно тексту «*Современника*».

170) *Strand-weg* (197—200 стр.). Напеч. въ томъ же журналѣ, т. VIII, стр. 266—270, съ датой, а полная фамилія поэта выставлена подъ стихотвореніемъ «*Стансы*», напечатаннымъ на стр. 271—272. Въ нашей брошюрѣ о Туманскомъ 1890 г. (стр. 40—41) была напечатана первая часть стихотворенія по уцѣлѣвшему автографу, такъ какъ мы не знали, было ли напечатано оно или нѣтъ. Гр. Милорадовичъ перепечаталъ то же самое въ приложеніяхъ къ Письмамъ (1891 г. 126—157 стр.). Сдѣланное нами предположеніе, что пьеса должна была имѣть нѣсколько частей, оправдалось, т. е. въ «*Современникѣ*» напечатана вся пьеса, состоящая изъ трехъ частей, обозначенныхъ римскими цифрами. Въ настоящемъ изданіи воспроизводится текстъ *Современника*. Помѣщенное за стихотвореніемъ примѣчаніе, принадлежющее поэту и составляющее отрывокъ изъ недодѣланого или пока неизвѣстнаго дневника, введеннаго Туманскимъ во время путешествія, перепечатано нами, такъ какъ оно служитъ лучшимъ комментариемъ къ пьесѣ.

Сохранившаяся первая часть—автографъ представляетъ слѣдующіе варианты, не говоря о разницѣ въ знакахъ препинанія:

ст. 6: передъ нимъ,

ст. 18: Весь одръ *безжизненныя* песковъ,

ст. 33: *Мы сами* бѣ небо заклинали.

171) *Элегія* (200—201 стр.). Напеч. въ томъ же журналѣ, т. VII, стр. 139—140, съ датой 1833 и полною фамиліей поэта. Въ изд. 1881 г. (159—160 стр.) измѣнена разстановка знаковъ препинанія и орфографія нѣкоторыхъ словъ. Удержавъ текстъ *Современника*, мы взяли дату, какъ болѣе точную, изъ сохранившагося автографа. Варианты въ послѣднемъ сравнительно съ печати. текстомъ:

ст. 16: Такъ сжатый холодомъ и сумрачный (страждущій) всегда,

ст. 17: Я бредилъ и вздыхалъ...

ст. 18: Когда за солнышкомъ летятъ пролетныя птицы,

ст. 22: Любимыхъ думъ моихъ утрату,

ст. 36: И ужъ пожить не мигъ единый,

ст. 37: И я бѣ отвѣтствовалъ теперь на зовъ судьбины:
Нѣтъ! умереть не въ силахъ я!
Прочь, Парка! смерть не для меня.

Это стихотвореніе является новымъ свидѣтельствомъ, что поэтъ нашъ сильно привязанъ былъ къ югу и южному солнцу. Онъ плохо и холодно чувствовалъ себя въ столицѣ сѣверной, гдѣ нѣтъ золотыхъ облаковъ, нѣтъ яркихъ красокъ и нѣжныхъ тоновъ юга.

172) *Дѣв пѣсни* (201—203 стр.). Напеч. въ томъ же журналѣ, т. VIII, 66—69 стр., съ датой 1833, а полная фамилія поэта выставлена подъ послѣдней пьесой *Домъ на Басфорѣ*. Въ изд. 1881 г. (164—167 стр.) текстъ заключаетъ слѣд. отличія: 1) оба стихотворенія обозначены римскими цифрами, 2) поставлены кавычки, гдѣ ихъ нѣтъ, и 3) правописаніе и пунктуация измѣнены. Мы, возстановивъ текстъ *Современника*, дату взяли изъ автографа. Въ послѣднемъ первая пѣсня озаглавлена *Ссора*. Варианты:

- ст. 3—4: Что ты смотришь такъ умильно
Все на дальній рядъ нашихъ береговъ?
ст. 6: Все на рѣзвья ладьи,
ст. 7: Ужъ не рвутся ли къ другому,
Ужъ не ткуть ли мнѣ заботу,
Ужъ не адчуть ли измѣны.
ст. 17—18: А на тихомъ нашемъ брегѣ
Все къ сочувствію манить,
ст. 20: Мнится сердцу говорить,
Внятно сердцу говорить,
ст. 31: Грустно мнѣ твое признанье,
ст. 49: Но какъ же грудь моя стѣснилась
ст. 53: Когда она всѣ силы неба.

173) *Поэту* (204 стр.). Напеч. въ альманахѣ В. Владиславлева *Утренняя Заря* на 1839 г., стр. 249, съ датой — 1834 и полною фамиліей поэта. Въ изд. 1881 г. (стр. 173) текстъ не представляетъ никакихъ отличій отъ текста *Утренней Зари*. Пьеса относится къ числу трехъ стихотвореній, въ которыхъ высказывается взглядъ на поэта и поэзію. Подобно пушкинскому стихотворенію *Поэтъ*, здѣсь указывается переимѣна, происходящая съ поэтомъ во время вдохновенія.

174) *Дубъ говоритъ* (стр. 204). Напеч. въ *Литературномъ прибалавеніи къ Русскому Инвалиду*, 1834 г., № 71, 561 стр., съ полною подписью поэта, но безъ даты. Заглавіе поставлено курсивомъ въ скобкахъ. Дату выставили мы по времени появленія въ печати. Въ изд. 1881 г. это стихотвореніе не вошло. Пьеса представляетъ любимое сравненіе поэта, какъ символъ постоянства въ любви и дружбѣ.

175) *Неаполь, прощай* (205—206 стр.). Напеч. въ *Утренней Зарѣ* на 1839 г., 382—384 стр., безъ даты, но съ полною фамиліей поэта. Въ изд. 1881 г. (174—175 стр.) выброшено заключенное въ скобки посвященіе и измѣнена пунктуация. Мы возстановили текстъ *Утренней*

Зари; дата, выставленная нами, взята изъ автографа. Въ послѣднемъ пьеса названа «*Прощаніе съ Неаполемъ*», и нѣтъ посвященія. Текстъ автографа представляетъ слѣд. варианты:

- ст. 4: Сіянемъ твоимъ упивался,
Сіянемъ небесъ любовался.
- ст. 7: Прощай вдохновительный (вар.: голубой, сладкозвучный,
звучный) заливъ.
- ст. 9—12: Въ часъ думъ и видѣній, когда твой призывъ
На крыльяхъ ночного зефира
Разносятся внятныя (понятныя) безъ словъ
Ты скажешь: то голосъ минувшихъ вѣковъ.
- ст. 27: Шумъ, блескъ, пестрота, хороводы, пиры.
- ст. 34: Безъ тяжкихъ заботъ и усилій.
- ст. 41: Я вѣрю, огниныя мнѣ счастья не знать.

По поводу этого стихотворенія г. Саводникъ (ст. въ Рус. Вѣстн. 1902 г.) говоритъ: «Литературная извѣстность Туманскаго оканчивается въ срединѣ 30-хъ годовъ: однимъ изъ послѣднихъ его произведеній является прекрасная пьеса «*Неаполь, прощай!*», написанная имъ во время пребыванія въ Италіи и относящаяся къ 1834 году: въ ней поэтъ прощается не только съ Италіей, съ благословеннымъ югомъ, но и съ лучшей половиной своей жизни, съ юностью, съ ея поэтическими мечтами и думами, прощается съ своей Музой. Послѣ этого только изрѣдка постигаетъ его вдохновеніе, пока, наконецъ, не изсякаетъ окончательно его источникъ...»

Въ изд. 1881 г. къ этому же году отнесено одно стихотвореніе Къ *** (158 стр.), начинающееся стихами:

Я твой, я твой, когда огонь востока
Моря златить...

Въ *Списокъ* (стр. LXIII) невѣрно указаны *Прибавленія къ Русскому Ине.* за 1834 г. (ч. XV, № 74, стр. 588), какъ мѣсто перваго появленія стихотворенія. Первоначально оно появилось въ *Московскомъ Телеграфѣ* за 1828 г. № 3-й (февраль), 327—328 стр., съ датой: Одесса. 1827 года и подписью В. Т. На первыхъ книжкахъ журнала оговорено, что поправки, подписи сдѣланы рукою кн. Вяземскаго. Вотъ послѣдній и приписалъ къ этому стихотворенію: въ началѣ его «Изъ Гете», а въ концѣ: *Туманскій*. Въ прибавленіи къ Русскому Инвалиду уже подписано *В. Т—ий*. Но кн. Вяземскій ошибся въ раскрытіи инициаловъ автора. Подъ буквами *В. Т.* здѣсь разумѣется *Викторъ Тепляковъ*, поэтъ, современникъ Пушкина и Туманскаго, также жившій временно въ Одессѣ. Въ собраніи стихотвореній Теплякова, вышедшемъ при жизни его и имъ самимъ сдѣланномъ (1832 г.), помѣщена эта пьеса (см. замѣтку Н. О. Лернера въ «Запискахъ Одесскаго общества исторіи и древностей» 1902 г., т. XXIV, 70—71 стр.).

176) *Два* (207 стр.). Напеч. въ *Утренней Зарѣ* на 1839 г., 128—129 стр., съ датою 1836 и полной фамиліей поэта. Въ изд. 1881 г. (9 стр.) текстъ напечатанъ съ измѣненіемъ правописанія и знаковъ препинанія.

Тассъ (1544—1595)—знаменитый итальянскій поэтъ, авторъ «Освобожденнаго Иерусалима». *Вергилій* (въ I в. до Р. Х.) или *Виргилій*, римскій поэтъ Августовскаго времени, авторъ «*Буколикъ*» и «*Энеиды*».

177) *Домъ на Босфоръ* (208—209 стр.). Напеч. въ *Современникъ*, 1837 г. т. VIII, 72—74 стр., съ датою 1836 и полною фамиліей поэта. Въ изд. 1881 г. (168—170 стр.) текстъ имѣеть слѣд. отличія: 1) въ стихѣ 5 нѣтъ скобокъ, 2) не вездѣ ясно обозначены строфы, по 8 стиховъ въ каждой, 3) въ стихѣ 29 опечатка *у* вмѣсто *и*, 4) измѣнены знаки препинанія и орфографія.

Въ этомъ и предыдущихъ стихотвореніяхъ нашли отраженіе впечатлѣнія отъ жизни въ Константинополь, куда нашъ поэтъ отправился въ качествѣ второго секретаря при російской императорской миссіи. Нельзя не замѣтить, что поэтическое вдохновеніе рѣдко посѣщало его, потому что въ теченіе трехъ лѣтъ онъ написалъ только эти двѣ пьесы.

178) *Отрады недуга* (210—211 стр.). Напеч. въ *Отечественныхъ Запискахъ* 1839 г., т. I, № 1, отд. 3, 176 стр., съ датою—1838 и полной фамиліей поэта. Въ изд. 1881 г. (171—172) перепечатанъ текстъ *Отеч. Записокъ* съ незначительными измѣненіями знаковъ препинанія.

Пьеса имѣеть автобіографическое значеніе и указываетъ на то, что поэтъ тяготила свѣтская жизнь въ Петербургѣ, куда онъ попалъ изъ Константинополя.

179) *Люди и судьба* (211 стр.). Напеч. въ томъ же журналѣ, т. II отд. 3-й, № 3-й, 274 стр., съ датою—1838 и полной фамиліей поэта. Въ изд. 1881 г. (172—173) перепечатанъ текстъ «*Отечественныхъ Записокъ*», только съ пропускомъ нѣсколькихъ запятыхъ.

Пьеса относится къ разряду философскихъ размышленій о жизни человѣческой. Мечтательный Туманскій съ лѣтами и опытомъ собственной жизни вырабатывалъ постепенно философію примиренія и подчиненія неизбѣжному закону. Смыслъ жизни, по Туманскому, въ самой жизни, въ ея процессѣ:

Для полной цѣли естества
Все нужно: радость и страданье,
Блескъ солнца, грохотъ бурь, поворъ и торжества,
И жизни цвѣтъ, и жизни отцвѣтанье...

180) *Жалоба* (212—213 стр.). Напеч. въ *Утренней Зарѣ* на 1840 г., стр. 358—359, съ датою и полной фамиліей поэта. Въ изд. 1881 г. (175—176 стр.) текстъ напечатанъ не только съ измѣненіемъ знаковъ препинанія и правописанія, но и съ крупными опечатками, въ родѣ думъ вмѣсто душъ въ стихѣ 22-мъ. По поводу этой пьесы читаемъ въ ст. г. Саводника слѣд. замѣчаніе: «Послѣднее стихотвореніе Туманскаго помѣчено 1839 годомъ и представляетъ собой трогательную жалобу на мертвящее вліяніе «свѣтской тревоги» заставляющей преждевременно старѣться душу поэта, лишаящей ее прежней отзывчивости и свѣже-

сти чувства. Этимъ стихотвореніемъ заканчивается дѣятельность Туманскаго задолго до окончанія его земного поприща. Очевидно, потребность поэтическаго творчества не была въ немъ достаточно сильна для того, чтобы сохраниться въ «мертвящемъ упоенѣ свѣта».

Конечно, съ годами впечатлительность нашего поэта притуплялась: рѣже навѣщало его «игривой мысли вдохновенье», изсыкалъ «завѣтныхъ образовъ сосудъ». Но кромѣ частной, слѣдуетъ признать и общую причину прекращенія поэтической дѣятельности, правильнѣй стихотворной дѣятельности. Дѣло въ томъ, что мало обращали вниманія на *прозаическія* сочиненія поэта; между тѣмъ онъ много удѣлялъ времени прозѣ: недаромъ же на него палъ выборъ написать исторію Государственнаго Совѣта, и этотъ выборъ палъ на нашего поэта, именно какъ на отличнаго стилиста. Между прочимъ 30—40 года XIX столѣтія въ исторіи нашей литературы интересны тѣмъ, что тогда совершался переходъ къ прозѣ и реализму. Панаевъ въ своихъ воспоминаніяхъ и другіе писатели свидѣтельствуютъ, что къ концу 30-хъ годовъ прошлаго столѣтія началась въ нашей литературѣ реакція противъ излишняго увлеченія стихотворствомъ, расцвѣтъ котораго приходится на 20—30-е годы. И Туманскій, покоряясь общему закону, умолкалъ, тѣмъ болѣе, что, по собственному его признанію, онъ пѣлъ одну любовь, однѣ печали, конечно, личныя. Время же требовало другого,—оно требовало такого таланта, который обратилъ бы искусство въ средство борьбы «съ народной грубостью», который могъ бы въ красивомъ словѣ выразить тѣ идеи, какія являлись злобою дня. Надо было не пѣсенгъ любви и печали; требовалось детальное изученіе дѣйствительности и указаніе на тѣ язвы, какія разѣдали тѣло Россіи. Одною изъ такихъ и самою главною язвою было крѣпостное право. Мы видѣли, что нашъ поэтъ не оставался глухъ къ требованіямъ времени: то онъ ходатайствуетъ за интересы жителей Роменъ, которымъ угрожало разореніе вслѣдствіе бюрократическаго распоряженія, не считавшагося съ интересами живой массы населенія; то онъ спорить съ министромъ финансовъ по поводу новаго устройства винной пошлины, опять-таки защищая интересы живыхъ людей¹⁾; то онъ отдается съ жаромъ работѣ по устройству крестьянъ, опять-таки имѣя въ виду интересы живыхъ людей».

Все это онъ дѣлаетъ перомъ своимъ, но перо это пишетъ *трезвую прозу*, а не мечтательную поэзію. Послѣ весны поэзіи настала осень подготовительныхъ работъ къ новой лучшей веснѣ въ жизни русскаго государства, къ веснѣ 19 февраля 1861 г., къ эпохѣ общаго возрожденія русской жизни. Такъ рисуется намъ то обстоятельство, что соловей пушкинской эпохи умолкъ.

181) *Сонетъ* (стр. 214). Напеч. въ *Литературной Газетѣ* 1841 г., № 17, безъ даты, но съ подписью В. Въ содержаніи стихотворенія, въ жалобѣ на то, что люди насильно отняли у жизни блаженство земли,

¹⁾ См. нашу ст. «Новые матеріалы для біографіи В. И. Туманскаго». Ж. М. Н. Пр. 1905 г., № 5.

разбили счастье поэта—во всем этом звучит знакомая намъ въ поэзіи Туманскаго нотка. Очень можетъ быть, что при наступленіи старости, видя, какъ другіе близкіе его устроили себѣ семейные уголки, нашъ поэтъ почувствовалъ всю тяжесть нанесеннаго ему людскими установленіями несчастья: его родство помѣшало ему жениться и устроить свою семью съ любимой кузиной.

Годъ выставленъ нами по времени напечатанія. Въ изд. 1881 г. эта пьеса не вошла.

182) *Пѣсня* (217—218 стр.). Напечат. впервые по автографу въ нашей брошюрѣ о Туманскомъ 1890 г., 42—43 стр. Перепечатана въ *Письмахъ* 1891 г., 119—120 стр. Пѣсня пользуется большою извѣстностью въ Россіи и ходитъ безъ имени автора по всему необъятному ея пространству. Александра Осиповна Смирнова, которой посвящена пѣсня, одна изъ образованнѣйшихъ женщинъ высшаго круга. Урожденная Россетъ, она, по окончаніи курса въ Екатерининскомъ институтѣ въ 1826 г., была назначена фрейлиной сперва къ императрицѣ Маріи, а потомъ къ Александрѣ Теодоровнѣ. Познакомившись въ это время съ Екатериной Андреевной Карамзиной, она посѣщала собранія у нея и узнала Жуковскаго, А. И. Тургенева, кн. П. А. Вяземскаго, А. Пушкина и др. писателей. Она сама устраивала литературные вечера, на которыхъ читали свои произведенія А. Пушкинъ, Гоголь и И. С. Тургеневъ. Въ январѣ 1832 г. она вышла замужъ за Н. М. Смирнова, состоявшаго при Азіатскомъ департаментѣ, потомъ (съ 1845—1851) занимавшаго должность калужскаго губернатора и петербургскаго (съ 1855 по 1861). Пѣсня могла быть написана въ промежуткѣ между 1839—1846 годами, когда Туманскій, очевидно, сблизился съ семействомъ Смирновыхъ. Насколько пѣсня вѣрна дѣйствительности, это показываетъ слѣдующая характеристика А. О. Смирновой, сдѣланная И. С. Аксаковымъ (Русь, 1882 г., № 37): «Ея красота, столько разъ воспѣтая поэтами, не величавая и блестящая красота формъ (она была очень невысокаго роста), а полная красота тонкихъ, правильныхъ, линій смуглага лица и *черныхъ, бодрыхъ*, проницательныхъ глазъ, вся оживленная блескомъ острой мысли, ея пылливый, свободный умъ и искреннее влеченіе къ интересамъ высшаго строя—искусства, поэзіи, знанія скоро создали ей при дворѣ и въ свѣтѣ исключительное положеніе».

183) *Могила* (218—219 стр.). Напеч. впервые тамъ же, 36—38 стр. Перепечатана гр. Милорадовичемъ въ *Письмахъ* 1891 г., стр. 121—122. По сюжету напоминаетъ *Паденье листьевъ* и есть, очевидно, перепѣвъ чужого мотива. Можетъ быть, это стихотвореніе слѣдуетъ отнести къ 1823 г.

184) *Пѣвецъ* (219—220 стр.). Напеч. тамъ же, стр. 41—42, перепечатано тамъ же, 127—128. По сюжету сходно нѣсколько съ *Стансами* (Ни думъ благихъ, ни звуковъ нѣжныхъ) 1830 г. Можетъ быть, эту пьесу слѣдуетъ отнести къ 1830 г.

185) *Эпиграммы* (220—221 стр.). Напечатано и перепечатано тамъ же (45 и 129 стр.) Можетъ быть, вторая эпиграмма написана около 1848 г.,

когда В. И. Туманскій интересовался вопросомъ о винныхъ откупахъ (См. нашу брошюру изъ Ж. М. Н. Пр. 1905 г. № 5).

186) *Счастливая смерть* (221) печатается здѣсь впервые по автографу. Въ виду того, что эта пьеса находится на одномъ листкѣ съ стихотвореніемъ *Музы*, возможно отнести ее къ 1822 году.

187) *Пьсьнь въ честь Марка Боцариса, Лорда Байрона и Каралскали, героевъ умершихъ за свободу Греціи* (221—222 стр.), печатается здѣсь впервые по автографу. Написано не позже конца 20-хъ годовъ XIX столѣтія. Относится къ эпохѣ греческаго возстанія противъ турецкаго ига. Въ бумагахъ Туманскаго находимъ слѣды того, что онъ интересовался такъ называемымъ греческимъ вопросомъ. Такъ, напр., въ его бумагахъ имѣются *Выписки изъ Биньона*: о земляхъ, округахъ и жителяхъ подвластныхъ туркамъ, о преданіи, что Русскій Царь будетъ владѣть Турціей и Греціей, и объ убіеніи патріарха въ Константинополь, о герояхъ возстанія грековъ.

188) *Отрывокъ* (222 стр.) впервые напечатанъ гр. Милорадовичемъ въ *Письмахъ* 1891 г., 126 стр., по автографу; въ послѣднемъ нѣтъ никакого заглавія; оно придумано гр. Милорадовичемъ.

189) *Людмила и Эльвира* (222—224 стр.). Напеч. въ альманахѣ М. Бестужева-Рюмина *Съверная Звѣзда*, стр. 218—222, безъ даты и фамиліи автора. Въ оглавленіи же альманаха этотъ романъ обозначенъ буквами NN. Точно такими же буквами въ томъ же оглавленіи обозначено несомнѣнно принадлежащее Туманскому стихотвореніе «Дѣвушка влюбленному поэту», напечатанное въ альманахѣ безъ фамиліи автора. Дату мы выставили по времени напечатанія, такъ какъ альманахъ цензурою разрѣшенъ къ печатанію 19 марта 1829 г. Пьеса, несмотря на всю пикантность сюжета, отличается удивительною трактовкою предмета. Цѣломудренность поэта позволила ему чисто по-пушкински изобразить романъ Людмила.

Въ заключеніе мы должны указать на одно произведеніе, сохранившееся въ бумагахъ Туманскаго и написанное на полулисткѣ почтоваго формата карандашомъ. Вотъ оно:

ПРОЗЬБА КЪ КУКУШКѢ.

Ахъ! скажи кукушка, что ты глѣсная,
Или ты птичка степная?
Полно, полно тебѣ куковати
Аль нѣтъ, хочешь что-то сказать.
Живъ онъ, аль нездоровъ
Ласковъ онъ, аль суровъ?
Ты куку во сыромъ бору
Да во ночну только пору,
Чтобы отъ тебя въ день не знать скуки
И не терпѣть еще больше муки.
Черна ночь и ты покроешься зарей румяной
А буйна головушка все останется пьяной.

Еще и сердечко заболить, заноетъ,
 А лице томно слезка лишь моетъ
 Не видно тебя куку во большомъ краю,
 А во краю миломъ услышала и видаю.
 Прошу, коли хочешь сладко куковати
 Что божкомъ можно только звати.
 Пожалоста, куку складно и ясно
 О свѣтломъ солнышкѣ, что бѣло и красно,
 Которое изъ небеснаго терема взглядетъ
 И окомъ породу и родну землю оживляетъ.

Эта пѣсня можетъ свидѣтельствовать объ этнографическихъ интересахъ нашего писателя. Интересъ этотъ онъ, вѣроятно, обнаруживалъ въ первые годы литературной дѣятельности, когда близко стоялъ къ своему земляку-малороссу О. М. Сомову, который всегда питалъ симпатію къ произведеніямъ народнаго творчества и многія народныя преданія обрабатывалъ въ рассказы (см. о Сомовѣ нашу монографію «Къ вопросу о Пушкинской плейдѣ». Варшава 1909 г.).

Примѣчанія къ письмамъ.

1) *С. Г. Туманской* (227—229 стр.). Печатается здѣсь впервые по подлиннику изъ архива гр. Милорадовича. Переводъ напечатанъ въ письмахъ 1891 г., 99 стр. Тетя—Анна Ивановна Туманская, жившая въ имѣннн-хуторѣ Демьяновкѣ-Вознесенскѣ Глуховскаго уѣзда. Жюли—Юлія или Ульяна Григорьевна, дочь Анны Ивановны и сестра Софьи Григорьевны Туманской, къ которой адресованы письма. Аркадій—Аркадій Васильевичъ Кочубей, родственникъ по матери Туманскимъ. Письмо писано изъ Ярославца, имѣнія Кочубеевъ. Въ оригиналахъ время не обозначено. Принимая во вниманіе, что Аркадій Кочубей въ 1821 г. былъ въ Ярославцѣ въ отпуску и Туманкій въ этомъ году осенью уѣхалъ въ Малороссію, письмо это мы отнесли къ 1821 г. и выставленную нами дату взяли въ скобки для отличія отъ датъ самого корреспондента.

2) Ей же (229—230 стр.). Печатается здѣсь впервые по автографу изъ архива гр. Милорадовичей. Переводъ напечатанъ въ письмахъ 1891 г., 100—101 стр. Мы отнесли его къ тому же году, потому что, какъ видно изъ содержанія перваго и этого писемъ, между Василіемъ Ивановичемъ и Софьей Григорьевной зарождалась любовь; родные, очевидно, были противъ этого чувства, и влюбленнымъ приходилось молчать.

3) Ей же (230—232 стр.). Печатается здѣсь впервые по автографу изъ архива гр. Милорадовичей. Переводъ напечатанъ въ письмахъ 1891 г., 10 стр. Мѣсто написанія указано въ письмѣ, а годъ выставленъ нами, по вышеуказаннымъ соображеніямъ, да и поэтъ говоритъ о 21-мъ годѣ своей жизни. Кузень Василій и кузина Варвара—это братъ Аркадія, Василій Васильевичъ Кочубей и его жена Варвара Николаевна, рожд. Рахманова. Хотѣнь—имѣніе, принадлежитъ въ настоящее время гр. Аннѣ Дмитріевнѣ Строгановой, дочери Д. П. Бутурлина, внука Комбурлей.

4) Ей же (232—235 стр.) Напечатано впервые гр. Милорадовичемъ въ письмахъ 1891 г., стр. 80, безъ даты (года), которой нѣтъ въ подлинникѣ; кромѣ того, прочитано не все вѣрно, не говоря о знакахъ препинанія и правописаніи.

Мы выставили дату (годъ), соображаясь съ обстоятельствами. Пробывъ на родинѣ около года по окончаніи образованія и задержанный болѣзнями, Туманскій въ 1822 г. снова появился въ Петербургѣ. Вѣхаль онъ черезъ Москву и отсюда начинаетъ переписку съ Софьей Григорьевной. Конечно, вѣхаль по окончаніи лѣта, когда многіе уѣзжали въ столицу для освѣженія.

Новая поэма Пушкина—*Кавказскій Пльнникъ*, вышедшій къ осени 1822 г.

Кн. Урусова—вѣроятно Софья Александровна, дочь оберъ-камергера кн. Александра Михайловича Урусова и княгини Екатерины Павловны, рожд. Татищевой. Она славилась своей красотой, которую засвидѣтельствовалъ и Пушкинъ въ извѣстномъ четверостишіи: «Не вѣровалъ я...». Она вышла въ 1833 г. замужъ за князя Радзивилла.

Гр. Потемкина—рожд. кн. Трубецкая, жена писателя гр. Сергѣя Павловича Потемкина. Она была очень дружна съ Аркадіемъ Васильевичемъ Кочубеемъ.

5) Ей же (235—237 стр.). Напечатано въ *Письмахъ* 1891 г., 13 стр., но съ указанными уже не разъ недочетами, напр., въ датѣ пропущено слово *Петер*.

Юрисконсультъ Александръ Васильевичъ Кочубей, братъ Аркадія Васильевича, служившій по юридической части.

Парни (1753—1814)—французскій поэтъ, пользовавшійся въ свое время успѣхомъ не только во Франціи, но и среди русскихъ поэтовъ: его переводили Пушкинъ, кн. Вяземскій и др.

6) Ей же (237—239 стр.) Напечатано въ *Письмахъ* 1891 г., 17—19 стр. Здѣсь напечатаны стихи, которыя относятся къ письму, помѣщенному у насъ подъ № 3.

7) Ей же (239—240 стр.). Французскій текстъ печатается здѣсь впервые; переводъ напечатанъ въ *Письмахъ* 1891 г., 102 стр. Курьеръ Романовскій—Николай Васильевичъ, сосѣдъ по Ярославцу Кочубеевъ, на старости лѣтъ влюбившійся въ сестру Аркадія Васильевича Елену Васильевну (См. семейную Хронику. Спб. 1890 г.).

8) Ей же (240—241 стр.). Напечатано гр. Милорадовичемъ (Письма 1891 г., 19—21 стр.) съ пропусками. Въ подлинникѣ годъ не выставленъ, но гр. Милорадовичъ отнесъ его къ 1823 г., что весьма вѣроятно, такъ какъ оно имѣетъ по содержанію связь съ письмомъ № 7, которое датировано 1823 г. и началомъ января.

9) Ей же (242—245) Напечатано гр. Милорадовичемъ (Письма 1891 г., 6—10 стр.), отнесшимъ письмо къ 1822 г., потому что невѣрно разобралъ послѣднюю цифру автографа. Письмо относится къ 1823 г., потому что въ немъ упоминается стихотвореніе Пушкина къ *Овидію*, напечатанное въ *Полярной Звѣздѣ* на 1823 г.

Руссо, Жанъ-Жакъ (1712—1778), знаменитый французскій писатель, писавшій разсужденія и романы «Новая Элоиза» и «Эмиль».

Вольтеръ (1694—1778)—знаменитѣйшій литературный дѣятель XVIII в., духовный вождь своей эпохи, авторъ памфлетовъ, повѣстей, драмъ и юморист. пьесъ.

Монтескьё (1689—1755)—замѣчательный политическій теоретикъ, критикъ и реформаторъ современнаго общества и государства.

Монтень (1533—1592)—одинъ изъ величайшихъ французскихъ писателей, авторъ извѣстныхъ «Опытовъ», представляющихъ высшее развитие свободной мысли во Франціи въ эпоху Возрожденія.

Братья Родзянки—Аркадій и Порфирій—по сообщенію Арк. Вас. Кочубея (Семейная Хроника), оба были влюблены въ сестру Софьи Григорьевны Ульяну (Юлію) Григорьевну Туманскую и дѣлали предложеніе, но она имъ отказала.

Полярный Альманахъ—Полярная Звѣзда Рылѣва и А. Бестужева на 1823 г., въ которой дѣйствительно было напечатано стихотвореніе Пушкина «Къ Овидію» безъ подписи.

10) *Ей же* (245—247 стр.). Напечатано въ *Письмахъ* 1891 г., стр. 21—24.

Ольга—сестра Василя Ивановича Туманскаго, вышедшая замужъ за Сатина, поручика, въ августѣ 1837 г. (Семейная Хроника. Кочубей А.)

11) *Ей же* (247—249 стр.). Напечатано въ *Письмахъ* 1891 г., 24—27 стр., съ нѣкоторыми крупными ошибками, искажающими смыслъ, напр., *позабылъ* вмѣсто *не забылъ* и т. п.

Е. М. К.—Елисавета Михайловна Комбурлей, вышедшая впослѣдствіи замужъ за Бутурлина, Дмитрія Петровича (30 апрѣля 1790—9 окт. 1849 г.), сенатора, члена Государ. Совѣта и директора Импер. Публ. библиотеки, приобрѣтшаго печальную извѣстность участіемъ въ негласномъ Цензурномъ Комитетѣ 1848 г.

Елена Васильевна—сестра Аркадія Вас. Кочубея.

Демьянъ и Александръ—Кочубей, служившіе тогда въ Петербургѣ.

La Nouvelle Heloise—Новая Элоиза, романъ Ж.-Ж. Руссо.

Сегюра—вѣроятнo, Жозефа-Александра (1756—1805), автора пьесъ, пѣсенъ и оперъ. Его «Oeuvres diverses» появились въ 1819 г.

12) *Ей же* (249—250 стр.). Напечатано въ *Письмахъ* 1891 г., 10—11 стр., съ искаженіями и пропусками. Невѣрно разобрана цифра года 1822 вмѣсто 1823, между тѣмъ въ концѣ письма самъ же гр. Милорадовичъ выставилъ (11 стр.) 1823 г.

Алексѣй Ивановичъ—полковникъ Маюровъ, женатый вторымъ бракомъ на сестрѣ Кочубеевъ Еленѣ Васильевнѣ.

Аркадій Гавриловичъ Родзянко (1793—1850) служилъ сначала въ Петербургѣ въ военной службѣ; тамъ между 1818—1819 гг. познакомился съ Пушкинымъ. Писалъ и печаталъ въ разныхъ журналахъ и альманахахъ стихи, но очень много его пьесъ не напечатано по ихъ нескромному содержанію. Передъ высылкою Пушкина онъ написалъ на него сатиру, которую справедливо осудилъ Туманскій. Письмо В. И. Туманскаго интересно потому, что выясняетъ причину появленія сатиры: это была вспышка личнаго мелкаго самолюбія, подобно тому, какъ А. Г. Родзянко вспылилъ по поводу пьесы Туманскаго «Двуушка влюбленному поэту» и написалъ отвѣтъ, полный рѣзкостей.

13) *Ей же* (250—252 стр.). Напечатано въ Письмахъ 1891 г., 27—28 стр.

Викторъ Павловичъ—Кочубей съ 6 дек. 1831 г. князь, председатель Государственнаго Совѣта и Комитета Министровъ.

14) *В. К. Кюхельбекеру* (252—254 стр.). Напечатано впервые въ *Русской Старинѣ* 1875 г., т. XIII, 375 стр. Перепечатано въ Письмахъ 1891 г., 134—135 стр.

В. К. Кюхельбекеръ—писатель-декабристъ, лицейскій товарищъ Пушкина. За приверженность къ писаніямъ Шихматова упрекалъ его и Пушкинъ. Подобно великому поэту, предсказавшему въ стихотвореніи «*Разлука*» тяжелую участь Кюхельбекера при столкновеніи съ людьми, Туманскій указываетъ на его непристроенность къ какому-нибудь дѣлу.

Алексѣй Петровичъ Ермоловъ былъ до 1827 г. главноуправляющимъ въ Грузіи и командиромъ Отдѣльнаго Кавказскаго Корпуса.

Шихматовъ—кн. Сергѣй Александровичъ Ширинскій, высокопарный и скучный стихотворецъ, благодаря покровительству Шишкова, удостоенъ многихъ почестей. По словамъ біографа его, онъ, подъ влияніемъ насмѣшекъ молодыхъ писателей (Батюшкова, Пушкина и др.), оставилъ свѣтъ и въ 1828 г. ушелъ въ Юрьевскій монастырь, а въ 1830 г. сдѣлался монахомъ подъ именемъ Никиты (Подробно см. I т. соч. Пушкина, изд. Брокгауза и Ефрона).

Вяземскій—кн. Петръ Андреевичъ, замѣчательный сатирикъ и критикъ, другъ Жуковскаго, Пушкина, Плетнева и др. писателей-современниковъ.

Раичъ—Семень Егоровичъ, извѣстный переводчикъ «Освобожденнаго Иерусалима» Торквата Тасса и «Неистоваго Орланда» Аріоста.

15) С. Г. Туманскій (253—255 стр.). Напечатано въ Письмахъ 1891 г., 28—30 стр.

Раевскіе—извѣстное семейство Раевскихъ, котораго архивъ такъ тщательно редактируется и комментируется Б. Л. Модзалевскимъ (вышли I и II томы).

16) *Ей же* (255—258 стр.). Напечатано тамъ же, стр. 40—44. Гр. Милорадовичемъ невѣрно прочитано названіе мѣсяца: июнь вмѣсто *января*.

Это письмо не разъ цитировалось историками литературы при комментированіи, напр., сочиненій Пушкина, такъ какъ заключаетъ цѣнный матеріалъ для характеристики одесскаго общества того времени, когда жилъ тамъ великій поэтъ.

Ризничъ Амалія—жена одесскаго негодянта, которою увлекался Пушкинъ и смерть которой первый почтилъ стихотвореніемъ Туманскій.

Аспазія—одна изъ знаменитѣйшихъ женщинъ Греціи, подруга Перикла.

Мурузи, Гикъ и др.—фамиліи дочерей одесскихъ обывателей, которыя посѣщали балы, устраивавшіеся кн. Е. К. Воронцовой, и славились красотою.

Въ *Одесскомъ Альманакѣ* на 1831 г. однимъ изъ современниковъ сдѣлано слѣдующее описаніе баловъ, устраивавшихся во времена М. С. Воронцова: «Если жизнь внутренняго человѣка здѣсь (т. е. въ Одессѣ) не получила еще всего объема, какой она имѣетъ во Франціи, Англіи и Германіи, за то внѣшняя достигла блистательной степени совершенства: образованность, утонченность вкуса одесскихъ жителей высшаго круга можно поставить въ примѣръ. Кто былъ на маскарадномъ балѣ, данномъ прошлагоднею зимою, на масленицѣ, графомъ М. С. Воронцовымъ, тотъ подтвердитъ справедливость словъ моихъ. Въ этотъ вечеръ легко было представить себя перенесеннымъ съ береговъ Чернаго моря не только въ одну изъ столицъ Европы, но въ какой-то очаровательный, волшебный міръ. Еще недѣли за двѣ до назначеннаго дня все къ нему приготавлилось: портные и модистки города завалены были шитьемъ костюмовъ. И, въ самомъ дѣлѣ, все, чѣмъ воображеніе и дѣйствительность могутъ обогатить вымыслы просвѣщенной роскоши и удовлетворить самымъ взыскательнымъ требованіямъ, было употреблено и истощено. Въ залахъ, сіяющихъ мраморомъ и позолотою, гдѣ разносился бальзамическій запахъ родныхъ цвѣтовъ Авзоніи и Греціи, роилась блестящая толпа масокъ; тутъ видны были: великанши и карлы, миеологическія лица и закованные въ желѣзо рыцари среднихъ вѣковъ, чопорные парики à trois marteau временъ Людовика XIV и унизанные жемчугами мандарины Китая, важныя дамы двора Генриха IV и Арабскіе Шейхи. Кадрили Тиролецъ, Черкесовъ и Русскихъ въ національномъ костюмѣ пестрѣли по сторонамъ: Историческія кадрили и сцены изъ поэмъ и романовъ Вальтера-Скотта были составлены съ такою вѣрностію, что самый привязчивый критикъ не сказалъ бы ни одного невыгоднаго замѣчанія. Когда начались танцы, всѣ эти представители разноплеменныхъ народовъ и вѣковъ смѣшались между собой: броненосный витязь танцевалъ съ легкою милою Турчанкою; Китайскій Поэтъ и Мандаринъ, въ быстромъ котильонѣ, обхватывалъ стройный станъ, облеченный сарафаномъ; щеголь вѣка Людовика XIV разсыпалъ учтивости передъ гордою Испанкою, которая съ Арабскимъ Шейхомъ шла въ длинномъ Польскомъ. Изящество, Историческая и Топографическая, такъ сказать, точность костюмовъ приводили въ восторгъ. Прибавьте ко всему этому великолѣпнѣйшее освѣщеніе, огромный оркестръ музыки, который разыгрывалъ лучшія мѣста изъ Россини, Вебера, Мегюля; прибавьте голоса первыхъ пѣвицъ и пѣвцовъ здѣшней оперы—и вы будете имѣть понятіе о томъ, сколько средствъ въ Одессѣ удовлетворить даже всѣмъ прихотямъ образованнаго музея. (Письмо изъ Одессы, 386—405 стр.)

17) *Ей же* (258—260 стр.). Напечатано тамъ же, стр. 30—33.

Михайло—Михаиль Ивановичъ, братъ Туманскаго (р. 1803 г. 27 дек., † 1866 г.), генераль-лейтенантъ, а потомъ шталмейстеръ Высочайшаго двора.

О замужествѣ милой моей дѣвѣ—разумѣется Е. М. Комбурлей, вышедшая замужъ за Дмитрія Петровича Бутурлина, о которомъ сказано выше.

Аркадій—Кочубей.

18) *Ей же* (260—263). Напечатано тамъ же, стр. 37—40. Графъ М. С. Воронцовъ вступилъ въ бракъ 20 апрѣля 1819 г. съ дочерью гофмейстерины графини Александры Васильевны Браницкой (урожд. Энгельгардтъ), владѣлицы м. Бѣлая Церковь, Кіевской губ.

Марья—Марья Николаевна Раевская, въ послѣдствіи жена декабриста Сергѣя Григорьевича Волконскаго.

Ольга—Станиславовна Нарышкина, рожд. Потоцкая, извѣстная красавица, вышла замужъ за Льва Александровича около 1824 г. Софійевскій садъ, такъ называемый Царицынъ садъ въ г. Умани, Кіевской губ., съ училищемъ земледѣлія и садоводства. Садъ принадлежалъ родителямъ Ольги Станиславовны.

19) *Ей же* (264—265 стр.). Напеч. тамъ же, 44—46 стр. Алексѣй Ивановичъ Маюровъ, родственникъ Туманскаго по женѣ.

20) *Ей же* (265—266 стр.) Напеч. тамъ же, 46—47.

Мухановъ—можетъ быть Петръ Александровичъ, поручикъ и адъютантъ Н. Н. Раевского старшаго (см. Архивъ Раевскихъ, I ч., 252 стр., пр. 3).

Гр. Ланжеронъ—генераль-губернаторъ и градоначальникъ, премникъ Ришелье по управленію Одессой (См. о немъ въ кн. «Изъ прошлаго Одессы», 216—217 стр.).

21) *Ей же* (267—268 стр.). Напеч. тамъ же, стр. 47—49. Годъ въ подлинникѣ не обозначенъ. Мы его выставили на томъ основаніи, что въ письмѣ отъ 3 мая 1824 г. Туманскій говоритъ о предполагаемомъ посѣщеніи Софьей Григорьевной Одессы, а въ этомъ письмѣ онъ говоритъ, что она уже посѣтила ее и быстро уѣхала. Если же принять во вниманіе упоминаніе рѣчки Салгиръ въ Элегіи (Какъ звонкое журчаніе Салгира) 1823 г. и то, что Туманскій быстро отражалъ переживаемое на бумагѣ, то придется отнести это письмо къ 1823 году.

22) *Ей же* (268—270). Напеч. тамъ же, 49—53 стр. Кн. Херхеулидзевъ Захарій Семеновичъ съ назначеніемъ гр. Воронцова Новороссійскимъ генераль-губернаторомъ былъ назначенъ къ нему адъютантомъ, а 4 янв. 1833 г. опредѣленъ Керчь-Еникальскимъ градоначальникомъ.

23) *Ей же* (270—272 стр.). Напеч. тамъ же, 53—55 стр. Года нѣтъ въ подлинникѣ, но мы его помѣтили 1824 г., такъ какъ оно по содержанію имѣетъ связь съ письмомъ подъ № 21-мъ.

Раевскіе проживали въ м. Каменка, въ 35 вер. отъ Смѣлы, которая принадлежала гр. А. Н. Самойлову.

Елена Николаевна Раевская, фрейлина, родилась въ концѣ августа 1803 г., умерла 4-го сентября 1852 г.

Киселева Софья Станиславовна, рожд. Потоцкая, сестра Ольги Станиславовны Нарышкиной.

24) *Ей же* (273—274 стр.). Напеч. тамъ же, стр. 56—57. Графскаго отъѣзда. По свидѣтельству біографа гр. Воронцова, во время управленія Новороссійскимъ краемъ, графъ Михайлъ Семеновичъ ежегодно по нѣсколько разъ посѣщалъ всѣ концы обширнаго края, ввѣреннаго ему.

(Щербининъ. Биографія генераль-фельдмаршала кн. Мих. Сем. Воронцова. Спб. 1858 г., 169 стр.).

25) О. В. Булгарину (274 стр.). Напеч. въ Русской Старинѣ 1905 г. № 4. «Изъ архива О. В. Булгарина».—Левшинъ Алексѣй Петровичъ (1799—1879) — чиновникъ въ канцеляріи кн. Воронцова, писатель. и государственный дѣятель.

Гречь—Николай Ивановичъ, составитель грамматики, русской словесности, издатель *Сына Отечества* и *Съверной Пчелы*.

Рылѣвъ, А. Бестужевъ, Корниловичъ — писатели декабристы, съ которыми Туманскій, какъ видно изъ письма, былъ очень близокъ.

26) С. Г. Туманской (275—277 стр.). Напечатано въ письмахъ 1891 г., 57—59 стр.

Башмаковы—д. ст. с. Дмитрій Евлампіевичъ и Варвара Аркадьевна, дочь кн. Аркадія Александровича Суворова и Елены Александровны, рожд. Нарышкиной. По словамъ Вигеля (Зап. т. VI, 188 стр.), Варвара Аркадьевна была «не хороша и не дурна собой, но скорѣе послѣднее; только на тогдaшнее петербургское высшее общество, столь пристойное, столь воздержанное въ рѣчахъ, она совсѣмъ не походила, любила молоть вздоръ и дѣлать сплетни».

Кн. Щербатова—генераль-адъютанта, котораго назначили послѣ 25 ноября 1824 г. командиромъ 4-го корпуса 1-й арміи въ Кіевѣ вмѣсто Н. Н. Раевского.

27) Ей же (277 стр.) Напеч. тамъ же, 60 стр.

28) Ей же (277—279). Напеч. такъ же, 33—37. Гр. Милорадовичъ датировалъ 1824 годомъ ошибочно; въ оригиналѣ года нѣтъ, а кто-то карандашомъ написалъ 1825. Этотъ годы мы выставили на томъ основаніи, что въ письмѣ приводится пьеса Туманскаго Тебѣ *** или Къ С***, подъ которымъ въ *Альбомѣ музъ* (1828 г., 133 стр.) стоитъ именно 1825.

Графиня Потемкина—княжна Елизавета Петровна Трубецкая, вышедшая замужъ за гр. Сергѣя Павловича Потемкина. Надѣленный отъ природы умомъ, безпечный и расточительный, Потемкинъ принадлежалъ къ числу тѣхъ даровитыхъ, но испорченныхъ воспитаніемъ людей, которые подъ вліяніемъ житейской обстановки нерѣдко размѣниваются на мелочи. Онъ промоталъ все свое состояніе на пиры, театры и строительныя затѣи. Одинъ изъ его товарищей, Арк. В. Кочубей, въ Семейной Хроникѣ говоритъ о Потемкинѣ, что онъ, несмотря на лѣта и на плохое состояніе своихъ дѣлъ, ни мало не измѣнился: по прежнему каждый день бывалъ въ театрѣ и всегда поклонникомъ какой-нибудь танцовщицы». (Ост. Арх. т. III. примѣч.).

29) Ей же (279—280 стр.) Напеч. тамъ же, 60—61 стр. Интересно указаніемъ, что весну 1822 г. онъ проводилъ въ Вознесенскѣ вмѣстѣ съ родными.

30) Ей же (280—281 стр.). Напеч. тамъ же, 61—63 стр.

31) А. А. Бестужеву (282 стр.). Напеч. въ «Русской Старинѣ», 1905 г. № 4.

Зайчевскій, Ефимъ Петровичъ (ум. 1860) морякъ, поэтъ, современникъ Туманскаго; его стихотворенія печатались въ альманахахъ и журналахъ 20—30-хъ г.г. XIX ст.

32) С. Г. Туманской (282—283 стр.). Напеч. въ Письмахъ 1891 г., 63—64 стр. Письмо интересно для комментарія пьесы: «*Дѣвушка влюбленному поэту*», о чемъ сказано въ примѣчаніи къ этому стихотворенію.

33) Ей же (283—284 стр.). Напеч. тамъ же, стр. 65.

Отѣздъ гр. Воронцова въ Крымъ—для сопровожденія императора Александра I.

34) Ей же (284—285 стр.). Напеч. тамъ же, 65—67 стр. Письмо заключаетъ нѣкоторыя подробности о путешествіи императора Александра Павловича по Крыму незадолго до кончины.

35) Ей же (286—287 стр.). Напеч. тамъ же, 67—68 стр. Письмо представляетъ историческій интересъ, какъ свидѣтельство современника о впечатлѣніи, произведенномъ на гражданъ Россіи неожиданною смертью Александра I.

Полтавскими родными Туманскихъ были Кочубей, которымъ принадлежала Диканька (Семейная хроника Арк. Кочубей).

36) Ей же (287 стр.). Напеч. тамъ же (69 стр.). Письмо также имѣетъ историческій интересъ. Императрица Елизавета Алексѣевна, супруга императора Александра I, отличалась доброжелательностью и не вполне счастливою судьбою. Она вдохновила Пушкина, еще на лицейской скамьѣ, сказать:

*Небеснаго земной свидѣтель,
Воспламененною душой
Я пѣлъ на Тронѣ добродѣтель
Съ ея привѣтною красой.*

37) Ей же (287—288 стр.). Напеч. тамъ же, 69—70 стр., съ нѣкоторыми пропусками.

38) Ей же (288—289 стр.). Напеч. тамъ же, 70—71 стр. Гр. Воронцовъ дѣйствительно ѣздилъ въ Петербургъ представиться новому государю Николаю I и получилъ соизволеніе государя находиться при священномъ его коронованіи, но потомъ долженъ былъ отправиться въ Аккерманъ для улаженія дѣлъ съ Турціей (Щербининъ, Біографія кн. Воронцова, стр. 172).

39) Ей же (289—290 стр.), Напеч. тамъ же, 71-72 стр. Маленькая записка, не помѣченная годомъ, но относящаяся къ тому же 1826 году¹⁾, такъ какъ она писана изъ Ярославца, гдѣ жили Туманскій и сестра его Ольга (Семейная Хроника Арк. Кочубей) весной этого года. Въ Москву собрался ѣхать Туманскій на коронацію. Байронъ (1788—1824)—всемирный поэтъ, сильно вліявшій на русскую литературу съ 20-хъ годовъ XIX столѣтія.

¹⁾ Можетъ быть, письмо писано въ іюнѣ, такъ какъ Анна празднуется 13 іюня (послѣ 13 марта, когда писано первое письмо № 38).

Барантъ (1782—1866)—французскій государственный человекъ, историкъ и публицистъ.

40) Ей же (290—291 стр.). Напеч. тамъ же, 72—74 стр. Василий Васильевичъ—братъ Кочубеевъ. Туманскій отправился на коронацію въ Москву съ Аркадіемъ и Демьяномъ Кочубеями. Софья Григорьевна, вопреки записки, № 39, не поѣхала. По сообщенію Арк. Кочубея (Семейная Хроника), Василий Ивановичъ нанялъ гдѣ-то себѣ комнату.

Варвара Николаевна Кочубей.

41) Ей же (292 стр.). Напеч. тамъ же, стр. 74—75. Александръ Васильевичъ Кочубей.

Гр. Завадовская Елена Махайловна, рожд. Влодекъ, которую воспѣвали за красоту поэтъ И. И. Козловъ (Стихотворенія, 1892, 221 стр.) и кн. Вяземскій (Полн. Собр. сочиненій, т. IV, 149 стр.).

Зубова—княгиня Текла Игнатьевна, рожденная Валентиновичъ, вдовствовала съ 1822 г., послѣ смерти мужа князя Платона Александровича Зубова; послѣ 1826 г. вышла замужъ за гр. А. П. Шувалова.

Анна Андревна Комбурлей.

Катерина Михайловна, дочь Анны Андреевны Комбурлей.

Письмо Рылѣва (напеч. въ «Сочиненіяхъ К. Θ. Рыльева», 1895 г. 181 стр., ред. Мазаева) писано 13 июня 1826 г. наканунѣ казни.

42) Ей же (292—294 стр.). Напеч. тамъ же, 75—76 стр. О Фишерѣ и Ульянѣ Михайловнѣ Миклашевской подробно рассказываетъ Арк. Вас. Кочубей въ Семейной Хроникѣ, 215—216 стр.

Пестель—Павелъ Ивановичъ, выдающійся членъ Южнаго общества, декабристъ, казнень вмѣстѣ съ К. Θ. Рылѣвымъ въ 1826 г.

Анна Андреевна Комбурлей.

Лиза—Елизавета Михайловна, дочь Анны Андреевны Комбурлей, въ замуж. Бутурлина.

43) Ей же (294—296 стр.). Напеч. тамъ же, стр. 76—79. Письмо имѣетъ историческое значеніе, какъ описаніе очевидца.

Вдовствующая императрица—Елизавета Алексѣевна.

Другой соборъ—Архангельскій, а коронація совершалась въ Успенскомъ.

44) Ей же (296—297 стр.). Напеч. тамъ же, 79—80 стр. Зубковъ—Василій Петровичъ, съ 1824 г. занимавшій въ Москвѣ различныя судебныя должности. Просвѣщенный и дѣятельный администраторъ, онъ находился въ дружественныхъ отношеніяхъ съ кн. Вяземскимъ, кн. В. Θ. Одоевскимъ, Пушкинымъ, Пуцинымъ,

Коронаціонныя празднества закончились 13 сентября фейерверкомъ, а Кочубеи—Аркадій и Демьянъ—выѣхали тотчасъ же послѣ коронаціи домой (Семейная Хроника).

45) Ей же (297—298 стр.). Напеч. тамъ же, стр. 83—84. Главное начальство перемѣнилось, потому что гр. Воронцовъ улаживалъ дѣла съ турками въ Аккерманѣ.

Елена Васильевна и Алексѣй Ивановичъ Маюровы.

46) Ей же (298—299 стр.). Напеч. тамъ же, 12—13 стр., при чемъ невѣрно датировано 1822 г. Въ оригиналѣ нечетко написана послѣдняя

цифра, но она должна быть 6, потому что Туманскій говоритъ объ альманахѣ на *будущій годъ «Сѣверная Лира»*, а послѣдній изданъ Ознобишинымъ и Раичемъ на 1827 годъ. Кромѣ невѣрной даты гр. Милорадовичемъ допущены важныя пропуски.

47) Ей же (300 стр.). Напеч. тамъ же, стр. 84—85.

48) А. С. Пушкину (301—303 стр.). Напеч. въ сборникѣ «Пушкинъ» ч. II, 127—129; перепеч. во II ч. Переписки, изд. Имп. Академіи Наукъ, подъ редакціей В. И. Сaitова, стр. 7—9. Бартепевъ приписывалъ это и послѣдующія письма Ѳ. Ант. Туманскому, что невѣрно, такъ какъ стихотвореніе «*Къ гречанкѣ*» принадлежитъ нашему поэту (Труды и дни. А. С. Пушкинъ. М. 1903, стр. 56).

По прїѣздѣ моемъ въ Одессу—разумѣется возвращеніе изъ Москвы послѣ коронаціи 1826 г.

Гр. Паленъ—Петръ Петровичъ, управлялъ Одессою во время отсутствія кн. Воронцова. Ризничъ—одесскій купецъ, завязанный театралъ, мужъ Амаліи Ризничъ, на смерть которой Пушкинъ написалъ пьесу: «Подъ небомъ голубымъ»...

Собаньскіе—поляки, проживавшіе до польскаго возстанія 1830 г. въ Одессѣ. А. И. Казначеевъ въ 1827 г. оставилъ службу въ канцеляріи гр. Воронцова. Шервудъ—Вѣрный, извѣстный доносчикъ на декабристовъ.

Баратынскій—Евгеній Абрамовичъ, поэтъ пушкинской школы.

Соболевскій—Сергій Александровичъ, одинъ изъ основателей «*Московскаго Вѣстника*», библіофилъ и ученый библіографъ (1803—1870 г.).

49) С. Г. Туманской (303—304 стр.) Напеч. было не все въ Письмахъ 1891 г., стр. 85—86, подъ заглавіемъ: «*Изъ письма, Одесса 1 апрѣля 1827*». Здѣсь печатается въ полномъ видѣ.

Капнисть—одинъ изъ фамиліи Капнистовъ, жившихъ въ Малороссіи.

50) А. С. Пушкину (304—305). Напеч. впервые въ книгѣ Бартепева «Пушкинъ» (II, 129—130 стр.). Перепечатано въ Перепискѣ изд. Имп. Ак. Наукъ, подъ ред. В. И. Сaitова, т. II, 22—23 стр. Письмо интересно по высказанному здѣсь взгляду на значеніе Пушкина для русской литературы.

П. И. Бартепевъ ошибочно приписалъ и это письмо Ѳ. А. Туманскому.

51) Ему же (306 стр.). Напеч. впервые у Бартепева (II, 130 стр.); перепечатано у Сaitова, II, 24. Бартепевъ не разобралъ слово Ѳеба и, приписывая ошибочно письмо Ѳедору Ант. Туманскому, прочиталъ *Ѳеди*.

«*Одесскій Вѣстникъ*» издавался группою лицъ, въ числѣ коихъ были многіе чиновники изъ канцеляріи генераль-губернатора. Туманскій принималъ горячее и близкое участіе въ этомъ журналѣ, о чемъ сказано будетъ подробнѣе въ *Замѣткѣ* о прозаическихъ сочиненіяхъ его (См. ниже, стр. 401).

Раевскій—Александръ Николаевичъ, старшій сынъ знаменитаго генерала Николая Николаевича Раевскаго (1771—1829). Въ это

время онъ состоялъ по особымъ порученіямъ при гр. М. С. Воронцовѣ; о его вліяніи на А. С. Пушкина и высылкѣ изъ Одессы въ 1828 г. изъ-за отношеній къ Ел. Кс. Воронцовой см. Пушкина въ изд. Венгерова, т. II, 275—276.

52) Изъ письма къ Погодину (306—307 стр.). Напеч. впервые въ соч. Барсукова «Жизнь и труды Погодина», кн. 2, 72—73 стр. Письмо это находится въ связи съ присланнымъ Пушкину 12 апр. 1827 г. изъ Одессы письмомъ того же Туманскаго.

Въ этомъ письмѣ замѣчается различіе въ отзывѣ о журналѣ *Москов. Вѣстникъ* сравнительно съ отзывомъ о томъ же журналѣ въ письмѣ къ Пушкину.

Примѣчаніе. Къ сожалѣнію, мы не могли воспользоваться подлинникомъ письма Туманскаго къ Погодину и напечатать его вполнѣ, потому что покойный Барсуковъ, сладко пѣвшій диоирамбы высокопоставленнымъ и вліятельнымъ лицамъ С.-Петербурга и Москвы, около которыхъ, къ слову сказать, кормился частенько, былъ очень завистливъ и неподѣльчивъ съ лицами, пріѣхавшими изъ провинціи. На нашу просьбу, въ виду предоставленнаго ему одному права пользоваться архивомъ Погодина, позволить прочесть упомянутое письмо, онъ отвѣтилъ бранью, на которую мы не отвѣчали, единственно уважая «лицо старче».

53) С. Г. Туманской (307—308 стр.). Печатается здѣсь впервые по подлиннику изъ архива гр. Милорадовичей.

Празжевскій—Николай Прокофьевичъ, знакомый Кочубеевъ (см. Семейную Хронику, 27—28 стр.).

Предположеніе Туманскаго не оправдалось, потому что Ульяна (Юлія) Григорьевна вышла замужъ за Дм. Алек. Санковскаго.

54) Ей же (308—309 стр.). Напеч. въ письмахъ 1891 г., 86—87 стр.

55) Ей же (309 стр.). Переводъ напеч. тамъ же, стр. 102, но дата прочитана во франц. подлинникѣ, печатаемомъ здѣсь впервые, ошибочно: не апрѣль 1831, а августъ 1830 г. Изъ послужного списка нашего поэта видно, что онъ въ 1830—1831 г. (до мая) могъ быть свободнымъ и воспользовался отпускомъ для посѣщенія родныхъ.

Ульяна Миклашевская-Фишеръ жила отдѣльно отъ мужа, такъ какъ развестись ей не удалось.

Fragoletto, быть можетъ, двухтомный романъ, вышедшій въ 1829 г. авторомъ котораго былъ Hyacinthe-Joseph-Alexandre Thobaud, извѣстный подъ именемъ Henri de Latouche; романъ заключаетъ въ себѣ описаніе неаполитанской революціи 1799 г. и наполненъ картинами грубаго разврата.

56) Ей же (310—311 стр.). Напеч. тамъ же, 87—89 стр. Краснорѣчивымъ женихомъ—Софья Григорьевна въ Ярославцѣ въ домѣ Кочубеевъ встрѣтилась съ своимъ будущимъ мужемъ—Александромъ Григорьевичемъ Милорадовичемъ.

Аркадія Васильевича Кочубея, который съ начала 1830 по 1837 былъ орловскимъ губернаторомъ. На пути изъ Петербурга черезъ Москву Туманскій навѣстилъ своего двоюроднаго брата.

Лиза—Елизавета Михайловна Комбурлей, въ замужествѣ Бутурлина.

Пушкинъ женился на Натальѣ Николаевнѣ Гончаровой 18 февраля того же 1831 г., слѣдовательно Василій Ивановичъ познакомился съ нею въ первый мѣсяцъ замужества. Отзывъ его цитировался не однажды, какъ интересное показаніе современника.

Ольга—Ивановна, родная сестра нашего поэта, которая тогда еще дѣвствовала и искала жениха.

57) Ей же (311—313 стр.). Напеч. тамъ же, стр. 90—92.

Съ 4-го мая 1831 г. Туманскій состоялъ секретаремъ при комитетѣ для составленія новаго регламента по управленію княжествами Молдавіей и Валахіей.

Киселевъ—Павель Дмитріевичъ, впоследствии графъ (1788—1872), генераль-адъютантъ, начальникъ главнаго штаба 2-й арміи.

Миклашевскій—Павель Михайловичъ, извѣстный Петербургскому обществу подъ именемъ «*Миклашо*», умеръ холостякомъ въ 80-хъ годахъ XIX ст. Его любилъ государственный канцлеръ кн. Горчаковъ. Туманскій удачно характеризуетъ этого «*добраго малаго*».

58) Ей же (313—315 стр.). Напеч. тамъ же, 92—94. Александру Васильевичу Кочубею въ Петербургъ.

Ардтъ извѣстный въ Петербургѣ въ то время придворный медикъ. Демьяну Васильевичу Кочубею.

59) Ей же (316—317 стр.). Напечатано тамъ же, 95—97, съ пропусками.

Лиризмъ Пушкина... Подъ русскими соловьями разумѣются Пушкинъ и Жуковский. Въ сентябрѣ издана была брошюра «На взятіе Варшавы», въ которой были помѣщены стихотворенія Пушкина: «Клеветникамъ Россіи», «Бородинская годовщина», Жуковского «Русская Слава».

60) Ей же (318—319 стр.). Напечатано тамъ же, 97—99 стр.

Ген. Граббе—Павель Христофоровичъ (1789—1875); въ Турецкую войну 1828 г. онъ былъ и. д. начальника штаба войскъ, расположенныхъ въ Молдавіи. Молодая жена—это вторая жена, дочь иностранца-доктора Екатерина Евстафьевна Ролле или Ролла; первую женою его была Елизавета Михайловна Скоропадская.

Михайло Оедоровичъ—Туманскій.—Корсакова вышла впоследствии замужъ за Вас. Голицына.

61) Ей же (320—321 стр.). Напечатано тамъ же, 103 стр. Мы предполагаемъ, что Туманскій въ 1834 г. снова посѣтилъ родину, и потому относимъ это письмо по мѣсту написанія къ Ярославцу. Если же принять во вниманіе, что въ 1834 г. у Аркадія Вас. Кочубея въ Орлѣ умерла жена, а потомъ и дядя его Викторъ Павловичъ, то возможно допустить, что письмо могло быть написано или въ Орлѣ или въ Петербургѣ, куда Софью Григорьевну могли ожидать и куда заѣхалъ по возвращеніи изъ-за границы Туманскій. Въ этомъ году Софья Григорьевна вышла замужъ за Милорадовича, и потому Туманскій поздравляетъ ее съ перемѣною судьбы.

62) Ей же (320—321 стр.). Напечатано было въ Чернигов. Губ. Вѣдомостяхъ за 1891 г. №№ 1—15. Какъ видимъ, съ 1834 г. по 1845 прошелъ большой періодъ времени, но писемъ не сохранилось, хотя переписка, очевидно, не прекращалась. Впрочемъ, очень можетъ быть, что выходя С. Г. Туманской замужъ прекращалъ эпоху романтической привязанности и рвалъ, такъ сказать, нить прежнихъ интересовъ. Кстати, Василій Ивановичъ въ началѣ 1835 г. получилъ предложеніе уѣхать въ Константинополь, куда и отправился, а Софья Григорьевна выходила замужъ,—такимъ образомъ перемѣнялись декораціи внѣшней жизни; должны были перемѣниться и внутренніе интересы. А въ послѣднихъ, какъ мы знаемъ изъ письма отъ 19 октября 1822 г. (см. № 4), и заключалась вся суть этой переписки двухъ просвѣщенныхъ особъ первой половины XIX столѣтія.

Наши соображенія подтверждаются блѣдностью писемъ послѣ 1834 г. Оно и понятно: у Софьи Григорьевны явились новые, чисто семейные интересы, которые чужды были холостяку В. И. Туманскому.

Наконецъ, прекращеніе и ослабленіе поэтического творчества, гѣвшаго одну любовь, одни любовныя печали, не есть ли оно явное подтвержденіе того, что перерывъ или лучше сказать—разрывъ долженъ былъ совершиться?

Какъ извѣстно изъ біографіи Туманскаго, съ 1839 г. онъ перешелъ на службу въ Петербургъ.

Michel—Михаилъ Ивановичъ, братъ Туманскаго.

Александрина—Александра Федоровна, жена Михаила Ивановича, рожд. Опочинина.

Императрица—Александра Теодоровна, скончавшаяся 20 октября 1860 года.

63) А. Ф. фонъ-деръ-Бригену (321 стр.). Налеч. нами въ ст. «Новые матеріалы для біографіи В. И. Туманскаго» (Жур. Мин. Нар. Пр. 1905 г., № 5) по автографу, найденному въ бумагахъ дочери Бригена Маріи Александровны.

64) С. Г. Туманской-Милорадовичъ (321—322 стр.). Налеч. въ Письмахъ 1891 г., стр. 103—104. Французскій подлинникъ намъ остался неизвѣстенъ. Въ 1846 г. Туманскій вышелъ въ отставку и уѣхалъ въ с. Апанасовку, Полтавской губ.

Пасху 1850 г. ему пришлось провести въ Москвѣ, куда онъ уѣхалъ по дѣламъ дѣтей своей родной сестры Ольги Ивановны Сатиной. Онъ назначенъ былъ опекуномъ сыновей Сатиныхъ—Аркадія, Николая и Михаила.

На склонѣ дней Василю Ивановичу дѣйствительно пришлось взять къ себѣ въ деревню на воспитаніе дѣтей и устроить «новое существованіе» (См. актъ—договоръ съ братьями Сатина въ назв. выше нашей брошюрѣ).

65) М. А. Туманской (322—323 стр.). Налеч. впервые въ нашей брошюрѣ: «Новые матеріалы къ біограф. В. И. Т—аго» по подлиннику изъ того же архива.

Въ 1845 г. младшій братъ Василя Ивановича Владимиръ женился на Марьѣ Александровнѣ фонъ-дерь-Бригенъ, дочери декабриста Александра Ѳедоровича, жившаго на поселеніи въ Курганѣ (см. о немъ въ брошюрѣ нашей «Изъ жизни одного декабриста» въ Р. Ст. 1903 г. мартъ).

Отнесли мы письмо къ 1852 г., хотя оно обозначено только мѣсяцемъ. Апанасовка выставлена по содержанію письма.

Три шалуна—сироты Сатины—Аркадій, Николай и Михайль.

Ольга Ивановна Сатина умерла 19 октября 1844 г., а мужъ ея, поручикъ Иванъ Васильевичъ Сатинъ, скончался 2 декабря 1849 г. Они погребены на Ваганьковскомъ кладбищѣ въ Москвѣ; рядомъ съ ними похороненъ сынъ ихъ (4-й) Василій (первенецъ). См. Московскій Некрополь. Спб. 1908 г., т. III, 77 стр.

66) С. Г. Туманской (323—324 стр.). Нап. въ Письмахъ 1891 г., 6 стр. Гр. Милорадовичъ это недатированное письмо почему-то напечатать первымъ. Мы рѣшительно затрудняемся дать письму какую-либо дату, потому что въ содержаніи его нѣтъ рѣшительно никакихъ указаній. Одно можно сказать, что оно писано послѣ выхода Ульяны Григорьевны замужъ, иначе, кромѣ тетки Анны Ивановны, Василій Ивановичъ назвалъ бы и свою кузину, и до выхода Софьи Григорьевны, т. е. между 1831 и 1834 гг.

Можетъ быть, это письмо имѣетъ связь съ письмомъ изъ Яссы отъ 25 дек. 1831 г. Дѣло въ томъ, что въ этомъ письмѣ нашъ поэтъ оправдывается передъ Софьей Григорьевной: «Напрасно тебѣ кажется, что прекрасный звукъ: *Москва* не потрясаетъ меня попрежнему; я все еще вѣренъ этому звуку, хотя, кромѣ тебя, никто мнѣ объ немъ не напоминалъ».

Очевидно, упрекъ со стороны Софьи Григорьевны могъ послѣдовать послѣ такого письма, какъ настоящее, въ которомъ дается очень нелестный отзывъ о столицѣ, и самъ Туманскій оговаривается: «Жаль, что не весна—можетъ быть Москва получила бы другой приговоръ отъ твоего разборчиваго брата».

Въ заключеніе примѣчаній къ «Письмамъ» В. И. Туманскаго мы считаемъ необходимымъ сказать слѣдующее.

Какъ неоднократно указывалось въ примѣчаніяхъ, изданіе писемъ Туманскаго, сдѣланное гр. Милорадовичемъ въ 1891 г., отличалось такими дефектами, что пользоваться ими нельзя было въ такой мѣрѣ, какую они позволяютъ на самомъ дѣлѣ.

Принимая во вниманіе, что, со времени появленія въ печати писемъ, сразу оцѣнили ихъ значеніе, мы считали необходимымъ собрать воедино письма В. И. Туманскаго не только къ С. Г. Туманской (Милорадовичъ), но и къ другимъ лицамъ.

Издаваемые письма мы снабдили кое-какими наиболее необходимыми примѣчаніями, безъ которыхъ письма теряли въ ясности. Для очень немногихъ писемъ пришлось установить даты или исправить невѣрно датированныя.

Не желая увеличивать объемъ примѣчаній, мы не ссылались на отзывы тѣхъ лицъ, которыя уже пользовались письмами, но ниже, въ перечнѣ литературы, читатели найдутъ указанія и могутъ познаться съ этими отзывами по нашимъ указаніямъ.

Нѣсколько словъ о прозаическихъ сочиненіяхъ и переводахъ В. И. Туманскаго.

Всѣ, кому приходилось говорить о В. И. Туманскомъ, имѣли въ виду исключительно его произведенія стихотворныя. Конечно, такое предпочтеніе понятно: время, когда писалъ Василій Ивановичъ, было временемъ расцвѣта нашего стихотворнаго языка; тогда, въ 20-хъ годахъ XIX-го столѣтія, господствовала страсть къ стихотворству. «Охота къ стихотворству, читаемъ мы въ статьѣ одного современника. нынѣ столь обыкновенна, что превратилась въ страсть почти всеобщую. Правила простого стихосложенія такъ легки и кратки, что нѣтъ почти ни одного молодого человѣка въ столицѣ, который бы отъ лѣни не захотѣлъ заняться симъ упражненіемъ и котораго честолюбіе не увлекало бы къ приобрѣтенію въ короткое время великихъ парнасскихъ почестей...» (*Соревнов. Просв. и Благовѣ.*, 1819 г., т. V, 290—299 стр. А. Н., «Страсть къ стихотворству»). Но В. И. Туманскій, подобно своему пріятелю и земляку О. М. Сомову, подобно Пушкину, не ограничивался стихами. Эта сторона дѣятельности нашего поэта совершенно оставалась въ тѣни, и мы, не имѣя возможности напечатать полное собраніе сочиненій его, ограничиваемся перечисленіемъ тѣхъ прозаическихъ сочиненій и переводовъ, которые принадлежать ему.

А. С. Пушкинъ, приглашая Туманскаго сотрудничать въ *Московскомъ Вѣстникѣ*, писалъ ему (Москва, янв.—февр. 1827): подкрѣпи насъ прозою *своею* и утѣшь стихами (Переписка. Изд. Ак. Наукъ, т. II, 5—6 стр.).

Отвѣчая Пушкину, Туманскій пишетъ (Одесса. Марта 2-го 1827): «Не худо бы составить общество молодыхъ людей для перевода хорошихъ книгъ по части наукъ, искусствъ и политической экономіи, особенно съ Нѣмецкаго и Англійскаго языковъ. Да пусть у васъ прозой почаще пишутъ!» Ниже въ томъ же письмѣ о своемъ участіи пишетъ: «Пожалуйста не скупись и присылай мнѣ твой журналъ: я готовъ въ немъ участвовать, чѣмъ Богъ послалъ. У Левшина возьму

славную для васъ статью изъ 3-го тома его описанія Киргизовъ, а между тѣмъ самъ займусь для тебя поденною прозою» (Тамъ же, стр. 9, въ наст. изд. 302 стр.).

Все доселѣ процитированное, кажется, могло бы дать каждому читателю указаніе, что Туманскій писалъ для современныхъ журналовъ до 1827 года не только стихи, но и прозу, иначе Пушкинъ, знавшій литературную дѣятельность своего друга, не просилъ бы у него прозы для подкрѣпленія *Москов. Вѣстника*; что Туманскій къ 1827 году созналъ важность прозы, иначе онъ не требовалъ бы, чтобы въ *Москов. Вѣстникъ* было побольше прозы; что онъ намѣревался въ 1827 г. писать въ журналѣ Погодина поденную прозу, т.-е. замѣтки и рецензіи на различныя книги, что и теперь считается въ журнальномъ мѣрѣ поденною работою; наконецъ, что Туманскій предпочитала знакомить русскаго читателя путемъ переводовъ съ нѣмецкаго и англійскаго языковъ съ хорошими сочиненіями научными.

Къ такому выводу слѣдуетъ прійти внимательному читателю переписки Туманскаго съ Пушкинымъ.

Но мы имѣемъ данныя, что *поденная проза* давно была знакомъ Туманскому; можно сказать, что, можетъ быть, подъ вліяніемъ своего земляка Сомова, онъ параллельно съ стихами удѣлялъ время и для прозы. Едва ли не первымъ опытомъ его *поденной прозы* для журнала является замѣтка, напечатанная въ *Благонамѣренномъ* (1819 г., №№ XXIII и XXIV, 339—344. Смѣсь. Новости) и присланная въ письмѣ къ издателю изъ Парижа отъ 14 ноября н. с. Въ этой замѣткѣ даются свѣдѣнія о новинкахъ—пьесахъ, игранныхъ на сценѣ театровъ *Одеонъ*, *Водевиль*, о новыхъ произведеніяхъ художественной литературы, переводахъ, о картинахъ, появившихся на выставкѣ въ Королевскомъ Музеумѣ. Говоря о модѣ на литографіи въ Парижѣ, нашъ поэтъ приводитъ въ переводѣ своемъ слѣдующій «водевиль», написанный по этому случаю:

Литографія! ура!..
 Вотъ-то счастье мы имѣемъ:
 Пригожа-ль, дурна-ль, стара—
 Будь гигантомъ, будь пигмеемъ—
 Будь животнымъ—спору нѣтъ—
 Все изобразить Вернетъ.
 Нынѣ наши булевары—
 Вывѣска кровавыхъ дѣлъ:
 Здѣсь—пожаръ извѣстныхъ сель,
 Далѣ—носятся гусары.
 Стѣны комнатъ—какъ одна,
 Всѣ испещрены войсками:
 Всюду миръ—мы знаемъ сами,
 А въ печати—такъ война.
 На подносахъ, на тарелкахъ,
 На экранахъ... на бездѣлкахъ—
 Все солдаты, все палать.

Тамъ, на нѣжномъ опахалѣ,
 Бомбы, лопааясь, трещать;
 Здѣсь въ веселой, свѣтлой залѣ,
 Гренадеры всѣхъ страшать.
 Тамъ на шелковыхъ товарахъ,
 Города въ огняхъ своихъ;
 А на платьяхъ городскихъ
 Турки въ длинныхъ шароварахъ.
 Всюду Русскіе штыки
 Впереди Австрійскихъ пушекъ,
 И карманные платки
 Полны воинскихъ игрушекъ,
 Такъ, что дѣвушка, всегда
 Слѣдя послѣдней модѣ,
 Можетъ, даже и въ народѣ,
 Безъ малѣйшаго стыда,
 Смерть оплакивая брата,
 Слезы отереть порой
 Грудью Прусскаго солдата
 Или Козака ногой.

Статья подписана полною фамиліей поэта (*В. Туманскій*).

Но въ томъ же журналѣ нашъ поэтъ напечаталъ рядъ стихотвореній, подписанныхъ инициалами *В.*, или *Т.*, или *В. Т.* Въ виду того, что нѣтъ сотрудниковъ за извѣстные годы съ такими инициалами имени и фамиліи, слѣдуетъ приписать такъ подписанныя прозаическія статьи Туманскому. Вотъ перечень ихъ.

1) *Два Мадагаскарскія пѣсни* (Изъ Парни). Въ примѣчаніи передъ переводомъ сказано: «Мадагаскарцы веселаго нрава и любятъ страстно музыку и пляски. Они не имѣютъ стиховъ; поэзія ихъ обработанная проза, а музыка всегда проста, нѣжна, уныла». Подписано: *В. Т.* (Благонамѣренный, 1818 г., № IV, 44—46 стр.).

2) *Старина*. Повѣсть (изъ сочиненій Пиго ле Брюна). Подписано: *В.* Въ подписанной прозаической статьѣ нашего поэта изъ Парижа объ этомъ французскомъ писателѣ Туманскій говоритъ: «*Пиго ле Бренъ*—одинъ изъ самыхъ забавныхъ и неистощимыхъ романистовъ, умножить число своихъ произведеній новымъ романомъ: *Егоистъ* въ двухъ томахъ, по которому едва можно узнать острога сочинителя *Испанской шалости*, *Бароновъ Фельгеймовъ*, *Господина Богита* и пр., гдѣ *l'esprit se trouve à chaque ligne*». Такимъ образомъ, Туманскій хорошо знакомъ былъ съ этимъ писателемъ, и весьма естественно, что подъ буквами *В.* скрывается онъ, какъ переводчикъ.

(*Благонамѣр.* 1819 г., № VII, 16—27 стр.).

3) *Самоубійство въ Лондонѣ* (Изъ книги *Quinze jours à Londres à la fin de 1815. Paris. 1816*). Подп. *В.* (Тамъ же, № XI, 310—316).

4) *Восхожденіе солнца на морѣ* (Отрывокъ изъ писемъ о Греціи Савари), съ примѣчаніемъ: «Изъ всѣхъ путешественниковъ, посѣщавъ»

шихъ Грецію, ни одинъ не умѣлъ описать такими яркими красками и съ такою вѣрностію сей прекрасной страны, какъ Савари. Одаренный отъ природы богатымъ воображеніемъ, зрѣлымъ наблюдательнымъ умомъ и рѣдкою чувствительностію, Савари съ самыхъ молодыхъ лѣтъ пристрастился къ древнимъ языкамъ, мечталъ объ одной Греціи, любилъ одного Гомера, и съ восторгомъ переносился вмѣстѣ съ нимъ то въ цвѣтущія долины Аттики, то на снѣжныя вершины Фессаліи. Пламенное желаніе увидѣть мѣста, освященные присутствіемъ Музъ и Грацій, сдѣлалось для него необходимою. Онъ искалъ случая поѣхать въ Грецію и нашелъ его. И какъ трепетало сердце пылкаго юноши, когда онъ завидѣлъ въ первый разъ, при потухающихъ лучахъ солнца, синющія дубравы острова Родоса». Под. В. Т. (*Благ.* 1819 г., № XVII. 291—293 стр.).

5) *Хитрость женщины*. Арабскій анекдотъ. Подп.: «Съ франц. В.» (Тамъ же, стр. 321—325).

6) *О изобрѣтеніяхъ Англичанина Сизона*. Подп. В. (оригинальное сочиненіе). Тотъ же журналъ, № XVI, 261 стр.).

7) *Анакреонъ*. (Изъ Пиго ле Брюна). Подписано В. (*Благонамѣр.* 1818 г., № IX, стр. 284—295).

8) *Разныя анекдоты*. Подп. В. (Тамъ же, 1822 г., № XIII, 520 стр.).

9) *Солиманъ Второй*. Комедія въ трехъ дѣйствіяхъ, представленная 10-го ноября. Подп. В. Отзывъ о пьесѣ (тамъ же, № XLVI, 257—260 стр.). Принадлежность этой статьи перу Туманскаго видна изъ слѣд. словъ отзыва объ актерахъ: «Признаюсь еще съ нѣкоторымъ патриотизмомъ, что въ самомъ Парижѣ никакая Рокселана не произвела надо мною такого пріятнаго впечатлѣнія. Увѣряю всѣхъ и cadaго, кто захочетъ мнѣ повѣрить, что никогда г-жа Леверъ (Leverd) не выражала съ такою любезностію». Въ примѣчаніи къ имени Леверъ сказано, что это актриса перваго французскаго театра, играющая роль Рокселаны. Всѣ эти выраженія могъ писать тотъ, кто недавно возвратился изъ Парижа, какимъ и былъ Туманскій, часто подписывавшій свои стихотворенія буквою В.

10) *Анекдоты о Французскомъ Актерѣ Потъе*. Под. В. (*Благонамѣр.* 1822 г., № XIII, 517—518 стр.).

Кромѣ *Благонамѣреннаго* Туманскій печаталъ свои произведенія на первыхъ порахъ своей литературной дѣятельности на страницахъ *Сына Отечества*. Въ этомъ журналѣ за 1822 г. находимъ безъ подписи *Стихи къ... на игру г-жи Дюровой* (*С. От.* 1822, № XLV, 320—331 стр.). Мы приписываемъ эти стихи Туманскому вотъ на какихъ основаніяхъ.

Во-1-хъ, статью о *Солиманѣ*, напечатанную въ *Благонамѣр.* 1822 г. (№ XLVI, стр. 357—360), по признанію автора, онъ написалъ единственно изъ-за прекрасной игры актрисы *Дюровой*: «главнымъ предметомъ сей статьи есть прекрасный талантъ Дѣвицы *Дюровой*, и что одно желаніе разобратъ ея игру побудило меня взять на сей разъ *льняное* свое перо».

Въ примѣчаніи къ *Стигамъ*, напечатаннымъ въ *Сынѣ Отеч.*, сказано о *Дюровой* почти то же самое, что говорилось въ отзывѣ о ея игрѣ

въ статьѣ Туманскаго въ *Благонамѣренномъ*. Во-2-хъ, восторженное чувство отъ игры *Дюровой* легко могло воспламенить нашего поэта, который, какъ мы видѣли выше, любить пережитое перелагать въ стихи.

Стихи адресованы какому-то пріятелю.

Вотъ они:

За мнѣнія свои нельзя никакъ ручаться.
 Когда и даръ и умъ и красота
 Противу нихъ вооружатся,
 Тогда ни опытность, ни разумъ, ни лѣта
 Не въ силахъ защищаться:
 Ты слишкомъ тридцать лѣтъ винилъ
 За страсть къ невольницѣ великаго Султана—
 Со всѣми прелестями явилась Рокселана,
 И ты Султану все простишь.
 Изъ дѣтства я жидовъ смертельно ненавиждь...
 Реббеку въ горести увидѣлъ,
 И сталъ жалѣть о нихъ.
 Волшебныхъ зрѣлищъ никакихъ
 Ты не терпѣлъ, какъ времени потерю;
 Волшебство-жъ я и самъ считалъ за сущій вздоръ,
 Но мальчижъ Элизаръ
 Тебя заворожилъ,—и я волшебству вѣрю.

Въ томъ же журналѣ за 1819 г. (№ XXI, 85—87 стр.) находимъ, за подписью—Т. статью:

О бенефисѣ Семеновой б. (Письмо къ NN). Очевидно, и эта статья принадлежит Туманскому.

Въ *Литературной Газетѣ* 1831 г. (т. III, № 4, 32 стр.) съ подписью фамиліи напечатана прозаическая статья Туманскаго: «*Ко гробу барона Дельвига*». Въ той же газетѣ можно приписать перу Туманскаго еще одну статью, подписанную буквою В., какою подписано за тотъ же годъ (1830) въ томъ же журналѣ стихотвореніе Туманскаго «*Пшеница*».

Такою статью считаемъ библиографическое сообщеніе (въ №№ 62—63 *Литер. Газ.* за 1830 г.), надписанное: Иностранная литература. Harmonies poétiques et religieuses, par A. de Lamartine, membre de l'Académie Française (Поэтическія и духовныя гармоніи, соч. А. Ламартина). 2 тома. Парижъ. 1830. Не знаемъ, возможно ли считать его авторомъ повѣсти *Быль*, напечатанной въ альманахѣ *Сѣверная Лира* на 1827 г. (223—228 стр.) и подписанной инициалами В. Т. Въ этомъ альманахѣ напечатанъ рядъ стихотвореній В. Туманскаго, подписанныхъ полною его фамиліей.

Меньше основаній относить на долю Туманскаго рядъ прозаическихъ сочиненій, напечатанныхъ въ *Литературныхъ Прибавленіяхъ къ Русскому Инвалиду* за 1835 и подписанныхъ буквою Т. Говоримъ меньше, потому что нашъ поэтъ не принималъ горячаго участія въ этомъ изданіи, и если появлялись его стихотворенія на страницахъ

этого журнала, то они перепечатывались изъ другихъ изданій. Можеть быть, авторомъ ихъ былъ *В. Тилло*, печатавшій очень много въ этомъ журналѣ переводныхъ съ нѣмецкаго и оригинальныхъ сочиненій беллетристическаго характера. Во всякомъ случаѣ перечисляемъ ихъ здѣсь въ надеждѣ, что какой-либо библиографъ исправитъ нашу ошибку.

1) *Ссылные и переселенцы, или состояніе Стараго и Новаго Свѣта* (№ 85, 673—677; № 86, 681—685 стр.; № 87, 689—692 стр.).

2) *Взятіе Ивреи* (№ 20, 713—715 стр.).

3) *Собраніе турецкихъ анекдотовъ*. Турецкія остроты, или Менакиби Нареръ-Эдинъ-Хояга (№ 90, 715—717; № 91, 725—726). Кстати: Туманскій съ 1835 г. получилъ назначеніе въ Константинополь и могъ интересоваться всѣмъ турецкимъ.

4) *Альбертъ и Корентина* (№ 91, 721—725, № 92, 729—732 стр.).

5) *Китайскіе сады* (№ 92, 752).

6) *Два странника*. Еврейская сказка (№ 94, 749—750).

7) *Артемидоръ и Септимій*. Повѣсть (№ 95, 756—759 стр.).

8) *Маріана Шимо*. Повѣсть (№ 98, 778—780; № 99, 785—788 стр.).

9) *Четыре сестры*. Повѣсть (№ 100, 793—797, № 101, 801—805 стр., №№ 102—103, 809—812 стр.).

10) Историческая повѣсть. *Жоржъ Фицъ-Джеральдъ* (№ 104, 828—831 стр.).

Наконецъ, можно съ увѣренностью сказать, что перечисляемыя ниже прозаическія сочиненія, переведенныя съ нѣм. и англійск. языковъ и подписанныя буквою *Т.* или буквами *Тм.*, принадлежатъ Туманскому. Статьи напечатаны въ *Славянинъ* Воейкова за 1827 г. Дѣло въ томъ, что самъ издатель свои стихотворенія и статьи подписываетъ буквою *В.* и обозначаетъ мѣсто написанія *Дерптъ*; сотрудникъ *В. Тилло* подписываетъ свои статьи буквами *В. Т.* Туманскій же свои стихотворенія подписывалъ только одною буквою *Т.* (см. стихотв. *Пьсни изъ Гельти, Къ лунь, Кольцо* и др.).

Вотъ эти статьи:

1) *Часъ ночи или видѣніе* (изъ Нодье). № VIII, под. *Т.*

2) *Сусанна* (изъ Нодье). № IX, 132—137, подп. *Т.*

3) *Поле сраженія при Ватерло*. Подп. *Тм.* № XII, 220—227.

4) *Слезы Обергейма* (изъ Нодье) и *Розовый лавръ* (изъ Нодье). Подп. *Тм.* № XVI.

5) *Вечеръ наканунъ Новаго года, или Предвѣщанія*. Повѣсть Первая Подп. съ Англ. *Тм.* Часть пятая, отд. 2.

6) *О духовномъ краснорѣчьи въ IV вѣкѣ* (Изъ Веллеменя). Подп. *Пер.* *Тм.* № XXIX, 103—111 стр.

Въ заключеніе слѣдуетъ замѣтить, что Туманскій владѣлъ французскимъ, нѣмецкимъ и англійскимъ языками, такъ что съ этой стороны нѣтъ никакихъ препятствій къ тому, чтобы считать переводчикомъ названныхъ прозаическихъ сочиненій его.

Какъ бы то ни было, одно несомнѣнно: надо было продолжительное упражненіе въ прозаическомъ стилѣ, чтобы стать извѣстнымъ въ

качествѣ хорошаго стилиста. А такимъ прослыть В. И. Туманскій, на что имѣется доказательство ясное: ему поручено было составленіе исторіи Государственнаго Совѣта въ 1842 г.

Гр. Милорадовичу удалось получить отъ П. Я. Дорошенка рукопись Исторіи Государственнаго Совѣта, которую онъ напечатать, съ поправкою правописанія, расположенія частей дважды въ 1903 г., отдѣльно брошурою въ Черниговѣ и въ *Русскомъ Архивѣ* (№ 9, 1903 г.).

Секретарь Государственнаго Совѣта бар. Модестъ Андреевичъ Корфъ вотъ что писалъ В. И. Туманскому, поручая ему написать «Исторію Государственнаго Совѣта» (Отношеніе Государственной Канцеляріи 13-го сентября 1839 г. за № 605):.. «не подлежитъ сомнѣнію что чрезвычайно желательно имѣть *Исторію Государственнаго Совѣта*, составленную съ тою подробностію и съ тѣмъ достоинствомъ, которая соответствовали бы важности сего установленія въ общемъ порядкѣ Государственной Иерархіи... постепенное развитіе состава, круга и образа дѣйствія Совѣта, отъ политическаго кабинета, какимъ онъ былъ въ 1768-мъ году, отъ Центрального Комитета, въ который онъ обратился въ исходѣ минувшаго столѣтія, до высшаго Правительственнаго учрежденія по части законодательства, Государственнаго хозяйства и суда, какимъ онъ есть теперь; фазы этихъ переворотовъ; общая связь ихъ съ ходомъ прочихъ частей государственнаго управленія... многочисленныя засѣданія, означенныя присутствіемъ всероссійскихъ самодержцевъ; еще многочисленнѣйшія собственноручныя рѣшенія Ихъ по дѣламъ Совѣта; наконецъ галерея историческихъ именъ, принадлежащихъ къ его составу— все это *подъ искуснымъ перомъ* и изложенное не въ однихъ сухихъ догматическихъ формахъ, но *въ живомъ и съясномъ разсказѣ*— можетъ составить картину и поучительную и въ высокой степени занимательную...

«По неоднократнымъ засвидѣтельствованіямъ Правящаго должностъ Стасъ-Секретаря въ Департаментѣ Экономіи *объ отличномъ Вашемъ раеніи, дающемъ еще болѣе цѣны Вашимъ способностямъ*, и по соглашенію съ нимъ, избравъ Васъ, Милостивый Государь, къ совершенію сего важнаго труда, я вмѣстѣ съ симъ предписаль... открыть Вамъ Архивъ Государственной Канцеляріи въ полномъ его составѣ, съ оказаніемъ всего того содѣйствія, какое отъ начальства онаго зависѣть будетъ...»

Что Туманскій упражнялъ свое перо въ обыденной прозѣ, доказательства тому находимъ и въ его бумагахъ. Среди рукописей его, кромѣ обращенія къ крестьянамъ, уже намъ извѣстнаго, сохранился на полулистѣ отрывокъ безъ заглавія слѣд. содержанія:

«Если существуетъ родъ литературы, въ которомъ человѣкъ, такъ сказать, властвуетъ надъ писателемъ, въ которомъ жизнь дѣятельная должна укрѣплять и просвѣщать уединенныя (зачерк.: первон. домашнія) размышленія, то это конечно Исторія. Всѣ Историки Греціи были люди народные, исключая, можетъ быть, Геродота (зачеркн.

Поэта), нѣкоторымъ образомъ Поэта въ ту эпоху, когда Поэзія составляла политическую власть въ вѣка, если позволено такъ выразиться; въ ту эпоху, когда Солонъ, дабы заставить переменить одно постановленіе (зачеркн.: Законъ), приходитъ читать Элегію на Афинской площади.

«Начиная съ (этихъ зачеркн.) сихъ отдаленныхъ временъ, повсюду въ Греціи, встрѣчаете людей бывшихъ разомъ витіями (зачеркн. ораторами), полководцами и историками.—Даръ ихъ описывать и рассказывать рождается всѣми другими способами (зачеркн. дарами), всѣми другими упражненіями ихъ ума, посреди жизни общественной, безпокойной.—Въ Римѣ тотъ же характеръ; тотъ же (зачеркн. духъ) характеръ и въ шестнадцатомъ вѣкѣ, любопытномъ смѣшеніи подражанія древняго, часто рабскаго и оригинальности простосердечной и плодovitой; въ сей странѣ эпохи, когда (зачеркн. люди) по привычкѣ писали на латинскомъ языкѣ, когда писатели преобразались въ гражданъ Рима и когда, между тѣмъ, существовала въ высочайшей степени та жадность познаній, та жажда любопытства, та юность народа въ цѣломъ и въ отдѣльности, то растущее (зачеркн. усиливающееся) движеніе человѣческаго разума, которыми хвалится нашъ вѣкъ и которые влекли тогда столько великихъ людей къ столькимъ изыскательнымъ предпріятіямъ, къ столькимъ открытіямъ мысли, когда (зачеркн. если они) не могли они совершить ихъ на дѣлѣ, какъ Христофоръ Колумбъ: ибо духъ приключеній, осуществленный въ открытіи Колумба, есть характеръ не только дѣятельности, но и мысли въ 16 вѣкѣ.

«Имена историковъ, коихъ представляетъ намъ сія эпоха, Макіавель, Гвичардинъ, Давила, Фралаоло, де-Ту, напоминаютъ идею жизни «дѣятельной, соединенной съ литературнымъ умозрѣніемъ.—Всѣ они были людьми Государственными, Посланниками, Военачальниками, однимъ словомъ, дѣйствующими лицами въ обстоятельствахъ своего времени».

Это черновикъ статьи, такъ сказать, серьезнаго содержанія, отрывокъ изъ разсужденія объ историкахъ-писателяхъ. Кажется, не трудно догадаться, что основной идеей статьи было доказать, что историками первоначально были поэты, люди причастные литературѣ.

Сохранились слѣды и того, что Туманскій прозою писалъ и по вѣсти или пробовалъ писать.

На четверткѣ листа сохранился какъ бы планъ замышляемаго разсказа, при чемъ первое слово подчеркнуто: это нѣчто въ родѣ названія главы. А можетъ быть, и весь разсказъ долженъ былъ носить такое названіе.

Вотъ этотъ планъ:

«*Острогъ*. Сцена ночи въ тѣсной комнатѣ, ощущенія честнаго человѣка, запираемаго тамъ, больница, ужасныя мученія больныхъ—одинъ арестантъ молится Богу, обратясь на востокъ; другой, прощаясь съ ребенкомъ, крестить его на дорогу.—Остроговой старость.—

Цѣпи, солдаты, бунтъ и разбойническія рѣчи.—Воли. Два утонули бросаясь въ воду, когда по воду пошли.

«Я человекъ молодой, не битый. Одна сторона головы и бороды обрита.—Производство головы остриженія (?) надъ каждымъ Арестантомъ...¹⁾ острогу.»

Теперь слѣдуетъ поговорить о дѣятельности Туманскаго въ качествѣ издателя *Одесскаго Вѣстника*. Здѣсь онъ не мало поработалъ, какъ поденный прозаикъ. *Одесскій Вѣстникъ* началъ выходить съ 17 ноября 1823 г., т. е. вскорѣ послѣ прибытія туда Туманскаго. Выходилъ журналъ на французскомъ языкѣ. Можетъ быть, и въ этомъ журналѣ писалъ кое-какія замѣтки нашъ поэтъ, владѣвшій французскимъ языкомъ въ совершенствѣ. Но съ 5 января 1827 г. журналъ началъ выходить на двухъ языкахъ, русскомъ и французскомъ. Редакторами были: А. Левшинъ и В. Туманскій.

Просмотрѣвъ журналъ за 1827 г., мы полагаемъ, что перу нашего поэта принадлежать слѣдующія статьи и замѣтки.

Въ № 30 замѣтка о *Московскомъ Вѣстникѣ*, при перепечаткѣ 7-й главы «Евгенія Онѣгина» изъ 6-го № журнала. Замѣтка рекомендуетъ публикѣ прекрасный журналъ.

Въ № 77, вѣроятно, Туманскій напечаталъ замѣтку «*О хрустальномъ заводѣ Н. А. Бахметева*» въ с. Никольскомъ, Пензенской губ. Нашъ поэтъ былъ хорошо знакомъ съ семействомъ Бахметева и сыну его посвятилъ одно стихотвореніе.

Въ № 101 помѣщена замѣтка—обращеніе къ подписчикамъ «*Отъ издателей*». Ее писали, безъ сомнѣнія, совмѣстно Туманскій и Левшинъ. «Съ самаго начала сего предпріятія нашлись просвѣщенные сотрудники для облегченія нашихъ занятій; нашлись свѣдущіе цѣнители нашихъ предположеній и указаній, и лестные отзывы людей благомыслящихъ и покровительство главнаго начальства не переставали ободрять нашихъ трудовъ, обнаженныхъ отъ всякихъ видо-въ корысти и литературной извѣстности. Если бы знали читатели, съ какими скудными способами приступили мы къ нашему изданію, то немногіе изъ нихъ повѣрили бы возможности существованія онаго»...

Въ 1828 г. въ *Одесскомъ Вѣстникѣ* Туманскій, до отъѣзда въ Молдавію и Валахію, успѣлъ напечатать нѣсколько статей. Такъ, въ № 3 напечатанъ фельетонъ «*Парижскія зрѣлища*», составленный изъ писемъ двухъ путешественниковъ, изъ коихъ одинъ, подписавшійся А. Л., былъ А. Левшинъ. Письма писаны, несомнѣнно, къ Туманскому, который отъ себя написалъ нѣчто въ родѣ предисловія, исполненнаго чувства мѣстнаго патріотизма, какимъ дышать и нѣкоторыя его письма и статьи раннихъ годовъ. Водъ что читаемъ въ началѣ фельетона: «Любители театра и театральныхъ новостей будутъ намъ благодарны за сообщеніе имъ нѣкоторыхъ свѣдѣній о нынѣшнихъ зрѣлищахъ въ Парижѣ. Мы извлекаемъ оныя изъ писемъ двухъ

¹⁾ Одно слово нельзя разобрать.

Русскихъ путешественниковъ, изъ которыхъ одинъ принадлежитъ къ числу ревностнѣйшихъ сотрудниковъ *«Одесскаго Вѣстника»*. Отраднo видѣть, что милые наши соотечественники, въ шумномъ и блестящемъ Парижѣ (гдѣ, по словамъ Шатобриана, *изглаживается все, даже воспоминаніе*), нерѣдко обращаются мыслию къ теплому небу Одессы, которая теперь, какъ нарочно, засыпана снѣгами и трепитъ отъ мороза, на зло своей полуденной славѣ. Въ столицѣ всемирныхъ увеселеній, они вспомянули сердцемъ наши довольно скромныя забавы, и даже нашли возможность благосклонно сравнить нашу Итальянскую труппу съ Итальянскою труппою въ Парижѣ. Не правда ли, что нельзя поступить любезнѣе сего съ отсутствующими, и что наши друзья достойны общей признательности?—Да летятъ же къ нимъ на чужбину наши привѣты, и да сопровождаютъ ихъ тамъ добрыя мольбы и желанія Одесцевъ.

Въ послѣднихъ словахъ кто не узнаетъ лирическаго движенія нашего поэта?

Въ № 13 напечатанъ фельетонъ *«О Московскомъ Вѣстникѣ»*, принадлежащій, несомнѣнно, перу Туманскаго, котораго просили и Пушкинъ, и Погодинъ о сотрудничествѣ и распространеніи. Здѣсь ссылается авторъ на замѣтку въ 1827 г.

Ему же принадлежитъ передовая статья въ № 25—26 по поводу заключенія мира съ Персіей.

Его же инициаломъ (В) подписана статья въ № 28 *«Фоминъ по недѣльникѣ»*. Общій тонъ статьи, ея лиризмъ въ концѣ—все это напоминаетъ нашего поэта.

Принужденный оставить Одессу вслѣдствіе назначенія въ Молдавію и Валахію, Туманскій едва ли послѣ этого принималъ дѣятельное участіе въ журналѣ. Но его не забывали: въ фельетонѣ *«Поэзія»* (№ 12, 1829 г.) перепечатано изъ *«Московскаго Вѣстника»* (№ 1-й) стихотвореніе Туманскаго *«Пѣсня татарской дѣвы»*. Здѣсь нашъ поэтъ названъ «прежнимъ нашимъ сотрудникомъ».

Все вышесказанное едва ли оставляетъ какое-либо сомнѣніе въ томъ, что В. И. Туманскій, наряду со стихами, писалъ и прозою. Какъ очень образованный, хорошо знакомый съ западными литературами человекъ, онъ понималъ необходимость выработки легкаго, красиваго прозаическаго языка для русской литературы. Вотъ почему онъ такъ часто и много говоритъ о слогѣ и его выработкѣ въ первыхъ письмахъ къ С. Г. Туманской; вотъ почему онъ въ письмѣ къ Пушкину по поводу *«Московскаго Вѣстника»* восклицаетъ: «Да пусть у васъ прозой почаще пишутъ!»

Краткій обзоръ литературы о В. И. Туманскомъ.

Литература о В. И. Туманскомъ очень немногочисленна. Не называя библиографическихъ и энциклопедическихъ словарей и изданій, мы дадимъ здѣсь перечень всѣхъ наиболѣе цѣнныхъ упоминаній, оцѣнокъ и біографій нашего поэта. Наиболѣе раннее извѣстіе о Туманскомъ находимъ въ «*Письмъ къ графинь С. И. С. о русскихъ писателяхъ*» Плетнева, напечатанномъ въ *Съверныхъ Цвѣтахъ* на 1825 г. Замѣтка интересна потому, что въ то время еще не опредѣлилось то новое (романтическое) направленіе, котораго представителемъ считался нашъ поэтъ.—Переданный Никитенкомъ со словъ А. С. Норова анекдотъ о Пушкинѣ и Туманскомъ (Записки и Дневникъ. Спб. 1905 г., II т., стр. 240) не признаемъ вѣроятнымъ, потому что поступокъ нашего поэта противорѣчилъ всему существу его.

Въ 1858 г. гр. Г. А. Милорадовичемъ была издана брошюра: *Василій Григорьевичъ Туманскій* (Черниговъ, 1858, 48 стр. in 12), въ которой сказано нѣсколько словъ о Вас. Ив. Туманскомъ и приведено было нѣсколько стихотвореній его. Это было первое напоминаніе о нашемъ поэтѣ.

Брошюра не прошла незамѣченной. Въ *Русскомъ Словѣ* за тотъ же годъ, стр. 75—79, въ отдѣлѣ «Библиографіи» начинающій тогда еще писатель Всеволодъ Крестовскій (под. В—дъ К—ій) напечаталъ замѣтку о поэзіи Туманскаго Василія Ивановича и привелъ нѣсколько стихотвореній изъ альманаха *Съверные Цвѣты* на 1831 годъ. Это была первая критическая статейка о поэзіи Туманскаго.

23-го марта 1860 г. скончался Вас. Ив. Туманскій въ с. Апанасовкѣ, Полтавской губ., Гадяцкаго уѣзда. Сосѣдь его Петръ Ставницкій написалъ въ *Московскія Вѣдомости* (1860, № 91, стр. 711) письмо-некрологъ. Здѣсь сообщены цѣнныя свѣдѣнія о послѣднихъ годахъ жизни нашего поэта, и эта статья является первоисточникомъ. Въ примѣчаніи указано, что родился нашъ поэтъ 28 февраля 1801 года.

Тѣ же свѣдѣнія о годѣ рожденія и смерти повторилъ Геннади въ «Краткихъ свѣдѣніяхъ о русскихъ писателяхъ и ученыхъ, умершихъ въ 1860, 1861 и 1862 гг.» (*Русскій Арх.* 1864 г., вып. 5—6-й, 653 стр.)

Логиновъ въ биографіи Боратынскаго (*Русскій Ар.*, 1867 г., № 2, стр. 250) упомянулъ Туманскаго, какъ члена той семьи (плеяды) поэтовъ старшихъ и младшихъ, которая начала группироваться около А. С. Пушкина. Невѣжественный рецензентъ *Историч. Вѣстника* (1910 г.) въ разборѣ нашей монографіи «Къ вопросу о Пушкинской плеядѣ» (Варшава. 1909 г.), не зная статьи Логинова, упрекалъ насъ, почему мы О. М. Сомова отнесли къ ней. Если бы онъ зналъ статью Логинова, то не удивлялся бы нашему рѣшенію.

Въ 1873 г. появилась книга Н. В. Гербеля: *Русскіе поэты въ биографіяхъ и образцахъ*,—въ которой (стр. 329—331) отведено мѣсто и Вас. Ив. Туманскому. Здѣсь дана болѣе подробная биографія и оцѣнка литературной дѣятельности нашего поэта. Къ сожалѣнію, Гербель внесъ нѣсколько неправильностей. Годъ рожденія онъ отнесъ къ 28 февраля 1802 г. Извращено примѣчаніе редакціи *Сына Отечества* къ первому печатному произведенію нашего поэта «*Поле Бородинскаго сраженія*». Неправильно названы только *Сынъ Отеч.* и *Благонамѣренный*, въ которыхъ въ 1818—1819 гг. появились стихотворенія Туманскаго. Ничего не сказано объ одесскомъ періодѣ жизни нашего поэта. Ничего не сказано о прозаическихъ сочиненіяхъ его. Тѣ же свѣдѣнія повторены и въ послѣдующихъ изданіяхъ книги Гербеля.

Въ 1877 г. въ *Русскомъ Архивѣ* (изд. 3, 325 стр.) напечатаны отрывки *Изъ Одесскихъ воспоминаній* П. Т. Морозова. Въ этихъ отрывкахъ находимъ интересное сообщеніе изъ жизни поэта въ Одессѣ.

Въ 1881 г. появляется первое изданіе *Стихотвореній* В. И. Туманскаго; изданіе сдѣлано гр. Г. А. Милорадовичемъ, посвящено матери Софьѣ Григорьевнѣ, рожденной Туманской, и напечатано въ количествѣ 150 экземпляровъ. Въ этомъ изданіи находятся свѣдѣнія, правда, не всегда полныя и точныя, о родѣ Туманскихъ, о всѣхъ писателяхъ Туманскихъ, съ приведеніемъ стихотвореній Ѳедора Антоновича и Антона Антоновича Туманскихъ. Здѣсь же почти дословно повторена биографія Туманскаго Василія Ивановича, напечатанная въ упомянутой выше книгѣ Н. В. Гербеля; но годомъ рожденія названъ 1800-й.

Въ 1890 г. въ С.-Петербургѣ появилась книга: *Семейная Хроника*. Записки Аркадія Васильевича Кочубея 1790—1873 г. Въ этой книгѣ, написанной двоюродный братомъ и товарищемъ юности Туманскаго, сообщено много данныхъ о семействѣ нашего поэта и о немъ самомъ. Наиболѣе интересно сообщеніе о душевной болѣзни Ивана Васильевича Туманскаго, брата матери Кочубея, Елены Васильевны. Этотъ Иванъ Васильевичъ, вѣроятно, отецъ нашего поэта, но гр. Милорадовичъ ничего не говоритъ о родителяхъ его.

Въ 1890 г. появилась сперва въ журналѣ «Пантеонъ Литературы», а потомъ отдѣльной брошюрой наша статья «*Василій Ивановичъ Туманскій*». Натолкнувшись случайно на имя этого забытаго поэта, мы не могли сказать о немъ ничего новаго въ смыслѣ биографическомъ, но подробно рассмотрѣли *содержаніе* его поэзіи на основаніи «Сти-

хотворений», изд. въ 1881 г. и—это самое главное—указали на многія погрѣшности изданія: неполноту, неаккуратность датировки, отсутствіе вариантовъ, словомъ, всего того, что придаетъ изданію произведеній хоть сколько-нибудь научный и цѣнный видъ. По рукописямъ поэта напечатали нѣсколько новыхъ произведеній поэта, при чемъ, работая въ Нѣжинѣ, мы не могли навѣсти справокъ и потому допустили рядъ ошибокъ, о которыхъ говорено выше.

Но эта статья была началомъ нашихъ занятій не только Туманскимъ, но и другими поэтами «Пушкинской плеяды», занятій, принявшихъ широкіе размѣры (См. монографію «*Къ вопросу о Пушкинской плеядѣ*»).

Наша брошюра обратила вниманіе гр. Г. А. Милорадовича, съ которымъ у насъ завязалась сперва переписка, а затѣмъ и личное знакомство.

Моя брошюра побудила его подѣлиться съ публикою тѣми данными о Туманскомъ, которыя имѣлись въ его семейномъ архивѣ. Въ 1890 г. онъ началъ печатать въ *Черниговскихъ Губернскихъ Вѣдомостяхъ* (1890 г., №№ 84—102; 1891 г., №№ 1—15) письма Туманскаго къ его матери Софьѣ Григорьевнѣ Милорадовичъ (рожд. Туманской), которыя въ 1891 г. вышли отдѣльною книгою: *Письма Василія Ивановича Туманскаго и неизданныя его стихотворенія* (Черниговъ. 1891 г.) въ количествѣ 100 экземпляровъ. Кромѣ писемъ, въ этой книгѣ имѣется много приложеній: некрологъ, статья В. П. Туманскаго на смерть бар. Дельвига, ст. Всеволода Крестовскаго, нѣсколько стихотвореній А. Родзянка и неизвѣстныя произведенія Туманскаго, какія напечатали мы въ своей брошюрѣ. Эта книга обратила на себя должное вниманіе. На нее въ томъ же году появилась наша рецензія въ *Журналъ Мин. Нар. Просв.* (1891 г. октябрь); кромѣ того, въ *Кіевской Старинѣ* въ 1892 г. (№ 1-й, 164—166 стр.), нѣкто Z (Вас. Петр. Горленко?) написалъ рецензію, въ которой обратилъ главное вниманіе на бытовой и историческій интересъ писемъ Туманскаго. Пересказавъ кратко извѣстныя (послѣ Гербеля) событія изъ жизни поэта, рецензентъ останавливается на оцѣнкѣ поэтической дѣятельности Туманскаго. Какъ представляющая нѣкоторую оригинальность, подхваченную другимъ историкомъ литературы, и какъ служащая дополненіемъ къ предпосланному нами біографическому очерку, эта оцѣнка приводится здѣсь полностью: «Вѣрный послѣдователь пушкинской школы, Туманскій не лишень былъ поэтическаго таланта, стихъ его легокъ, нерѣдко образенъ. Во всѣхъ произведеніяхъ его просвѣчиваетъ благородный его характеръ и образованіе. Это—элегіи, посланія къ друзьямъ, сонеты, стихи въ альбомы и т. п. излюбленныя по формѣ, типичныя произведенія пушкинскаго вѣка русской поэзіи¹⁾».

«Литературную извѣстность Туманскому, больше чѣмъ его собственныя произведенія, сообщила одна посвященная ему строфа «Евгенія Онѣгина», въ которой Пушкинъ шутитъ надъ несуществующими

¹⁾ Курсивъ нашъ.

одесскими садами, воспѣтыми Туманскимъ. Стихотвореніе, къ которому относится эта строфа, называется *Одесса*.

О письмахъ сказано было такъ: «Изданныя нынѣ письма Туманскаго читаются какъ романъ, да онѣ и внушены нѣжнымъ и постояннымъ чувствомъ, которому предѣлы поставлены были, кажется, родственною близостью...

«Въ 1834 г. С. Г. Туманская ыходитъ замужъ. Нѣсколько ранѣе обрывается и переписка. Къ позднѣйшему времени относятся только два письма, которыя звучатъ какой-то грустной оглядкой на безвозвратно минувшую молодость»...

Въ заключеніи сдѣлана оцѣнка Туманскаго, какъ малоросса. Его причислил рецензентъ ко второму поколѣнію, когда все малороссійское стало синонимомъ простонароднаго...

Ни мы, ни г. Z. не могли касаться въ рецензіяхъ текста писемъ, не имѣя въ рукахъ оригиналовъ. Впослѣдствіи подлинники переданы были гр. Г. А. Милорадовичемъ въ Импер. Публ. Библіотеку, и сравненіе ихъ съ изданными побудило насъ переиздать письма: мы восполнили то, чего недоставало для научности и популяризаціи писемъ.

Въ 1893 г. вышли *Записки* Вигеля, въ которыхъ (ч. VI, стр. 119—120) удѣлено мѣсто Туманскому. На несправедливость отзыва Вигеля давно указана въ послѣдующей литературѣ.

Въ бумагахъ В. И. Туманскаго нашлись письма его друзей—Пушкина, Кюхельбекера, А. Бестужева, которыя были напечатаны нами въ *Русской Старинѣ* (1890 г. № 8) и гр. Милорадовичемъ въ *Русскомъ Архивѣ* (1890 г., № 8). Вслѣдъ затѣмъ нашлись еще новыя письма его друзей, которыя напечатаны въ *Кіевской Старинѣ* (1899 г., мартъ, 297—302 стр.) въ статьѣ Н. Ш. (Шугурова?) *Туманскій и Мицкевичъ*. Статья является довольно обстоятельнымъ комментариемъ къ печатаемымъ письмамъ К. О. Рылѣва и А. А. Бестужева-Марлинскаго. Мицкевичъ съ двумя пріятелями въ началѣ 1825 г. уѣзжалъ изъ Петербурга въ Одессу. Чтобы помочь польскому поэту въ незнакомомъ городѣ, Рылѣвъ и Бестужевъ рекомендовали Мицкевича Туманскому. Правильно оцѣнены письма, какъ матеріалъ для политическихъ воззрѣній Туманскаго: связь его съ декабристами внѣ сомнѣнія.

Къ столѣтію со дня рожденія нашего поэта вспомнили о немъ.

Въ 1900 г. въ Одессѣ въ *Вѣдомостяхъ Одесскаго Градоначальства* (№ 30) напечатана статья Н. Л. (Н. О. Лернера?) «Объ одесской жизни въ 20-хъ годахъ». Статья опирается на *Письма* 1891 г.

Въ № 68 той же газеты за тотъ же годъ напечатана новая статья того же автора (Н. Л.), подъ заглавіемъ: *В. И. Туманскій*.

Указавъ, что сорокъ лѣтъ минуло со дня смерти нашего поэта, авторъ находитъ несправедливымъ то, что его забыли. Напомятая біографію (годомъ рожденія считается 28 февраля 1800 г.), представляющую повтореніе біографіи, приложенной къ *Стихотвореніямъ* 1881 г., авторъ внесъ поправки. Такъ исправляется указаніе, будто Туманскій познакомился съ Пушкинымъ во время разѣздовъ по Бессарабіи.

Отмѣчается несправедливость отзыва Вигеля о нашемъ писателѣ. Новымъ является изображеніе отношеній Пушкина къ Туманскому въ Одессѣ; указано на участіе въ изданіи *Одесскаго Вѣстника*.

Невѣрнымъ и сомнительнымъ въ этой статьѣ оказалось указаніе на то, будто Туманскій ухаживалъ за Ризничъ и будто онъ находился на службѣ до 1850 г.

Въ заключеніи о поэзіи Туманскаго наговорено много невѣроятнаго, напримѣръ о жгучести его поэзіи, о пылкости и живости поэта и т. п.—все это противорѣчитъ дѣйствительности. Въ 1902 г. на страницахъ *Русскаго Вѣстника* (№ 2-й, 544—563 стр.) напечатана довольно обстоятельная статья г. Саводника, подъ заглавіемъ: *Забывтый поэтъ Пушкинской плеяды, Василь Ивановичъ Туманскій*.

Статья заключаетъ подробное разсмотрѣніе произведеній поэта въ связи съ біографіей. Въ основу статьи положена мысль, высказанная г. З. въ *Кіевской Старинѣ* о типичности Туманскаго, какъ поэта «Пушкинской плеяды».

Вступленіе заключаетъ дѣльную мысль о необходимости точнѣе опредѣлить понятіе «Пушкинская плеяда». Статьѣ вредитъ несчастная мысль, что Туманскій послужилъ для Пушкина поэтической моделью Ленскаго, несчастная потому, что противорѣчитъ взгляду Пушкина на своего друга и характеру послѣдняго.

Послѣднюю статью надо считать нашу замѣтку «*Новые матеріалы для біографіи В. И. Туманскаго*» (*Жур. Мин. Нар. Пр.* 1905 г., № 5, 101—123 стр.).

Въ своемъ біографическомъ очеркѣ, приложенномъ къ настоящему изданію, мы старались сгруппировать все доселѣ извѣстное о Туманскомъ, пополнивъ свѣдѣнія о его ученіи въ Петропавловскомъ училищѣ, о дѣятельности въ Обществѣ Любителей просв. и благотворенія.

Алфавитный списокъ стихотвореній по заглавіямъ.

А
А. А. К. 122.
Акростихъ, 120.

Б
Большое дитя. 104.
Большой пѣвецъ. 125.
Болѣзнь. 130.

В
Вертеръ къ Шарлотѣ. 63.
Веселый часъ. 57.
Видѣніе. 99.
Воспоминаніе (Когда потухнетъ ясный
день). 57.
Воспоминаніе (Меня Парнасскій богъ).
118.
Въ Альбомѣ №№ 155.
Въ Альбомѣ С. Г. Туманской. 90.
Вѣкъ Елизаветы и Екатерины. 111.

Г
Гимнъ Богу. 86.
Глушцы. 165.
Гондольеръ и Поэтъ. 166.
Греція. 156.
Гречанкѣ. 169.
Греческая ода. 127.

Д
Двѣ звѣздочки. 129.
Двѣ пѣсни. 201.
Домъ на Босфорѣ. 208.
Дубъ говоритъ. 204.
Дубъ и Роза. 195.
Дѣва. 207.
Дѣвушка влюбленному поэту. 131.

Е
Е. М. К. 85.

Ж
Жалоба (Гдѣ прежнихъ думъ огонь).
212.
Жалоба (Тихо въ уголкѣ прижавшись...)
104.
Желаніе. 124.
Женщины. 124.

З
Звено. 193.
Земныя блага. 56.
Зенеидѣ. 118.

И
Идеаль. 177.
Императрицѣ Маріи Ѳеодоровнѣ. 71.
Имя милое Россіи. 189.
Истина. 77.

К
Картина Жиродета. 76.
Кольцо. 175.
Куплеты еврея. 133.
Къ А. Ѳ. В. 141.
Къ Агатону. 65.
Къ Аделаидѣ. 72.
Къ Алиинѣ. 61.
Къ Арк. Вас. Кочубею. 84.
Къ брату-воину. 87.
Къ брату изъ деревни. 85.
Къ Деліи. 77.
Къ друзьямъ дѣтства. 58.
Къ кн. Н. А. Цертелеву. 114.
Къ лунѣ. 179.
Къ N.N. (Пусть откровенный Вашъ поэтъ).
94.
Къ Н. (Твой милый взоръ). 135.

Къ ней. 116.
 Къ портрету (Весьма забавный онъ разскащикъ). 165.
 Къ портрету Е. В. К—ой. 68.
 Къ портрету Е. М. К. (Дыша для радости). 81.
 Къ портрету Е. М. К. (При видѣ сладостно-мъ ея улыбки). 82.
 Къ портрету N. N. 105.
 Къ портрету пригожей дѣвушки. 68.
 Къ С*** (Отъ первой юности). 143.
 Къ сестрѣ. 93.
 Къ Сидевилу. 96.
 Къ Юлиі. 73.

Л

Лауринъ источникъ. 59.
 Люди и судьба. 211.
 Людмила и Эльвира. 222.

М

Мадригаль (Вы все имѣете). 63.
 Май. 110.
 Манценья. 124.
 Милой дѣвѣ (Другимъ судьба послала). 99.
 Милой дѣвѣ (Твоею памятью...). 88.
 Милой дѣвѣ (Ты нѣжнымъ вздохомъ). 108.
 Младость. 175.
 Могила. 219.
 Мольба. 143.
 Монастырь. 50.
 Моя любовь. 136.
 Моя мысль. 64.
 Музы. 100.
 Мысль о Сѣверѣ. 192.
 Мысль о югѣ. 191.

Н

Н. Н. 174.
 Н. Н. Б. 149.
 Надгробная пѣсня. 60.
 Надпись къ портретамъ. 140.
 Надпись на пристани. 81.
 На кончину Р. 150.
 На новый годъ. 50.
 На память Веневитинова. 172.
 На память Маріи. 117.
 На разлуку. 89.
 Неаполь, прощай! 205.

О

Ободреніе. 181.
 Одесса. 117.
 Одесскимъ друзьямъ. 162.

О себѣ. 92.
 Отзывъ сердца. 72.
 Отрады недуга. 210.
 Отроковицѣ. 196.
 Отрывокъ (Таковъ я былъ). 166.
 Отрывокъ (Отходить корабль). 222.

П

Паденіе листьевъ. 105.
 Pensée. 154.
 Поле Бородинскаго сраженія. 45.
 Портретъ. 186.
 Постоянство. 126.
 Post-scriptum. 147.
 Похвала во время. 139.
 Поэзія (Въ приотѣ мудреца). 148.
 Поэзія (Ея гармонія святая). 172.
 Поэту. 204.
 Прекраснымъ глазамъ. 173.
 Приглашеніе. 195.
 Признаніе стыдливаго любовника. 75.
 Пчелка. 80.
 Пьянство. 174.
 Пѣвецъ (Вино и пѣсни). 219.
 Пѣвецъ (Когда на Русь готовилъ...) 82.
 Пѣвица. 190.
 Пѣсенка. 149.
 Пѣсня (Другъ веселій неизмѣнный). 157.
 Пѣсня (Любилъ я очи голубыя). 217.
 Пѣсня (Не стѣсняйте стономъ грудь). 180.
 Пѣсня Татарской дѣвы. 158.
 Пѣсня (Юная фіалка). 55.
 Пѣснь въ честь Марка Бацариса... 221.
 Пѣснь любви. 160.
 Пѣснь чернаго витязя. 187.

Р

Разговоръ. 71.
 Романсъ (Аслега, другъ преступной). 69.
 Романсъ (Когда все пируетъ). 186.
 Романсъ (Прости, Иснель). 66.

С

Сашѣ Казначееву. 132.
 Слабость. 52.
 Слеза. 146.
 Сонетъ (Не льстивыхъ словъ обдуманной отравой). 145.
 Сонетъ (Она прошла, моя весна). 171.
 Сонетъ (Осмѣлился тебѣ сонетъ я написать). 66.

Сонетъ (Пусть люди отнять мое достоя-
нне). 214.

Софіи. 162.

Софѣѣ (Въ кругу приверженныхъ по-
другъ). 91.

Софѣѣ (Въ минуту празднаго досуга). 93.

Софѣѣ (Прощай, живи). 92.

Софѣѣ (Ты рождена быть образцомъ). 108.

Спаси меня. 184.

Стансы (Ни думъ благихъ). 192.

Стансы къ Аркадію. 97.

Стансы къ другу. 61.

Стансы къ N. N. 167.

Стансы юной дѣвы. 182.

Стихи, вырѣзанные на корѣ вяза. 55.

Strand-Weg. 197.

Странное дѣло. 73.

Судьба. 190.

Судьба цвѣтовъ. 70.

Счастливая смерть. 221.

Счастливый путь. 56.

Сѣтованіе. 150.

Т

Три цвѣта. 178.

13 Августа. 116.

Торжество поэта. 98.

Тоска по родинѣ. 54.

Ч

Ченерентола. 185.

Черная рѣчка. 102.

Что есть Амуръ? 69.

Ш

Шарады (Вамъ первое мое). 64.

Шарады (Начальное мое въ Италіи одной).
139.

Шарады (Начальное мое...). 68.

Э

Элегія (Какъ звонкое журчаніе Салгира).
121.

Элегія (Любовь есть жизни сладострастье).
67.

Элегія (На грозномъ океанѣ свѣта).
137.

Элегія (Напрасно тоскуешь). 83.

Элегія (На скалы, на холмы глядѣть).
135.

Элегія (Не вѣдаетъ мудрецъ надменный).
153.

Элегія (Не долго радость окрыляетъ).
107.

Элегія (Не озабоченъ жизнью я). 145.

Элегія (Почто несется скорби стонъ).
79.

Элегія (Туда, туда, гдѣ нѣтъ снѣговъ).
200.

Эпиграмма (Бѣда намъ). 75.

Эпиграммы (Взяните, какъ Артуръ).
220.

Эпиграмма (Въ досадѣ на забвеніе свѣта).
118.

Эпиграмма (Давно ли въ шелковыхъ
чулкахъ). 171.

Эпиграмма (Дитя пастушеской натуры).
105.

Эпиграмма (Его твореніе скукой дышетъ).
77.

Эпиграмма (Зачѣмъ надъ Гильевымъ
смѣешься ты). 121.

Эпитафія. 174.

Эпитафія И. П. А. 174.

Эпитафія (Служилъ полвѣка). 140.

Ю

Юліи. 107.

Юной прелестницѣ. 88.

Указатель именъ.

А	Б
А. И. П. 174.	Б. Смарандика. 312.
А—гъ М. В. 205.	Багратионъ. 47.
Аврора. 74.	Базиль (Basile). 228, 229, 230, 231, 232, 239, 240, 241, 247, 250, 252, 260, 265, 270, 272, 274, 276, 277, 279, 287, 289, 291, 299, 308, 317.
Агатонъ. 165, 332.	Байронъ. 115, 221, 290, 317, 384, 393.
Агнесса. 253.	Байрончикъ. 340.
Адамъ. 259.	Барантъ. 290, 394.
Аделаида. 72, 333.	Баратынскій. Е. 33, 38, 214, 299, 303, 305, 395, 412.
Аксаковъ, И. С. 383.	Barbe. 231.
Аксаковъ, С. Т. 27.	Барсуковъ. 396.
Актеонъ. 124.	Бартевель, П. 328, 395.
Аладьинъ, 344, 363, 373.	Батюшковъ. 33, 389.
Александра Ѳеодоровна, императрица. 290, 294, 383.	Бахметевъ, Н. А. 409.
Александръ I, императоръ. 22, 47, 285, 286, 393.	Бахметевъ, Н. Н. 149, 286, 361, 369.
Алина. 61, 331.	Бахтинъ. 22.
Альбертъ и Корентина. 406.	Бахусъ. 53.
Аль-Моранъ. 188.	Башмакова, Вар. Ар. (Суворова). 392.
Аминтъ и Хлоя. 332.	Башмаковъ, Д. 276, 392.
Амуръ. 69, 95, 244, 268, 333.	Безакъ. 27.
Анакреонъ. 346.	Бенкендорфъ. 302.
Аникита (кн. Ширинскій-Шихматовъ). 389.	Бергенъ (Bertin). 237.
Анненковъ. 371.	Бестужевъ (-Марлинскій), А. 11, 15, 17, 23, 32, 244, 274, 282, 328, 336, 339, 351, 388, 392, 414.
Аполлонъ. 38, 98, 165.	Бестужевъ-Рюминъ, М. 384.
Араго. 9.	Бетховень. 186.
Ардальонъ. 291.	Бибиковъ. 302.
Аристъ. 75.	Биньонъ. 384.
Аріостъ. 389.	Бларамбергъ. 27.
Аркадій. 229, 230.	Бларамбергъ, Елена. 26, 27, 257.
Аридтъ. 315, 397.	Бламбарергъ, Зенеида. 26, 27, 257, 248
Артемидоръ и Септимій (повѣсть). 406.	Блудова, А. Д., графиня. 23.
Артуръ. 220.	
Архипъ. 139.	
Аслега. 66, 69.	
Аспазія. 257, 389.	
Афродита. 170.	

Бобрякъ, 335.
 Богдановичъ, поэтъ. 305.
 Богить, господинъ. 403.
 Бопарисъ, Маркъ. 221, 384.
 Бригенъ фонъ-деръ, А. О. 321, 323, 398.
 Бригенъ, Мар. Ав. 1, 399.
 Браницкая граф., А. В. 17, 262, 391.
 Брокгаузъ (и Ефронъ), издатели. 389.
 Броуновъ, Ф. баронъ. 17, 18, 26.
 Брылангъ. 142.
 Voiste. 249.
 Булгаринъ, О. В. 13, 274, 323, 333, 349, 392.
 Бурнашевъ. 331.
 Бутеневъ, Ап. 20.
 Бутурлина, Е. М. 292, 335, 397.
 Бутурлинъ, Д. П. 260, 335, 386, 388, 390.
 Бычковъ, И. Аф. 5.

В

В. 288, 324, 331, 333, 334, 335, 341, 363, 369, 372, 373, 374, 382, 403, 404.
 В., А. О. 141, 357.
 Вакхъ. 53, 141.
 Валентиновичъ, Т. И. (Зубова). 394.
 Вальтеръ-Скоттъ. 241, 390.
 Варвара Николаевна. 291.
 Василий Васильевичъ. 290.
 Василий Николаевичъ. 238.
 Василий (Полынь). 92, 249, 266, 268, 303, 304.
 Васинька. 279, 298.
 Веберъ. 390.
 Вейсе. Ив. Фил. 8.
 Веллемень. 406.
 Вельтманъ, А. О. 357.
 Венгеровъ, С. А. 19, 396.
 Веневитиновъ. 33, 38, 172, 368.
 Вергилий. 206, 380.
 Вердеревскій. 33.
 Вернетъ. 402.
 Верстовскій. 134, 270.
 Вертеръ. 37, 63, 331.
 Весинъ, 38, 367, 368, 369.
 Вигель. 17, 27, 28, 29, 31, 352.
 Витгенштейнъ. 295.
 В—ій. 369.
 Владиславлевъ, издатель альманаха. 379.
 Влодекъ, Ел. Мих. (графиня Завадовская). 394.
 Воейковъ, А. О. 32, 323, 333, 341, 344, 352, 357, 406.
 Войнаровский (поэма). 345.
 Волконскій, С. Гр. 391.
 Вольтеръ. 12, 97, 243, 305, 387.
 Воронцова, Ел. К., графиня. 262, 274, 389.

Воронцовъ, М. С. графъ. 15, 16, 17, 18, 26, 251, 262, 269, 281, 285, 301, 323, 355, 390, 391, 393, 394, 395, 396.
 Воронцовы. 26, 352.
 В. р. ст. въ, Д. 340.
 Вяземскій, П. А. кн. 13, 33, 214, 253, 302, 345, 380, 383, 389, 394.

Г

Гвельфы. 319.
 Гвичардинъ. 408.
 Гейне. 34.
 Гельти. 180, 181, 372, 406.
 Геннади. 411.
 Henri de Latouche. 396.
 Генрихъ IV-й. 390.
 Гербель, Н. В. 1, 34, 327, 328, 356, 359, 360, 372, 374, 376, 412.
 Гердеръ. 80.
 Геродотъ. 407.
 Гете. 56, 380.
 Гибелины. 319.
 Гикъ. 26, 257, 389.
 Гильевъ. 121, 340, 348.
 Гипшъ, Софія. 26, 257.
 Глинка, О. Н. 11, 12, 214, 302.
 Гоголь. 383.
 Голицынъ, Вас. кн. 397.
 Гомеръ. 404.
 Гончарова, Н. Н. (Пушкина). 397.
 Горчаковъ, кн. 397.
 Граббе, Ек. Ев. (Ролле). 397.
 Граббе, Ел. Мих. (Скоропадская). 397.
 Граббе, П. Х. ген. 318, 397.
 Гречъ, Н. И. 12, 13, 274, 301, 346, 392.
 Грибоѣдовъ, А. С. 13, 252.
 Гурьевъ, графъ. 26.

Д

Давила. 408.
 Damiens. 319.
 Дашковъ, П. Я. 323.
 Дейкунъ, И. Л. 327.
 Делія. 61, 77, 334.
 Дельвигъ, баронъ. 13, 33, 356, 374, 405.
 Де-Рибасъ, Л. М. 17, 24, 28, 352, 359.
 Державина, Д. А. 12.
 Державинъ, Г. Р. 12, 13, 111, 113, 345, 346.
 Де-Ту. 408.
 Дибичъ, графъ. 18.
 Діана. 76, 124, 170, 179.
 Дюнь-Жуанъ. 278.
 Дорошенко, П. Я. 327, 323, 407.
 Дюрова, актриса. 404, 405.

Е

Ежовскій, полякъ. 15.
Екатерина Бел. 13, 22, 111, 112, 345.
Елена Васильевна. 293.
Елизавета Алексѣевна, императрица. 295, 394.
Елизавета Петровна, императрица. 13, 111, 345.
Ельвира. 222, 284.
Ермоловъ, А. П. 252, 389.
Ефремовъ. 14.

Ж

Жанна д'Аркъ (Jeanne d'Arc). 290.
Жерье, генераль. 310.
Жеромъ. 253.
Жиродеть. 9, 76, 334.
Жоржъ Фицъ Джеральдъ. 406.
Жуковский, В. А. 23, 33, 93, 244, 299, 316, 338, 397.
Жюли (Julie). 227, 228, 231, 232, 237, 241, 249, 255, 260, 265, 266, 267, 270, 274, 277, 280, 283, 287, 291, 296, 298, 300, 308, 311, 313, 315, 317, 319, 386.

З

З (Z). 413, 414, 415.
Завадовская, Ел. М. (Влодекъ). 394.
Зайцевскій, Е. П. 282, 393.
Зандъ. 250.
Зарина. 124, 125.
Зевесъ. 204.
Зенеида. 18, 348.
Зонтагъ. 26.
Зубовъ, В. П. 394.
Зубова, Т. Игн., княгиня (Валентинова). 292, 394.
Зубовъ, Пл. Ал., князь. 394.

И

И. 331.
И. А. 358.
Измайловъ, А. Е. 10, 13, 331.
Иснель. 66, 69.

I

...ий. 350, 357, 367.

К

К., А. А. 122, 349.
К., Е. М. 81, 82, 85, 248, 335.
К-а, Е. В. 68, 332.
Казначеева, В. Д. 28, 29, 129, 351, 352.
Казначеевъ, Александръ. 28, 132, 355.

Казначеевъ, Алек. Иван. 17, 26, 27, 301, 351, 395.
Казначеевы. 28, 352, 355.
Камены. 100, 125.
Кантъ. 92, 236.
Капнисть. 303, 307, 395.
Карамзина, Е. А. 383.
Каралскали. 221, 384.
Карлъ. 49.
Катъка. 227, 228.
Кирико, Констанція. 26, 257.
Кирѣвскій, И. 33.
Киселева, С. Ст. (Потоцкая). 272, 391.
Киселевъ, П. Д. графъ. 18, 19, 313, 397.
Козловъ, И. И. 394.
Колумбъ, Христофоръ. 408.
Комбурлей, А. А. 292, 293, 394.
Комбурлей, Е. М. (Бутурлина). 335, 360, 388, 390, 394.
Комбурлей, Кат. М. 292, 394.
Константинъ Павловичъ. 294, 295.
Коншинъ. 32, 353.
Копыловъ (В. К—въ). 332.
Корниловичъ, А. О. 11, 13, 274, 392.
Корсакова (Голицына). 397.
Корсаковы. 319.
Котляревскій, И. П. 12.
Корфъ, М. А. 21, 407.
Кочубеева, Е. В. 68, 332.
Кочубей. 16, 20, 234, 313, 328, 393, 396.
Кочубей, Ал. Вас. 162, 235, 243, 248, 249, 292, 313, 314, 315, 387, 394, 397.
Кочубей, Арк. Вас. 12, 84, 97, 228, 228, 244, 293, 310, 311, 333, 335, 337, 338, 363, 386, 387, 388, 392, 393, 394, 396, 397, 412.
Кочубей, Варв. Ник. 386,
Кочубей, Вас. Вас. 394.
Кочубей, Вик. П. 13, 16, 251, 293, 389, 397.
Кочубей, Дем. Вас. 16, 248, 291, 293, 315, 317, 319, 394, 397.
Кочубей, Ел. Вас. 248, 263, 332, 388, 412.
Красовскій, А. И. 343.
Крестовскій, Вс. (В. К-ий). 370, 373, 375, 411, 413.
Круглый, А. О. 5.
Кубасовъ, И. А. 5.
Кузень, 9.
Кушидонъ. 95.
Куракинъ, кн. 238.
Курдюкова. 27.
Курута, графъ. 295.
Кюхельбекеръ, В. К. 9, 11, 14, 20, 252, 329, 389, 414.

Л

Л., Аделаида. 63, 331.
Л., Н. 414.

Лаиса. 257.
Лаура. 59.
Ламартинъ, А. 405.
Ланжеронъ, графиня. 266.
Ланжеронъ, графъ. 26, 266, 391.
Лебрень. 61.
Леверъ, актриса. 404.
Левшинъ, Ал. Ир. 17, 29, 274, 302, 392, 401, 409.
Лексъ, М. И. 17.
Лемерсье (Lemercier). 241.
Ленскій. 34, 415.
Леонтьевъ. 21.
Лернеръ, Н. О. 362, 380.
Лиза. 291, 293,
Лилета. 166.
Лилия. 66.
Лимперани. 253.
Лиранди. 27, 28, 352.
Логиновъ. 21, 412.
Ломоносовъ. 111.
Лувель. 250.
Лука. 139.
Людмилъ. 222.
Людвикъ. 390.
Лященко, А. I. 5.

М

Магометъ. 158.
Майковъ, В. В. 5.
Майковъ, Л. Н. 37, 39.
Малевскій. 15.
Марини. 26.
Марія. 117, 347, 348.
Марія Ѳеодоровна, императрица. 71, 333, 383.
Маркевичъ. 24.
Мармонтъ. 292.
Маша. 81.
Марья Александровна. 263.
Маурова, Е. В. 281, 297, 388, 394,
Мауровъ, А. Ив. 249, 263, 264, 283, 297, 298, 388, 391, 394.
Мегюль. 390.
Медоръ. 60.
Менюковы. 323.
Мерзляковъ, А. Ѳ. 346.
Мерлинъ. 307.
Меценатъ. 112.
Мещерскій, кн. 374, 376.
Миклашевская, Ул. 293, 309, 394, 396.
Миклашевскій, П. М. 397.
Мишинъ. 340, 341.
Милорадовичъ, А. Гр. 321, 396, 397.
Милорадовичъ, Гр. А. I, 2, 4, 5, 327, 328, 335, 337, 338, 343, 344, 345, 355, 358, 377, 378, 383, 384, 386, 387, 396, 399, 411, 412, 413, 414.

Милорадовичъ, С. Гр. (Туманская). 1, 14, 15, 16, 17, 18, 36, 320, 321, 328, 398, 399, 413, 414.
Мильвуа. 77, 105, 124, 334, 342, 350.
Миерва-Капнисть. 303.
Мирра. 187, 188.
Михаилъ Павловичъ, цесаревичъ. 294, 295.
Михайло Ѳеодоровичъ. 319.
Мицкевичъ, А. 15, 33, 328, 348.
Мличани. 18, 317.
Могиланскій. 307.
Модзалевскій, Б. Л. 5, 389.
Монтень. 388.
Монтескье. 388.
Морали. 24.
Морозовъ, П. Т. 27, 412.
Моцартъ. 35.
Мурзакевичъ. 352.
Мурузи, княгиня. 26, 257, 389.
Муръ. 253.
Mousman. 277.
Мухановъ, П. А. 266, 391.
Мятлевъ. 27.

Н

Н. 135, 356.
Н. Н. 144, 369.
Нарышкина, Ел. Ал. (Суворова). 392.
Нарышкина, Ольга (Потоцкая). 262, 263, 265, 272, 301, 356, 391.
Нарышкинъ, Л. А. 26, 391.
Нелуско. 125.
Никитенко. 32, 411.
Никитинъ, А. А. 10, 11.
Николай I-й, импер. 21, 22, 294, 295, 393.
Нина. 60.
Нодье. 406.
Норовъ, А. С. 411.
Нуликовъ. 105, 341.

О

О., З. А. 343.
Овидій. 244.
Одоевскій, В. Ѳ. князь. 394.
Ознобишинъ. 351, 356, 395.
Оленинъ. 21.
Огъгинъ, Евгений (романъ Пушкина). 311, 347, 371, 409, 413.
Опочинина, Ал. Ѳед. 398.
Орлова, графиня. 291.
Остолоповъ. 307.

П

П. Е. П., графиня. 154, 363.
Павель I. 22.
Паленъ, П. П. графъ. 19, 301, 304.
Панаевъ, В. 395.
Парни. 67, 237, 387, 403.

Пестель, П. И. 293, 394.
 Петрарка. 59.
 Пиго де-ле Брюнь. 403, 441.
 Пиксановъ, Н. К. 5.
 Плетневъ, П. А. 31, 32, 33, 349, 411.
 Погодинъ, М. П. 302, 304, 305, 306, 396, 410.
 Подолинскій. 33.
 Порфирьевъ. 374.
 Потемкина, Ел. П., графиня (Трубецкая). 278, 284, 290, 363, 392.
 Потемкинъ, С. П., графъ. 338, 363, 387, 392.
 Потоцкая, О. Ст. 26, 391.
 Потоцкая, Соф. Ст. 391.
 Потье, актеръ. 404.
 Пражевскій, Н. Пр. 307, 308, 396.
 Пушкина, Н. 310, 397.
 Пушкинъ, А. С. 1, 13, 14, 23, 24, 26, 27, 28, 31, 32, 33, 34, 35, 37, 38, 150, 234, 244, 250, 252, 299, 301, 304, 306, 310, 311, 316, 362, 366, 367, 368, 371, 372, 375, 380, 383, 387, 388, 389, 393, 394, 395, 396, 397, 401, 410, 411, 412, 413, 414, 415.
 Пушкинъ, А. С. 32.
 Пущинъ. 394.

Р

Р. 150, 361, 362.
 Р. П. И. 331.
 Радзивилль, кн. 387.
 Раевская, Елена Н. 372, 391.
 Раевская, Марія Ник. 262, 372, 391.
 Раевскіе. 255, 262, 389, 391.
 Раевскій. 301, 306.
 Раевскій, Алекс. 258, 395.
 Раевскій, Н. Н. 391, 392, 395.
 Райчъ, С. Е. 253, 351, 356, 372, 389, 395.
 Рахманова, Вар. Ник. (Кочубей). 386.
 Реббека. 405.
 Ренкевичъ. 306.
 Ризничъ Ам. 25, 256, 269, 389, 395, 415.
 Ризничъ (вторая жена). 301
 Ризничъ Ив. 301, 395.
 Ринальдъ. 166.
 Риттеръ. 305.
 Ришиль. 391.
 Родзянка, Арк. Г. 244, 249, 250, 283, 353, 354, 355, 388, 413.
 Родзянка, Порф. Г. 244, 388.
 Родофиникинъ. 20.
 Розень, Е. О., баронъ. 328, 372.
 Рокселана. 404.
 Ролле, Ек. Евст. (Граббе). 397.
 Романовичъ, В. 348.
 Романовскій, Н. В. 239, 387.

Россини. 24, 390.
 Руссо. 243, 387, 388.
 Рыгъевъ, К. О. 11, 13, 15, 23, 32, 274, 282, 292, 328, 336, 339, 345, 351, 388, 392, 394, 414.

С

С. И. графиня. 92, 411.
 Савари. 403, 404.
 Саводникъ. 34, 38, 337, 338, 346, 350, 380, 381, 415.
 Саитовъ, Вл. И. 5, 13, 345, 395.
 Сакень. 295.
 Саладинъ. 252.
 Сальери. 35.
 Самойловъ, А. Н., графъ. 391.
 Са—о—въ, Д. 332.
 Сандрильона. 185.
 Санковский, Д. А. 333, 396.
 Сатина, О. Ив. 39, 398, 399.
 Сатинъ, Аркадій. 39, 398, 399.
 Сатинъ, Василій. 399.
 Сатинъ, Ив. Вас. 399.
 Сатинъ, Мих. 39, 398, 399.
 Сатинъ, Ник. Вас. 39, 398, 399.
 Сатинъ, Сергій Вас. 39.
 Сатини. 39.
 Sevigné. 350.
 Сегюръ. 249, 388.
 Семевскій. 14.
 Saint-Preux. 244, 268.
 Сергъевъ, А. 371.
 Сидевилль. 96.
 Сизанъ. 404.
 Сиявинъ. 26.
 Скальковскій. 24.
 Скоропадская, Ел. М. (Граббе), 397.
 Смирнова, А. О. 217, 383.
 Смирновъ, Н. М. 383.
 Смитъ. 253.
 Собанская. 301.
 Собанскіе. 395.
 Соболевскій, С. А. 303, 395.
 Солонъ. 408.
 Сомовъ, О. М. 10, 13, 54, 330, 364, 385, 401, 402, 412.
 Срезневскій, В. И. 5.
 Ставицкій, П. 40, 411.
 Standt и Shaal. 298.
 Степановъ, Ст. 343.
 Строганова, Ан. Дм., графиня. 386.
 Строгановъ, баронъ. 295.
 Стурдза, Ал. Скар. 26.
 Суворовъ, Ар. Ал., князь. 392.
 Суворинъ, А. С. 2.
 Сумцовъ, Н. О. 355.

Т

- Т. 285, 292, 333, 355, 356, 357, 361, 357, 361, 363, 365, 366, 369, 371, 372, 403, 406, 406.
- Т., В. 331, 332, 334, 336, 338, 341, 352, 380, 403, 404, 405, 406.
- Танкредъ. 166.
- Тассъ. 205, 380, 389.
- Татищевъ, графъ. 295.
- Татьяна (изъ «Евг. Онѣг.»). 311.
- Тепляковъ, В. 33, 380.
- Терпсихора. 64, 169.
- Тибулъ. 61.
- Тидге. 45.
- Тизифона. 46.
- Тилло, В. 406.
- Титовъ. 302.
- Т—ий, В. 331, 332, 352, 380.
- Тм. 406.
- Трубецкая, Ел. П., княжна. 361, 392.
- Туманская, Александра. 321.
- Туманская, Анна Иван. 237, 245, 249, 293, 299, 324, 386, 399.
- Туманская, Е. В. 332.
- Туманская, М. А. 321, 322, 398, 399.
- Туманская, Оп. Ив. 263, 281, 283, 289, 293, 296, 300, 308, 309, 311, 317, 388, 398, 399.
- Туманская, С. Гр. 83, 89, 90, 91, 92, 93, 108—110, 143, 227, 229, 230, 232, 235, 237, 239, 240, 242, 245, 247, 249—250, 253—273, 275—280, 282—300, 303, 307—319, 323, 328, 333, 334, 335, 337, 338, 344, 345, 347, 349, 350, 351, 353, 355, 358, 359, 361, 362, 363, 365, 377, 386, 388, 389, 391, 392, 393, 394, 395, 396, 397, 398, 399, 410, 413, 414.
- Туманская, Ул. (Юл.) Гр. 227, 235, 290, 333, 343, 353, 386, 388, 396, 399.
- Туманскіе. 327, 393, 412.
- Туманскій. Ант. Ант. 412.
- Туманскій, Вас. Гр. 7, 411.
- Туманскій, Вас. Ив. 1—41, 43, 253, 258, 274, 282, 303, 309, 315, 321, 323, 327, 328, 329, 330—414.
- Туманскій, Влад. Ив. II, 1, 327, 399, 335.
- Туманскій, Мих. Ив. 258, 321, 335, 336, 390, 398.
- Туманскій, Мих. Оед. 397.
- Туманскій, Тимовой. 7.
- Туманскій, Оед. Ант. 392, 412.
- Тургеневъ, А. И. 345, 383.
- Тургеневъ, И. С. 383.
- Тюрень. 310.
- У
- Удомъ. 303.
- Уландъ. 116, 346.

- Ундина. 199.
- Урусова, княжна. 234.
- Урусова, Е. П., княгиня (Татищева). 387
- Урусова, С. Ал., княгиня. 387.
- Урусовъ, Ам. М. кн. 387.

Ф

- Фанни. 253.
- Фебъ. 65, 170.
- Федоровъ, Борисъ. 369.
- Федоръ Васильевичъ. 248.
- Фелица. 112.
- Фельдгеймъ, баронъ. 403.
- Фетъ. 34, 375.
- Филаретъ. 294.
- Фильдъ. 293.
- Фишеръ. 394.
- Флуки. 285.
- Fragoletto. 309, 396.
- Франколо. 408.
- Франкъ. 26.
- Фредерикъ. 113.

Х

- Халанскій. 362.
- Хвостовъ, графъ. 345.
- Херхеулидзеви, князь. 18, 270, 355, 391.
- Хомяковъ, А. С. 33.

Ц

- Цезарь. 49.
- Цертелевъ, Н. А., князь. 114, 346, 364.

Ч

- Ченерентола. 185.
- Черновъ, И. 371.
- Чернышева, графиня. 291.
- Чернышевъ, графъ. 295.
- Черняевъ, 355.
- Чижевичъ. 28, 352.
- Чичкинскій, кн. 33.

Ш

- Ш., Н. 327, 414.
- Шарлота. 37, 63, 331.
- Шатобрианъ. 287, 410.
- Шахматовъ, А. А.
- Шевыревъ, С. П. 302.
- Шенье, А. 166, 366.
- Шепелевъ. 290.
- Шервудъ-Вѣрный. 302, 395.
- Шиллеръ. 253.
- Шимо, Маріана. 406.
- Шихматовъ, С. А. кн. 253, 389.

Шишковъ, адмиралъ. 389.
Шубинскій, С. Н. 2.
Шуваловъ, А. П. гр. 394.

Щ

Щеголевъ, Е. П. 362.
Щербатовъ, князь. 277, 392.
Щербининъ. 392, 393.

Э

Эдлингъ, Р. С. 26.
Элизаръ. 405.
Элопза, Новая, 243, 249, 387, 388.
Эльвира. 222, 384.
Эмилъ. 387.

Эндиміонъ. 76, 124, 334.
Эрминія. 166.
Эротъ. 71, 92, 96.
Estelle. 267.

Ю

Юлинька (Туманская) 285.
Юлія (Туманская). 69, 73, 107, 235,
243, 244, 245, 247, 307, 308, 309, 333.

Я

Языковъ, адъютантъ. 303.
Языковъ. поэтъ. 33.
Я—ая, А. А. 331.
Яковлевъ, Мих. 331.
Якубовичъ. 33, 330, 331.
Яцимирскій, 19.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

	СТРАН.
Предисловіе	1— 2
Отъ редактора	3— 5
В. И. Туманскій. Біографическій очеркъ	7—41

I.

Стихотворенія В. И. Туманскаго.

1817.

Поле Бородинскаго сраженія	45
--------------------------------------	----

1818.

На новый годъ	50
Монастырь	50
Слабость	52
Тоска по родинѣ	54
Стихи вырѣзанные на корѣ вяза	54
Пѣсня (Юная фіалка...)	55
Пѣсни: 1) Земныя блага	56
2) Счастливый путь	56
3) Веселый часъ	57
4) Воспоминаніе	57
Къ друзьямъ дѣтства	58
Лауринъ источникъ	59
Надгробная пѣсня	60
Къ Алиѣ	61
Стансы къ другу	61

1819.

Вертеръ къ Шарлотѣ	63
Мадригалъ (Вы все имѣете)	63
Моя мысль	64
Шарады (Вамъ первое мое...)	64
Къ Агагону	65
Сонетъ (Осмѣлился тебѣ сонетъ я написать)	66
Романсъ (Прости, Иснель)	66
Элегія (Любовь есть жизни сладострастье)	67
Къ портрету Е. В. К—ой	68
Шарады (Начальное мое)	68
Къ портрету пригожей дѣвушки.	68
Что есть Амуръ?	69
Романсъ (Аслега, другъ преступной, но прекрасной!)	69
Судьба цвѣтовъ	70
Императрицѣ Маріи Ѳеодоровнѣ	71
Разговоръ	71
Къ Аделандѣ	72
Отзывъ сердца	72
Странное дѣло	73
Къ Юліи (Напрасно въ тишинѣ стараюсь)	73

1820.

Эпиграмма (Бѣда намъ!)	75
Признаніе стыдливаго любовника	75
Картина Жиродета	76

1821.

Истина	77
Эпиграмма (Его творенье скукой дышетъ)	77
Къ Деліи	77

1822.

Элегія (Почто несется скорби стонъ)	79
Пчелка	80
Къ портрету Е. М. К. (Дыша для радости)	81
Надпись на пристани, сдѣланной въ видѣ бесѣдки	81
Къ портрету Е. М. К. (При видѣ сладостномъ)	82
Пѣвецъ	82
Элегія (Напрасно тоскуешь)	83
Къ Арк. Вас. Кочубею	84
Е. М. К. (Снимая вѣрными чертами)	85
Къ брату изъ деревни	85
Гимнъ Богу	86
Къ брату-воину	87

	СТРАН.
Милой дѣвѣ (Твоею памятью, улыбкою твоею)	88
Юной прелестницѣ	88
На разлуку	89
Въ альбомѣ Софіи Гр. Туманской	90
Софѣ (Въ кругу приверженныхъ подругъ)	91
О себѣ	92
Софѣ (Прощай, живи безъ горя)	92
Софѣ (Приложенье къ письму больного поэта)	93
Къ сестрѣ (При посылкѣ ей сочиненій Жуковского)	93
Къ N. N. (Пусть откровенный вашъ поэтъ)	94
Къ Сидевиллю	96
Стансы къ Аркадію	97
Торжество поэта	98
Милой дѣвѣ (Другимъ судьба послала)	99
Видѣніе	99
Музы	100

1823.

Черная рѣчка	102
Больное дитя	104
Жалоба	104
Къ портрету N. N. (Благихъ законовъ врагъ)	105
Эпиграмма (Дитя пастушеской натуры)	105
Паденіе листьевъ	105
Юліи (Счастливой Юліи невѣстѣ)	107
Элегія (Недолго радость окрыляетъ)	107
Софѣ (Ты рождена быть образцомъ)	108
Милой дѣвѣ (Ты нѣжнымъ вздохомъ отвѣчала)	108
Май	110
Вѣкъ Елисаветы и Екатерины	111
Къ кн. Н. А. Цертелеву	114
Къ ней (Не цвѣта небснаго очи твои)	116
13 августа (Не винъ заморскихъ свѣтлымъ токомъ)	116
На память Маріи	117
Одесса	117
Воспоминаніе	118
Эпиграмма (Въ досадѣ на забвенье свѣта)	118
Зенеидѣ (Въ любезной рѣзвости своей)	118
Акростихъ (Самъ Зевсъ опредѣлилъ)	120
Эпиграмма (Зачѣмъ надъ Гильевымъ смѣешься ты)	121
Элегія (Какъ звонкое журчаніе Сашира)	121
А. А. К. (Я получилъ сей кошелекъ)	122
Желаніе	124
Женщины	124
Манцениль	124

Больной пѣвецъ	125
Постоянство	126
Греческая ода (Пѣснь греческаго война)	127

1824.

Двѣ звѣздочки	129
Болѣзнь	130
Дѣвушка—влюбленному поэту	131
Сашѣ Казначееву (Во время болѣзни)	132
Куплеты еврея	133
Къ Н... (Твой милый взоръ...)	135
Элегія (На скалы, на холмы глядѣть)	135
Моя любовь	136
Элегія (На грозномъ океанѣ свѣта)	137
Похвала вовремя	139
Шарады (Начальное мое въ Италіи одной)	139
Надписи къ портретамъ	140
Эпитафіи (Служилъ повѣрка)	140
Къ А. Ѳ. В. (Я хоть въ огонь для васъ готовъ)	141

1825.

Мольба	143
Къ С*** (При полученіи отъ нея въ подарокъ вышитыхъ цвѣтовъ)	143
Сонетъ (Не льстивыхъ словъ обдуманной отравой)	145
Элегія (Не озабоченъ жизнью я!)	145
Слеза	146
Post-scriptum 1825 года	147
Позсія (Въ приютѣ мудреца)	148
Н. Н. Б. (Въ кругу родныхъ, въ блаженномъ заточеньѣ)	149
Пѣсенка (Легкій, вешній вѣтерокъ)	149
На кончину Р (изничъ)	150
Сѣтованіе	150
Элегія (Не вѣдаетъ мудрецъ надменный)	153
Rensée (Посвящ. Гр. Е. П. П.)	154
Въ альбомѣ Н. Н. (Издавна женскіе альбомы)	155
Греція (Два сонета)	156
Пѣсня (Другъ веселій непзмѣнной)	157
Пѣсня татарской дѣвы	158

1826.

Пѣснь любви	160
Софіи (Когда въ задумчивости тайной)	162
Одесскимъ друзьямъ (Изъ деревни)	162
Глупцы	165
Къ портрету (Весьма забавный онъ разскащикъ)	165

Гондольеръ и поэтъ (Переводъ неизданныхъ стиховъ А. Шенье)	166
Отрывокъ (Таковъ я былъ, таковъ п буду я!)	166
Стансы. Къ Н. Н. (Когда подъ дѣвственнымъ порковомъ)	167

1827.

Гречанкѣ	169
Эпиграмма (Давно ли въ шелковыхъ чулкахъ)	171
Сонетъ (Она прошла, моя весна золотая)	171
Поэзія (Ея гармонія святая)	172
На память Веневетинова	172
Прекраснымъ глазамъ	173
Эпитафія (Одну зарю пережила)	174
Пьянство	174
Н. Н. (Ты измѣнилъ, мой милый намъ).	174
Эпитафія И. П. А.	174
Младость	175
Кольцо	175

1828.

Идеаль	177
Три цвѣта	178
Къ Лунѣ	179
Пѣсня (Не стѣсняйте стономъ грудь)	180
Ободреніе (Изъ Гельти)	181
Стансы юной дѣвѣ	182

1829.

Спаси меня	184
Ченерентола	185
Портретъ (Она какъ пальма величава)	186
Романсъ (Когда все пируеть)	186
Пѣснь чернаго витязя	187

1830.

Имя милое Россіи	189
Пѣвца	190
Судьба	190
Мысль о Югѣ	191
Стансы (Ни думъ благихъ, ни звуковъ вѣжныхъ)	192
Мысль о Сѣверѣ	193
Звено	194

1832.

Приглашеніе	195
Дубъ и роза	195
Отроковицѣ	196

	СТРАН.
1833.	
Strand-weg. (Береговая дорога отъ Мемеля до Кенигсберга)	197
Элегія (Туда, туда, гдѣ нѣтъ снѣговъ)	200
Двѣ пѣсни (1. Размолвка.—2. Примиреніе).	201
1834.	
Поэту	204
Дубъ говорить (Смотрите, виноградъ вокругъ меня какъ вьется)	204
Неаполь, прощай	205
1836.	
Дѣва	207
Домъ на Босфорѣ	208
1838.	
Отрады недуга	210
Люди и судьба	211
1839.	
Жалоба	212
1841.	
Сонетъ (Пусть люди отнимутъ мое достоянье)	214

II.

Стихотворенія и отрывки неизвѣстныхъ годовъ.

Пѣсня (Посвящена А. О. Смирновой)	217
Могила	218
Пѣвецъ (Вино и пѣсни любить младость)	219
Эпиграммы (Взгляните, какъ умно Артюрь)	220
Счастливая смерть	221
Пѣснь въ честь Марка Бодариса, Лорда Байрона и Каралскари, героевъ умершихъ за свободу Греціи	221
Отрывокъ (Отходить корабль отъ родныхъ береговъ)	222
Людмила и Эльвира	222

III.

Письма В. И. Туманскаго.

1. С. Г. Туманской (1821 г.)	227
2. С. Г. Туманской (1821 г.)	229
3. С. Г. Туманской (1821 г.)	230
4. С. Г. Туманской (19 октября 1822 г.)	232

	СТРАН.
5. С. Г. Туманской (20 декабря 1822 г.)	235
6. С. Г. Туманской (26 декабря 1822 г.)	237
7. С. Г. Туманской (7 января 1823 г.)	239
8. С. Г. Туманской (25 января 1823 г.)	240
9. С. Г. Туманской (12 марта 1823 г.)	242
10. С. Г. Туманской (17 апрѣля 1823 г.)	245
11. С. Г. Туманской (3 мая 1823 г.)	247
12. С. Г. Туманской 10 мая 1823 г.)	249
13. С. Г. Туманской (29 мая 1823 г.)	250
14. В. К. Кюхельбекеру (11 декабря 1823 г.)	252
15. С. Г. Туманской (22 декабря 1823 г.)	253
16. С. Г. Туманской (16 января 1824 г.)	255
17. С. Г. Туманской (1 марта 1824 г.)	258
18. С. Г. Туманской (3 мая 1824 г.)	260
19. С. Г. Туманской (28 июня 1824 г.)	264
20. С. Г. Туманской (1 октября 1824 г.)	265
21. С. Г. Туманской (24 октября 1824 г.)	267
22. С. Г. Туманской (15 ноября 1824 г.)	268
23. С. Г. Туманской (5 декабря 1824 г.)	270
24. С. Г. Туманской (27 декабря 1824 г.)	273
25. О. Г. Булгарину (1824 г.)	274
26. С. Г. Туманской (3 января 1825 г.)	275
27. С. Г. Туманской (17 января 1825 г.)	277
28. С. Г. Туманской (10 марта 1825 г.)	277
29. С. Г. Туманской (2 мая 1825 г.)	279
30. С. Г. Туманской (26 мая 1825 г.)	280
31. А. А. Бестужеву (5 июня 1825 г.)	282
32. С. Г. Туманской (3 июля 1825 г.)	282
33. С. Г. Туманской (15 августа 1825 г.)	283
34. С. Г. Туманской (27 сентября 1825 г.)	284
35. С. Г. Туманской (5 декабря 1825 г.)	286
36. С. Г. Туманской (16 декабря 1825 г.)	287
37. С. Г. Туманской (13 января 1826 г.)	287
38. С. Г. Туманской (13 марта 1826 г.)	288
39. С. Г. Туманской (1826 г.)	289
40. С. Г. Туманской (29 августа 1826 г.)	290
41. С. Г. Туманской (10 августа 1826 г.)	292
42. С. Г. Туманской (14 августа 1826 г.)	292
43. С. Г. Туманской (24 августа 1826 г.)	294
44. С. Г. Туманской (7 сентября 1826 г.)	296
45. С. Г. Туманской (10 ноября 1826 г.)	297
46. С. Г. Туманской (28 ноября 1826 г.)	298
47. С. Г. Туманской (31 декабря 1826 г.)	300
48. А. С. Пушкину (2 марта 1827 г.)	301
49. С. Г. Туманской (1 апрѣля 1827 г.)	303
50. А. С. Пушкину (12 апрѣля 1827 г.)	304

50. А. С. Пушкину (20 апрѣля 1827 г.)	306
52. М. П. Погодину (апрѣль 1827 г.)	306
53. С. Г. Туманской (14 мая 1827 г.)	307
54. С. Г. Туманской (8 іюля 1827 г.)	308
55. С. Г. Туманской (5 августа 1830 г.)	309
56. С. Г. Туманской (16 марта 1831 г.)	310
57. С. Г. Туманской (30 мая 1827 г.)	311
58. С. Г. Туманской (28 іюля 1831 г.)	312
59. С. Г. Туманской (14 октября 1831 г.)	316
60. С. Г. Туманской (25 декабря 1831 г.)	318
61. С. Г. Туманской (1834 г.)	319
62. С. Г. Туманской-Милорадовичъ (12 октября 1845 г.)	320
63. А. Ф. фонъ-деръ Бригену (11 апрѣля 1849 г.)	321
64. С. Г. Туманской-Милорадовичъ (26 апрѣля 1850 г.)	321
65. М. А. Туманской (30 іюля 1852 г.)	322
66. С. Г. Туманской (?)	323

IV.

Приложенія.

1. Нѣсколько словъ о рукописяхъ В. И. Туманскаго	327
2. Примѣчанія къ стихотвореніямъ	329
3. Примѣчанія къ письмамъ	386
4. Нѣсколько словъ о прозаическихъ сочиненіяхъ и переводахъ В. И. Туманскаго	401
5. Краткій обзоръ литературы о В. И. Туманскомъ	411
6. Алфавитный списокъ стихотвореній (по заглавіямъ)	417
7. Указатель именъ	420

V.

Портреты и факсимиле.

1. В. И. Туманскій въ 1859 г.
2. Домъ В. И. Туманскаго въ с. Апанасовкѣ, Полтавской губ., Гадячскаго уѣзда, гдѣ онъ умеръ 23 марта 1860 г.
3. Памятникъ на могилѣ В. И. Туманскаго въ с. Апанасовкѣ.
4. Факсимиле стихотворенія Туманскаго.